

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ»

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
И ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

**Сборник статей конференции,
посвященной памяти профессора В. М. Курицына**

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
2020

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2020
ISBN 978-5-9694-0904-0

Рецензенты:

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
кандидат юридических наук **Н. А. Рязанова**;
старший оперуполномоченный по особо важным делам НЦБ Интерпола
МВД России кандидат юридических наук **А. А. Солуков**

Правовая культура и правовая идеология российского общества :
П68 сборник статей конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. – 308 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования : СUP 1,5 ГЦ ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.
ISBN 978-5-9694-0904-0

Научное издание предназначено для кандидатов и докторов юридических наук различных специальностей, преподавателей вузов, докторантов, аспирантов, адъюнктов, практикующих специалистов, студентов учебных заведений, а также всех, проявляющих интерес к рассматриваемым проблемам с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: СUP 1,5 ГЦ; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

Номер государственной регистрации
обязательного федерального экземпляра электронного издания – 0000000000

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Корректор *Титова В. П.*
Компьютерная верстка *Кухарева Е. А.*

Подписано к изданию 08.06.2020
Объем издания: 993 Кб
1 электронный оптический диск CD-R

ISBN 978-5-9694-0904-0

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
<http://www.mosu.mvd.ru>, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Малахов В. П.</i> Об уместности диалектики в юридической науке	9
<i>Сырых В. М.</i> Формационный и цивилизационный подходы: кто из них правовой науке более ценен	13
<i>Радько Т. Н.</i> Диалектика взаимосвязи советской правовой системы и правовой системы современной России	17
<i>Панченко В. Ю.</i> Диалектика общего и особенного в понятии права	21
<i>Ефременко Е. М.</i> Принцип верховенства права в гражданско-правовом регулировании общественных отношений: значение и особенности реализации	24
<i>Барзилова И. С.</i> Роль диалектической методологии в теоретико-правовых исследованиях	33
<i>Клименко А. И.</i> Классовая теория права в современных реалиях: национальное и международное право	36
<i>Пожарский Д. В.</i> Социалистическое государство: назад в будущее	40
<i>Гончаров И. В.</i> Развитие конституционного права в условиях глобализации современного мира	45
<i>Эриашвили Н. Д.</i> О генезисе федерализма в Российской Федерации.....	48
<i>Лановая Г. М.</i> Проблемы применения диалектики в теоретико-правовых исследованиях современного права.....	52
<i>Медушевская Н. Ф.</i> Парадигмальные понятия способа юридического мышления современной эпохи	56
<i>Никитин А. Н., Никитина М. А.</i> История государства российского в контексте исторического материализма, цивилизационного подхода и диалектики	63
<i>Сигалов К. Е.</i> Историки периода реставрации: значение для марксизма.....	68
<i>Михайлова Н. В., Гостев С. С.</i> Становление и эволюция идеи о праве на самоопределение и его реализации.....	73

<i>Михайлова Н. В.</i> К вопросу о периодизации революционных событий начала XX в. в России: историко-правовой аспект	76
<i>Сулима И. И.</i> Категория «связь»: диалектический подход в праве	80
<i>Богатчикова К. С., Востриков С. В.</i> Материальные и историко-правовые аспекты трансформации науки в постсоветской России	83
<i>Удальцов А. А., Бредихин А. Л.</i> Идеологические предпосылки образования русского централизованного государства	87
<i>Иванченко Ю. А.</i> Организация политического сыска в системе Министерства полиции в Российской империи	90
<i>Мецгер А. А.</i> Система гарантий прав граждан в Российской Федерации	96
<i>Салтыков К. Г.</i> Диалектика юридического языка.....	101
<i>Воропаев Д. А.</i> Эвристический потенциал диалектического метода познания правовой действительности.....	104
<i>Галузо В. Н.</i> О роли экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации	109
<i>Денисенко В. В.</i> Материализм в условиях общества и права постмодерна	114
<i>Правкин И. В.</i> Правоохранительная политика современного российского государства	119
<i>Мельник Е. В.</i> Роль МВД Российской империи в осуществлении контроля за миграцией населения	124
<i>Яцкова А. П.</i> Взаимоотношения высших органов государственной власти по основным государственным законам российской империи 23 апреля 1906 г.	133
<i>Хаминский Я. М.</i> Вопросы международного противодействия противоправной активности мигрантов.....	139
<i>Гарашко А. Ю.</i> Особенности проявления самоорганизации как свойства системы общественного права	142

<i>Зыкова С. В.</i> Влияние рецепции византийского канонического права на российскую правовую культуру	146
<i>Журов А. Н.</i> Городская полиция Российской империи: становление и развитие в XVIII – первой половине XIX вв.	149
<i>Феднева Н. Л.</i> Концепция первобытной монокормы: к историографии вопроса в свете преподавания историко-правовых дисциплин.....	154
<i>Матанцев Д. А.</i> Аксиологический подход к праву: материализм vs идеализм	161
<i>Барсукова В. Н.</i> Отдельные особенности применения пресечения нарушений против чести и достоинства человека как способа их защиты.....	166
<i>Васечко А. А.</i> Диалектическая основа международного права	170
<i>Сидоров С. Г., Бараковских С. А.</i> Юридическая деонтология как фактор повышения качества образования и воспитания будущего юриста	174
<i>Алексеева Л. А.</i> Трансформация демократии в контексте исторического материализма	179
<i>Беляева О. В.</i> Развитие социального государства в России: в историческом и современном аспекте	183
<i>Чувальникова А. С.</i> Закономерности концептуализации правовых понятий в контексте диалектики.....	187
<i>Абдрахманов А. И.</i> Отражение становления НКВД РСФСР в материалах советского периода (на примере юга России).....	191
<i>Мамонтов А. Г.</i> Противоречивость идейных и материальных начал реформы следствия во второй половине XIX в. в России	194
<i>Правкина И. Н.</i> Возможности диалектической методологии в исследовании проблемы правовых стратегий	201
<i>Левкина Е. С.</i> Ответственность полиции за неправомерные действия в российской империи во второй половине XIX в.....	206

<i>Войде Е. Г.</i> Особенности деятельности НКВД РСФСР 1921–1928 годов в условиях новой экономической политики.....	210
<i>Красиков Е. А.</i> Диалектические основы единства правовых, политических и нравственных принципов взаимосвязи демократии и дисциплины	215
<i>Сергеева И. В.</i> Значение исторического материализма для поиска правовой природы моделей конструкций партикулярных правовых систем священной Римской империи германской нации	221
<i>Раков К. А.</i> Правопорядок в контексте исторического материализма.....	224
<i>Чикалов О. В.</i> К вопросу о формировании модели типологии профессионального правового сознания	227
<i>Шумилов А. Н.</i> Имидж правоприменения в контексте диалектического метода познания.....	230
<i>Попов В. И.</i> Диалектика связи государства и гражданского общества	235
<i>Ахвердян А. Г.</i> Исторический материализм как субстрат правовых обязанностей человека и гражданина	238
<i>Антохина М. Е.</i> Государственно-правовая политика Российской империи в области высшего образования во второй половине XIX в.	241
<i>Бобылева М. Н.</i> Историко-правовой аспект охраны права на товарный знак в СССР	243
<i>Колосов И. В.</i> Общность политико-правовых идей марксизма и социального утилитаризма.....	247
<i>Мальшева Н. А.</i> Диалектика частных и публичных интересов в гражданском праве	250
<i>Хабарин О. М.</i> Героизация в странах прибалтики и на Украине вооруженных националистических формирований как попытка фальсификации истории Великой Отечественной войны.....	253

<i>Юнева В. А., Бондарь Е. О.</i> Философское учение Гегеля о государстве	258
<i>Синеоков Д. В.</i> Значение диалектического мышления в деятельности органов предварительного расследования.....	261
<i>Яцкова А. П., Алешин П. И.</i> Взгляды российских общественных деятелей на антигосударственную деятельность в Российской империи во второй половине XIX в.	264
<i>Шитов Г. А.</i> Принципы диалектической методологии в развитии представлений о систематизации законодательства	268
<i>Летникова П. В.</i> Развитие института сенатских ревизий при Екатерине II.....	272
<i>Абрамов А. В.</i> Диалектика связи правового и морального сознания в профессиональном сознании сотрудников полиции	274
<i>Жеребцова Е. Н.</i> Исторический материализм и воспитательная функция права	278
<i>Школа О. В.</i> Субъектная характеристика интегративного правопорядка в системе современных общественных отношений	280
<i>Костиков К. Н., Феоктистова А. А.</i> Организационно-правовые основы борьбы с киберпреступностью в отношении несовершеннолетних.....	284
<i>Максимлюк А. А.</i> Исторический материализм в теоретико-правовых исследованиях	287
<i>Алексаночкина И. О.</i> Особенности детерминизма феномена права.....	291
<i>Чевдарь А. Р.</i> Механизм правового принуждения в контексте диалектического метода познания.....	294
<i>Кук Н. А.</i> Теория правонарушения в контексте диалектического материализма и идеализма...	298
<i>Раков Д. А.</i> Потенциал исторического материализма и диалектики в системе методов гражданско-правовых исследований	303
<i>Парадников П. А.</i> Материалистический подход к праву как системе ценностей.....	305
<i>Климова К. А.</i> Особенности и деформация правосознания сотрудников ОВД	307

Малахов В. П.¹,

профессор кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, профессор

ОБ УМЕСТНОСТИ ДИАЛЕКТИКИ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Указание на диалектику как на метод исследования проблематики юридической науки является, так сказать, общим местом и свидетельством «хорошего тона», присущего ученому. Анализ же работ, которые, как считают их авторы, возвращены на диалектике постижения смысла и содержания исследуемых явлений, процессов, состояний и т. д., свидетельствуют об ином: диалектика в организации этих исследований фактически отсутствует. И причин этого, по крайней мере, две: непонимание того, что такое диалектика, и попытки использовать ее в уверенности, что эта методология срабатывает независимо от того, каковы исследуемые конкретные проблемы.

Возможно ли использовать диалектику в юридической науке и если да, то в каких пределах и для решения каких именно проблем – основной вопрос, ответ на который должна дать данная статья.

Первым делом следует выяснить о возможной уместности какой диалектики обычно идет речь в юридической литературе.

Диалектика как способ мышления известна очень давно, по крайней мере, со времен Древней Греции. С тех времен на первоначальное значение понятия диалектики наверчено многое, что совершенно размыло смысл феномена диалектики.

Диалектика представляет собой сегодня концепт, содержащий весьма разнородные смыслы. При этом своеобразным «архетипом» является отсутствие строгой и очевидной определенности в ее понимании, а именно, недопонимание мысли о предмете и предмета мысли. И возникающая (или исходная) нечеткость мышления оценивается уже как диалектика.

Как следствие, диалектика стала представлять всеобъемлющим единством методологии, логики и теории познания.

Однако на самом деле признание диалектики концептом не позволяет еще приносить в его содержание какое угодно значение.

Нет диалектики вообще, она всегда имеет определенную форму. Наиболее существенными, этапными представляются ее четыре формы, которые условно обозначим как гераклитовская, сократовская, гегелевская и марксистская.

Гераклитовская диалектика построена на непосредственности понимания, основанного на интуиции, на сакральности предмета мысли. Она выражает стихию мышления, «спущенного с рационального поводка».

¹ © Малахов В. П., 2020.

Сократовская диалектика опирается на самопротиворечивость идей, мышление которых позволяет находить должную интеллектуально-духовную позицию в мысли о предмете.

Гегелевская диалектика представляет собой саморазвертывание содержания категорий (смысловых единиц, содержащих мысль об универсальных свойствах реального и идеального) посредством системной связанности с другими категориями.

Марксистская диалектика выросла из гегелевской, но если для Г. В. Ф. Гегеля содержанием понятия являлось содержание мышления о нем, то у К. Маркса это элементы объективной реальности, значимые в контексте идеи развития. Она – не саморазвертывание категорий, а демонстрация объективных процессов в природе и обществе, их источника, механизма и направленности.

Здесь всякое изменение искушает видением в нем диалектики. И это искушение, под видом популяризации и наделения доходчивостью, состоялось и привело на самом деле к вульгаризации диалектики [11]. Именно в такой форме диалектика и прижилась в советских и постсоветских отечественных работах юридической направленности, породив обильную псевдодиалектическую говорильню. Адепты и пропагандисты такой диалектики хорошо известны [9; 10].

В невульгаризированном виде диалектика представляет собой следующее.

Во-первых, общим для всех форм диалектики является мышление предельными (для каждого времени, эпохи, конечно) смысловыми единицами, позволяющими судить одновременно обо всем, делать своим предметом целое. Эти предельные смысловые единицы – категории и идеи. То есть диалектика связана не просто с мышлением, а с мышлением категориальным, мышлением идеями [7, с. 30–35].

Во-вторых, диалектика – логика рефлексивного, рационально-иррационального мышления (чего лишена, к слову, наука).

В-третьих, диалектика сфокусирована на противоречиях в мышлении. Все остальное – неадекватное расширительное толкование понятия диалектики.

Противоречие заложено в любом понятии. Как известно, формально-логическое содержание понятия основано на взаимосовместимости существенных признаков, т. е. отрицании противоречивости мысли о предмете, а потому все иные моменты содержания отбрасываются, иначе определенности мышления не получается. Этот принцип достижения определенности мысли – необходимое условие формально-логического мышления, вообще делающее его возможным. Но при таком условии любое понятие всегда является ограниченным, а углубление его содержание – бесконечным процессом.

Если же предметом оказывается именно целостность содержания мысли о предмете, тогда содержательные противоречия становятся необходимыми и главными. Здесь формальная логика должна быть если не заменена, то подкреплена диалектической. Диалектика – философская методология, поскольку снятие противоречий осуществляется не в отдельной ситуации (споре, дискус-

сии и т. д.), а в масштабе целого. Сократовская диалектика утыкала в неразрешимость противоречий, поскольку была замкнута на споре о частном.

К. Маркс придал противоречию онтологический смысл, и противоречия стали обнаруживаться где угодно и в чем угодно как атрибут отношений.

Однако важны не столько противоречия между моментами действительности, свойствами, отношениями и т. п., сколько самопротиворечивость любого явления, феномена. Так, противоречия между обществом и государством существуют в силу, прежде всего, самопротиворечивости как государства, так и общества.

В-четвертых, диалектика – сложное искусство соблюдения меры в мышлении, а не просто искусство возражения, мышления «наперекор». «Перпендикулярное» (парадоксальное) мышление как разновидность пользования диалектикой – не самоцель и не способ разрешения проблемы, а лишь провокация мышления, выдергивание его из шаблонных форм и креативизация.

В-пятых, диалектика должна вести к пониманию, а не к знанию [6, с. 6–11]. Понимание остается важным и ценным именно в условиях неопределенности, неоднозначности, знание возможно только в условиях определенности и хотя бы временной однозначности. Эти последние свойства характеризуют действительность как настоящее, существующее здесь и сейчас.

Юридическая наука не нуждается в диалектике по ряду причин.

Во-первых, науке вообще категориальное мышление и мышление идеями принципиально не свойственно. Само слово «категория», например, в юридической науке обозначает лишь мысль о некотором классе, предметном множестве (категория норм, правонарушений и т. п.); это явно переносный смысл категории как единицы мышления.

Во-вторых, наука всегда связана с решением коренной проблемы – достижения определенности как понятийного аппарата, так и логических конструкций мысли. Юридическая наука не может и не должна отвлекаться от определенности [3].

В-третьих, поскольку диалектика в ее употребляемом наукой смысле связывается только с одним аспектом (предметом интереса) – развитием, его характером, постольку она носит в лучшем случае ограниченный характер. Ни юридическое право, ни государство по их природе органичными системами не являются и потому развитию не подлежат. Не следует путать диалектику с анализом изменений (в любой форме, естественной или неестественной), не путать развитие с совершенствованием, улучшениями, усложнениями и т. п.

В любом случае, как бы ни толковать понятие диалектики и возможности ее как метода, она привносит в юридическую науку в значительной мере тенденциозность [6, с. 42–48].

Догма, в силу ее нацеленности на применение, на практику, может создавать иллюзию диалектики познания, хотя и не претендует на диалектику [8].

В-четвертых, вкрапления социологии и истории (концентрация на исторической изменчивости права, его элементов и т. д.) в юридическую теорию не означают, что вместе с ней тем самым приходит диалектика.

Диалектика вне философии – лишь один из методов, имеющий смысл только в сочетании с другими методами, при том, метод не определяющий и не характерный.

В философии права диалектика всеохватывающа; философия и есть диалектика мышления. Только если правовая теория есть философия права, тогда диалектика для нее уместна, органична и необходима. Конечно, трудно назвать работы, например, С. С. Алексеева, Д. А. Керимова, В. С. Нерсесянца, в определенной степени А. М. Васильева [1; 2; 4; 5] и многих других, относящих себя к философам права, в строгом смысле слова философскими, но ценна сама по себе попытка ученых обозначить свои позиции как философско-правовые.

При отделении юридической теории от философии диалектика становится не только данью моде, но и пригодна разве что своеобразно компенсировать распространенное эмпирическое, картиночное, несистемное (хаотичное) мышление, мешающее полноценному пользованию даже обычной, формальной логикой.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Философия права. М., 1997.
2. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976.
3. Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности : курс лекций. М., 2016.
4. Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2008.
5. Нерсесянц В. С. Философия права. М., 1997.
6. Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М., 2018.
7. Малахов В. П. Философия права. М., 2007.
8. Муромцев С. А. Что такое догма права? М., 1885.
9. Сырых В. М. Материалистическая теория права. М., 2011.
10. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.
11. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е. изд. Т. 20. М., 1961.

Сырых В. М.¹,

главный научный сотрудник Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор

ФОРМАЦИОННЫЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОДЫ: КТО ИЗ НИХ ПРАВОВОЙ НАУКЕ БОЛЕЕ ЦЕНЕН

В современной российской юридической литературе формационный и цивилизационный подходы нередко рассматриваются в качестве равноценных и равнозначных способов типологии государства и права в их историческом и современном ставшем состоянии. При этом отмечается, что высокий научный потенциал цивилизационного метода пока что в правоведении остается не до конца познанным и раскрытым. Между тем, по мнению В. В. Оксамытного, подход «дает возможность представить и составить разнообразие государственно-правовых систем на основе многофакторных критериев» [3, с. 103; 1, с. 107].

По нашему мнению, цивилизационный подход все же не обладает высоким научным потенциалом, позволяющим ему на равных конкурировать с формационным подходом, разработанным К. Марксом и Ф. Энгельсом в качестве генерализирующей основы человеческого общества на протяжении всей его истории возникновения, развития и дальнейшего прогрессивного функционирования.

Цивилизационный подход, ориентированный на понимание цивилизации как своеобразной устойчивой культуры общества, обусловленной всей совокупностью составляющих это общество компонентов и отличной от других цивилизаций-культур, не содержит четких, устойчивых критериев, позволяющих достоверно признавать то или иное общественное образование в качестве самостоятельного типа культуры. Современные классификации типов культур-цивилизаций неизменно содержат налет субъективных воззрений их авторов; представляют собой результат оригинального обобщения многообразия конкретных исторических и современных форм общества сообразно выделенным автором логических конструкций без опоры на законы социального развития.

Формационный подход объективирует диалектику перехода одной общественно-экономической формации к другой, осуществляемой по объективным закономерностям путем ниспровержения устаревших производственных отношений и установления новых, соответствующих уровню в развитии производительных сил. Революционные изменения базиса влекут за собой качественные преобразования всей надстройки. Последовательная смена четырех классовых общественно-экономических формаций объективно определяет логику развития государства и права и основные этапы этого развития. Рабовладельческой, феодальной, буржуазной и социалистической общественно-экономической

¹ © Сырых В. М., 2020.

формациям соответствуют рабовладельческий, феодальный, буржуазный и социалистический типы государства и права.

Переход от одного исторического типа государства и права к другому совершается в ходе социальной революции, представляющей, по мнению основоположников марксизма, необходимый этап в развитии общества. Объективной основой социальной революции выступает требующий разрешения конфликт между уровнем развития производительных сил и не соответствующими ему, устаревшими отношениями.

Изложенная схема диалектического самодвижения, саморазвития общества в общем и целом определяет динамику исторического развития государства и права во всех их закономерных связях и отношениях, выступает объективным основанием их непосредственного содержания и сущности. Как отмечал К. Маркс, «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [4, т. 19, с. 19]. В то же время классики марксизма не успели раскрыть механизм взаимосвязи, обусловленности права и государства соответствующим базисом общества и их воздействия на экономические процессы общества.

Попытка советских правоведов механически соединить позитивистскую доктрину права с формационным подходом марксистской доктрины завершилась «причесыванием» под марксизм некоторых положений позитивистской доктрины, но с сохранением позитивистской трактовки права как воли господствующего класса, возведенной в закон. По настоящее время большинство российских правоведов полагают, что именно в этой формулировке выражается суть марксистского материалистического правопонимания. Но сторонники такого понимания марксизма не дают себе труда вчитаться внимательно в соответствующее положение «Манифеста коммунистической партии» и понять, что этим положением не определяется, а отрицается наличие в буржуазном обществе действительного права, вместо права действует его превращенная форма в виде воли господствующего класса возведенной в закон [4, т. 4, с. 443].

Невозможно совместить позитивистскую, равно как и либертарную теории права, основанные на метафизическом, одностороннем представлении о права как системе источников, исходящих от государства, с доктриной общественно-экономических формаций, в которой право предстает в иной ипостаси как форма экономических отношений, которая носит объективный характер и действует независимо от воли законодателя, или иных действующих в обществе субъектов. К. Маркс показал, что всеобщую сущность правовой формы экономических отношений составляют принципы, равенства, свободы воли, взаимодействия, эквивалентности, всеобщности и юридической ответственности, а содержание правоотношения в виде совокупности прав и обязанностей, соответствующих названным принципам, закрепляется в форме договора [4, т. 46, ч. 1, с. 188–191]. На более поздних стадиях развития общества другой

формой права становится обычай, а затем закон, иной нормативный правовой акт, исходящий от государства, или санкционирующий обычай.

Между правом, определяемым позитивистской доктриной как совокупность письменных документов, закрепляющих волю государства, и формационным пониманием общества существует непреодолимое противоречие. Формация представляет собой живой, развивающийся организм взаимодействующих между собой индивидов, общественных организаций и государственных органов, это сама непосредственная реальная жизнь, состоящая из действий и поступков. Согласно позитивистской доктрине, право существует в виде абстрактного перечня велений, требований, предъявляемых к членам общества, т. е. уподобляется засушенному букету цветов, явно контрастирующему с цветущим и благоухающим миром растений.

Комплексное применение формационной доктрины в правовой науке может быть обеспечено только в рамках материалистической теории права, интерпретирующей право как единство его трех органично взаимосвязанных форм: позитивного права, индивидуального права и конкретного права.

Согласно материалистической доктрине, позитивное право, как известно, действует постольку, поскольку оно воплощается в конкретных правоотношениях. Однако процессам формированию правоотношений предшествует стадия формирования индивидуального права.

Позитивистская доктрина категорически протестует против всяких попыток признать индивидуальное право в качестве самостоятельной формы права и не признает психологической теории Л. И. Петражицкого, его последователей, философии права Гегеля, обосновывающих реальность такого права [2]. Между тем индивидуальное право как совокупность правил, принципов позитивного права, морали, разделяемых действующим субъектом, представляет собой реально действующий правовой феномен, определяющих правовую позицию индивидов при вступлении в конкретные правоотношения. Ибо силой, заставляющей субъектов вступать в конкретные правоотношения, чаще всего выступает не действующее право, а его потребности в соответствующих материальных и духовных благах. При этом субъект заранее формулирует свои правовые притязания на соответствующие блага, преследуя в первую очередь цели минимизации своих расходов.

Совокупность правил позитивного права, обычаев, морали, которые разделяет индивид и испытывает готовность реализовать в конкретных правоотношениях, по нашему мнению, составляет индивидуальное право, которое у каждого сущего человека имеет собственное оригинальное содержание. Возможный эгоизм индивидуального права не должен особенно беспокоить теоретиков права. При вступлении в конкретное правоотношение происходит взаимное согласование правовых позиций субъектов, а согласованная ими совокупность права и обязанностей, закрепленных в договоре, представляет собой третью форму права – конкретное право. Коль скоро в непосредственной жизни

реализуется только конкретное право, то именно оно, а не позитивное право является непосредственным, реально действующим компонентом общественно-экономической формации. В то же время следует учитывать, что конкретное право является действительным правом при условии, что его содержание соответствует всем принципам права, присущим правовой форме обмена, как исторически первого экономического отношения.

Разработка диалектики взаимодействия форм права, призванных обеспечить реальное действие объективного права с учетом их взаимосвязи с другими компонентами общественно-экономической формации составляет первостепенную задачу российских правоведов, всерьез желающих заменить устаревшую и замшелую позитивистскую доктрину на современную доктрину материалистического права.

Список литературы:

1. Власова В. И., Власова Г. Б. Теория государства и права. Ростов н/Д, 2012.
2. Малахов В. П., Мамонтов А. Г., Клименко А. И., Лановая Г. М., Сидорова Е. В. История и методология юридической науки. М., 2013.
3. Оксамытний В. В. Общая теория государства и права. М., 2011.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. М., 1961.

Радько Т. Н.¹,

*профессор кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук, профессор*

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ СОВЕТСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ И ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Взаимосвязь правовых систем советского периода и современной России логично рассматривать как с точки зрения формальной логики, так и руководствуясь положениями логики диалектической.

Правовая система – это совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных правовых явлений, посредством которых осуществляется целенаправленное воздействие на поведение субъектов права.

Под это определение подпадают и советская правовая система, и правовая система современной России. Вот налицо – сила научных выводов и определений. С позиций формальной логики структура советской правовой системы и структура правовой системы России совпадают, они почти идентичны. Да и трудно представить, чтобы это было по-другому. Ведь правовая система России во многом «выросла» из советской правовой системы. Что представляла из себя структура советской правовой системы?

Это право, законодательство, правопорядок, правовое сознание, правовая культура, правовые отношения, юридическая практика. Эти элементы полностью сохранились и перешли в правовую систему России. Основным источником права как в советской, так и в современной российской правовой системе являются нормативные правовые акты. Имеются и другие формальные сходства. А вот по содержанию в этих системах имеются серьезные различия.

В структуре правовой системы России появляются частное и публичное право, не было в советской правовой системе и института Президента с его обширными полномочиями, как это имеет место в современной российской правовой системе. Согласно действующей Конституции Российской Федерации местное самоуправление выведено за рамки механизма государства, оно было поставлено в условия функционирования по принципу «дело спасения утопающих – дело рук самих утопающих», к чему оно было совершенно не готово по причинам экономическим и психологическим.

В российской правовой системе появились названия новых видов законов: федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов федерации, законы о поправках к Конституции.

Высшие законодательные органы власти страны стали называться по-другому – Федеральное Собрание – парламент, состоящий из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы, были закреплены – разделение властей, правовое и социальное государство, фактически запрещена государственная идеология и т. д.

¹ © Радько Т. Н., 2020.

Если продолжать сравнение, то можно обнаружить и недостатки в российской правовой системе по сравнению с советской. Это в первую очередь касается гарантий социальных прав. Здесь Конституция Российской Федерации заметно уступает Конституции СССР 1977 года. В этом не трудно убедиться, сравнив соответствующие статьи этих конституций, например, статьи о праве на труд, на отдых, на образование, на медицинское обеспечение и др.

Особенности современной российской правовой системы.

Рассматривая особенности современной российской правовой системы в сравнении с советской, мы руководствуемся бесспорным предположением (презумпцией), что в истории правового развития человеческой цивилизации никогда не было абсолютно одинаковых правовых систем у двух (или более) государств. Причин здесь несколько. У каждого государства своя собственная уникальная история возникновения; каждое государство развивалось в только ему присущих социально-экономических и политических условиях; каждое государство имеет свои национальные особенности – менталитет, язык, традиции, обычаи и т. д. Поэтому появление идентичных правовых систем даже у соседних государств – явление физически невозможное. Разумеется, общие черты у них имеются. Поэтому в науке и различаются правовые семьи на основе общих исторических судеб, единства источников права, сходства правовых культур и т. д. Но это именно общие, а не индивидуальные черты, в которых проявляются отличительные особенности каждой национальной, внутригосударственной правовой системы. Поэтому вполне естественным и понятным, пишет профессор М. Н. Марченко, является то, что при наличии общих для всех правовых систем признаков и черт имеют место свои собственные, неповторимые признаки и черты, так же как и свои особые проблемы [4, с. 65].

Нельзя не согласиться с профессором В. Н. Синюковым в том, что российская правовая система не вмещается в идеологические, логические, культурно-исторические рамки романо-германской правовой семьи. Она относится к самостоятельному типу культурной организации, у нее своя ментальность, свои моральные и социальные институты, собственный тип экономического, государственно-правового уклада, трудовой этики [5, с. 13, 15].

С такой оценкой правовой системы России практически согласен В. П. Малахов, который пишет, что российская система обладает более глубоким отличием от континентальной системы, чем это обычно кажется [3, с. 322].

Российская правовая система действительно оригинальная система, у нее собственная, не похожая ни на какую другую систему история возникновения и развития. Какая правовая система имеет советский опыт во всей его исторической полноте, с его положительными и негативными факторами?

Был у нее революционный и послереволюционный, застойный и перестроечный опыт, революционное и постреволюционное правосознание соответственно законодательство и правопорядок; у нее было пять конституций за семьдесят лет. Трудно найти аналогичную историю, когда частное право то отменялось, не призналось, то вновь признавалось.

Правовая система России имеет многовековую историю. Это первые правовые шаги Древней Руси, правовое строительство Московских княжеств и царств. Правовая система Российской империи – заметное явление в мировой

истории, а социалистическая правовая система, центром которой была советская, получила статус общепризнанной наравне с романо-германской и англосаксонской [2], она изучается во всех учебных заведениях мира, где преподается сравнительное правоведение. Правда, он в другой работе высказал сомнение о перспективности социалистической правовой системы. Думаю, сделал он это зря, так как в этой системе существуют КНР, Куба, Вьетнам, КНДР, а это полтора миллиарда населения.

Рассматривая современную правовую систему России, необходимо проанализировать многие важнейшие ее черты, особенности, перспективы развития. Современная правовая система России, как было сказано выше, – это богатейший арсенал правовых явлений (правосознания, правовой культуры, правопорядка, правоотношений, правовых актов и т. д.), которые и образуют самостоятельную, отличную от других правовую систему общества и государства.

Правовая система России до настоящего времени переживает период окончательного формирования, находится в переходном состоянии, поскольку продолжают фундаментальные изменения в политической системе российского общества, которое невозможно осуществить без изменения конституционного законодательства; развиваются и совершенствуются федеративные отношения, которые не могут быть завершены без соответствующего взаимосовершенствования федерального законодательства и законодательства субъектов Федерации; возрастает социальная роль государства и соответственно возрастают значение и роль социальной функции права, эффективность которой требует совершенствования социального законодательства, что, несомненно, влияет на правовую систему России, склоняя ее в сторону отражения интересов населения; показателем качества правовой системы любой страны, в том числе и России, является ее возможность обеспечивать охрану и защиту прав человека. Решение этой задачи для российской правовой системы должно оставаться приоритетным в настоящем и в будущем [5, с. 9].

Говоря об особенностях российской правовой системы, рассматривая перспективы ее развития и задачи, которые предстоит ей решить, нельзя не подчеркнуть при этом такое важное обстоятельство, как ее преемственность.

Российская правовая система появилась не сегодня и не вчера. Она имеет длительную и богатую историю развития и всегда имела свои особенности, предопределяемые ее человеческими, географическими, многонациональными, территориальными, культурными и т. д. факторами. Поэтому нельзя искусственно привносить на российскую правовую почву нечто иное, не свойственное российскому менталитету и ее правовой системе. М. Н. Марченко правильно отмечает, что многовековой опыт разностороннего заимствования одними правовыми системами у других правовых систем показывает, что в данном процессе наряду с положительными примерами есть немало отрицательных.

Отличительной особенностью российской правовой системы является ее возврат к делению ее структуры на публичное и частное. Частное право своим существованием обязано наличию частной собственности, которая является «материнским молоком» частного права. Оно не может иметь место без частной собственности. В СССР признавалась личная собственность, ее отличие от частной состояло в том, что она не допускала эксплуатации человека челове-

ком, не позволяла иметь доход за счет эксплуатации. Частное право – это рыночное право. По мнению С. С. Алексеева, оно является главным носителем правового прогресса, опережая в этом отношении институты публичного права [1, с. 398]. Возможно, это и так, но нельзя забывать о корыстных мотивах, присущих многим частным собственникам, готовым за 300 % годовых проползти на коленях от Манчестера до Австралии! (К. Маркс). Нужно учитывать, что частное право не может существовать без публичного, ибо последнее поддерживает, охраняет и защищает первое. Частное право (гражданское, семейное и т. д.) опирается на публичное, без публичного частное право может быть бессильным и обесцененным [6].

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Теория права. М., 1994.
2. Давид Рене. Основные правовые системы современности. М., 1967.
3. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предложения. М., 2008. С. 322.
4. Марченко М. Н. Тенденции развития права в современном мире. М., 2015.
5. Синюков В. Н. Российская правовая система (вопросы теории) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1995.
6. Тихомиров Ю. А. Публичное право: падения и взлеты // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 12.

Панченко В. Ю.¹,

*профессор кафедры теории и истории государства и права
Красноярского государственного аграрного университета,
советник генерального директора по научной и правовой работе
Федерального Сибирского научно-клинического центра ФМБА России,
руководитель временного научного коллектива Сибирского
федерального университета, доктор юридических наук*

ДИАЛЕКТИКА ОБЩЕГО И ОСОБЕННОГО В ПОНЯТИИ ПРАВА²

В отечественной и зарубежной юридической науке предложено вряд ли поддающееся регистрации число мнений по вопросу о понятии права. На самом деле не будет большим преувеличением утверждать, что практически каждый ученый-специалист в области общей теории права считает своим «научным долгом» предложить и обосновать свое собственное, отличное от множества других правопонимание.

При анализе подходов к понятию права в юриспруденции следует обращать внимание на результативность (продуктивность) правопонимания – его способности решать: *познавательные задачи, которые заключаются не только в описании, но и в объяснении юридических феноменов, практические (прагматические) задачи* в деле совершенствования правотворческой и правореализационной практики (Н. А. Власенко) [1].

Требования диалектики о взаимодействии общего и единичного определяют необходимость понимания права, с одной стороны, как инструмента, средства в руках государства для управления обществом (множеством людей, интересов и т. д.), регулирования деятельности людей, а с другой – инструмента, средства для защиты интересов отдельных людей, их коллективов и при помощи обращения к государству, а в случаях, допускаемых конкретным государством, к международным механизмам юридической защиты. Эти уровни в понимании права – общий и единичный, на наш взгляд, являются базовыми в познании и использовании понятия права во взаимодействии друг от друга.

Представление о том, что в правоведении функция определения права состоит в установлении того, чем полития как целостность приказывает руководствоваться в качестве образца или нормы субъектам свойственной ей политической жизни [2, с. 37], должно быть дополнено не менее важной функцией передачи как можно более определенного ответа на вопрос о том, когда субъекты во взаимодействии между собой и с государственными органами, могут обоснованно ожидать конкретных мер поддержки или наказания со стороны государства в целом.

Право как – особый вид социальной информации (нормативной или прескриптивной), облаченной в языковую форму, в которой отражены интересы людей и их групп и которая используется для удовлетворения этих интересов, в

¹ © Панченко В. Ю., 2020.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МД-721.2018.6.

том числе в ситуациях их противоречий и невозможности одновременного удовлетворения; действует на сознание и волю людей путем сигналов – правовых стимулов и ограничений (*А. В. Малько*), при этом последние могут как дополнять иную социальную информацию (мораль, религиозные убеждения и пр.), так и конкурировать с ней.

Поэтому право *не регулирует общественные отношения, но претендует на их регулирование* (*В. М. Сырых*) [4; 5]. Этот вывод материалистической теории права, на наш взгляд, является ключевым для познания закономерностей правового регулирования и их использования в практике правотворчества и правореализации.

Правовые установления, противоречащие объективным законам природы нереализуемы в принципе. Невыгодные для людей (прежде всего, экономических причин, а также и в силу иных побуждений) правовые установления могут воплотиться в жизнь при возможности создать необходимые средства обеспечения со стороны государства (когда закон выгоднее исполнять, чем не исполнять). Если таких обеспечительных средств нет или они не достаточны – подобные правовые установления не реализуются в поведении людей, остаются «в книгах», «на бумаге», «стерильным сотрясанием воздуха». Влияние этих обстоятельств должно прогнозироваться и учитываться в процессе правотворчества – создания права и средств, которыми предполагается обеспечивать его воплощение в поведении людей.

На уровне реализации права для разрешения конкретного юридического дела понятие права ориентирует на поиск в формальных источниках права полной конкретной определенной нормативной правовой информации, применимой к конкретному случаю, и исчерпывающее познание содержания (смысла) такой информации, убеждение субъектов, принимающих юридически значимые решения в юридической правильности такой информации (ее законности и обоснованности) для оценки конкретной ситуации. Кроме того, для адекватного прогноза необходимо сопоставление смысла правовой информации с иной социальной информацией, которая может влиять на рассмотрение и разрешение конкретного юридического дела.

Согласно материалистическому подходу право как общественное явление не исключение из природы, а ее органическая часть, подчиняющаяся объективным социальным законам. С этих позиций правовые взаимодействия являются видом социальных взаимодействий и объективно испытывают влияние иных видов социальной коммуникации (мораль, экономическая выгода и пр.). Отсюда видно, что правовое взаимодействие, т. е. обмен деятельностью исключительно на основе требований права, далеко не всегда реализуется на практике, т. е. реальное регулирование общественных отношений включает и правовое, и индивидуальное регулирование общественных отношений, при этом «практически эффективное регулирование общественных отношений достигается лишь в результате интеграции как правового, так и индивидуального регулирования общественных отношений» (*В. В. Ершов*) [3, с. 413].

В то же время недопустимо подменять понятия «право» и «правовое регулирование» и выстраивать, опираясь на такую замену, теоретические конструкции правопонимания. Право – информация, правовое регулирование – де-

тельность людей с использованием этой информации, создание условий и средств для осуществления права в поведении людей. Исследование понятия права надо отличать от исследований механизма правового регулирования, его эффективности, факторов, способствующих и препятствующих ему, и других важных проблем юридической теории и практики.

Список литературы:

1. Власенко Н. А. Результативность правопонимания в современной юридической науке // Журнал российского права. – 2015. – № 4. – С. 5–18.
2. Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции. Красноярск : Крас. гос. ун-т. 1995. С. 37.
3. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М. : РГУП, 2018. С. 413.
4. Малахов В. П., Мамонтов А. Г., Клименко А. И., Лановая Г. М., Сидорова Е. В. История и методология юридической науки. М., 2013.
5. Сырых В. М. Материалистическое понимание права и справедливости // Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 18–34.

Ефременко Е. М.¹,

заведующая кафедрой гражданского и трудового права

Академии Министерства внутренних дел

Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ЗНАЧЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Вопросы о понимании сущности и содержания принципа верховенства права, его значении в системе общеправовых и отраслевых принципов гражданского права представляют интерес как для общетеоретического юридического знания, так и для гражданского права.

Многообразие подходов к его пониманию и толкованию, широкое социальное признание и противопоставление в силу этого иным социальным регуляторам, законодательное закрепление в Конституции Республики Беларусь и Гражданском кодексе (далее – ГК) Республики Беларусь и возможность в связи с этим рассматривать его в качестве источника права поставили перед исследователями ряд новых вопросов, в частности, о корреляции теоретико-правовых и гражданско-правовых взглядов на принцип верховенства права в современной юридической доктрине, о соотношении нормативно закрепленных в актах гражданского законодательства правовых принципов, деклараций и презумпций, о функциональной роли принципа верховенства права, об обеспечении и целесообразности возрастания публичного интереса в гражданском праве посредством реализации его принципов.

В последние годы вновь активизировалась полемика о соотношении права и иных социальных регуляторов, в первую очередь морали и религии. В ее рамках отдельные авторы отмечают негативные последствия современного широкого признания важности принципа верховенства права. В обоснование такого подхода предлагается следующая обобщенная аргументация: принцип верховенства права ведет к обесцениванию морали, нравственности, национальных традиций, к установлению чисто внешних, формальных отношений между людьми. Реализация принципа верховенства права – это путь к правовому идеализму. В сущности, этот принцип – аналог известного изречения: *Fiat justitia et pereat mundus* («Да свершится правосудие и да погибнет мир» или «Пусть свершится правосудие, хотя бы погиб мир»). Категоричность данного суждения очевидна, однако с общим посылом следует согласиться: принципы права (в целом) и принцип верховенства права (в частности) нельзя абсолютизировать, важна их корреляция с другими исторически сложившимися нормативными социальными регуляторами.

¹ © Ефременко Е. М., 2020.

В настоящее время имеют место существенные различия в подходах цивилистов к пониманию и нормативному закреплению принципа верховенства права. Белорусский законодатель в ст. 2 ГК Республики Беларусь трактует его как обязанность участников гражданских отношений, в том числе государства, его органов и должностных лиц действовать в пределах Конституции Республики Беларусь и принятых в соответствии с ней актов законодательства [3]. Таким образом, данный принцип понимается системно с общеправовых позиций и включает в себя два основных блока: примат права над государством и верховенство закона. В гражданских кодексах остальных участников Евразийского экономического союза принцип верховенства права текстуально не закреплён. Более широкое понимание принципа верховенства права предлагается в европейской правовой доктрине и актах международного европейского права. В докладе Европейской комиссии за демократию через право были названы необходимые составляющие верховенства права: законность (верховенство закона), правовая определенность, запрещение произвола, доступ к правосудию в независимых и беспристрастных судах, соблюдение прав человека, недискриминация и равенство перед законом [5].

Хотелось бы отметить, что существующее название ст. 2 ГК Республики Беларусь «Основные начала гражданского законодательства» и ст. 1 ГК Российской Федерации «Основные начала гражданского законодательства» [4] не соответствуют той роли, которую выполняют принципы гражданского права. Это обусловлено тем, что буквальное толкование названия указанных статей позволяет предполагать распространение их действия не на весь механизм гражданско-правового регулирования общественных отношений, а лишь на его часть – на нормы гражданского права, содержащиеся в актах гражданского законодательства. Вместе с тем, такой элемент механизма гражданско-правового регулирования, как реализация правовых норм (их соблюдение, исполнение, использование и применение), формально остается вне пределов действия указанной статьи, хотя обеспечение принципов гражданского права в гражданских правоотношениях представляется не менее значимым, чем формирование и совершенствование на их основе гражданского законодательства. С учетом вышеизложенного представляется целесообразным изменить название ст. 2 ГК Республики Беларусь и ст. 1 ГК Российской Федерации с «Основные начала гражданского законодательства» на «Основные начала гражданско-правового регулирования общественных отношений».

Как отмечалось выше, во многих нормативных правовых актах принцип верховенства права получил законодательное закрепление, в том числе и в ст. 2 ГК Республики Беларусь. Это позволяет говорить о том, что нормы-принципы и нормы-декларации получают все большее распространение в отечественном законодательстве. Однако такой подход не всегда является оправданным, поскольку включение нетипичных норм права в законодательные акты требует их последующей эффективной реализации. Отдельные заявленные в актах гражд-

данского законодательства Республики Беларусь принципы правового регулирования по своей сущности и содержанию таковыми не являются. Фундаментальность таких основных начал вызывает обоснованные сомнения, что, в свою очередь, нивелирует их значение в осуществлении правового регулирования и ценность в сознании субъектов права. В связи с этим в гражданском законодательстве требуется разграничить принципы права, его презумпции и правовые декларации. В принципах права – его фундаментальных идеях, как справедливо отмечает Т. В. Кашанина, отражается сущностный и даже философский момент права [7, с. 169; 8]. К сожалению, в качестве принципов права в актах белорусского гражданского законодательства достаточно часто заявляются его презумпции и декларации. Правовые декларации не обладают признаками фундаментальности и объективности, что отличает их от принципов права, они в большей степени ориентированы на понимание тех ценностей и идеалов, которые важно довести до сведения субъектов права. В этой связи следует признать, что закрепленный в ст. 2 ГК Республики Беларусь принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности (направление и координация государственной и частной экономической деятельности обеспечиваются государством в социальных целях) по своему правовому содержанию в большей мере соответствует норме-декларации.

ГК Республики Беларусь и гражданские кодексы государств-участников ЕАЭС содержат большое количество бланкетных норм, которые отсылают их адресатов к иным нормативным правовым актам. Такая нормотворческая техника оправдывает себя с позиции недопущения текстуальной перегрузки гражданско-правовых предписаний, но требует внимательного и обоснованного использования нормативно закрепленных юридических терминов и правовых дефиниций. Как образно отметил российский исследователь Э. В. Сухов, система юридических понятий является «позвоночником» всей правовой системы, отсутствие единой терминологии является одной из главных причин ее разбалансированности и противоречивости [12]. В рамках данного исследования требуется обратить внимание на обоснованность использования понятий «законодательство», «акты законодательства» и «законодательные акты», поскольку это имеет прямое отношение к реализации принципа верховенства права в области гражданско-правового регулирования, согласно которому все субъекты должны действовать в пределах Конституции Республики Беларусь и принятых в соответствии с ней *актов законодательства*. В соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» к законодательным актам относятся Конституция Республики Беларусь, законы Республики Беларусь, декреты и указы Президента Республики Беларусь [9]. Понятие «акты законодательства» является более широким по объему и включает в себя все нормативные правовые акты, составляющие законодательство Республики Беларусь (т. е. понятия «законодательство» и «акты законодательства» можно рассматривать как синонимы). В ГК Республики Беларусь доста-

точно часто имеет место отсылка и к законодательным актам, и к законодательству. В контексте требований правовой определенности как составляющей принципа верховенства права обоснованность использования указанных выше терминов в случае отсылки к ним вызывает определенные возражения. Например, в соответствии с п. 3 ст. 10 ГК Республики Беларусь защита гражданских прав в административном порядке осуществляется лишь в случаях, предусмотренных *законодательством*. Вместе с тем, административный порядок подразумевает доминирование публично-правового метода регулирования, в связи с чем целесообразно ограничиться отсылкой только к законодательным актам. В соответствии со ст. 12 ГК Республики Беларусь, ненормативный акт государственного органа или органа местного управления и самоуправления, а также не соответствующий иному *законодательному акту* и нарушающий гражданские права и охраняемые *законодательными актами* интересы гражданина и (или) юридического лица, признается судом недействительным по требованию лица, чьи интересы нарушены, а в случаях, предусмотренных *законодательством*, – по требованию иных лиц. С данным изложением правовой нормы также трудно согласиться, поскольку, во-первых, ненормативный акт государственного органа или органа местного управления и самоуправления может не соответствовать не только законодательному акту, но и, например, постановлениям Правительства Республики Беларусь, актам Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Республики Беларусь и т. д., которые законодательными актами не являются; во-вторых, представляется более обоснованным установить круг лиц, которые могут требовать признания такого акта недействительным, не актами законодательства, а законодательными актами. Таким образом, целесообразно изложить указанный фрагмент правовой нормы в следующей редакции: «Ненормативный акт государственного органа или органа местного управления и самоуправления, а также не соответствующий законодательству и нарушающий гражданские права и охраняемые *актами гражданского законодательства* интересы гражданина и (или) юридического лица признаются судом недействительным по требованию лица, чьи интересы нарушены, а в случаях, предусмотренных *законодательными актами*, – по требованию иных лиц». В рамках данного исследования приведено лишь несколько примеров, однако для обеспечения принципа верховенства права в области гражданско-правового регулирования общественных отношений требуется проанализировать весь массив гражданского законодательства для обоснованной отсылки либо к законодательным актам, либо к актам законодательства.

В современной цивилистической доктрине отсутствует единство взглядов на категории «функция» и «функциональное значение», что связано с множественностью научных подходов к их содержанию применительно к функциям государства, функциям права как общесоциального феномена и отдельных его институтов. Отдельного внимания заслуживает функциональная роль принци-

пов права в контексте построения его системы, выявления источников, пределов действия и механизма реализации правовых норм.

Как справедливо отмечается в научной литературе, необходимость выделения специфических функций объясняется тем, что определение объективной принадлежности того или другого правового явления всегда связано с выявлением как общих родовых, так и специальных внутривидовых свойств анализируемого явления [6]. Применительно к принципам права подобная взаимосвязь наиболее отчетливо прослеживается через те функции, которые они выполняют на различных этапах гражданско-правового регулирования. В настоящее время параллельно идут два процесса – усиливается специализация норм гражданского права и одновременно возрастает процесс их интеграции. В этих условиях роль принципов гражданского права возрастает, поскольку они являются «общим знаменателем» специализированных гражданско-правовых норм, между которыми часто возникают коллизии. Важно отметить, что принципы гражданского права имеют и самостоятельное регулирующее значение, в частности, как указывает Т. В. Кашанина, они являются индикатором выявления злоупотребления правом, а также выступают источниками права в случае преодоления пробелов в нем [7, с. 64]. Эта позиция нашла поддержку и у белорусских исследователей, в частности, В. И. Шабайлов подчеркивал, что принципам принадлежит и такая функциональная роль, как обнаружение недостатков и других противоречий системы права [13, с. 97]. Некоторые правоведы придерживаются иной точки зрения, например, В. К. Андреев и В. А. Лаптев указывают, что договоры, не предусмотренные законодательством, а также применение гражданского законодательства по аналогии являются не способом преодоления пробела в праве, а присущей гражданскому, предпринимательскому и корпоративному праву диспозитивности в правовом регулировании [1, с. 107]. Такая точка зрения вызывает определенные возражения, поскольку в соответствии с правилами диспозитивности могут осуществляться такие формы реализации гражданского права, как соблюдение, исполнение и использование, а в случае его применения без институтов аналогии закона либо аналогии права преодолеть пробел не представляется возможным.

Принцип верховенства права, как уже отмечалось ранее, занимает особое место в системе принципов гражданского права, выступая одновременно как общеправовым, так и отраслевым началом. Исследование его реализации в гражданском законодательстве государств-членов ЕАЭС в рамках заявленной темы является первым этапом изучения его воздействия на механизм гражданско-правового регулирования в части непосредственного и опосредованного нормативного закрепления.

Анализ актов гражданского законодательства государств-членов ЕАЭС позволил выделить ряд функций, присущих принципу верховенства права. В опубликованных ранее научных исследованиях аргументированно обоснованы системообразующая, нормообразующая и корректировочная функции принципов

гражданского права [2, с. 335–336], поэтому в данной работе не планируется их повторное рассмотрение.

Вместе с тем, на наш взгляд, реализация принципа верховенства права в гражданском законодательстве предполагает, что ему присущи:

– *стабилизирующая функция*, которая заключается в приведении гражданско-правового регулирования в единую систему с общими ценностными приоритетами, выполнениями требований правовой определенности и формированием единого понятийного аппарата, значение которого возрастает при любых интеграционных процессах;

– *функция координации и защиты интересов*. В условиях развития гражданского оборота возникает все большее число случаев, когда в защите нуждается не нарушенное или оспариваемое право, а охраняемый законом интерес (частный или публичный). Как справедливо отмечает М. А. Рожкова, в отличие от субъективного гражданского права, которое подлежит защите в случае его нарушения или оспаривания, охраняемый законом интерес может потребовать защиты и в ситуации отсутствия его нарушения [11, с. 8]. На наш взгляд, защита не только субъективного права, но и охраняемого законом интереса может быть реализована лишь в рамках законодательного закрепления принципа верховенства права в качестве его источника, поскольку невозможно с помощью регулятивных либо охранительных норм предусмотреть все ситуации, когда лицо, не обладающее субъективным гражданским правом и добросовестно действующее к своей выгоде или пользе, сможет использовать предусмотренные законодательством способы и средства правовой защиты;

– *гарантирующая функция*. Правовое регулирование общественных отношений направлено на создание эффективных механизмов, позволяющих обеспечить благоприятные условия для реализации субъектами своих прав, свобод и законных интересов. Основанные на конституционных нормах современные цивилистические доктрины и гражданское законодательство каждого из государств-участников ЕАЭС не только декларируют свободу осуществления гражданских прав, но и гарантируют ее. Предоставление данных гарантий предполагает наличие возможности принудительного воздействия на участников гражданского оборота с целью совершения ими определенных действий при наличии юридических оснований. В то же время правовая природа такого воздействия не определена. В современной доктрине гражданского права и, как следствие, в актах законодательства не разработан опирающийся на принципе верховенства права единый подход к пониманию, закреплению и реализации принуждения в сфере гражданско-правовых отношений, определению его пределов и видов. Меры государственного принуждения закреплены в различных статьях гражданских кодексов указанных государств, а также предусмотрены в других многочисленных нормативных правовых актах, что вызывает трудность их применения. Кроме того, указанные меры часто необоснованно относят к мерам гражданско-правовой ответственности. Все это влияет на эффективность

механизма гражданско-правового регулирования общественных отношений: с одной стороны, недостаточность правомерного принудительного воздействия на участников гражданского оборота в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения возложенных на них обязанностей способствует ослаблению правопорядка, с другой стороны, необоснованное использование инструментария принудительного воздействия со стороны государства в области гражданского права противоречит его основным началам. Приведем пример, иллюстрирующий невозможность прямого действия принципа верховенства права в силу неопределенности законодательства и несоответствия названия статей Гражданского кодекса Республики Беларусь их содержанию. В частности, «Имущественная ответственность» (ст. 23 ГК Республики Беларусь) и «Ответственность юридического лица» (ст. 52 ГК Республики Беларусь), на первый взгляд, говорят о наличии в них определений указанных понятий. Вместе с тем, исходя из буквального толкования указанных правовых норм, можно заключить, что в них лишь указывается на имущество, которым упоминаемые в них субъекты отвечают по своим обязательствам. Так, в ч. 1 ст. 23 ГК Республики Беларусь указано, что гражданин отвечает по своим обязательствам всем принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законодательством не может быть обращено взыскание. В п. 1 ст. 52 ГК Республики Беларусь указывается, что юридические лица, кроме финансируемых собственником учреждений, также отвечают по своим обязательствам всем своим имуществом. В пункте втором этой статьи говорится об особенностях порядка и условий, в соответствии с которыми отвечают по своим обязательствам казенное предприятие и финансируемое собственником учреждение. Таким образом, из текста указанных статей вытекает, что закон связывает слово «ответственность» с глаголом «отвечать» (отвечать по обязательствам, отвечать за причинение вреда);

– *функция стимулирования.* В настоящее время в гражданско-правовом регулировании общественных отношений государств-участников ЕАЭС, безусловно, доминирует диспозитивный метод, вторым по значимости и использованию выступает императивный подход. Иные методы правового регулирования практически не выступают предметом научного анализа и в ряде изданий учебного характера даже не упоминаются. Вместе с тем, потенциал поощрительного метода правового регулирования и соответственно поощрительных правовых норм в настоящее время не востребован. Однако реализация принципа верховенства права не исключает возможности на основе соответствующих норм гражданского права создания для их адресатов определенных благоприятных юридических последствий правомерного поощряемого поведения в рамках стратегических направлений социально-государственного развития (например, заключение договора купли-продажи автомобилей отечественного производства, производство и поставка органической сельскохозяйственной продукции и т. п.);

– *функция моделирования*. Общеизвестно утверждение о том, что модели дают возможность рассмотреть динамичные явления в статике, а статичные – в динамике. Теоретическое моделирование весьма значимо при исследовании правовых явлений, поскольку построение реальных (материальных) юридических конструкций затрагивает интересы большого числа субъектов и может привести к негативным социальным последствиям в случае неэффективности.

Судья Федерального арбитражного суда Российской Федерации В. А. Петрушкин обоснованно отмечает, что в естественных и в общественных науках моделирование применяется уже давно, однако для правовой науки данный метод все еще остается недостаточно проработанным, хотя и весьма востребованным, и перспективным: практическая и теоретическая значимость, правовой модели и моделирования выражается в двух аспектах:

– во взаимовлиянии правовой модели (причем как модели законодательства, так и модели правоприменения), политической ситуации, экономических условий;

– в инструментальном характере правовой модели, так как она предоставляет «новые инструментальные возможности в построении логически не противоречивого законодательства» [10]. В целом соглашаясь с представленной научной позицией, хотелось бы отметить, что для построения эффективных моделей нормативных правовых актов (т.н. модельное гражданское законодательство государств-участников ЕАЭС) требуются общие критерии, выступающие его фундаментальной основой. В данном контексте именно рассмотренные нами ранее элементы конструкции верховенства права (законность (верховенство закона), правовая определенность, запрещение произвола, доступ к правосудию в независимых и беспристрастных судах, недискриминация, баланс частных и публичных интересов) должны выступать в качестве таковых.

Таким образом, в качестве основных функций принципа верховенства права в гражданском законодательстве государств-членов ЕАЭС в их системном понимании целесообразно выделить следующие: стабилизирующую, нормообразующую, координации и защиты интересов, гарантирующую, моделирующую и корректировочную, а также функцию стимулирования.

Список литературы:

1. Андреев В. К. Корпоративное право современной России: монография / В. К. Андреев, В. А. Лаптев. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.

2. Бондаренко Н. Л. Роль принципов гражданского права в достижении системности и комплексного правового регулирования общественных отношений, составляющих предмет гражданского права / Н. Л. Бондаренко // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол. : Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск : Бизнесофсет, 2017. – Вып. 12.

3. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01 августа 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс». Беларусь : ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. I) [Электронный ресурс] : 30 ноября 1994 г., № 51-ФЗ : принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. : в ред. Федер. закона от 23 мая 2018 г. // СПС «КонсультантПлюс». М., 2018.

5. Доклад о верховенстве права, утвержденный Европейской комиссией за демократию через право на 86-й пленарной сессии (Венеция, 25–26 марта 2011 г.) [Электронный ресурс] // Совет Европы. – Режим доступа: [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 10.12.2018).

6. Захаркина А. В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву [Электронный ресурс]: [по состоянию на 05.12.2018] // СПС «Консультант Плюс». Минск : ООО «ЮрСпектр», Нац. центр прав. информ. Респ. Беларусь, 2018.

7. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2011.

8. Малахов В. П., Мамонтов А. Г., Клименко А. И., Лановая Г. М., Сидорова Е. В. История и методология юридической науки. М., 2013.

9. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 января 2000 г., № 361-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 2 июля 2009 г. // СПС «КонсультантПлюс». Беларусь, 2018.

10. Петрушкин В. А. Функции правового моделирования (теоретико-правовой обзор и анализ) / В. А. Петрушкин // СПС «КонсультантПлюс». ООО «ЮрСпектр», НЦПИ Респ. Беларусь. Минск, 2018.

11. Рожкова М. А. Несколько замечаний применительно к статье 11 Гражданского кодекса Российской Федерации / М. А. Рожкова // Защита гражданских прав: избранные аспекты: сб. ст. // СПС «Консультант Плюс». ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2018.

12. Сухов Э. В. Унификация юридических дефиниций в российской правовой системе / Э. В. Сухов // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 11 (143). – С. 137.

13. Шабайлов В. И. Принципы как системообразующая категория нормотворчества / В. И. Шабайлов // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь ; редкол. : Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. Минск : «Бизнесофсет», 2017. – Вып. 12.

Барзилова И. С.¹,

профессор кафедры теории государства и права

Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук, профессор

РОЛЬ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Исследования в сфере развития методологии современной юридической науки в настоящее время приобретают особую значимость. За последнее время появилось множество работ, посвященных специфике методологии догматических и сравнительно-правовых исследований, конкретных социальных правовых, историко-правовых и теоретико-правовых исследований. Многие ученые в своих трудах отстаивают позиции исторического материализма и диалектической методологии, подчеркивая их основополагающую роль при проведении теоретико-правовых исследований.

На современном этапе развития юридической науки значимость диалектической методологии приуменьшать нельзя. В условиях изменения системы российского права и законодательства, преобразований в механизме правового регулирования, появления качественно новых правовых отношений и субъектов права позиции традиционной отечественной методологии должны быть сохранены. Потенциал диалектической методологии вовсе не исчерпан, наоборот, традиционные методы познания правовых явлений позволяют основательно подойти к изучению тех новых процессов и явлений в юридической сфере, с которыми сталкивается современная правовая наука и практика.

Думается, расширение горизонтов юридической науки возможно только при сохранении ее методологических основ, традиционных приемов познания правовых явлений. В противном случае правовая наука столкнется с неконтролируемым ростом энтропийных процессов, что может поставить под сомнение достоверность, обоснованность полученных в результате исследований результатов. Особую актуальность это приобретает для общетеоретических юридических наук, в том числе и теории государства и права [4].

В условиях трансформации российской правовой системы в теории права должен быть сохранен традиционный системный подход. Диалектическая методология позволяет рассматривать право как систему общеобязательных правил поведения, включающую несколько уровней. Системное видение права позволяет в рамках общей теории права разработать, например, инструментальную концепцию, выявить не только социальную необходимость использования того или иного юридического средства, но и разработать оптимальные варианты его использования для решения современных социально-экономических, политических и иных задач. В зависимости от происходящих социальных преобразований в правовом регулировании меняется акцент в выборе тех или иных юридических средств. В каждом случае законодатель как бы

¹ © Барзилова И. С., 2020.

оценивает потенциальные возможности того или иного юридического механизма влиять на реформируемые общественные отношения [5].

Диалектическая методология позволяет рассматривать право как структурный объект, обладающий такими характеристиками, как иерархичность, согласованность, взаимодействие элементов и т. п. В юридической науке термин «система» применяется для характеристики сложных общественных явлений. Система означает, с одной стороны, целостность и единство данного явления, а с другой – внутреннюю структурную дифференциацию составляющих его частей, т. е. известную обособленность по отношению к целому. Системное рассмотрение всякого сложного общественного явления позволяет видеть и учитывать как общие черты всех структурных подразделений, образующих систему, так и их особенности. В этом выражается диалектика общего и особенного. Особую значимость это приобретает в плане изучения системы современного российского права и системы законодательства, анализа структуры нормы права.

Развитие какого-либо процесса, природного или социального, можно представить как непрерывно и последовательно совершающиеся во времени и пространстве переходы от старого состояния равновесия к новому. Равновесие представляет собой ключевую категорию диалектики. Внутреннее равновесие присуще некоторому единству и устанавливается строго в его границах. Оно предполагает, что элементы развивающегося процесса многообразно и противоречиво связаны между собой по законам интеграции и дифференциации, симметрии и асимметрии и т. д.

Каждая из систем существует и функционирует в определенной внешней среде, которая определяет и развивает данные системы, детерминирует направленность их функционирования. Поскольку же среда своеобразна, вечно движется и постоянно изменяется, создавая неповторимые жизненные ситуации, постольку и познание права как системы предполагает изучение его прямых и обратных информационно-коммуникативных связей с внешней средой, что представляется возможным с помощью использования диалектической методологии.

Правовые средства в той или иной степени сохраняют и поддерживают «жизненно важные» параметры права, его постулируемые ценности, сущностные основы. В то же время они позволяют при наличии определенных условий и обстоятельств менять «константы» права, трансформируя его внутреннюю программу отношений с социальной средой. Это по сути дела элемент информационной обратной связи, программы ответного действия, раскрывающий информационно – отражательные потенции права как системы.

Диалектическая методология позволяет выявить информационную связь, существующую между «входом» права как системы (модернизирующиеся условия социальной среды) и самой системой юридических норм, осуществляющей передачу команд управления и сигналов контроля, служащей условием информационной организации. Функциональное использование информации правом означает, что оно изменяется в направлении, которое благоприятно для его существования и развития.

В рамках диалектического подхода важно изучить не только проблемы регулирования, но и проблемы трансформации – перехода системы в новое состояние, новые условия функционирования. Гомеостатический характер про-

цессов правового регулирования, наличие в механизме действия нормы права стабильности не означает, вместе с тем, выдвижения на первый план консервативных черт правовой системы.

Следует учитывать, что на систему права оказывают постоянное влияние факторы внешней социальной среды, которые могут вызвать неблагоприятные последствия и нарушить ее нормальное состояние. Необходимо, думается, создать условия для определенной устойчивости системы права и тем самым придать и сохранить устойчивость и стабильность регулируемых общественных отношений. Устойчивость системы права обеспечивает способность регулирующей системы к своевременному изменению и оптимизации своих характеристик, что связано с так называемой восстановительной функцией права [1; 2; 3].

Для выявления условий и использования механизмов, направленных на сохранение существующих в Российской Федерации правовой системы, системы права и системы законодательства ученые-правоведы должны использовать весь потенциал диалектической методологии, продуктивно применять традиционные методы познания правовых явлений, сохраняя тем самым лучшие традиции отечественной юридической науки.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.
2. Радько Т. Н. Методологические вопросы познания функций права. Волгоград, 1974.
3. Радько Т. Н. Теория функций права. М., 2014.
4. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.
5. Халфина Р. О. Право как средство социального управления. М., 1988.

Клименко А. И.¹,

начальник кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

доктор юридических наук, доцент

КЛАССОВАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ: НАЦИОНАЛЬНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Сегодня среди многих подходов к анализу социальных феноменов классовый подход выделяется, с одной стороны, своей прочной материалистической теоретической основой, а с другой стороны, дискредитируется довольно активной критикой и альтернативными идеолого-теоретическими построениями, которые уже давно стали «мейнстримом» современной правовой идеологии. В условиях «постистины» и постмодернистского отказа от системности теоретического отражения социальных структур классовый подход часто представляется как архаичный [1]. Однако, полагаем, именно он способен дать сегодня ключ к пониманию реалий современного права и буржуазного правового государства.

Классовый подход к праву не сводим к содержанию большинства постсоветских учебников по учебной дисциплине «Теория государства и права». И будучи принципиально марксистским (именно с концепцией К. Маркса сегодня связывается в научном дискурсе классовая теория, хотя само понятие «класс» появилось еще раньше) вовсе не должен исходить из бездумного квазирелигиозного восприятия работ самого К. Маркса и авторитетных марксистов. Он должен соотноситься с современными реалиями и современным уровнем гуманитарного знания. Именно поэтому быть сторонником классового подхода к праву вовсе не означает быть тем, кто разделяет растиражированный тезис о том, что «право есть возведенная в закон воля господствующего класса». Этот тезис содержит долю истины, однако уводит нас в сторону и ставит точку в исследовании проблемы, обозначенной в теме настоящей статьи.

Полагаем, в настоящее время, как и на протяжении всей нашей истории, основным двигателем прогресса общества является классовая борьба. Сегодня следует говорить о классе контролирующего средства производства и осуществляющих эксплуатацию, с одной стороны, и о классе трудящихся – с другой.

Право выступает, как результат классовой борьбы, если представить его в ракурсе социоаксиологического подхода как систему конвенциональных правовых ценностей, формируемых в процессе правового дискурса в действительности. Современное правовое капиталистическое государство демонстрирует свою «живучесть» именно потому, что оно правовое. Это связано с тем, что ведущей в идеологической сфере [4, с. 223–224] современного общества выступает правовая идеология. Она предполагает воспроизводство своего содержания – порождение правовых ценностей и смыслов посредством правового дискурса. В пространство этого дискурса современное государство и вытесняет классовую борьбу. При этом современное общество можно охарактеризовать как ин-

¹ © Клименко И. С., 2020.

формационное ввиду того, что в нем информация становится важным ресурсом власти, как отмечал Э. Тоффлер [5]. Соответственно значение идеологической сферы общества сегодня крайне велико. Важнейшие социальные противоречия в современном обществе переносятся в информационную сферу, это и определяет чрезвычайную значимость правового дискурса.

Перенесение, а по сути, вытеснение классовой борьбы в сферу правового дискурса позволяет современному правовому капиталистическому государству преодолевать риски, связанные с реальной – силовой классовой борьбой. Такая модель предусматривает потенциальную возможность «эволюционного» перехода капиталистического общества в общество социалистическое. Так, несмотря на то, что конвенциональные правовые ценности представляют своего рода результат «общественного договора», субъектами которого выступают классы господствующий и подавляемый, и изначально их позиции в правовом дискурсе не равны, по мере изменения ситуации система правовых ценностей, выражающая баланс интересов социальных акторов, меняется, что дает почву для предположения о возможности плавного трансформации общества сообразно изменению расстановки сил.

Зачастую сомнению подвергается и само существование классов в социальном, а не в социологическом измерении. Так, П. Бурдьё, отмечал, что классы могут существовать как «классы на бумаге» – т. е. как совокупность людей, определенным образом относящаяся к средствам производства, объективно имеющая общие потребности (однако далеко не всегда их осознающая), тем не менее, они не выступают как самостоятельный единый социальный актор [2, с. 59–63]. Таким образом, ученый-социолог, по мнению французского автора, может «увидеть» классы, а сами классы не способны действовать как акторы. Полагаем его позицию не точно отражающей действительное положение дел. Разумеется, для того чтобы классы как совокупность людей действовали как коллективный социальный актор, у этой совокупности людей должно сформироваться классовое сознание, осознание своих интересов и потребностей в контексте интересов и потребностей другого класса (т. е. классовые противоречия тоже должны быть осознаны, тем более, что классовая самоидентификация предполагает идентификацию по отношению к другому классу). Сегодня идеологические технологии затрудняют осознание своей классовой идентичности и действительно все более важным вопросом становится разделение тех, кто осознает свою классовую принадлежность и тех, кто ее не осознает. В дискурсивной классовой борьбе, таким образом, участвуют те, кто осознает и действует осознанно в своих интересах и интересах своего класса – социальные акторы, а также не осознающие классовый характер своих действий и действующие в интересах представителей другого класса либо сознательно действующие в интересах другого класса (принципала) – агенты. История знает примеры, когда представители правящего класса (например, Ф. Энгельс) выступали с позиции трудящихся – пролетариата, однако гораздо чаще трудящиеся выступают как агенты правящего класса. Классовое сознание пролетариата формируется гораздо труднее ввиду того, что он находится под постоянным дезориентирующим воздействием идеолого-манипулятивных технологий. В правовом дискурсе мы видим своего рода «чистоту» классовой борьбы, где важен даже не

сам субъект борьбы и его понимание происходящего, а столкновение идей, выражающих объективные классовые потребности и интересы. Таким образом, полагаем, что позиция П. Бурдые хоть и заслуживает внимания и дает повод к размышлению, не убедительна, когда он ведет речь об отрицании классов и классовой борьбы как движущей силы прогресса.

Феномен правового государства определяет стабильность современного капиталистического уклада, социальные акторы и, в частности, само государство, ориентируется на правовой дискурс и на правовые ценности. Государство должно легализовывать – оформлять правовые ценности в законодательстве и ориентировать свою правовую политику на правовые ценности общества. В обратном случае законы такого государства утрачивают правовое качество, а само оно утрачивает свою легитимность. В случае отказа какого-либо социального актора или агента в условиях правового государства и гражданского общества от правовых принципов в своей деятельности такой социальный актор или агент либо маргинализируется, либо объявляется экстремистским. Разрушение правового дискурса ведет к разрушению основ идеологического воспроизводства в современном государстве. Соответственно борьба за правовое государство – естественное стремление к сохранению «статус-кво», с одной стороны, и к обеспечению устойчивого характера развития – с другой.

Если на национальном уровне обозначенная теоретическая классовая модель права выглядит достаточно убедительной, то возникает вопрос, насколько она способна отразить ситуацию в международном масштабе.

На международном уровне классовая борьба не утрачивает своего значения. Международное право также, полагаем, имеет классовый характер. Мы видим, как государства развитого капитализма эксплуатируют население других государств. И. Валерстайн писал: «Сильные государства оказывают давление на слабых и не позволяют им закрывать границы на пути продвижения факторов производства, выгодных фирмам сильных государств. Отношения строятся таким образом, что слабые государства не могут рассчитывать на взаимность в ответ. Так, в ходе дебатов по вопросам мировой торговли Соединенные Штаты и Европейский-Союз постоянно требуют от остальных государств открыть свои границы их товарам и услугам. Но сами они вовсе не собираются распахивать свои границы навстречу сельхозпродукции и текстилю из стран периферии, которые составят серьезную конкуренцию их собственной продукции. Сильные государства могут позволить себе привести к власти в слабых государствах приемлемых для них людей, которые позже вместе с ними будут давить слабые государства, и добиваться, чтобы те придерживались политического курса, удобного сильным государствам. <...> И если сильные государства могут купить себе у слабых удобных политических лидеров, то слабые государства покупают себе защиту сильных, обеспечивая им свободное движение капитала» [3]. И на международном уровне право как система конвенциональных ценностей выражает, прежде всего, интересы и потребности правящего класса сильных государств, однако следует помнить, что право – всегда обоюдоострый инструмент, и оно, даже выражая значительный компонент воли господствующего класса, всегда ограничивает как подвластных, так и властвующих.

Итак, право образует всеобщую систему ценностных стандартов поведения на международном уровне. Эти ценности формируются конвенционально в процессе столкновения потребностей и интересов различных социальных акторов в правовом дискурсе, выступают следствием конвенционального факта, и они составляют основу синтетической международной «метакультуры». Однако как отмечалось, конвенциональность не снимает классовый характер современного буржуазного права. Конвенция есть добровольное соглашение, однако «переговорные» позиции «сторон» могут быть изначально не равны. Так происходит и с правом на международном уровне. В международном праве учтены, прежде всего, интересы капиталистического гегемона (государств «ядра»). Этот вопрос следует рассматривать в контексте миросистемного анализа, предложенного И. Валерстайном [3]. Следует подчеркнуть, что международное право по своей природе – право капиталистическое ввиду того, что выступает элементом надстройки капиталистической «миросистемы».

Таким образом, полагаем, классовая теория права, совмещенная с социологиологическим подходом к праву весьма точно, а главное системно отражает как социальные процессы, происходящие на национальном уровне, так и международные процессы.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, КДУ, 2006.
2. Бурдьё П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993.
3. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006.
4. Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. СПб. : Издательский дом «Нева», 2004.
5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М. : ООО «Издательство АСТ», 2004.

Пожарский Д. В.¹,

*начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, доцент*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО: НАЗАД В БУДУЩЕЕ

«Исторический материализм и диалектика...» – сложнейшая и интереснейшая тема, развивавшаяся поколением Всеволода Михайловича и развиваемая его последователями сегодня. Что касается темы моего выступления, то сразу хочу оговориться – ее выбор имеет лишь внешнее сходство с голливудским сюжетом и прежде чем перейти к ее раскрытию, задам сам себе и отвечу на два вводных вопроса.

Вопрос первый. Почему социализм?

Во-первых, в нашем распоряжении уникальный опыт построения социализма в России, не знавший аналогов в мировой исторической практике, а продолжающееся строительство социализма в ряде стран (Китай, Вьетнам, Куба и др.) является любопытным эмпирическим государствоведческим материалом. Именно в эпоху социализма диалектический методологический аппарат и историко-материалистический подход достигли небывалых высот. Нравится это кому-то или нет, но диалектическому материализму в исполнении Маркса пока серьезной методологической альтернативы не предложено.

Во-вторых, с точки зрения одного из законов диалектики капитализм стыдливо скрывающийся (Т. Иглтон) под псевдонимами «индустриальное или постиндустриальное общество», «общество потребления», «запад» и т. п., и тем не менее, господствующий на политической и юридической карте мира изменился и продолжает меняться (в лучшую или худшую сторону, сказать трудно), причем во многом за счет соперничества со своим «диалектически» закономерным оппонентом – социализмом...

В-третьих, хотелось бы попытаться хоть как-то изменить убежденность некоторых начинающих исследователей в том, что в Советском социалистическом государстве не было юридической науки, а была только юридическая литература, виртуозно интерпретировавшая классиков диалектического материализма или решения коммунистической партии, полагающих, что социалистическая правовая система была основана на формальном закреплении прав и свобод, на их примитивном уравнительном распределении, на государственном регламентировании потребления общественных благ, на приоритете социально-экономических прав перед личными правами гражданина [3, с. 20].

Вопрос второй. Почему «назад в будущее»? Эkleктика?

У социализма великое прошлое и, несомненно, большое будущее, институциональные и юридические контуры которого пока не очевидны. Однако, умозрительно (метафизически) они ощущаются или как минимум допускаются. Осмысление будущего социализма немислимо вне исторического анализа в со-

¹ © Пожарский Д. В., 2020.

поставлении с социально-экономической и политической действительностью. Борьба противоположностей неизбежно приводит к некой конвергенции. Индивидуальное и коллективное, частное и публичное, часть и целое, производство и потребление, накопление и перераспределение, антагонизм и компромисс в определенной степени сблизил капитализм и социализм, причем до такой степени, что сегодня вряд ли мы отыщем в кристально чистом, без примесей виде соответствующие формы социально-экономической политической организации.

Итак... Опыт построения социализма в отдельно взятой стране, начавшийся с установления диктатуры пролетариата и прервавшийся на этапе общенародного государства, наполнен впечатляющими победами (освоение космоса, развитие науки и образования, создание нормативных и институциональных основ, международный правопорядок и безопасность) представляет интереснейший и, к сожалению, малоизученный современниками объект историко-правового исследования. Именно сегодня, когда практически все запреты сняты, а идеологические установки и стереотипы отходят на второй план, для подобного анализа наступает, пожалуй, самое подходящее время и упускать его не следует.

Познание и объяснение закономерностей становления и развития социализма в России, так же как и историческая оценка его дееспособности и потенциала, требуют изучения не только экономических (базисных) показателей, но также надстроечных характеристик и свойств, прежде всего анализ права и государства в функциональном ракурсе, выразивших социальное назначение и сущность Советского государства и права, проявивших ценностно-смысловые основания и содержание правовой и политической системы социализма.

Пожалуй, самым популярным в социогуманитаристике преимуществом новой, «возрожденной» буржуазной правовой системы выступает формально-юридическое провозглашение высшей ценностью человека и принадлежащих ему прав. Однако действительность дает немало поводов для размышлений о небесспорности абсолютизации этой идеи и все чаще побуждает ставить и решать проблему соотношения интересов личности, общества и государства. Вопреки весьма распространенному мнению, частные цели и интересы, прежде всего собственность, далеко не всегда страдают от государства. Нередко на них посягает другой частный интерес. В своем эссе «Почему социализм» физик А. Эйнштейн называет это хищнической фазой. Возникает вопрос, если частный интерес является единственной ценностью, то чем (какой иной ценностью) он может быть ограничен? Права и свободы, в том числе право частной собственности, не защищены в России не потому, что частный интерес не является ценностью, а потому что отсутствуют (разрушены) альтернативные ценности, способные обеспечивать энтропийный оптимум в системе коллективных и индивидуальных, материальных и нематериальных интересов. В Израиле ввели штрафы для родителей, поздно забирающих своих чад из детских садов, как ни странно количество опаздывающих резко возросло... Что же касается неоспоримых преимуществ, то советское законодательство было отчасти более естественным... право на жизнь в конституциях отсутствовало, а людей не выселяли из жилищ по решению суда...

В контексте обсуждаемой проблемы интересен опыт реализации функции регулирования меры труда и потребления, которая тесно примыкала к хозяйственно-организаторской функции и выражалась в «решительной борьбе с нетрудовыми доходами, любыми проявлениями частнособственнической психологии, стремлением дать обществу поменьше, а получить побольше, в строгой зависимости доходов от реальных результатов труда» [1; 5, с. 203]. Реализация этой функции способствовала относительно равномерному распределению общественного продукта, что в известной степени позитивно влияло на безопасность. Адаптация подобного опыта на основе взвешенного анализа его возможностей в современных условиях могла бы стать перспективным направлением деятельности государства по обеспечению социально-экономической безопасности России. С огромной долей осторожности все-таки отмечу, что сугубо диалектически «борьба» с бедностью диалектически немыслима без «борьбы» с богатством, если более точно – с неконтролируемым и социально несправедливым распределением и потреблением общественного продукта. Добавлю лишь то, что «борьба» в данном случае используется в нестрогом значении. Вполне возможна аналогия с терминологической оптимизацией (замена термина «борьба» на «противодействие» и т. п.) в криминологической доктрине... Как известно, в социалистическом варианте с преступностью боролись, сегодня противодействие, завтра – взаимодействие? И это уже реальность, по крайней мере, в формах теоретического (пока?) освоения действительности. В книге Р. А. Ромашова [4] содержатся главы «Преступление как явление человеческой культуры», «Государство и преступность: понятие, соотношение, взаимодействие».

У государства сохраняется потенциал оптимизации социально-экономической структуры. Разумеется, речь не идет о примитивной технологии известного Булгаковского персонажа...

Примечателен тот факт, что практичные европейцы, у которых Россия исторически привыкла заимствовать образцы социально-политического моделирования, в условиях экономического кризиса и политических протестных акций склонны оценивать сложившуюся экономическую и правовую ситуацию не с позиций доктрины свободного рынка, а в терминах моральной философии. После финансово-экономического кризиса Президент Французского института экономической конъюнктуры (OFCE) в Париже, профессор экономики Жан Поль Фитусси приходит к следующим выводам «Мы все обязаны, по крайней мере, частью нашего успеха, другим, получая общественные блага, которые предоставляет общество... Самые привилегированные классы, которые больше всех извлекли пользу из сплоченности других, особенно бедных, больше не могут отрицать вклада последних. Но не стоит ждать, пока они с этим согласятся» [2, с. 27]. Этот вывод профессор Фитусси вынужден был сделать после того как налогоплательщики в очередной раз выручили банки, финансовые компании.

Современная концепция модернизации сформировалась в 50–60-е годы. XX в. на Западе как альтернатива советской концепции перехода к развитому социализму. Кроме того, позже сторонники концепции модернизации исходили из необходимости адаптации незападными, в том числе постсоветскими, странами основных институционально-нормативных и процессуальных составляющих западных стран (В. В. Смирнов).

Что касается государства и его функций... Поскольку мы сегодня говорим о теоретико-правовых исследованиях, отмечу, что особенности формирования и развития теоретических основ функционирования социалистического государства, научные споры и подходы редко оказываются в фокусе научного познания исследователей современного государства. Наблюдая определенное время за разработкой этой проблематики учеными-юристами, прежде всего начинающими, следует констатировать, что в большинстве случаев научные подходы, выработанные советскими государствоведами, закладываются в основу анализа функций современного государства без должного критического (прежде всего – исторического) анализа применительно к кардинально изменившимся социально-политическим условиям. Упускается из виду несовпадение типологической идентичности (если рассуждать с позиций учения об общественно-экономических формациях) Советского и современного Российского государства. Хотя именно советскими учеными-юристами обстоятельно и убедительно обоснованы положения о несовпадении классовой сущности и функций социалистического и буржуазного государства. Рискнем предположить, что современный исследователь удивится, узнав о том, что процесс становления и накопления (приращения) научного знания о функциях государства не был «рабски» привязан к положениям партийных докладов и что по ряду принципиальных теоретических позиций (понятий, признаков и классификаций) имела место серьезная и острая научная полемика. Закономерным итогом этой дискуссии можно считать теорию функций государства, сформированную и наполненную методологическим и понятийно-категориальным содержанием советскими учеными-юристами.

Поступательное государственно-правовое развитие, начиная с первой ни у кого не списанной конституции (Н. С. Бондарь), восстановление промышленности и хозяйства в середине 1960-х гг. обеспечило выход Советского государства и общества к новым рубежам – общенародному государству и обществу развитого социализма. И в целом это не было неким упрощением или грубой идеологической подтасовкой. «Превращение государства диктатуры пролетариата, – отмечал А. П. Косицын, – в общенародное государство не сводится лишь к простому изменению терминологии. Это было бы самое легкое дело». Реальные, причем фундаментальные, изменения в социально-экономической, политической и духовно-культурной жизни обусловили новый этап в развитии системы функций Советского государства, в том числе конституционно-правовых основ их реализации.

В Конституции СССР 1977 г., впервые закрепившей принцип юридической преемственности, были «подведены итоги» предшествующих этапов (фаз) социалистического развития, а также обозначены новые цели и рубежи, качественно изменившие систему функций общенародного государства, а также содержание каждой из них в отдельности. Конституция СССР 1977 г. – единственный в отечественном конституционном законодательстве документ, в котором теоретические положения достигли своеобразного «максимума» – в тексте документа впервые употребляется термин «функция государства», а также закреплена система целей и задач развития государственности.

Выявляя закономерности становления и развития правовых основ функций Советского государства, нельзя оставить без внимания вопросы их результативности (эффективности). Приходится задаваться вопросом о соответствии фактических показателей функционирования государства нормативным положениям. На мой взгляд, ответ на этот вопрос находится не только в плоскости социологических измерений. Отвечая на него, необходимы также историческая оценка и интерпретация. Однако именно она отчасти затруднена «из-за укоренившегося и еще не преодоленного комплекса, сформировавшегося в головах большинства людей и подкрепленного течением общественной жизни убеждения, что марксизм изжил, скомпрометировал себя, не оправдал надежд тех, кто следовал этой идеологии...».

Вместе с тем, всемирные достижения и победы социалистического государства явились результатом реализации функций государства, воплощения его созидательной энергии и охранительного потенциала. Функции государства и их конституционно-правовые основы находились в тесной диалектической связи. С одной стороны, ценностно-смысловое и целевое содержание функций во многом определялось конституционными положениями, с другой – результаты каждой из них в сумме предопределяли очередной этап конституционного развития. Без преувеличения можно отметить, что каждая конституция Советского государства в известной степени обязана результатам выполнения главных, решающих задач социалистического строительства, т. е. итогами функционирования государства. Похоже, что феномен социалистического государства наполнен объективным историческим содержанием и в российской ментальности имеет особые ценностно-смысловые основания. Тем не менее, социалистические идеи и практика их реализации рассматриваются не как безупречные, а как заслуживающие внимания.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.
2. Лапаева В. В. Философско-правовые основы российской государственной политики // Правовая политика в условиях модернизации / отв. ред. В. В. Смирнов. М., 2011. С. 27.
3. Петрович Д. В. Становление и эволюция правового статуса личности в российском законодательстве (историко-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 20.
4. Ромашова Р. А. Право: нормативность и девиантность. СПб., 2018.
5. Теория государства и права / под ред. С. С. Алексеева. С. 203.

Гончаров И. В.¹,

*заведующий кафедрой государственного строительства и права
Университета прокуратуры Российской Федерации,
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

РАЗВИТИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Конституция любого государства должна отражать национальные особенности страны, а также самобытность государства. Однако в настоящее время в мире происходят процессы, которые связаны с тенденциями совершенно другого плана. В частности, происходят процессы, которые направлены на унификацию многих социальных явлений. Одним из указанных процессов является глобализация. Указанное явление затрагивает все стороны общественной жизни. При этом следует сказать, что важнейшей составляющей глобализации является так называемая государственно-правовая составляющая.

Следует сказать, что общий подход к пониманию предмета конституционного права в качестве двухуровневой системы общественных отношений как общих, так и конкретных утвердился, а затем и получил свое развитие на фоне глобализации современного права.

С одной стороны, в условиях расширения регулятивной роли принципов права произошло усиление влияния общих конституционно-правовых отношений.

С другой стороны, произошло появление дополнительных видов конкретных конституционно-правовых отношений. Такие отношения были связаны «опубличиванием», а также «конституционализацией» областей правового регулирования. Эти сферы, в частности, обусловлены необходимостью создания конституционно-правовых норм, связанных с государственными гарантиями обеспечения мира, безопасности, а также противодействия терроризму, киберпреступности, генномодифицированным технологиям, а также другим угрозам и вызовам государству, обществу и человеку [4, с. 50–62].

Помимо этого среди развивающихся тенденций необходимо назвать интернационализацию предмета конституционного права [3]. В процессе признания общепризнанных принципов и норм международного права частью своей правовой системы каждое государство подразумевает прямое действие таких общепризнанных принципов и норм международного права, а также их непосредственное применение. При этом происходит их совпадение с принципами и нормами внутригосударственного права или же происходит дополнение правовой системы новыми правовыми положениями. Функционирование такого бинарного механизма связано с тем, что происходит конституционное закрепление соотношения источников, а также норм и принципов международного публичного права и национального конституционного права.

¹ © Гончаров И. В., 2020.

В процессе происходит расширение предмета современного конституционного права. Это происходит не только благодаря конституционному признанию принципов, а также норм международного права частью внутригосударственной правовой системы. Другая динамично развивающаяся тенденция заключается в синхронном вовлечении в толкование конституционно-правовой материи международных, а также национальных судов различной юрисдикции.

Универсализация судебной защиты прав и свобод, других публично значимых отношений в качестве общемировой тенденции в развитии государств порождает практику возникновения конституционно-правового характера ряда отношений, которые признавались раньше в качестве частноправовых отношений отраслей гражданско-правовой семьи. Речь идет о конституционно-правовом наполнении международным и национальным судебным толкованием таких отношений, как:

– экономические, в частности, создание гарантий экономического суверенитета государств через ограничение приватизации, а также публично-правовые механизмы противодействия монополизации, незаконной конкуренции, защиты свободы экономической деятельности и др.);

– семейные, в частности, понимание семьи в качестве конституционной ценности и т. д.);

– земельные, в частности, сохранение земель общего пользования) и др.

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин в ходе выступления на юридическом форуме стран БРИКС-2017 предложил так называемую «доктрину конституционной идентичности страны» на основе «присущего российскому народу коллективизма» [2]. По мнению В. Д. Зорькина, эта доктрина будет являться вкладом России в «солидаристский поворот» процесса глобализации, а также в создание противовеса «либерально-индивидуалистическому» правопониманию Запада. Следует сказать, что такая конституционная идентичность предполагает, помимо всего прочего, и идентичность государства, в котором суверенитет превратится в главный из его признаков. Напротив, западные исследователи рисуют судьбу современного государства в весьма пессимистических тонах.

Один из выходов из сложившейся ситуации некоторые представители мирового юридического сообщества видят в принятии глобальной конституции. Но это не так просто, как кажется, и самоцелью это быть не может. Ведь даже гипотетическое принятие такого акта неизбежно повлечет за собой целый комплекс проблем теоретического и практического плана. Как считает И. А. Умнова-Конюхова, например одна из них – необходимость и возможность существования конституционного контроля. С позиций конституционного контроля главными проблемами видятся следующие:

1) отсутствие общих подходов к содержанию конституции, ее роли и значению;

2) отсутствие текста, на соответствие с которым будет проверяться конституционность (неконституционность) других актов;

3) отсутствие надгосударственного органа, способного осуществлять такую деятельность [5].

Тем не менее исследования в этой области продолжают, и некоторые ученые ставят вопрос еще шире. Так, профессор кафедры публичного права Эдинбургского университета (Шотландия) Н. Уолкер (N. Walker) в монографии «Принципы глобального права» исследует новый формирующийся вид права – глобальное право. Цель глобального права – это установление международной юрисдикции. По его мнению, глобальное право не является просто модным трендом или подходящим термином для структурной переналадки правового феномена в государство – центричную эпоху. Оно затрагивает не только язык, на котором в праве формулируются основные понятия и положения, но и место права в современном планетарном развитии. Это также свидетельствует о сдвиге в нашем представлении о путях развития, возможностях права как такового. Дальнейшие рассуждения Н. Уолкера позволяют сделать вывод о том, что в его понимании глобальное право – это, прежде всего, универсальное право [1; 6].

По-разному можно относиться к подобного рода теориям. Конечно, они имеют свое право на существование. Но учитывая реалии современного мира, глубочайший кризис международных отношений, обусловленный попытками одной страны обеспечить свою гегемонию в мире, представляется, что такой подход также чреват потерей национальной идентичности права, а в дальнейшем и потерей государством своего суверенитета. Тем не менее, проблемы государственно-правовой глобализации в настоящее время становятся одной из самых насущных, и российская юридическая наука должна быть готова к их разрешению.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.

2. Зорькин В. Д. Справедливый миропорядок и современные подходы: выступление председателя Конституционного Суда Российской Федерации 30 ноября 2017 г. // Сайт Конституционного Суда Российской Федерации // <http://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId>.

3. Интернационализация конституционного права: современные тенденции : монография / под ред. Н. В. Варламовой и Т. А. Васильевой. М. : ИГП РАН, 2017.

4. Право в условиях глобализации: Новые научные подходы и практики : сб. науч. тр. / РАН ИНИОН; отв. ред. Е. В. Алферова. М., 2016. С. 50–62.

5. Умнова-Конюхова И. А. Современное понимание предмета конституционного права в условиях бинарного развития внутригосударственного (национального) и международного права // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10 (95). – С. 151–161.

6. Чиркин В. Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 3. – С. 5–19.

Эриашвили Н. Д.¹,

профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники, профессор

О ГЕНЕЗИСЕ ФЕДЕРАЛИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Предметом данной статьи является развитие федерализма в Российской Федерации (с 1991 г.) [5]. Мы разделяем суждение тех авторов, которые предлагают с 25 декабря 1991 г. для наименования государства использовать исключительно этот термин.

Первоначально о состоянии теории.

Так, А. А. Сергеев федерализм рассматривает во взаимосвязи с местным самоуправлением, причем как «институты российского народовластия». Кроме того, этим же автором исследуется и «бюджетный федерализм» [12, с. 3–13, 69–88]. Иначе говоря, А. А. Сергеев понимает федерализм в широком смысле слова.

М. В. Глигич-Золотарева при соотнесении понятий «федерация» и «федерализм» заключила следующее: «Федерализм сложен и многолик и в каждом конкретном случае обладает уникальными особенностями» [8, с. 11–24].

Н. М. Добрынин определяет «феномен федерализма» как «весь спектр явлений и отношений, непосредственно связанных с федеративной формой государственного устройства» [10, с. 127].

Н. Ю. Молчаков свое исследование посвятил «теоретико-методологическим аспектам исследования федерализма как принципа территориальной организации публичной власти» («Очевидно, что изучение территориального современного государства требует новых методологических подходов. Альтернатива такому вектору развития исследований в рассматриваемой сфере, на наш взгляд, отсутствует. Это объясняется в первую очередь тем, что на сегодняшний день становится все сложнее описывать новые конституционные модели территориальной организации публичной власти в традиционных для отечественной конституционно-правовой доктрины категориях») [11].

А. В. Бутенко разработал «современную модель российского федерализма» («Основой федерации в России должен стать не национально-территориальный, а экономико-территориальный принцип в образовании субъектов Федерации, что позволит обеспечить не только экономическую самостоятельность субъектов Федерации, но и развитие экономического потенциала государства») [2].

В. В. Гошуляк предложил «конституционную модель российского федерализма»: «Российскую Федерацию следует отнести к конституционным федерациям с законодательным разграничением полномочий, построенным на основе сочетания национального и территориального принципов при доминировании последнего, к симметричным федерациям с определенной асимметрией в

¹ © Эриашвили Н. Д., 2020.

федеративных отношениях, к федерациям централизованного типа, где признается право народов на самоопределение в территориальных границах государства и предоставляется право субъектам Федерации участвовать в международных связях с субъектами иностранных государств» [9].

Результаты научных исследований о федерализме учитываются и в законодательстве Российской Федерации.

Принимаются нормативные правовые акты с разной юридической силой [4; 6], в которых регламентируется устройство государственной власти, в том числе с учетом федерализма.

Первоначально обращаемся к нормативному правовому акту с наивысшей юридической силой в Российской Федерации: к Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [3; 7; 20], в которой имеется гл. 3 «Федеративное устройство» (статьи 65–79) («1. В составе Российской Федерации находятся субъекты Российской Федерации: ...» – ст. 65).

Положения главы 3 Конституции Российской Федерации о федеративном устройстве Российской Федерации [21] детализированы в нормативных правовых актах с меньшей юридической силой.

Так, в соответствии с Федеральным конституционным законом Российской Федерации «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» (одобрен Государственной Думой 30 июня 2006 г.; одобрен Советом Федерации 7 июля 2006 г.) [15] «в составе Российской Федерации образуется новый субъект Российской Федерации в результате объединения двух граничащих между собой субъектов Российской Федерации – Камчатской области и Корякского автономного округа».

Федеральным конституционным законом Российской Федерации «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения – Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» (одобрен Государственной Думой 22 сентября 2005 г.; одобрен Советом Федерации 5 октября 2005 г.) [16] «в составе Российской Федерации образуется новый субъект Российской Федерации в результате объединения трех граничащих между собой субъектов Российской Федерации – Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа».

Федеральным конституционным законом Российской Федерации «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» (одобрен Государственной Думой 5 июля 2007 г.; одобрен Советом Федерации 11 июля 2007 г.) [18] «в составе Российской Федерации образуется новый субъект Российской Федерации в результате объединения двух граничащих между собой субъектов Российской Федерации – Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа».

Федеральным конституционным законом «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (одобрен Государственной Думой 20 марта 2014 г.; одобрен Советом Феде-

рации 21 марта 2014 г.) [19] «1. Республика Крым принимается в Российскую Федерацию ...») [1]. Мы разделяем суждения автора о недопустимости политизации при принятии Республики Крым в состав Российской Федерации

Федеральным конституционным законом Российской Федерации «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» (одобрен Государственной Думой 19 марта 2004 г.; одобрен Советом Федерации 24 марта 2004 г.) [14] «в составе Российской Федерации образуется новый субъект Российской Федерации в результате объединения двух граничащих между собой субъектов Российской Федерации – Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа».

Федеральным конституционным законом Российской Федерации «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» (одобрен Государственной Думой 15 декабря 2006 г.; одобрен Советом Федерации 22 декабря 2006 г.) [17] «в составе Российской Федерации образуется новый субъект в результате объединения двух граничащих между собой субъектов Российской Федерации – Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа».

Важно иметь в виду и постановление ГД ФС РФ «О проекте Федерального закона «О принципах федерализма в России» № 1156-III ГД от 15 февраля 2001 г. [13] Правда, этот законопроект так и не приобрел юридическую силу Федерального закона Российской Федерации («1. Отклонить проект Федерального закона «О принципах федерализма в России», внесенный депутатом Государственной Думы В. И. Варенниковым»).

Таким образом, несмотря на относительно короткий исторический период (с 1991 г.), федерализм в Российской Федерации существенно видоизменяется.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, федерализм является межотраслевой категорией, предполагающей определение его содержания видными представителями разных отраслей науки, в том числе и юридической.

Во-вторых, федерализм в узком смысле слова необходимо рассматривать в качестве существенного признака Российской Федерации, как субъекта международного права.

В-третьих, нормативным правовым актом о федерализме Российской Федерации необходимо признать Конституцию Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.

В-четвертых, все иные нормативные правовые акты о федерализме Российской Федерации не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

Список литературы:

1. Батюк В. И., Галузо В. Н. Право и политика в Российской Федерации: допустимо ли смешение? // Право и жизнь. – 2018. – № 2. – С. 43–56.
2. Бутенко А. В. К вопросу о современной модели российского федерализма // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 10. – С. 25–29.

3. Галузо В. Н. Возможно ли обеспечение единообразного исполнения законодательства при отсутствии его систематизации? // Государство и право. – 2014. – № 11. – С. 98–102.
4. Галузо В. Н. О роли нормативного правового акта в системе права Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. – 2009. – № 4. – С. 27–30.
5. Галузо В. Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 5. – С. 119–123.
6. Галузо В. Н. Систематизация законодательства в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Закон и право. – 2009. – № 8. – С. 28–30.
7. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.
8. Глигич-Золотарева М. В. Правовые основы федерализма. М. : Юристъ, 2006.
9. Гошуляк В. В. Конституционная модель российского федерализма в перспективе решений Венецианской комиссии // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 36–40.
10. Добрынин Н. М. Российский федерализм (генезис, эволюция): Избранные публикации. В 2 т. Т. 1. Новосибирск : Наука, 2008.
11. Молчаков Н. Ю. Федерализм как принцип территориальной организации публичной власти: теоретико-методологические аспекты // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 8. – С. 3–7.
12. Сергеев А. А. Федерализм и местное самоуправление как институты российского народовластия. М. : Юриспруденция, 2005.
13. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 9, ст. 824.
14. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 13, ст. 1110.
15. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2005. – № 42, ст. 4212.
16. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 29, ст. 3119.
17. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 1, ч. I, ст. 1.
18. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 30, ст. 3745.
19. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 12, ст. 1201.
20. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398.
21. Сухондяева Т. Ю., Галузо В. Н. О проблемах федеративного устройства, административно-территориального и военно-административного деления Российской Федерации // Сетевой электронный научно-популярный журнал частного и публичного права. – 2018. – № 1. – С. 83–89.

Лановая Г. М.¹,

профессор кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДИАЛЕКТИКИ В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА

Общим местом многих изданий и научных публикаций, посвященных вопросам методологии теоретико-правовых исследований, традиционно является указание на диалектику как на метод, которому отводится или, по крайней мере, должна быть отведена особая роль в изучении правовых явлений. В этой связи вполне объяснимым оказывается то, что упоминание диалектики (диалектического метода) встречается в описании методологической основы многих диссертационных исследований, так или иначе связанных с современным правом [8, с. 6; 9, с. 6–7].

Вместе с тем, вопрос о применении диалектики в теоретико-правовых исследованиях современного права является не таким простым, каким он кажется на первый взгляд. Споры, которые велись вокруг диалектики отечественными философами на рубеже XX–XXI вв. [4], обусловили появление в теоретико-правовой науке мнения о необходимости развенчания тех представлений о роли материалистической диалектики в изучении права, которые были характерны для юридической науки советского периода [2, с. 21]. В результате некоторые ученые не просто отказались от указания на особую значимость диалектики как метода научного познания правовых явлений и процессов, но и вообще стали избегать ее упоминаний при описании методологии проводимых ими научных исследований – даже в тех случаях, когда ее элементы с очевидностью находят свое применение [1, с. 10–11; 6, с. 6; 3].

Решая вопрос о том, какова подлинная роль диалектики в изучении современного права, требуется, прежде всего, обратить внимание на то, что ее вряд ли можно рассматривать в качестве метода познания. Метод познания представляет собой «совокупность приемов, способов, с помощью которых осуществляется процесс получения знаний о сущности и закономерностях государственно-правовых явлений» [10, с. 7]. Однако, диалектика – не совокупность приемов, способов достижения цели исследования, а целостная теория, учение, и в этой связи ее вряд ли можно рассматривать как метод, речь о ней можно вести лишь как об особом методологическом подходе.

Если метод – это совокупность конкретных приемов, способов познания, то методологический подход – это даже не система методов, а гораздо большее. Помимо конкретных приемов и способов познания, методологический подход включает в себя те идейные ориентиры, которые задают общий вектор исследования и придают ему определенность, а также принципы познания, учитываемые закономерности и т. д. Методологический подход – это «система координат», в которой изучается исследуемый объект.

¹ © Лановая Г. М., 2020.

Отдельно следует подчеркнуть то обстоятельство, что, поскольку метод и методологический подход соотносятся между собой не как локальное и всеобщее, а как часть и целое, в характеристике диалектики указание на нее как на «всеобщий метод» не может быть признано равнозначным ее характеристике как методологического подхода.

Что касается понятия «диалектический метод», то оно само по себе может рассматриваться лишь как условное, поскольку описания названного метода в специальной литературе [5; 11] свидетельствуют о том, что в данном случае охватываемое понятием содержание в действительности гораздо шире того, что включает в себя метод. Говоря о диалектическом методе, фактически подразумевают не метод, а особый методологический подход.

Если описывать диалектику с точки зрения ее природы, то важнейшей ее характеристикой является то, что она представляет собой не научный, а философский подход. Указание на нее как на заключающую в себе наиболее универсальные принципы мышления подразумевает, что речь идет о принципах именно философского, а не научного мышления. Вместе с тем, философское мышление имеет принципиальные отличия от научного. В частности, если философское мышление является категориальным, то научное мышление – понятийное; философское мышление направлено на реальность в ее целостности, научное – на выделенный из этой целостности предмет, а в некоторых случаях – на отдельные стороны, свойства предмета; философское мышление является рефлексивным, а научное – нет; философское мышление не имеет практической направленности, целью научного мышления всегда выступает знание, имеющее практическое применение.

Сказанное в полной мере относится к характеристике философского и научного мышления о современном праве и, значит, к характеристике философского и научного подходов к его познанию. Это позволяет говорить о том, что диалектика не может быть тем методологическим подходом, который способен стать «системой координат» теоретико-правовых исследований современного права.

Будучи философским по своей природе методологическим подходом, диалектика, по справедливому наблюдению В. П. Малахова, может применяться и как нефилософская, т. е. общенаучная методология [7, с. 21]. В то же время, однако, различия в философском и научном мышлении предопределяют то, что в реальности в исследованиях современного права диалектика может быть применена лишь в отдельных своих элементах. Иными словами, в таких исследованиях применима не диалектика вообще, а ее отдельные идеи, принципы и т. д., причем «решение проблемы применимости диалектической методологии в теории государства и права находится в прямой зависимости от того, способны ли мы и желаем ли изменить ее характер, готовы ли мы, например, к созданию новой теории, сочетающей в себе научный и философский подходы к предмету. И это задача не столько научно-познавательная, сколько политико-идеологическая» [7, с. 22].

Отказ от признания диалектики «методологической основой познания права» [4, с. 32] в пользу рассмотрения ее в качестве философского методологического подхода, применимого в теоретико-правовом исследовании совре-

менного права в отдельных элементах, на наш взгляд, позволяет избежать, по крайней мере, двух опасностей. Во-первых, отказываясь от идеи найти применение диалектике как методологическому подходу, задающему «систему координат» для теоретико-правовых исследований современного права, мы, прежде всего, избегаем опасности превращения теории современного права в рефлексию правосознания по поводу него. Во-вторых, мы избегаем опасности «обнаружить» действие законов диалектики там, где оно в реальности не прослеживается. Так, мы получаем возможность отказаться от поиска связей и закономерностей там, где они в действительности отсутствуют: например, можем отказаться от попыток обнаружения причин такого юридически значимого поведения, которое в действительности носит иррациональный характер.

Вместе с тем, включение в структуру методологии научного исследования современного права компонентов диалектики зачастую позволяет преодолеть слабые стороны применяемых средств научного познания и компенсировать выступающее следствием ограниченности их возможностей недостаточно полное понимание предмета. Кроме того, оно позволяет повысить адекватность решения частных познавательных задач, имеющих промежуточное значение и предполагающих анализ правовой действительности в каких-либо строго определенных, отдельно взятых аспектах. В частности, применение диалектики в отдельных ее компонентах позволяет рассмотреть современное право в его динамике, обнаружить источник происходящих в нем изменений, дать характеристику праву разных типов в их связи и взаимной зависимости, а также в неразрывной связи с явлениями и процессами, характеризующими современную социальную жизнь.

Итак, несмотря на широкую распространенность представлений о том, что диалектика выступает всеобщим и универсальным методом познания права, в том числе современного, в действительности, она таковым не является. Диалектика представляет собой не метод научного познания, а целостный методологический подход, причем в качестве такого подхода она универсальна лишь для философии.

В силу принципиального отличия научного мышления от философского в теоретико-правовых исследованиях современного права диалектика может использоваться лишь в отдельных своих элементах. Именно такое применение диалектики дает возможность повысить содержательность знаний о современном праве.

Список литературы:

1. Азми Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. М. : Юстицинформ, 2014.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М. : Юриспруденция, 2009.
3. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.

4. Захарцев С. И. Возвращаясь к дискуссии о диалектике как методологической основе познания права // Мониторинг правоприменения. – 2015. – № 1. – С. 32.
5. Зеленов Л. А. Диалектический метод // Философия и общество. – 2007. – № 1. – С. 5–13.
6. Макеева Е. М. Система права Российской Федерации (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2011.
8. Пищулин А. В. Юридический позитивизм в современном правопонимании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
9. Пронина М. А. Правовая культура и идеи патриотизма в современной России: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
10. Теория государства и права. Введению в юриспруденцию / под ред. В. П. Малахова, С. В. Долгушиной. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2012.
11. Шibaкова Е. А. Диалектический метод познания в философии // Интеллектуальный потенциал XXI в.: ступени познания. – 2011. – № 5–2. – С. 114–117.

Медушевская Н. Ф.¹,

профессор кафедры философии

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ СПОСОБА ЮРИДИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть наука историческая наука, имеющая своим предметом историческое развитие человеческого мышления. Поэтому способ мышления людей в разные эпохи качественно различен, и эти различия имеют исторический характер и подчиняются историческим закономерностям. Историческая природа человеческого мышления сегодня признается подавляющим большинством представителей философии и социально-гуманитарных наук. Достаточно назвать работы И. Лакатоса, К. Леви-Стросса, М. Фуко, Т. Куна и др. В работах этих ученых ставится вопрос не только об изменчивости человеческого мышления во времени, но и о закономерностях этого изменения, о той или иной структуре, типе мышления эпохи [5, с. 190]. Для обозначения структуры мышления эпохи М. Фуко, например, предлагает термин «эпистема»: «В культуре в данный момент всегда имеется лишь одна эпистема, определяющая условия возможности любого знания, проявляется ли оно в теории или незримо присутствует в практике» [8, с. 234]. Т. Кун использует в этих целях понятие «парадигма», под которой он понимает научные достижения, признающиеся в течение определенного времени каким-либо научным сообществом в качестве средства для всей дальнейшей практической деятельности. Достижения эти, как правило, излагаются в основополагающих учебниках и обладают двумя свойствами: беспрецедентностью и открытостью. Появление парадигмы, по Т. Куну, говорит о зрелости той или иной научной дисциплины. Парадигма не ставит перед учеными цель создания новых теорий, но она стимулирует их творческий интерес на уже достигнутом и тем самым углубляет знания о предмете [2].

Одни ученые связывают исторические изменения мышления с развитием только научного способа познания мира, другие – со способом мышления вообще. Однако, несмотря на эти различия в подходе, всех объединяет общее стремление раскрыть основу и структуру способа мышления той или иной эпохи, а главное – закономерности исторического изменения этих структур. При этом способ мышления эпохи распространяется на все области духовной жизни человека, будь то искусство, бытовая жизнь или научная область, следовательно, способ мышления эпохи незримо присутствует в юридическом мышлении любого периода.

Способ мышления эпохи представляет собой чисто историческое явление. Развитие способа мышления эпохи непосредственно не связано с включением в его структуру явлений природы. Все элементы способа мышления людей представляют собой всегда стороны знания без каких-либо элементов при-

¹ © Медушевская Н. Ф., 2020.

роды. В ходе истории гибли цивилизации, исчезали их материальные носители, но вместе с ними не исчезал бесследно способ мышления, он передавался другим народам или же служил основой для возникновения нового способа мышления. Например, погибшая вавилонская цивилизация передала свой способ мышления для дальнейшего совершенствования и развития античной Греции.

Следовательно, способ мышления людей не зависит непосредственно от взаимодействия с природными явлениями, а также от действия законов природы, он является чисто духовным явлением. Что же понимается под способом мышления эпохи? Под способом мышления можно иметь в виду уровень познания, мышления. Их было четыре: формирующееся логическое мышление (первобытная эпоха), обыденное мышление (эпоха рабовладения и средневековья), эмпирическое мышление (XVI–XVII вв.) Нового времени и теоретическое мышление (начиная с XIX в. и по сегодняшний день). Разумеется, речь идет о господстве соответствующего уровня мышления в ту или иную эпоху, а не о его единственности.

Однако понятия «уровень мышления» и «способ мышления» не идентичны. Понятие уровня познания, мышления значительно шире и может подразделяться на ряд способов мышления. Например, обыденный уровень мышления выступает как способ мышления античной и способ мышления средневековой эпохи, т. е. как религиозно-мистическое мышление. Религиозное мышление есть не научное, а мистифицированное обыденное мышление. В рамках самого античного мышления обыденное мышление может выступать как диалектический или метафизический способ мышления. В простейших отношениях единого и многого, внутреннего и внешнего, верха и низа и т. д. древнегреческие диалектики обнаруживали противоречие, с понимания которого, как известно, и начинается всякая диалектика.

Способ мышления эпохи нельзя отождествлять также и с психологией, с воззрениями и умонастроениями социальных групп, классов и их представителей-идеологов [1]. Утверждение типа «помещичий способ мышления» и др. в известном смысле правомерны, но в то же время условны. Более точный смысл этих выражений означает определенную социальную психологию той или иной социальной группы или ее умонастроения, воззрения и т. д. Способ же мышления эпохи подчиняет себе не только умонастроения, воззрения всех социальных групп, но даже все способы духовного освоения мира человека в данную эпоху – религиозный, практически-рассудочный, художественный и особенно научный. М. Фуко совершенно справедливо отмечает то обстоятельство, что два противоположных подхода («системы мышления») в ту или иную эпоху по одним и тем же проблемам могут основываться на одной и той же логической основе. «Но если принадлежность к социальной группе всегда можно объяснить тем, что такой-то или такой выбрал бы, скорее, одну систему мышления, чем другую, то условие мыслимости этой системы никогда не основывается на существовании этой группы. Нужно тщательно различать две формы и два уровня исследований. Одно исследование было бы анализом мнений, позволяющим узнать, кто же в XVIII в. был физиократом и кто был антифизиократом; чьи интересы отражала эта полемика; каковы были спорные вопросы и аргументы, как развертывалась борьба за власть. Другое исследование, не прини-

мающее во внимание ни конкретных деятелей, ни их историю, состоит в определении условий, исходя из которых стало возможным мыслить в связанных и синхронных формах «физиократическую» и «утилитаристскую» системы знания» [8, с. 274]. С другой стороны, М. Фуко отмечает также единство систем знания, лежащее в основе не только противоборствующих партий в науке, но и единство, сложившееся в XVIII в. между разнородными областями познания – между «анализом богатства» (политической экономией), «естественной историей» (биологией) и «всеобщей грамматикой» (языкознанием).

Итак, что же понимать под способом мышления эпохи? Во-первых, это определенная исторически сложившаяся структура мышления людей, определенный строй категорий (понятий), которые связаны между собой только в данной последовательности. Допустить, что в каждой области знания эта структура перестраивается, изменяется, значит, признать, что или эти области знания находятся на различных уровнях зрелости (что вполне может быть), или ни в какую эпоху не существует единого или хотя бы господствующего, определяющего способа мышления, что вряд ли верно, поскольку противоречит истории человеческого познания.

Во-вторых, способ мышления эпохи предполагает разработку и широкое применение новых логических (философских) категорий, играющих определяющую или, по крайней мере, весьма существенную роль в отношении остальных.

В-третьих, способ мышления эпохи характеризуется разработкой ряда философских категорий в методы познания, которые начинают применяться и применяются повсеместно. Так, например, введение в логическую структуру мышления людей таких категорий, как «развитие», «историзм» в качестве принципов привело через несколько лет к разработке исторических методов познания в различных областях гносеологии и социально-гуманитарных наук. Эти принципы были разработаны в соответствующие общие методы, определен способ мышления людей во всех основных областях научного познания, начиная с XIX в. Поэтому преждевременно говорить о формировании данного способа мышления эпохи до тех пор, пока уже возникшие философские принципы не разработаны в соответствующие методы познания и практики и не применяются во всех сферах. Разумеется, необходимо учитывать и соответствующие данной области познания модификации. Отсюда следует, что процесс формирования способа мышления эпохи может занимать десятилетия, а иногда и целое столетие.

Итак, «способ мышления эпохи – это определенная исторически сложившаяся структура мышления людей, строй категорий, связанных между собой в данной последовательности, и характеризующийся способностью разрабатывать новые философско-логические категории, играющие важную роль в отношении остальных, на основе которых вырабатываются методы познания, применяющиеся повсеместно» [5, с. 118–119].

В научной литературе способ мышления эпохи сравнивают с понятием «коллективное бессознательное», которое ввел К. Г. Юнг. И действительно, эти понятия находятся в диалектической связанности. Но если внимательно рассмотреть понятие коллективного бессознательного, то становится очевидным, что оно отражает инстинктивную деятельность людей и закрепляет типы пове-

дения людей разных эпох, притом, что способ мышления эпохи характеризуется строем категорий, которые ни в коем случае не являются способом инстинктивной рефлексии, а принадлежат уже теоретическому мышлению, которое формируется в ходе практической деятельности человечества. «Архетипы же коллективного бессознательного заложены изначально в качестве родовых, инстинктивно данных образцов и форм психической деятельности человека» [6, с. 254].

Способ мышления эпохи связан с формами мышления, которые изучает диалектика как логика, поэтому диалектический метод и его законы в обобщенном виде лежат в основе способа мышления эпохи.

Так, содержание категории отрицания меняется от эпохи к эпохе. В эпоху варварства в условиях первобытности человечество еще не владело понятием противоположностей и, по сути, не знало отрицания. Вернее, отрицание существовало, но как разрушение, уничтожение, не в его диалектическом понимании. В эпоху античности отрицание предполагало утверждение более совершенной формы, образца, идеала. В эпоху средневековья отрицание восстанавливалось через очищение и утверждение идей миллениаризма, или хилиазма, согласно которому в «тысячелетнем царстве» святые мученики восстанут из мертвых и будут царствовать вместе с Христом (Тертуллиан, Ириней). В Новое время разрушение уже сочетается с созиданием, но отрицание продолжало доминировать. А уже в XIX в., в Новейшую эпоху идеи строительства нового общества существовали в качестве идеальных моделей, а не реального плана. «Сегодня отрицание, через которое утверждается новое, отличается (и дальше это будет еще явственнее) от предшествовавшего отрицания своей, так сказать, «дробностью», характером «малых шагов», «квантовых скачков», которые затрагивают не все целое сразу, одновременно, но как это было в революциях, а последовательно, «звено за звеном». Поэтому самые серьезные изменения будут выглядеть лишь как «обновление», а не разрушение с последующим созиданием» [6, с. 256].

Рассмотрим теперь, как способ мышления отражается в юридическом мышлении, исходя из определения способа мышления эпохи и системы изменяющихся логических категорий и юридических понятий, таких как справедливость, равенство и свобода. Пожалуй, центральное место среди этих парадигмальных понятий занимает понятие справедливости, содержание которого меняется в зависимости от уровня достигнутых общественных отношений, вытекает из того понимания равенства, которое доминирует в ту или иную эпоху.

В эпоху зрелого рабовладения справедливость понималась как выражение гражданственности и преданности своему полису, а благо всего государства – как высшая цель. «Отношение взаимной полезности в праве – это та форма справедливости, которая соответствует логике мышления эпохи» [6, с. 296]. В это время все усилия направлены на то, чтобы преодолеть отождествление справедливости с силой (Платон), которое доминировало в предшествующую эпоху. Представление о справедливости кардинально меняется в эпоху средневековья, когда она утверждается, но в потустороннем мире. В этом проявляется принцип единства противоположностей, характерный для способа мышления средневековья. Средневековый способ мышления поставил вопрос о неприменимости логики обыденной жизни к миру сверхчуждственного, умозрения, чего

мышление рабовладельческого общества сделать не могло, распространяя логические связи, формирующиеся в обыденном познании, на мир сверхчувственного. Для этого времени характерно объединение государств, что вполне соответствует логике единства противоположностей.

В эпоху варварства еще не было юридического мышления, но господствовало обычное право, согласно которому равенство проявлялось в равенстве всех перед вождем, предводителем, а справедливость отождествлялась с силой и мечом. В эпоху рабовладения разговоры о формальном равенстве быть не могло в силу существования рабства, когда по отношению к рабам существовало вещное отношение. Зато христианская религия провозгласила равенство всех перед Богом, что нашло свое правовое воплощение в XIX в. в равенстве всех перед законом. Это была та же идея всеобщего равенства, но сюда добавилось промежуточное звено – верховенство закона. Поэтому равенство превратилось из равенства перед Богом в равенство перед законом. Это привело к тому, что уже в конце XIX в. и, особенно в начале XX столетия, произошел буквально революционный переворот в законодательстве. А начиная с конца 70-х гг. XX в. прекратилось жесткое противопоставление капитализма и социализма, что приводило ранее к холодной войне, появились помимо частной собственности другие формы собственности, например, в США и Европе собственниками предприятий стали, в том числе, и рабочие, трудившиеся на них, стала появляться и частная собственность в социалистических странах (странах народной демократии).

Гениальная мысль Гегеля о диалектическом отрицании связана с другой, не менее плодотворной идеей – о наличии промежуточных звеньев. Поэтому великие потрясения, взрывы, кардинальные и моментальные скачки все меньше и меньше увлекают человечество. На место взрыва приходит «стабильность в движении». Чем больше развито целое, тем больше значение диалектики переходов, опосредствования противоположностей. В современной России эта логическая связь нашла, в частности, отражение в концепции жесткой и мягкой модернизации, когда под жесткой модернизацией понимается следование определенному образцу (западному) с опорой на элиту. В то время как мягкая модернизация предполагает именно наличие промежуточных звеньев, учет исторических и культурных особенностей страны, ценностей и традиций, учет интересов различных социальных слоев и этносов. В связи с этим В. М. Розин отмечает: «Целесообразнее говорить о переходном периоде, когда стратегия мягкой модернизации будет компромиссно сочетаться как с традиционными подходами к решению проблем, так и со стремлением отдельных субъектов реализовать стратегию жесткой модернизации или немодернизированных действий. Важно, однако, сохранить ведущую установку на стратегию мягкой модернизации, по возможности подчиняя ей другие подходы, тем более, что стратегия мягкой модернизации предполагает адаптацию к другим подходам и способам решения социальных и культурных задач и проблем» [7, с. 15].

Из истории известно, что многие войны и революции повторяли друг друга (Великая Французская революция и Октябрьская социалистическая революция). С одной стороны, это говорит о глубокой укорененности в коллективном бессознательном способов и средств, использованных в более ранние эпо-

хи. Но, с другой стороны, сравнение результатов войн и революций в разные эпохи показывает различное понимание категории отрицания.

Интересным является и другой момент – существование одновременно двух различных способов мышления. В России на современном этапе доминирует все еще традиционный способ мышления, ориентирующийся на полное отрицание [4, с. 150–157]. Это способ мышления великих революций и воспетого в различных произведениях общественно-политической мысли революционного нигилизма с его отрицанием права. Впрочем, такое положение существует и поныне, что выражается в неверии в силу закона, в отождествлении права и закона, в нежелании формировать юридическое мировоззрение, в низкой правовой грамотности населения [3]. Даже проводимые в стране реформы сохраняют старые традиционные представления, что, например, привело к разрушению советской школьной системы.

Другой пример связан с понятиями «гуманизм», «свобода», «равенство», «справедливость». Конечно, эти понятия оказали определенное воздействие на способ мышления Новейшего времени, но Россия, которая все еще живет в рамках традиционного способа мышления предшествующего времени, оказалась неспособной воспринять эти понятия. Неслучайно поэтому после реформ Александра II был всплеск забастовок, стачек, бунтов, терроризма, в результате чего погиб и сам архитектор этой свободы. Россия оказалась не готовой к испытанию свободой, о чем писал П. А. Кропоткин в своих мемуарах «Записки революционера». Следовательно, можно сделать вывод, что понятие отрицания имеет в разные эпохи разное содержание. Гегель выделил следующие типы отрицаний – метафизическое, диалектическое, бесплодное, продуктивное и т. д. Но он не ставил вопрос об изменчивости категории отрицания в зависимости от эпох, поскольку его интересовала логика абсолютной идеи, мышления.

В способе мышления эпохи можно выделить центральную категорию, такой категорией может быть только философская категория, которая является основой исследований и практики в разных направлениях, в том числе и в юридическом мышлении.

М. Фуко назвал категорию сходства, подобия в качестве центральной для способа мышления, или эпистемы XVI в. с его иллюзией о тождестве своих достижений и достижений античной культуры как эталона, с его шаткими аналогиями и обманчивыми подобиями и сходствами. В XVII – начале XVIII вв. в мышлении особо часто встречается и используется отношение тождества и различия, выраженное категорией качества, понимаемого ограниченно, не как диалектическое противоречие. Категория аналогии как формального логического спутника категории тождества дополняется категорией редукции (Р. Декарт), сводящей различие вещей или свойств к их общей простейшей основе. Субстанциальная сущность природы еще абсолютизируется и противопоставляется всему изменчивому и историческому. Поэтому и в теории естественного права, которая доминировала в этот исторический период, право рассматривалось как неизменное и универсальное, единое для всех народов и обществ.

Но уже в конце XVIII в. в качестве определяющей становится категория качества, связанная с категорией «изменчивость». Неслучайно поэтому в это

время появляется историческая школа права, которая ставит вопрос об изменчивости права и его зависимости от духа народа. Категория «прогресс», будучи лишь одной из ступеней в формировании способа мышления этой эпохи, соответствовала категории «становление», приложенная к социальным явлениям.

В XIX в. категория становления вытесняется категорией диалектического отрицания, качественного превращения. В социальной области понятие общественного прогресса дополняется категорией революционного отрицания, социальной революции (глобальное отрицание). Так, Великая Французская революция тщетно надеялась, что она восстанавливает римское право, а уже в XIX – начале XX вв. революция понимается как процесс рождения нового, отрицание всего старого как изжившего (категория революционного отрицания).

Для мышления современной эпохи характерна категория диалектического опосредствованного перехода от одной противоположности к другой, выдвигаясь на передний план, проникает во все области познания. Если раньше переходы осуществлялись через уничтожение, разрушение и созидание, как это было в России в 90-е годы. прошлого столетия, то теперь мы ищем пути обновления, не разрушая все целое. «Обновление – это самый эффективный и надежный способ развития, при котором доминируют «стабилизирующие факторы» прошлого» [6, с. 358]. В юридическом мышлении это нашло отражение в развитии новых типов правопонимания, таких как интегральная юриспруденция, сетевая концепция права, коммуникативное правопонимание и др., в методологии науки – в развитии системной методологии.

Логическое развертывание категорий философии в определенную последовательность должно соответствовать их исторической последовательности развития. Эта связь кладется в основу построения системы категорий диалектики в качестве методологического принципа.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.
2. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. М., 1977.
3. Медушевская Н. Ф. Правовой нигилизм в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 6. – С. 25–28.
4. Медушевская Н. Ф. Традиционализм российской правовой культуры и западные инновации // Правовые традиции. Жидковские чтения : материалы Международной научной конференции. М., 2014.
5. Мостовая Н. Ф. Общественно-историческая практика и развитие мышления : дис. ... канд. философ. наук. М., 1982.
6. Оруджев З. М. Способ мышления эпохи: Философия прошлого. – 3-е изд. М., 2016.
7. Розин В. М. Философия права: Генезис права. Особенности юридического мышления. Преступная личность. М., 2016.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с франц. М., 1977.

Никитин А. Н.¹,

*профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор исторических наук, доктор юридических наук;*

Никитина М. А.²,

старший научный сотрудник ФГКУ «ВНИИ МВД России»

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА, ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА И ДИАЛЕКТИКИ

В период существования советской власти история России трактовалась в соответствии с законами исторического материализма – капитализм, благодаря реформам Александра II, окончательно сменил феодализм, Великая Октябрьская революция открыла стране путь к социализму, положила начало становлению коммунистической формации. Советская историография не только российскую, но и всю мировую историю втиснула в прокрустово ложе формационного подхода, разработанного К. Марксом и Ф. Энгельсом. Между тем основоположники марксизма отдавали себе отчет в том, что Восток не вполне вписывается в их схему, поэтому выдвинули идею об азиатском способе производства. Его существование они обосновывали отсутствием на Востоке частной собственности на землю. В 30–40-е гг. XX в. советские историки приложили немало усилий для доказательства правоты своих идейных учителей, но безуспешно. Исторические источники, и прежде всего древневосточные памятники истории, культуры и права, свидетельствовали об обратном. Частная собственность на землю возникла на Востоке еще в глубокой древности, хотя господствующее положение занимали государственная и общинная.

Известно, что к России отношение творцов исторического материализма было неоднозначным. «Жандармом Европы» называли ее кумиры российских социал-демократов. Более того, Ф. Энгельс в письме к Вере Засулич писал, что они с К. Марксом при разработке своей теории мировой революции Россию вообще не учитывали, и советовал русским марксистам не стремиться установить в крестьянской стране диктатуру пролетариата, а обратить внимание на крестьянский социализм и ее носителя – крестьянскую общину.

Однако совет Ф. Энгельса, его предостережение против механического перенесения на русскую почву теоретических положений и политических конструкций, сформулированных на европейском материале, не были услышаны. В. И. Ленин еще в начале XX в. в работе «Развитие капитализма в России» доказывал, что Российская империя движется по европейскому пути, в ней тоже вызревают предпосылки и условия для пролетарской революции. Первая мировая война и Февральская революция радикализировали взгляды вождя большевиков. В апреле 1917 г. он призвал рабочих, солдат и беднейшее крестьянство взять власть в свои руки, уверял их в своих выступлениях на митингах и в га-

¹ © Никитин А. Н., 2020.

² © Никитина М. А., 2020.

зетных статьях, что мировая пролетарская революция произойдет в ближайшие месяцы и развитые страны придут на помощь России.

Социалистическое строительство, начатое после прихода Советов к власти, усилило гражданскую войну, ввергло страну в глубочайший экономический и политический кризис. Промышленное и сельскохозяйственное производство резко сократилось, голод охватил многие губернии, повсюду вспыхивали крестьянские восстания, особенно мощные – в Сибири и на Тамбовщине. Против политики, проводившейся большевиками, выступили даже кронштадтские моряки – опора советской власти. Но главное – расчет Ленина и предводительствуемой им партии на близкую мировую революцию не оправдался. Однако несмотря на тяжелое положение в стране, стабилизацию политической обстановки в европейских странах, Ленин не отказался от марксистской трактовки всемирной истории, хотя и был вынужден внести в нее существенные коррективы. Он признал: «Мы разрушили капиталистическую промышленность, постарались разрушить дотла учреждения средневековые, помещичье землевладение и на этой почве создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом из доверия к результатам его революционной работы. На этом доверии, однако, продержаться нам вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах нелегко...» [2, с. 401].

Теперь особые надежды вождь мирового пролетариата возлагал на «пробуждающийся», революционирующий Восток. Ленин был уверен – он может советской стране продержаться до победы социалистической революции в более развитых странах. Верный последователь Маркса утверждал: Восток окончательно выбит из своей колеи, его развитие направилось по общеевропейскому капиталистическому масштабу, в Индии, Китае и других восточных странах «началось общеевропейское брожение» [2, с. 402].

В неизбежность окончательной победы социализма, в то, что «весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию» [2, с. 402], Ленин верил до конца своих дней и эту веру завещал своим соратникам и преемникам. Однако нарисованные им перспективы мирового революционного процесса оказались верны лишь в одном – Восток действительно вступил в борьбу за свое освобождение от колониальной зависимости. Но не он помог советской стране выстоять в новой схватке с империализмом. Наоборот, Советский Союз помог странам Востока в их борьбе. Победить же гитлеровскую Германию и ее союзников советская страна смогла благодаря форсированной модернизации, мужеству и стойкости народа, огромным жертвам, принесенным на алтарь Победы, и вопреки прогнозу Ленина, вступив в союз с США и Англией.

Распад Советского государства, достигшего в 80-х гг. XX в. пика военного могущества, крах социализма в странах Восточной Европы, возникшего при непосредственном участии СССР, но не имевшего в них онтологических цивилизационных корней, явились убедительным свидетельством кризиса, если не сказать больше, учения, претендовавшего на научность, универсальность, непогрешимость. Как известно, Ленин утверждал: учение Маркса всесильно, потому что верно.

Сегодня его сторонники обосновывают научную состоятельность марксизма-ленинизма указанием на то, что в ряде стран Востока, и прежде всего в Китае, у власти по-прежнему Коммунистическая партия, а в экономике, государственном аппарате и управлении присутствуют черты, которые принято считать социалистическими.

Следует, однако, отметить, что эти черты в определенной степени свойственны восточной модели развития, восточному типу цивилизации. Но самое существенное в другом. Руководствуясь историческим материализмом, нельзя найти удовлетворительного объяснения, почему советская система в СССР потерпела крах, а сам он распался, хотя КПСС неоднократно заявляла о полной и окончательной победе социализма и нерушимой дружбе народов советской страны.

На наш взгляд, ответ на поставленные вопросы можно найти, обратившись к гегелевской диалектике и применив цивилизационный подход к истории. Как известно, законы диалектики – единство и борьба противоположностей, переход количества в качество и, наконец, отрицание отрицания – универсальны, они определяют развитие природы, общества, человека.

Цивилизационный подход к истории признает существование двух моделей развития человеческого общества, двух типов цивилизации – восточного и западного. Для первого и сегодня характерно доминирование государственной собственности на землю, верховенство интересов общества над интересами личности, понятие «гражданин», понимание принципа справедливости как способа обеспечения стабильности общественных отношений и государства, сакрализация носителя верховной власти.

Второму типу, возникшему на тысячелетия позже, еще в древности были присущи приоритет частной собственности, в том числе на землю, автономия личности, понятие «гражданин», понимание принципа справедливости в единстве с естественным правом, более рациональное отношение к верховной власти. Благодаря указанным чертам западной модели свойственна динамика, тогда как восточной – статика.

Своеобразие России, ее сила, но еще больше слабость обусловлены тем, что она до сих пор не принадлежит полностью ни к одной из этих моделей, ни к одному из указанных типов цивилизации, находится между Востоком и Западом. На данный факт указывали многие русские мыслители [1]. Отмечал его и Ленин, правда, в иной связи. В частности, в статье «О нашей революции» вождь большевистской партии писал, что Россия стоит на границе стран цивилизованных и стран Востока, поэтому она «могла и должна была явить некоторые своеобразия, лежащие, конечно, по общей линии мирового развития, но отличающие ее революцию от всех предыдущих западноевропейских стран и вносящие некоторые частичные новшества при переходе к странам восточным» [2, с. 379].

В действительности же не только своеобразие Октября внесло определенные новшества в революции, происходившие в странах Востока, в частности в Китае. Не менее значительным было влияние Востока на развитие России.

Древняя Русь возникла как часть христианского мира, как восточная его окраина и до середины XIII в. развивалась в общеевропейском русле. Двухсот пя-

тидесятилетнее татаро-монгольское иго в сочетании с природно-климатическими условиями генерировало восточный вектор развития. Именно под влиянием Золотой Орды, с учетом ее опыта государственного управления в России утвердилось самодержавие, а русское государство сформировалось как централизованное, причем значительно раньше, чем такие появились в Западной Европе.

Российские города, в отличие от западноевропейских, не были субъектами своего права, в них отсутствовали университеты, ставшие на Западе центрами образования, науки и культуры. Вплоть до эпохи Петра I восточный вектор доминировал в развитии страны. Именно в период Московского царства в полной мере проявились единство и борьба противоположностей – западного и восточного путей развития.

Петр I «прорубил» окно в Европу, а Екатерина II открыла «дверь» в нее, но только для дворянства. Основная же масса населения Российской империи – крестьянство – по-прежнему жило общиной, нормы религии, морали, обычного права, традиции, так же как и на Востоке, имели для него определяющее значение, особенно для жителей восточных окраин империи – Кавказа, Сибири.

Переход количества в новое качество был связан, прежде всего, с дворянством, представлявшим элиту общества. Декабристы с оружием в руках вышли на Сенатскую площадь, чтобы утвердить в России западные институты и ценности, а в марте 1917 г. практически весь генералитет Русской армии выступил за установление парламентской монархии по типу английской, потребовал отречения Николая II. Начавшееся в Петрограде восстание действующая армия легко могла подавить, но заговорщики во главе с генералом Алексеевым использовали его для давления на царя.

Февральская революция отвергла самодержавие, обеспечивавшее сосуществование в России элементов восточной и западной цивилизаций, открыла возможность превратить страну в составную и неотъемлемую часть Запада, но без территорий, благодаря вхождению которых в состав России она стала империей.

Октябрьская революция не только отвергла указанную перспективу, но и усилила восточный вектор в развитии страны. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая в противовес Декларации прав человека и гражданина, Декрет о земле, отменявший частную собственность на землю, – красноречивые, но не единственные свидетельства тому. Даже после введения новой экономической политики, являвшейся временной уступкой капиталистическим отношениям, Ленин подчеркивал решающую роль того обстоятельства, что в руках советского государства находятся все крупные средства производства. Нужно, считал он, только кооперировать все население страны и прежде всего крестьянство, научить его торговать не по-азиатски, а по-европейски. «А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией – это есть строй социализма» [2, с. 373] писал большевистский вождь в статье «О кооперации».

Ленинская идея кооперирования крестьянства воплотилась в коллективизацию, воспроизводившую элементы крепостничества. Более того, в советской стране в соответствии с марксистским учением была полностью ликвидирована

частная собственность и не только на землю. Советские граждане обладали личной собственностью, но она не распространялась на средства производства и вообще не должна была приносить прибыль. Даже восточная модель не знала такого ограничения частного права.

Но «крот истории», по выражению Маркса, продолжал свою работу. В течение десятилетий, особенно после XX съезда КПСС (1956 г.), в советском обществе, более всего в элите, росло критическое отношение к социалистическому строю и союзному государству. Переход в новое качество, сопровождавшийся отрицанием советского пути развития, произошел в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. Что же касается версий о предательстве советского руководства или отсутствия подлинного социализма в СССР то они, по меньшей мере, требуют более веских доказательств.

Однако перед современной Россией по-прежнему стоит проблема выбора, но уже не между моделями развития – западная победила. Сегодня выбор между Россией – сырьевым придатком Запада и даже ее разделом между сильными мировыми державами, и Россией, сохраняющей суверенитет над своей территорией и ресурсами, являющейся самостоятельным субъектом международной политики и международного права.

Жизненно важную для страны проблему решают российские элиты, а общество, пережившее в последние 30–40 лет сложную эволюцию, утратившее восточные, патриархальные черты и, прежде всего, коллективизм, становящееся по-западному индивидуалистическим, пока пребывает в роли наблюдателя.

Обобщая изложенное, представляется возможным утверждать, что крушение социализма и распад СССР – закономерный результат действия законов диалектики. Будущее же Российской Федерации зависит от того, в какой стране захочет жить общество.

Список литературы:

1. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков : для высших учебных заведений. В 2-х ч. / сост. Н. Г. Федоровский. М. : Наука, 1994.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. М., 1975.

Сигалов К. Е.¹,

*профессор кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
профессор кафедры истории права и государства
Юридического института Российского университета
дружбы народов, доктор юридических наук, доцент*

ИСТОРИКИ ПЕРИОДА РЕСТАВРАЦИИ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ МАРКСИЗМА

В 1913 г. В. И. Ленин выпустил статью, ставшую впоследствии обязательной для изучения и цитирования всех, кто занимался общественными, да и всеми гуманитарными науками – «Три источника и три составных части марксизма». Она содержала, по мнению Ленина, сжатый анализ исторических корней, сущности и структуры марксизма. Написана была в связи с 30-летием смерти Маркса и опубликована в легальном большевистском журнале «Просвещение» (1913. № 3). Предназначена она была для партийных активистов, пропагандистов марксизма среди рабочих.

Ленин, согласно давней российской традиции, писал свои труды в двух версиях: одну для просвещенной публики, другую – для народа. Данная статья была именно для народа. В силу этих причин представление о марксизме было значительно упрощено, вульгаризировано и политизировано. Были названы только три источника марксизма (немецкая классическая философия, английская политэкономия и французский утопический социализм). Как известно, этих источников гораздо больше, но их Ленин предпочел не указывать. Не упомянул он и об французских историках XIX в. (их часто называют историками периода Реставрации, период их деятельности был более длительным). Это Огюстен Тьерри (10.05.1795–22.05.1856); Франсуа Пьер Гийом Гизо (4.10.1787–12.09.1874); Франсуа Огюст Мари Минье (08.05.1796–24.03.1884); Адольф Тьер (14.04.1797–03.09.1877). В своей деятельности они совмещали журналистскую, научную, адвокатскую и политическую деятельность, причем в некоторых сферах они достигли весьма большого успеха.

Именно материалистическое понимание истории, сам принцип действия которого был впоследствии благополучно заимствован марксизмом, находился в центре их научных доктрин. В основании таковых лежала уверенность в том, что исторический процесс объективен, что его определяют не идейные представления исследователей, а социально-экономические причины, материальные интересы участников этого исторического процесса. В той же мере надо было придавать комплексу устоявшихся исторических терминов (король, феодализм, аристократия, революция и т. д.) конкретный смысл, объясняя их словесную или классовую роль. Именно в этом и состоит основная заслуга французских историков первой половины XIX в. перед наукой – они видели именно в классовой (или в их терминологии, сословной) борьбе главную движущую силу исторического процесса. Заметим, что это никак не противоречило марк-

¹ © Сигалов К. Е., 2020.

систской доктрине о законе единстве и борьбе противоположностей и современной социологической методологии познания социальных явлений. Собственно именно социологический подход находился в центре их научных доктрин. Но Ленину на страницах популярной статьи в 1913 г. сложно было признать, что приоритет в «открытии» классовой борьбы принадлежит не Марксу, а совершенно «буржуазным историкам», да к тому же еще и видным политическим деятелям буржуазного государства.

Франция конца XVIII–XIX вв. переживала чрезвычайно бурную и насыщенную историю. Революции и перевороты совершались с завидной постоянностью. Сами принципы революционной борьбы и взаимоотношения сторон стали классическими и приобрели терминологическую значимость. Политическая, правовая, социально-экономическая история Франции менялась с калейдоскопической быстротой, менялись воззрения, менялось само отношение к стране и ее истории. За какие-то 50–60 лет во Франции произошли три революции и несколько всевозможных переворотов, страна пережила три монархии, три республики, две империи. Все это происходило на протяжении жизни одного поколения, поколения этих самых «буржуазных историков» первой половины XIX в., что естественно заставляло задуматься о смысле происходящего. Пониманию существа происходивших во Франции событий способствовало наследие французского Просвещения и роль исторической науки в системе знаний обществе. Уже в начале XIX в., при Наполеоне историю начинают основательно преподавать в лицеях, а во французских университетах появляются кафедры истории. В 1816 г. французские власти восстанавливают открытую еще Жаном-Батистом Кольбером Академию надписей и изящной словесности, задачей которой было исследование памятников истории и исторических документов, как европейских, так и неевропейских, с 1819 г. власть стала выделять средства из бюджета на поддержание исторических памятников. В 1821 г. был открыт университет, специализирующийся на изучении вспомогательных исторических дисциплин – Национальная школа хартий, существующий по сию пору. Интерес к истории как к ключу понимания сути происходящих событий был огромный. Зримым показателем этого интереса было появление на литературном небосклоне страны такой яркой звезды исторического романа, как Александр Дюма¹.

Сама жизнь побудила историков этой эпохи к осмыслению сути происходящего, созданию универсальной теории классовой борьбы как движущей силы развития социальных отношений. История как объективный процесс подгонял историю как науку. В калейдоскопе событий историческая наука во Франции стала играть большую роль, можно сказать, смыслообразующую роль в формировании общественного сознания, она превратилась в орудие борьбы различных партий и группировок. Практически все французские историки первой половины XIX в., так или иначе, были непосредственно вовлечены в политическую и государственную деятельность.

¹ Тот факт, что Дюма сочинял свои романы в соавторстве с техническими исполнителями только подчеркивает значимость истории как фактора социальной жизни Франции первой половины XIX в.

Историки этого периода произвели настоящий переворот в исторической науке – во-первых, стали применять истинно научные методы в изучении исторического процесса, во-вторых, именно этим историкам, а никому другому принадлежит пальма первенства в обосновании теории классовой борьбы, в-третьих, обладая реальными рычагами власти во времена Третьей республики, они сумели реально воплотить в жизнь идеалы Великой Французской революции.

Лидером этого направления справедливо считается Огюстен Тьерри¹. Тьерри закончил Высшую нормальную школу – один из самых престижных университетов во Франции². История военных завоеваний у Тьерри была обусловлена развитием классового общества, появлением вследствие этого борьбы сословий. Так он пытался обосновать право третьего сословия (причем не только буржуазии, а всего народа) на социальное-экономическое и политическое доминирование в обществе и государстве. Тьерри утверждал, что подлинной историей является история народа, а не история королей, и именно таковую и следует писать. Маркс называл Тьерри «Отцом классовой борьбы», полагал, что никто кроме Тьерри не смог оценить исторический путь буржуазии к возвышению [4, с. 321].

Франсуа Гизо³ получил юридическое образование, был публицистом и политиком, в 20–40-е годы (до революции 1848 г.) XIX в. он становится заметным либеральным идеологом [1]. Его труды не столь цветисты, как труды Тьерри, но уровень исторических обобщений – более совершенен. Эволюционное и закономерное развитие исторического процесса Гизо объяснял целесообразностью, руководимой разумной силой. Цель развития социума, по мнению Гизо, состоит в создании справедливого и нравственного общества, называемого цивилизацией.

В отличие от Тьерри, Гизо считал, что борьба классов не тождественна борьбе наций, а обусловлена эволюционным развитием материального фактора – т. е. складывающихся имущественных отношений и совершенствованием форм собственности, в первую очередь – собственности на землю. Гизо одним из первых обратил внимание на крайнюю неоднородность третьего сословия и нарождающиеся в его недрах противоречия. Сравнивая историю английской и французской революции, Гизо указывал как на сходство (обусловленность политической борьбы социально-экономическими противоречиями), так и различия между ними (обусловленность национальным своеобразием).

У Маркса с Гизо отношения складывались очень непросто. В первую очередь Маркс имел в виду Гизо, когда писал Иосифу Вейдемейеру: «Мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а бур-

¹ «История завоевания Англии норманнами» (1825), «Письма об истории Франции» (1827), «Десять лет исторических исследований» (1834), «Опыт истории происхождения и успехов третьего сословия» (1853).

² Считается таковым по сию пору.

³ «История Английской революции» (1826–1827), «История цивилизации в Европе» (1828), «История цивилизации во Франции» (1829–1830).

жуазные экономисты – экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства; 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов» [3, с. 424]. С другой стороны, именно в тот период, когда Гизо был министром иностранных дел, Маркса в январе 1845 г. выслали из Франции. В дальнейшем Маркс внимательно следил за Гизо и за всеми представителями этого направления и всегда отмечал признаки, по его мнению, упадка и развития «буржуазности» в их творчестве.

Франсуа Минье получил юридическое образование¹. В отличие от других историков этого периода практически не занимался политической деятельностью. Только один раз Минье играл политическую роль, выполняя в 1833 г. в Испании чрезвычайное поручение. Крупнейшей работой либерально-романтического направления, посвященной французской революции, стал двухтомный труд Ф. Минье «История французской революции» (1824). В этой работе Минье обозначил основные пути, в русле которых будет развиваться буржуазно-демократическое направление во французской историографии французской революции XIX – начала XX вв. Минье является признанным специалистом по истории Реформации, им собрано четыреста актов и манускриптов этого периода, что позволило ему скрупулезно изучить все источники по этой проблеме. Совместно с Тьером и А. Каррелем накануне июльской революции участвовал в организации оппозиционной газеты «Националь», одним из первых выразил протест против июльских ордонансов, грубо нарушавших конституционную хартию 1814 г. Однако в новое правительство Минье войти отказался, предпочтя политической карьере место директора архива иностранных дел, где мог продолжать заниматься любимой наукой. С 1832 г. – секретарь Академии моральных и политических наук, с 1836 г. – член Французской академии. Но после событий 1848 г. ушел в отставку с должности директора архива, а после бонапартистского переворота 2 декабря 1851 г. совершенно прекратил всю свою общественную деятельность.

Вероятно, Марксу очень понравилось суждение Минье о том, что облик современной ему буржуазно-демократической Франции был обязан революции. Минье утверждал, что сам феномен возникновения революции исключительно объективен и неизбежен, его предпосылки обусловлены борьбой классов за свои социально-экономические интересы, а посему является необходимым процессом и подвержен нравственной оценке.

Лучшим другом Минье был Адольф Тьер², начинавший, как и Минье, адвокатом и публицистом и ставшим видным политическим деятелем Франции. Тьер был самым высокопоставленным представителем этой блестящей когорты. Вершиной его карьеры (а он занимал различные посты и в монархии Луи Филиппа Орлеанского, и во Второй империи) был пост первого президента

¹ Начинал учиться на юридическом факультете университета города Э., где сблизился с А. Тьером, закончил университет Экс-Марсель.

² Крупнейшее произведение – «История Французской революции» в 8 томах, выходила с 1823 по 1828 годы.

Третьей республики. Как уже отмечалось ранее, несмотря на все противоречия и свой бесславный конец, именно Третья республика воплотила идеалы Великой Французской революции в жизнь. Тьер-ученый и Тьер-практик неразделимы, все творчество Тьера подчинено практической политике, оправданию его политических взглядов и действий. В своем главном произведении Тьер-историк защищал Тьера-политика, которому нравились далеко не все революционные события. Он осуждал злоупотребления и неразумные действия королевской власти, послужившие причиной революции, крайности якобинской диктатуры. Для Тьера революция – это борьба буржуазии за приоритет в социальной жизни. Как и все историки этой плеяды, он в центр своей доктрины ставил теорию сословной борьбы, но в отличие от Минье видел в ее событиях не закон исторического развития, а случайность. Политические фигуры появлялись, по его мнению, на историческом небосклоне в нужное время, а исчезали, когда необходимость в них была исчерпана.

Маркс и Энгельс внимательно следили за эволюцией взглядов этой плеяды историков и с удовольствием отмечали, что они все же именно буржуазные историки. Следует отметить, что, несомненно, французские историки первой половины XIX в. оказали существенное воздействие на воззрения российских историков: Н. А. Полевого, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, Н. П. Павлова-Сильванского, Т. И. Грановского, М. С. Куторгу, М. М. Стасюкевича, Н. И. Осокина. Даже Ленин был вынужден признать, что они создали новое направление, признающее борьбу классов «ключом к пониманию всей французской истории» [2, с. 59].

Зададим вопрос, почему же французские историки XIX в. так и вошли в число канонических источников марксизма? Это далеко не лишний вопрос. Дело в эпигонстве и попытках упростить марксизм как сложную многофакторную теорию, нежелание признавать значимость так называемой буржуазной науки, и сам факт, что классовая борьба была «изобретена» этими буржуазными историками. По большому счету – это неверие в тот народ, в тот рабочий класс, которому и насаждалась вульгаризированная версия марксизма.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.

2. Ленин В. И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма). Полн. собр. соч. Т. 26. С. 59, написано в июле–ноябре 1914 г. Впервые напечатано в 1915 г. в «Энциклопедическом словаре «Гранат». Том 28 вышел под псевдонимом В. Ильин. Здесь Лениным представлена далеко не упрощенная версия марксизма.

3. Маркс К. Письмо Иосифу Вейдемейеру. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. Т. 28. С. 424.

4. Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 27 июля 1854 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. Т. 28. С. 321.

Михайлова Н. В.¹,

*профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор;*

Гостев С. С.²,

*преподаватель кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ О ПРАВЕ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Идея права наций и народов на самоопределение имеет длительную историю развития, ее возникновение является не одномоментным, а представляет собой результат синтеза самых разнообразных взглядов и концепций и формируется лишь в процессе становления современной цивилизации. Однако проблема определения составляющих его категорий (субъект, способ реализации) уже интересовала античных мыслителей в связи с разработкой идеи народного суверенитета и народовластия.

Определение понятий «нация» и «народ» – равно как и развитие идей народного суверенитета, народовластия, гражданства и самоуправления – были предметом философской и правовой мысли античной Греции и Рима.

В Античности «natio» являлось понятием, близким к слову «племя». В Древнем Риме оно употреблялось для обозначения племенных общностей. Нередко, кроме термина «natio», использовалось слово «gens» для обозначения отдельных племен. Для развитых народов и для самих римлян, в том числе использовали слово «populus» [10]. Марк Туллий Цицерон определял народ следующим образом: «Народ – не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общности интересов» [10].

В Средние века под «нацией» понималось все население страны, при этом понятие «нация» использовалось весьма редко и ему не придавали юридического значения [14, с. 60–61]. Период эпохи Возрождения и Реформации представлен идеями самостоятельности и обособленности светской власти по отношению к церковной. Возникают идеи верховенства представительного народовластия, активно обсуждаются правомочия нации как политического организма, связанные с ее самостоятельным (автономным) политическим существованием. Сторонники Реформации (М. Лютер, Ж. Кальвин, Т. Мюнцер, Я. Гус, Дж. Уинклиф) демонстрировали особую озабоченность обеспечением автономных интересов национальных государств [1; 2; 5; 7; 8; 11; 12; 13]. Марсилиус Падуанский выступал защитником народовластия, наделял народ правом принимать законы и выбирать исполнителя этих законов. Отдельного внимания заслуживает учение тираноборчества, возникшее в эпоху Возрождения. В центре внимания тираноборцев стояли вопросы суверенитета народа и идеи договора государя и народа.

¹ © Михайлова Н. В., 2020.

² © Гостев С. С., 2020.

Концептуальные подходы к проблеме права наций и народов на самоопределение возникают во второй половине XVIII в.

Идеи мыслителей, ученых и философов активно подхватываются государственными и политическими деятелями и начинают находить свое отражение в конкретных юридических документах. С началом эпохи Просвещения и отрицанием абсолютизма, как совершенной формы правления, их развитие начинается практически одновременно в двух разных частях света (Новый и Старый Свет). Существует мнение, что первенство в провозглашении и реализации идеи права наций на самоопределение принадлежит североамериканским колониям [3; 9; 15]. Но в действительности на этих территориях был реализован механизм самоуправления. Это подтверждается употреблением в Декларации независимости США 1776 г. совершенно иной терминологии. «В случае, если какая-либо форма правительства становится губительной для самих этих целей, народ имеет право изменить или упразднить ее и учредить новое правительство, основанное на таких принципах и формах организации власти, которые, как ему представляется, наилучшим образом обеспечат людям безопасность и счастье». Как видно из текста Декларации, термин «самоопределение» (self-determination) американскими авторами не использовался. Изначально североамериканские колонии не желали идти на разрыв с Англией, а хотели лишь снижения сумм налоговых отчислений в метрополию. Юридический опыт реализации механизма самоуправления североамериканских колоний представляет интерес в рамках изучения проблемы права наций на самоопределение, так как одновременно с развитием механизма самоуправления в США разрабатывались категории, составляющие юридическое содержание этого права («нация», «народ» и т. д.).

Декларация независимости США гласит: «В ответ на притеснения мы каждый раз подавали петиции, составленные в самом сдержанном тоне, с просьбой о восстановлении наших прав: в ответ на наши повторные петиции следовали лишь новые несправедливости» [4]. Однако, несмотря на указание определенных притеснений со стороны метрополии, стремление североамериканских колоний к приобретению независимости – это стремление изменить неустраивающие и тормозящие экономическое развитие правила производства и распределения материальных ценностей.

Отцами-основателями Соединенных Штатов Америки (Бенджамин Франклин, Джордж Вашингтон, Джон Адамс, Томас Джефферсон, Джеймс Мэдисон) в Декларацию независимости США была вложена идея суверенитета власти народа, что наделяло его правом «учреждать правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых» [4]; «изменить или упразднить ее (власть, правительство) и учредить новое правительство» [3]. «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью» [4]. Томасу Джефферсону принадлежит следующее высказывание: «Каждый человек и каждая общность людей, живущих на земле, обладает правом на самоуправление. Они получают его вместе с жизнью из рук природы» [16, р. 73].

Для обозначения людей, проживающих на территории США, в Декларации независимости США 1776 г., Конституции США 1787 г. и Билле о правах 1791 г. используется термин «people» – народ [4], слово «нация» – «nation»

практически не встречается. «Нация» в Конституции США используется в словосочетании «foreign Nation» (Article I, Section 8) [6] для обозначения иностранных государств. В Билле о правах также используется исключительно слово «people» или словосочетание «the rights of people» [6] (права народа).

Подытожив вышесказанное, можно заключить, что выработанный в североамериканских колониях подход к проблеме прав проживающей на территории колоний общности людей выразился в обозначении населения колоний термином «people» – «народ» и наделении этой общности правом самостоятельной организации управления на территории проживания посредством изменения формы правления или создания собственного правительства для достижения естественных, неотчуждаемых прав на жизнь, равенство, свободу и стремление к счастью. Территориальный аспект в определении «народа» американскими авторами не используется, а перечисленные права принадлежат народу исходя из самого факта его существования. В основе механизма превращения европейских эмигрантов в американцев лежало создание новых принципов хозяйствования и производственных отношений. Таким образом, одна и та же «нация» стремилась «отделиться от самой себя», и в данном случае эта борьба не носила национально-освободительного характера, а также не являлась и борьбой за реализацию права на самоопределение.

Список литературы:

1. Биографические повествования. Т. 12. – 2-е изд. Челябинск, 1998.
2. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.
3. Грачев Н. И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства. М., 2009.
4. Декларация независимости США 1776 г. [Электронный ресурс]: <http://www.consource.org/document/declaration-of-independence-1776-7-4>.
5. История средних веков : в 2 т. / под ред. А. А. Карпова. М., 2005.
6. Конституция США 1787 г. [Электронный ресурс]: http://www.archives.gov/exhibits/charters/constitution_transcript.html.
7. Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1981.
8. Лифшиц Г. М. Реформационное движение в Чехии и Германии. Минск, 1978.
9. Люшер Ф. Конституционная защита прав и свобод личности. М., 1993.
10. Марк Туллий Цицерон. Диалоги. М., 1994.
11. Очерки истории западного протестантизма. М., 1995.
12. Сказкин С. Д., Чистозвонов А. Н. Реформация в Швейцарии // История средних веков в двух томах / под ред. С. Д. Сказкина. Т. 2. – 2-е изд. М., 1977.
13. Смирин М. М. Германия эпохи Реформации и Великой Крестьянской войны. М., 1962.
14. Соболев В. Г. Народы Европы: Общая характеристика и проблемы межнациональных отношений. СПб., 2011.
15. Старовойтова Г. В. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. М., 1999.
16. Franklin B., Jefferson T., Paine T. The American Age of Reason. М., 1977.

Михайлова Н. В.¹,

*профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор*

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ НАЧАЛА XX в. В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Революционные события в России в начале XX в. вызревали почти три столетия, начиная XVII в., когда Россия вынуждена была искать выход из кризиса «смутного времени» на путях вхождения в цивилизацию Нового времени (современную цивилизацию). В отличие от государств Западной Европы и Северной Америки, которые пытались покончить со Средневековьем революционным путем, Россия осуществляла одну за другой широкоформатные реформы, которые, однако, были непоследовательны и не решили главной задачи: замену средневековых на свойственные цивилизации Нового времени институтов власти, управления, права. Серьезной проблемой было и создание правовых основ достижения баланса между двумя тенденциями современной цивилизации: капиталистической, представляющей собой основу производства материальных благ на базе конкуренции различными формами собственности и социалистической, определяющей механизм распределения материальных благ, социальную защищенность трудящихся.

Россия представляла собой на рубеже XIX–XX вв. сгусток цивилизационных противоречий. С одной стороны, продолжали существовать абсолютная монархия; экстенсивная экономика, основанная на помещичьем землевладении, сословная иерархическая структура общества, свойственная Средневековью. С другой стороны, все ярче проявлялись черты современной цивилизации: промышленная революция, активная предпринимательская деятельность, формирование новой социальной структуры общества.

Это стало причиной радикального разрешения назревших противоречий в рамках Великой российской революции 1905–1922 гг., которая прошла три этапа развития: 1 этап – становление конституционной монархии (январь 1905 г. – февраль 1917 г.); 2 этап – формирование республиканской формы правления (февраль – октябрь 1917 г.); 3 этап – становление советской республики (октябрь 1917 г. – 1922 г.) [7].

Содержание первого этапа революции содержит в себе главные изменения, произошедшие в форме правления в Российской империи – становление конституционной монархии. Надо отметить, что в историко-правовой науке существует несколько точек зрения по поведению этих преобразований, нашедших отражение в Манифесте 17 октября 1905 г. и «Основных законов Российской империи» в новой редакции от 23 апреля 1906 г. Большинство российских правоведов, современников революционных событий (П. Б. Струве и др.) считали, что самодержавный строй в России с принятием вышеназванных документов

¹ © Михайлова Н. В., 2020.

прекратил свое существование, и Россия в последнее десятилетие существования империи была конституционной монархией, а «Основные законы» являлись конституцией сопоставимой с конституциями ряда стран мира [9, с. 7; 10, с. 172–173].

Ряд советских историков и правоведов (Н. П. Ерошкин, Г. Б. Гальперин и др.) видели в «Основных законах» «монархическую конституцию», в Государственной думе – псевдопарламент, государственное устройство России характеризовали, как абсолютизм, прикрытый лжеконституционными формами [1, с. 129; 2, с. 258–260].

Особый интерес для периодизации событий Великой российской революции представляет точка зрения профессора В. М. Курицына, который считал, что в результате государственных реформ начала XX в. в России установилась дуалистическая монархия – одна из разновидностей конституционной монархии, переходная форма от абсолютной к парламентской монархии. В дуалистической монархии за короной сохранилась вся исполнительная и значительная доля законодательной власти, полномочия парламента были ограничены вопросами законодательства и ветоирования бюджета (его одобрения или отклонения). Народное представительство и монарх с подчиненным ему правительством составляли два «центра власти», находящихся в подвижном и неустойчивом равновесии [3, с. 14].

Однако конституционные принципы не оказывали должного воздействия на практику государственного управления. Как центральная исполнительная власть, так и местная администрация, зачастую действовали вне контекста новой правовой реальности. Так, П. Б. Струве писал: «Юридически, или в праве, русская конституция, несомненно, существует, потому что она вписана в Манифест 17 октября и в Основные законы. Но... в правосознании... властвующих, правящих сил России конституции еще не существует... Таков сложный рисунок нашей политической действительности: конституция существует в праве (законе) и отсутствует в жизни» [11, с. 163].

На первом этапе Великой российской революции был сделан определенный шаг по превращению крестьян в земельных собственников и самостоятельных хозяев (аграрная реформа П. А. Столыпина, разрушившая крестьянскую общину), правда, помещичье землевладение осталось не затронутым. Было улучшено социальное положение низов. В ряде отраслей промышленности и сельскохозяйственном производстве повышена оплата труда, легализованы профсоюзы.

Важнейшей предпосылкой нарастания революционных событий и вхождение Великой российской революции во второй этап развития стало половинчатость в попытках разрешения вызвавших ее задач на первом этапе революции. Все более рельефно обозначалась дистанция между закрепленными в законодательных актах правовыми нормами и их практической реализацией.

Наступил второй этап революционных преобразований в России, этап формирования республиканского строя (февраль – октябрь 1917 г.), содержание которого составило создание новой формы правления, присущей второй фазе цивилизации Нового времени – республики. Февральские революционные события 1917 г. завершили длительный период развития монархической России.

Манифестом от 3 марта 1917 г. предоставлялось право решить вопрос о форме власти в стране будущему Учредительному собранию, которое должно было решить вопрос о власти. Однако его созыв откладывался на неопределенный срок, а становление республиканской формы правления происходило во взаимодействии двух политических центра Временного правительства и Советов. Причем большевики считали, что именно Советы должны были представлять республиканскую форму правления в России. В. И. Ленин отмечал, что не парламентская республика, а республика Советов приемлемая для России форма правления [5, с. 115].

На втором этапе Великой российской революции определенные задачи, вызвавшие цивилизационный кризис, были решены, 1 сентября 1917 г. Россия была провозглашена республикой [8, с. 16]. Однако попытка создания предпарламента не увенчалась успехом, партия большевиков, например, бойкотировала работу Временного совета республики (предпарламента).

С февраля по октябрь 1917 г. шел поиск решения проблем государственного и правового развития в процессе формирования республиканского строя. Однако в октябре 1917 г. закончился второй этап Великой российской революции и начался новый, третий этап ее развития, этап становления советской республики.

В рамках третьего этапа революции (октябрь 1917–1922 гг.) были разрешены многие из назревших цивилизационных противоречий: ликвидированы важнейшие устои Средневековья и достигнут определенного баланса между капиталистической и социалистической тенденциями в развитии современной цивилизации. 25 октября 1917 г. на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов был осуществлен переход власти в руки Советов.

В ходе октябрьских революционных событий было низложено Временное правительство и распущен «Временный совет республики». В. И. Ленин отверг модель конституционно-правовой (парламентской) демократии в пользу неограниченной (плебисцитарной) демократии Советов. Диктатура пролетариата мыслилась им как власть, опирающаяся на насилие, на прямое волеизъявление революционного народа, вырастающая из местного самоуправления низших слоев общества – Советов – и осуществляющая господство большинства над меньшинством. Решающей фазой установления диктатуры пролетариата стал разгон Учредительного собрания 6 января 1918 г.

Целью большевиков было посторонние социализма, и они начали ожесточенную борьбу с капиталистической тенденцией развития современной цивилизации. В. И. Ленин назвал этот период «красногвардейской атакой» на капитал и даже критиковал чрезмерные усилия власти по национализации частной собственности [6, с. 177].

Такая политика, получившая название «военный коммунизм», в значительной мере вызывалось чрезвычайными условиями военного времени, ведь становление советской государственности происходило в условиях гражданской войны и иностранной интервенции.

На третьем этапе Великой российской революции советское правительство, развалив до основания систему свободной конкуренции между различными формами собственности (капитализм), являющейся основой производства,

провозгласило принцип социальной защиты для общественных низов, гипертрофированно развив социалистическую тенденцию (социализм), составляющую основания справедливого распределения. Решая социальные проблемы, советская власть упустила из вида, что их решение невозможно без материальных ресурсов, которые могут быть созданы только на основе развивающейся капиталистической тенденции. В конце 1920 г. в республике Советов разразился серьезный кризис, который был и экономическим, и политическим, и социальным одновременно.

Выход из сложившейся катастрофической ситуации был найден в предложенной В. И. Лениным в 1921 г. новой экономической политики (НЭП) [4, с. 65–66]. Ее суть заключалась во введении рыночных отношений, т. е. базы для развития капиталистической тенденции современной цивилизации. Россия продемонстрировала неоценимый опыт достижения равновесия между капиталистической и социалистической тенденциями в развитии современной цивилизации. И все же в таких сложных условиях советская власть, возглавляемая большевиками, успешно прошла этап своего становления.

В ходе Великой российской революции на каждом ее этапе были созданы определенные условия успешного продвижения России по пути современной цивилизации.

Список литературы:

1. Васильев Н. И., Гальперин Г. Б., Королев А. И. Первая российская революция и самодержавие. Государственно-правовые проблемы. Л., 1975.
2. Ерощкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.
3. Курицын В. М. История государства и права России : краткий конспект лекций. СПб., 1994.
4. Ленин В. И. Доклад X съезду РКП (б) о замене разверстки натуральным налогом / Полн. собр. соч. Т. 43. М., 1970.
5. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции (апрельские тезисы) // Полн. собр. соч. Т. 31. М., 1969.
6. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти / полн. собр. соч. Т. 36. М., 1969.
7. Михайлова Н. В. Предпосылки трансформации российской государственности и права в конце XIX–XXI вв. // Вестник государственного университета «Дубна». – 2016. – № 1. – С. 29.
8. Постановление Временного правительства от 1 сентября 1917 г. «О провозглашении России республикой» // История России. 1917–1940. Хрестоматия / сост. В. А. Мазур и др.; под ред. М. Е. Главацкого. Екатеринбург, 1993.
9. Струве П. Б. Введение к проекту Основного закона Российской империи. Париж, 1906. С. 7.
10. Струве П. Б. Консерватизм интеллигентской мысли. Размышление о русской революции // Русская мысль. – 1907. – Кн. VII. Ч. 2. – Июль.
11. Струве П. Б. Оздоровление власти // Русская мысль. – 1914. – Кн. 11. Ч. 2. – Февраль.

Сулима И. И.¹,

профессор кафедры философии Нижегородской академии МВД России,
доктор философских наук, доцент

КАТЕГОРИЯ «СВЯЗЬ»: ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ПРАВЕ

В связи с тем, что в праве как науке и в правоприменительной практике рассматриваются, регулируются *правоотношения, т. е. специфический вид связей* между субъектами права, между субъектами права и объектами для законодателей, правоприменителей и исследователей постоянно актуальным и методологически важным будет вопрос о природе связей. Постоянно актуальным будет вопрос о том, что такое связь, в чем она выражена, как проявляется, каковы адекватные инструменты для ее выявления, изучения. Каковы адекватные и эффективные инструменты ее правовой регуляции? Вопрос о сущности связи в праве является актуальным как для законодателя, так и для правоприменителя, так и для ученого-правоведа (исследователя).

Понятие связи является одним из фундаментальных при определении сути правоотношения. Фактически правоотношение – это особая связь. Выбор методологии изучения, описания связи определяет ту картину, которую исследователь получит в результате своей деятельности.

Методологические подходы могут быть разнообразными при исследовании одного и того же объекта. Можно рисовать диалектико-материалистическую картину мира, можно позитивистскую, можно феноменологическую, можно герменевтическую и т. д. Философия признает естественной эту разность и равноправность отличных друг от друга философско-методологических подходов к определению реальности и формированию на этой базе ее концептов. Плюрализм картин мира и способов их создания органичен для философии.

На наш взгляд, диалектико-материалистический подход является вполне эффективным и продуктивным при исследовании правоотношений. Связано это с тем, что в ходе изучения, а главное, в ходе правоприменительной практики (например, доказательства в ходе уголовного, гражданского, арбитражного, административного процесса) в основе доказательства лежит опора на объективную сторону правоотношения и опора на взаимную динамику взаимодействующих субъектов.

Принципиальным требованием социума, отдельных людей к закону и соответствующей правоприменительной практике является требование справедливости. Аксиологически право и справедливость должны совпасть. В идеале правоприменительная практика должна привести к поддержанию справедливости, существовавшей в обществе, или восстановлению ее, или учреждению ее, если справедливость была нарушена или ее просто ранее не существовало.

При этом справедливость в праве рассматривается через призму объективного. В этой связи и возникает актуальность материалистического подхода. Актуальность диалектики, диалектико-материалистического подхода зиждется на понимании исключительной динамичности общественных отношений и на

¹ © Сулима И. И., 2020.

одновременной исключительной динамичности общественного сознания, отражающего динамику общества. Именно динамичность процесса определяет актуальность диалектики, рассматривающей мир в постоянном движении. Причем под движением понимается любое изменение. Общественная жизнь, людское поведение дают бесконечный ряд примеров этих изменений. Соответственно законодатель должен уметь универсально описывать эту непрекращающуюся динамику, не «спотыкаясь» о ее вариативность, а правоприменитель должен обладать такой методологической культурой, которая бы позволяла применять постоянно меняющиеся нормы права в контексте постоянно меняющихся правоотношений, постоянно взаимодействующих субъектов, чьи интересы, правовое положение, статус и т. д. постоянно меняются, находятся в постоянном взаимодействии, взаимовлиянии.

Понятие связи в диалектике одно из ключевых. Оно конституирует и принципы, и законы диалектики. Принципы диалектики – всеобщие научные положения о поступательных изменениях взаимосвязанного в своих элементах бытия. Интересующий нас принцип всеобщей связи – положение, которое выражает все многообразие связей бытия и заключающееся в том, что в мире все взаимосвязано, связь – универсальная характеристика бытия. Связь – философская категория, которая отражает все формы, типы и виды соотношения, взаимозависимости, взаимообусловленности, взаимосвязанности, взаимовлияния и взаимодействия предметов и явлений.

В ходе изучения природы связей стало ясно, что для исследователей особое значение имеет особый вид связей – устойчивая, повторяющаяся, сущностная, необходимая, объективная связь (закон). Хотя ситуативные связи тоже не должны выпадать из поля зрения как ученых, так и юристов-практиков.

Одним из важнейших элементов сущности является закон (в неюридическом, диалектическом смысле слова). Закон есть ядро сущности предмета или явления в его событии со всем остальным миром. Закон демонстрирует значимость связи в определении сущности любого объекта. В основе природы объекта (предмета или явления) лежит связь. Не всякая, а основная, главная, делающая этот предмет или явление именно таковым, связь, определяющая главное свойство предмета или явления. В этой связи методологическая культура юриста-практика и юриста-теоретика обязательно должна позволять ему как отделять сущность от явления, так и видеть их органическое единство, проявляющееся в действительности.

Следовательно, надо уметь видеть изменение связей, лежащих в основе предмета или явления, формулирующих их меру, влечет изменение этих предметов или явлений, вплоть до изменения меры. Связи участвуют в определении границы, конкретизирующей, обособляющей предмет или явление.

Фактически связи выступают в виде «каркаса сущности», «кристаллической решетки» совокупности свойств предмета или явления.

Целый ряд исследователей полагает, что связь между явлениями является универсальной характеристикой мира. На наш взгляд, не очень хорошо, что современных исследований в этой области мало. Любое изменение, которое происходит, происходит в результате изменения:

а) связей внутри объекта;

б) связей объекта с иными объектами (явлениями), т. е. в результате развития комплекса связей, образующих определение направленностей объекта. Анализируя социальное явление, правоотношение в частности, необходимо фиксировать внутренние и внешние связи и их динамику. При этом сложность заключается в том, что одновременно происходит изменение как внешних, так и внутренних связей. Изменение может носить детерминистский характер.

В этой связи удастся делать выводы однозначного плана (что важно для юридической практики). Но, изменение может и не иметь детерминистского характера. Изменение может носить устойчивый характер. И может быть спорадическим. Если изменение носит устойчивый, повторяющийся характер, то это изменение стоит изучать особо пристально, так как оно может быть той связью (например, правоотношением), которое в силу своей постоянной динамики создает множество коллизий, которые вполне могут создавать новые отношения, которые будут нуждаться в упорядочении, в т. ч. в нормативно-правовом регулировании и соответствующей правоприменительной деятельности. Анализ сущности связей, выявление устойчивых связей позволяет находить именно те социальные отношения, которые нуждаются в правовом регулировании. Анализ сущности связей, выявление устойчивых связей позволяет находить те социальные тенденции, которые важны для общества и нуждаются в правовой поддержке или, наоборот, в сдерживании. Реализация регулирующей функции права нуждается в опоре на диалектический подход.

Диалектический подход продолжает быть актуальным для юридической науки, законодательной деятельности и правоприменительной практики в силу специфики динамики социальных отношений изучаемых и регулируемых юристами.

Список литературы:

1. Аскин Я. Ф. Философский детерминизм и научное познание. М., 1977.
2. Бранский В. П. Методологическое значение соотношения категорий причинности и детерминизма // В кн. Вопросы теории познания и методологии научного исследования / под ред. Л. О. Резникова. Л., 1969. С. 49–65.
3. Детерминизм и научное предвидение / под ред. Г. А. Свечникова. Новосибирск, 1973.
4. Детерминизм, причинность, организация / под ред. В. Г. Иванова. Л., 1977.
5. Зыкова С. В. Элементы религиозности в российском праве : монография. М. : Московский университет МВД России, 2008.
6. Иванов В. Г. Детерминизм в философии и физике. Л., 1974.
7. Иванов В. Г. Причинность и детерминизм. Л., 1974.
8. Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. М., 1976.
9. Парнюк М. А. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972.
10. Современный детерминизм и наука. Т. 1, 2 / под ред. Г. А. Свечникова. Новосибирск, 1975.

Богатчикова К. С.¹,

*преподаватель циклов учебной части
ЦПП УМВД России по Смоленской области,
кандидат юридических наук;*

Востриков С. В.²,

*профессор кафедры истории и теории государства и права
Смоленского государственного университета,
доктор исторических наук*

МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ НАУКИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Реалии XX в. убедительно доказали, что в качестве главной движущей силы социально-экономического развития утвердился научно-технический прогресс на основе процесса перманентных инноваций [2]. Новшества в различных сферах представляют собой конечный результат инновационной деятельности, получившей воплощение в виде нового интеллектуального продукта, усовершенствованного производственно-технологического процесса или «продвинутых» социальных услуг.

Российская наука в постсоветский период оказалась в очень непростой ситуации. Это смутное время характеризовалось следующими основными чертами. Во-первых, государство фактически самоустранилось от выработки какой-либо долговременной стратегии национально-государственного развития. Во-вторых, находящиеся у власти в период «правления» Б. Н. Ельцина заняли демонстративно пренебрежительную позицию по отношению к фундаментальной науке. В-третьих, в условиях тотального хаоса и «разгула демократии», когда «произвол» власти, занятой решением узкоклановых интересов достиг высших пределов, у серьезных ученых появилась определенная свобода для самостоятельного творчества. В этих сложных обстоятельствах российские ученые продолжали работать, искать, думать. Индекс цитирования российских ученых за рубежом относительно невысок. Тому есть две основных причины: труды наших исследователей мало переводятся на иностранные языки; ориентация совокупного Запада на односторонний обмен. В политике это находит яркое проявление в так называемых «двойных стандартах». Отдельные попытки преодоления данных проблем посредством морфогенеза, компаративистики не изменяют тенденции в целом. В постсоветский период – антинаучная методология власти, вылившаяся в демодернизацию страны, многочисленные внешнеполитические провалы, вследствие чего новая «демроссия» фактически осталась без союзников [6]. Важно указать и еще на один компонент, определяющий качество «интеллектуального ресурса» (Специалистами ООН подсчитано: треть всех изобретений в мире, зарегистрированных в XX в., создано учеными русского происхождения в СССР, России или за рубежом). Этот стратегический ресурс в постсоветской России тратился бесконтрольно и легкомыс-

¹ © Богатчикова К. С., 2020.

² © Востриков С. В., 2020.

ленно. По экспертным оценкам, из «порепорформенной» России выехало в 90–е гг. XX в. за рубеж порядка 400 тыс. ученых. Кстати говоря, Соединенные Штаты являют собой образец не только чрезвычайно эффективного использования научного знания в интересах государственного управления и менеджмента. На подготовку доктора наук, по свидетельству вице-президента РАН С. Капицы, Россия тратит в среднем 1,5–2 млн долларов.

Наука в США еще в начале прошлого века освободилась от нравственных сдержек и «предрассудков» духовности, поставив эффективность выше морали. Вследствие этого постепенно сформировался феномен запредельной техницизации окружающего мира, что не могло не отразиться на общей модели «западной демократии». Практика XX–XXI вв. полностью подтвердила всю опасность абстрактного свертехницизма: «конструктивно-безупречная», суперлиберальная и самая демократичная Веймарская республика открыла легитимный путь к власти фашизму – наиболее чудовищной машине из всех, когда-либо виденных человечеством. Причем в 30-е гг. XX в. в Германии фактически была создана первая в мире «технотронная цивилизация», свободная от старой пуританской морали и каких-либо «химер совести». Западная наука стала терять свои связи с основными целями и ценностями человеческой жизни. Сегодня аналогичное происходит за океаном, где наука ставится на потребу созданию в США нового IV рейха: самые последние рассекреченные данные НАСА, Пентагона и АНБ свидетельствуют, что «теневая администрация» Соединенных Штатов, тщательно скрывающая свои истинные взгляды, унаследованные от нацистов III рейха, в полной мере задействует в своих интересах сверхинновационные научные разработки типа «технологий НЛО», телепортации, антигравитации, «информационного поля», «управления сознанием», нейролингвистического программирования, клонирования, телекинеза и т. п.

Между тем по подсчетам доктора технических наук А. Бороздина, Россия могла бы получать огромные дивиденды за технологии и открытия, «не востребованные или украденные у нее, а также проданные по-воровски или впопыхах» [5]. Негоже предавать забвению и свою собственную историю: так, недавно рассекреченная переписка Петра Капицы со Сталиным свидетельствует, что руководитель государства прислушался к советам и новаторским предложениям выдающегося ученого, который предложил построить в стране новую научную систему, которая будет работать хитрым образом, экономя огромные средства. П. Капица рекомендовал кардинально пересмотреть отношение к ученым и повысить престиж науки [3; 4]. В результате ученый в советском обществе поднялся на одну из высших ступеней социальной иерархии, в науку пошли самые талантливые и одаренные люди, лучшие умы страны, перспективная молодежь. Тратя на исследования в 10 раз меньше, чем американцы, наши ученые вели работы по всему фронту науки, охватывая практически весь спектр НИОКР эффективно и результативно. Созданный научно-технический потенциал позволил нам в фантастически короткие сроки восстановить разрушенную войной инфраструктуру, придать мощный импульс развитию промышленности. И спустя 10 лет, как вынужден был признать позднее Дж. Кеннеди, «русские обогнали всех в космосе, на школьной парте и студенческой скамье...». В данном контексте правомерно вести речь об умелом использовании достижений

науки для развития общества и государства, т. е. «инновационном менеджменте». Американский ученый Ф. Фукуяма в своей работе «Сильное государство» (2006) отмечает, что и в условиях глобализации наиболее успешные социальные проекты реализуются сильной властью. Известное «правило Герхарда Менша» гласит: инновации преодолевают депрессию. Причем инновации жизненно необходимы не только для науки, которая развивается в процессе постоянного обновления и поиска истины, но и для власти, которая как ключевой актор модернизации, призвана проводить целенаправленную научно обоснованную стратегию по осуществлению интеллектуально-технологического прорыва [1]. Добиться перелома невозможно без союза между наукой и властью. Важно, чтобы власть умела мыслить стратегически и масштабно, выходя за рутинные рамки повседневности, понимая специализированный язык науки; чтобы наука, не скатываясь к обслуживанию власти и сохраняя собственную независимость, могла сосредоточиться на концептуальной, мировоззренческой деятельности, связанной с углубленным осмыслением историко-политического и социокультурного развития, изучением современных реальностей, оценкой рисков, разработкой вариативных сценариев, прогнозированием [2]. В задачу ученых, входят рационально-прагматичный анализ международных опытов модернизации и подготовка креативно-инновационных разработок по созданию собственной «матрицы развития». Те народы, которые пытались слепо копировать «универсальный технический текст» западной цивилизации, говоря словами А. Тойнби, пополнили ряды всемирного пролетариата. Универсальный текст оказался «мертвой буквой» вне культурной интерпретации. Напротив, там, где модернизация происходила на основе текста национальной культуры с использованием адаптированного опыта других цивилизаций, возник феномен «инновационного прорыва» («экономического чуда») азиатских стран. Их опыт убедительно доказывает, что возможна модернизация без вестернизации (Россия в поисках своей стратегии ответа на вызов времени все еще пытается обрести успех в рамках классических ответов, хотя архаичные ответы прошлого в новых исторических условиях звучат тускло и неубедительно).

С учетом общемирового опыта можно было бы осуществить комплекс следующих мер по сохранению «интеллектуального ресурса» и укреплению национального научного потенциала: остановить «утечку мозгов» из страны, переработать патентное законодательство Российской Федерации. Отечественные ученые должны иметь возможность спокойно работать дома, будучи уверены, что их права и доходы надежно защищены, продумать и разработать эффективную программу добровольной «репатриации мозгов» на родину, установить жесткий и постоянный мониторинг за деятельностью так называемых «благотворительных» фондов и «информационных агентств» на территории Российской Федерации.

В жестких и остроконкурентных условиях глобализирующегося мира XXI в. России нужна единая интегративная стратегия модернизации, синтезирующая инновационно-техническую политику и регулятивно-рыночные механизмы ее обеспечения. Социально-гуманитарная наука в России имеет солидный задел, включающий как собственные оригинальные наработки, так и усвоенный опыт мировой инноватики. В высших национальных интересах проявить

политическую волю, чтобы обеспечить реальную востребованность отечественной науки для продвижения России на авангардные общемировые позиции. Клаус Шваб обосновано считает, что «именно человеческий интеллект будет полем борьбы за глобальное лидерство, а мозг станет следующей ареной боевых действий» [7].

Список литературы:

1. Востриков С. В. Обыкновенный глобализм : монография. Смоленск : Маджента, 2019.
2. Иванов В. В. Мировая наука и будущее России // Изборский клуб. – 2013.
3. Капица П. Л. Письма о науке 1930–1980–1989. М. : Букинист, 1990.
4. Малахов В. П., Горшенева И. А., Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2010.
5. Научно-технологическое развитие Российской Федерации: состояние и перспективы / под общ. ред. Л. Э. Миндели. М. : Институт проблем развития науки РАН, 2010.
6. Стриханов М. Н., Кудряшов Н. А. Хроники ядерного университета МИФИ. М. : URSS, 2017. – № 49.
7. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М. : «Эхо», 2017.

Удальцов А. А.¹,

*начальник кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук, доцент;*

Бредихин А. Л.²,

*старший преподаватель кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
кандидат юридических наук*

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЗОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

Русское централизованное государство возникает на рубеже XV–XVI вв. как результат объединения русских земель вокруг Московского великого княжества. Именно в этот период Россия оформляется как полноценное единое государство с «государем всея Руси» во главе. В целом Русское централизованное государство в окончательном виде формируется в первой половине XVI в. в период правления Василия III.

В историко-правовой литературе выделяют ряд причин образования единого централизованного государства, в числе которых называются в первую очередь экономические предпосылки [4, с. 26–43] и политические, связанные с возвышением Московского княжества и объединением земель.

Между тем важнейшее значение имеют и идеологические причины. Эти причины не сводятся только к наличию официальной идеологии, религиозной или иной идеологической доктрине.

Под идеологическими причинами и предпосылками образования государства необходимо понимать те факторы, которые на интеллектуальном и духовном уровне обуславливали как единство государствообразующего народа, так и легитимность действующей власти.

Представляется, что в совокупность предпосылок, обусловивших создание Русского централизованного государства, входят следующие:

1. Национально-этническое единство народа. Догосударственный период развития характеризуется наличием обособленных обществ (племен), которые говорят на одном языке и имеют одну общую либо близкие культуры, что и обуславливает единство народа.

Для периода Древней Руси общность народа выражалась в понятии «Русская земля». Это понятие мы встречаем в летописных источниках, где оно используется именно для обозначения ареала обитания древнерусских обществ. Термин «Русская земля» соединял в себе понимание народности и территории ее проживания [2, с. 16]. В продолжение этого Ю. В. Пуздрач отмечает, что понятию «земля» включала в себя как княжение (а иногда и несколько княжений), так и самовластие народа, как вече-собрание земли, так и начальников над ней – князей [3, с. 15].

¹ © Удальцов А. А., 2020.

² © Бредихин А. Л., 2020.

В дальнейшем именно на «русской земле» формируются очертания будущего Русского централизованного государства.

Национально-этническое единство населения и понятие «русской земли», с одной стороны, стали признаками общности русского народа, а с другой – обусловили легитимность власти.

2. Патриотизм (в нашем современном понимании), возникший в связи с избавлением от монгольского ига. Прежде всего, нужно сказать, что и монгольское иго воспринималось как завоевание «русской земли». Это выражалось и в том, что ярлык на княжение вручался наиболее значимому князю и в целях сбора дани со всей территории Руси.

В дальнейшей свержение золотоордынского ига стало всенародной задачей, в связи с чем на поле брани в Куликовской битве приняли участие войска нескольких русских княжеств. Успех в Куликовской битве привел к воодушевлению народа и поддержке формирующейся власти со стороны народных масс. То есть, мы можем говорить о появлении патриотизма в современном его понимании, т. е. «преданности и любви к своему отечеству, к своему народу» [1; 5, с. 672].

Общий успех в Куликовской битве, а также падение монгольского ига в результате «стояния на реке Угре» действительно должно было сформировать доверие к великокняжеской власти и чувство сопричастности к судьбе своего Отечества. Это тоже повлияло на принятие власти на духовном уровне, обеспечило ее легитимность.

3. Религия. Уже в XI–XII вв. православие стало господствующей религией и стало дополнительным фактором объединения населения в единый народ. Православная вера в некотором смысле приобрела статус государственной идеологии.

С даты крещения Руси Православную церковь на ее территории возглавлял митрополит, который назначался в Константинополе. Изначально резиденцией митрополита был Киев, но после нашествия монголо-татар митрополит обосновался во Владимире, а впоследствии в Москве.

Необходимо отметить, что светская и духовная власть вынуждены были сосуществовать вместе, так как нуждались друг в друге. С помощью церкви князь получал поддержку различных слоев населения, а церковь в свою очередь получало немалые льготы и защиту.

В 1453 г. турками был покорен Константинополь, в результате чего Русская Православная церковь стала самостоятельной. Это имело двоякое значение. В первую очередь, самостоятельность означала отсутствие зависимости в принятии решений и возможности назначать предстоятеля. Но, с другой стороны, теперь церковь не могла получить помощь извне, что вынуждало искать помощи от княжеской власти. Таким образом, церковь стала союзником князя. Силами церкви обосновывалось божественное происхождение власти как таковой, что сакрализовало личность царя в глазах подданных.

В это время появляется оригинальная концепция «Москва – Третий Рим», в рамках которой обосновывалось, что Русь переняла от Византии православную веру и стала преемницей Римской империи. Следовательно, и образование

государственности в значительной части обусловлено преемственностью от Византии.

4. Государственные символы. Такие символы необходимые атрибуты государства как института, в них отражаются уникальные особенности этого конкретного государства.

Принятие власти в смысле легитимности означает и принятие государственных символов каждым членом общества как своих. Почитание государственных символов формирует сопричастность к государству.

С образованием Русского централизованного государства появляется главный символ государства – герб, который практически идентичен византийскому гербу. И это тоже говорит о желании подчеркнуть преемственность от Византии.

Таким образом, механизм формирования Русского централизованного государства в немалой степени зависел от названных нами идеологических элементов.

Национально-этническая общность обеспечила социальную базу будущей государственности, патриотизм запустил механизм объединения народа в единое государство, религия обеспечила укрепление единства, а государственные символы обозначили единство народа и принятие им государственной власти.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Иванов С. А. и др. Словарь основных понятий теории государства и права. М., 2019.

2. Костомаров М. И. Мысли о федеративном начале Древней Руси // Бунт Стеньки Разина. М., 1994.

3. Пуздрач Ю. В. История российского конституционализма IX–XX веков. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2004.

4. Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. М. : Высш. школа, 1969.

5. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой. М., 1999. С. 672.

Иванченко Ю. А.¹,

*заместитель начальника кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В СИСТЕМЕ МИНИСТЕРСТВА ПОЛИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Определенная в 1806 г. структура МВД и круг его задач оставались без изменений до 1810 г., когда произошла очередная значительная реорганизация системы государственного управления, в результате которой было образовано Министерство полиции. Широкие полномочия Министерства полиции в области политических расследований являются одним из основных результатов реформы центральных органов управления министерствами. Это связано с концепцией М. М. Сперанского, последовательно ориентирована на единый орган внутренней безопасности по всем вопросам и создает прочную институциональную основу для политических расследований во всех подразделениях полиции в целом. Либеральные настроения Александра I сохранялись недолго. Вскоре он пришел к выводу: существование без тайной полиции невозможно. Политические расследования проводятся различными способами и в различных формах, приоритет менялся в зависимости от обстоятельств [7].

В соответствии с этим выводом в целях поиска наиболее эффективного варианта структуры политического сыска создавались многочисленные комитеты, канцелярии, экспедиции. Так, в 1805 г., на время отсутствия в столице царя, был учрежден Комитет высшей полиции [10, л. 10–12], а затем, 13 января 1807 г., создан секретный Комитет для рассмотрения дел по преступлениям, клонящимся к нарушению общего спокойствия. Однако главным органом по политическим расследованиям являлась особая канцелярия министра полиции.

На первый стол в канцелярии были возложены задачи по выдаче заграничных паспортов лицам, пересекающим государственную границу, выдаче вида на жительство для рассмотрения заявлений на вступление в подданство Российской империи, сбору данных и транзиту иностранцев. Второй стол отвечал за систему цензуры: контроль за типографиями и книготорговцами, издание книг, журналов и других печатных материалов, разрешение на театральные представления и т. д. В полномочия третьего стола входили так называемые «особые обстоятельства», а именно те, которые «министр полиции считает необходимыми для предоставления своей информации и разрешения» [7].

Объектом деятельности одного из полицейских подразделений стали различные тайные общества и ложи. Министр полиции Балашов обратился к главе ложи столицы: «Правительство признает необходимость дальнейшей интеграции норм в этих обществах и определяет причины, по которым они могут быть допущены или защищены». Руководители лож были проинформированы о том, что правительство назначит двух человек, посредством которых они «установят с ними доверительные и исключительно внешние отношения,

¹ © Иванченко Ю. А., 2020.

начиная от обычных полицейских мер». Всем масонским ложам запрещено принимать новых членов, контакты с назначенными правительством кураторами также должны быть «строго конфиденциальными», даже не подвергаться разглашению членам лож.

Роль Министерства полиции не ограничивается этими мерами. В Санкт-Петербургской Духовной академии под руководством профессора А. И. Феслера, установлен тайный полицейский надзор, так как полиция имела основания полагать, что профессор явился учредителем масонской ложи. Эти существующие угрозы и деструктивная деятельность являются реальными и сообщаются в различных областях. Анонимные инструкции по теме «О предметах наблюдения за тайной полицией» посвящены деятельности тайной полиции в армии [1, с. 30–39]. В числе задач, стоящих перед ней, автор подчеркивает: «наличие у некоторых сотрудников специальных встреч по названию клуба, ложи и так далее». В общем, какой дух полков тоже не имеет суждений по политическим вопросам или правительству. «Задача, возложенная на секретную полицию в остальной части армии, заключается в выявлении проступков рядовых, чиновников и служб для оценки общего состояния морального духа, морального состояния армии, авторитета командиров, их энтузиазма и способностей и т. д. [2; 4; 5; 6].

По всем вопросам, связанным с деятельностью по политическому расследованию, наиболее важные решения были представлены императору для утверждения. Александр I не просто следил за деятельностью политической полиции, а изучал все тонкости ее организации, в том числе вопросы финансирования. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные записки Александра I министру полиции [8]. После создания адресной конторы полученная сумма дохода (видимо, довольно большая) уходит на оплату расходов на проведение политического расследования. Поэтому 10 декабря 1810 г. Александр I приказал полиции взять 50 000 рублей с обращения министра в прокуратуру. Ежемесячный отчет о том, что нужно и сколько: То же тайное предписание было установлено 12 октября 1811 г., а 28 марта 1812 г. император поручил Балашову из Управления по подоходному налогу обратиться уже за 100 000 рублей. Столь значительное увеличение стоимости «тайной полиции» связано с необходимостью адекватного укрепления безопасности на фоне надвигающейся войны.

С начала войны наблюдение со стороны полиции активизировалось во всех областях, особенно в борьбе с политическими (государственными) преступлениями. В этой связи следует иметь в виду, что, с точки зрения организации, поскольку политическая полиция не является централизованной институциональной системой, на низовом уровне не существует специальных политических следственных органов и что полиция в целом активно участвует в осуществлении соответствующих мандатов. Так, петербургская полиция обнаружила дистрибьюторов наполеоновского манифеста и арестовала их [9]. Другие материалы также свидетельствуют о том, что полиция в целом активно участвует в борьбе с преступностью в стране [12, с. 23–27].

В сентябре 1812 г. Сперанский был отправлен еще дальше из столицы – в Пермь [11, с. 97]. Наблюдение за ним не ослабевает, а продолжается на преж-

них основаниях. Если Сперанский во время изгнания под надзором полиции ограничивался в основном гласными мерами, то накануне и после применения более тонких приемов. В деле со Сперанским есть документ, дающий основания полагать, что за ним также ведется наблюдение. 22 ноября 1818 г. управление полиции во главе с Вязмитиновым направило в Министерство финансов министра тайного расследования о причинах прекращения выплаты жалования 1 мая «коллежскому советнику Цейеру, находившемуся при Сперанском в Петербурге и получавшему на основании указа жалование по 1 000 рублей в год».

Как уже отмечалось выше, правление Александра I характеризовалось либерализацией религиозных отношений. Он пытается использовать разведку в европейских странах. В 1813 г. иезуиты получили право открыть свое обучение в России. Работа, проведенная представителями ордена, вызвала негодование Русской Православной церкви. В августе 1816 г. генеральным прокурором, ответственным за иностранными исповеданиями, был генеральный прокурор Голицын (по его инициативе иезуитское учебное заведение было открыто) обратился в полицию к Вязмитинову и потребовал изгнать монахов этого ордена из России. Вязмитинов доложил об этом императору, добавив в распоряжение имеющиеся данные о шпионаже. Полицейское ведомство разработало план действий, утвержденный Александром I, операция была проведена в обстановке конфиденциальности (она даже была проведена казначейством для освобождения средств «без указания предмета, знающего его величество»), иезуитские миссионеры были тайно депортированы из России, и их позиции были немедленно заменены представителями «белого» духовенства из Европы таким образом, чтобы «прихожане не уходили, не удовлетворив христианских требований дня», чтобы не вызвать каких-либо волнений среди католиков. На смену иезуитам прибыли 37 католических священников из Франции, Италии, немецкого княжества. Министерство полиции заранее подготовило для них специальные сертификаты. Они сразу же зарегистрировались в местной полиции по прибытии. Передача церковного имущества осуществляется под контролем полиции. Депортацию на границу сопровождала полиция. Сам факт официального изгнания иезуитов был издан указом только летом 1819 г.

Контрразведывательная деятельность Министерства полиции осуществляется в тесном сотрудничестве с другими государственными органами и очень широка: Военное министерство, Министерством иностранных дел, Министерством финансов, Министерством внутренних дел.

Между Министерством полиции и таможенными и пограничными службами налажено плодотворное сотрудничество. Так, в феврале 1816 г. глава таможенной зоны доложил сенаторам, которые осматривали Волынскую провинцию, о передвижениях австрийской армии и австрийского шпиона Герберта. Сенатор поручил начальнику таможенно-пограничного управления по сбору данных изличающих Герберта об оборонном шпионаже и уведомить Вязмитинова [9]. Из дела видно, что глава таможни смог организовать уведомление об учениях австрийских военных в приграничной зоне («передача из-за рубежа конфиденциальной информации, отправленной графом Булгарии в целях розыска лиц в паспортах на действия австрийских судов»). Из этих источников

стало известно о Герберте, который «во всех военных действиях был всегда в главных военных квартирах, используемых в таких подлых разведданных».

В конце войны с Наполеоном одним из направлений деятельности Министерства полиции было установление личности российских граждан, сотрудничающих с Францией. Таким образом, была установлена полиция для наблюдения за помещиком Минской губернии Буйницким. Полиция успешно провела обыски и аресты коллег бывшего профессора Московского университета Вилларса, который во Франции служил начальником полиции, а при отступлении французской армии покинул Москву [12, с. 23–27].

Политические расследования становятся все более широкими по своему охвату и организационному характеру. Так, весной 1815 г. Министерство полиции приказало установить тайный надзор за поляками, служащими во французской армии. Постановление от 27 апреля 1815 г. было отправлено губернаторам Волынской, Минской, Подольской, Киевской областей, правителю Белостокской области. В мае 1815 г. по согласованию с Министерством внутренних дел было установлено шесть перехватов их писем.

По мнению историков, Министерство полиции «не мало терний причинило русской литературе». Полицейскому министерству было предоставлено право на пересмотр. Что касается книги, то, несмотря на то, что она была упущена цензорами, она «вызвала ложные объяснения, общий порядок и спокойную противоположность», то министр полиции отчитался перед министром образования или непосредственно перед императором. Так, в 1814 г. Министерство полиции изъяло из обращения разрешенный петербургской цензурой роман Нарезного «Российский Жильбласс», в 1815 г. запретило печатать критические отзывы об императорских театрах и актерах.

Есть случаи запрета, по сути, всей сферы журналистики. В 1814 г. заведующий отделом полиции Вязмитинов заявил о недопустимости намерения издателя «духовного журнала» охватить вопросы внутренней ситуации в России» ее великими путями и интересами, некоторыми недостатками и злоупотреблениями», так как «упомянутый пункт» в течение пяти лет, с 1811 по 1816 гг., отдел полиции запретил 53 театральных спектакля.

В непосредственном ведении Министерства полиции находятся места содержания под стражей для государственных правонарушителей (например, Александровский рavelин). Увеличение числа различных антигосударственных протестов, распространение либеральных настроений после войны, увеличение числа тайных обществ, хижин, кружков, привели к усилению репрессивных принципов во внутренней политике государства. Одним из проявлений этого является создание еще одной тюрьмы в крепости «тайных заключенных» с очень строгим режимом содержания под стражей.

С. К. Вязмитинов направил начальнику тюрьмы длинную (13 пунктов) директиву. Она гласила, что смотритель находится под непосредственным контролем командира крепости, однако, все вопросы, связанные с хранением заключенных (безопасность, режим, снабжение и т. д.), решаются смотрителем. В воротах дома, где содержались заключенные, должен быть постоянно часовой. «Если же бы кто посторонний пожелал туда войти или каким-либо образом и

вышел, то несмотря ни на какое лицо, часовой должен такового задержать и чрез унтер-офицера уведомить вас, а вы имеете представить коменданту» [13, с. 171].

Было предписано, чтобы заключенные находились под строгим надзором, а именно: «они не могут ни дать друг другу, ни посторонним, которые не общаются ни в устной, ни в письменной форме». В соответствии с инструкцией в каждой камере должен быть «помещен безоружный охранник-солдат», где будут содержаться заключенные. Этот пост должен быть двадцать четыре часа, караульные должны были наблюдать, чтобы осужденные никуда не выходили, «не наносили себе вреда», «наблюдали за всеми действиями и информировали «инспектора». Охранникам запрещено вступать в любые разговоры с заключенными, а сотрудники, не назначенные на должности, проводят проверки как можно чаще. Надзиратель обязан несколько раз в день навещать заключенного, спрашивая его о его требованиях и о том, насколько он способен их удовлетворить. 8 ноября 1819 г. губернатор Финляндии сообщил министру полиции, что дом готов для принятия тайных заключенных.

Этот пример показывает, что режим содержания политзаключенных, как и в ранней истории, в первую очередь нацелен на их строгую изоляцию. В отсутствие единого правового акта, регулирующего отбывание наказания за государственное преступление, условия их содержания в данном случае определяются конкретными нормативными актами и зависят от ряда обстоятельств: характера совершенного деяния, происхождения заключенного, перспективы получения от него дополнительной информации о политических преступлениях, возможности обмена на одного заключенного и т. д.

При министре полиции было создано специальное отделение, которое в качестве органа по политическим расследованиям было создано 13 января 1807 г., а комиссия по рассмотрению дел, связанных с преступлениями, которые могут нарушить мир, не была отменена. Но его рабочая нагрузка резко сократилась. По словам Ерошкина, он провел 179 заседаний с 1807 по 1810 гг., где было рассмотрено 94 дела и 57 дел. За последние 19 лет существования комиссии (1811–1829 гг.) было проведено 195 заседаний, в общей сложности было получено 57 дел, и было рассмотрено 36 дел. Аналогичные данные приводит Оржеховский, который также отметил, что большинство рассмотренных комиссией дел связано с деятельностью масонской ложи, с распространением французских писем, слухов, клеветы и т. д.

Таким образом, общее руководство политическими расследованиями осуществлялось Министерством полиции с использованием широкого круга гласных и тайных методов. В этой связи оно может установить тесные контакты с другими министерствами и учреждениями, занимающимися вопросами контрразведки, или оказывать помощь в проведении политических расследований в зависимости от характера их деятельности. Существенным недостатком организации политического расследования являлось отсутствие соответствующих подразделений на низовом уровне, а, следовательно, реализация необходимых мер с привлечением сотрудников полиции в целом, зачастую без необходимого опыта. В конечном счете, это снижало эффективность политических расследований.

Список литературы:

1. Давиденко А. В. Разведывательная и контрразведывательная деятельность сотрудников министерства полиции в 1812 году // В сб.: Хранители благочиния Российской империи : сборник научных статей к 300-летию российской полиции. М., 2018.
2. Дмитрян М. С. Историко-правовой анализ деятельности министерства внутренних дел и министерства полиции российской империи (1802–1819 гг.) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 1 (27). – С. 112–116.
3. Егоршин В. М. Полиция – милиция – полиция (общее состояние и оперативно-розыскной аспект) // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 167–187.
4. Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор в системе форм российского права : автореф. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2005.
5. Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор : монография. М. : Московский университет МВД России, 2008.
6. Кулакова Ю. Ю. Сущность правового конфликта // История государства и права. – 2008. – № 14. – С. 4–7.
7. Лурье Ф. М. Политический сыск в России 1649–1917. М., 2006.
8. Максимова Н. А. Роль манифеста об учреждении министерства полиции в специализации управления службой полиции безопасности в российской империи // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 4. – С. 39–42.
9. Полное собрание законов Российской империи (собрание 1-е). СПб., 1890. Т. XXXI. № 24104, № 24152, № 24189.
10. РГИА. Ф. 1163. Оп. 1 (Т. XVI). Д. 1.
11. Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. М., 1991.
12. Трифонов В. А., Гугасари Е. С. Роль Министерства полиции в обеспечении национальной безопасности Российской империи в период отечественной войны 1812 года // Правоохранительная деятельность органов. В 2-х ч. / сост.: А. Д. Косолапов, Н. А. Игошин, О. Г. Карнаухова и др. М., 2013.
13. Шилов Д. Н., Вязмитинов С. К. / В сб.: Международный благотворительный фонд имени Д. С. Лихачева; под науч. ред. Б. Ю. Иванова и др. СПб., 2004.

Мецгер А. А.¹,

*начальник 2 отдела управления по расследованию
организованной преступной деятельности
Следственного департамента МВД России,
кандидат юридических наук*

СИСТЕМА ГАРАНТИЙ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Предметом данной статьи является система гарантий прав граждан в России, а также исследование таких взаимосвязанных с системой гарантий прав граждан понятий, как охрана и защита прав и свобод человека и гражданина.

Термин «гарантии прав» применяется для обозначения способов и средств, при помощи которых осуществляется обеспечение прав. Гарантировать – значит, обеспечивать, поручаться, устанавливать гарантии [7]. Представляется верной позиция ученых, которые считают, что определение понятия «гарантия» только через «обеспечение» неверно: они соотносятся как вид и род. Гарантия – это вид обеспечивающих условий [9].

Гарантии конституционного права на высшее образование можно определить, как совокупность правовых средств и условий, направленных на реальное и эффективное обеспечение соблюдения и осуществления прав граждан на получение высшего образования.

В юридической литературе существуют различные способы классификации гарантий конституционных прав граждан. Традиционным является разделение гарантий на общие и специальные [8, с. 314]. Общие можно подразделить на социально-экономические, политические, духовно-культурные. Такой подход применим и к гарантиям конституционного права на высшее образование.

Суть социально-экономических гарантий заключается в том, что общее состояние экономики страны (многообразие форм собственности, экономическая свобода, уровень жизни населения, рыночные отношения, деловая активность, предприимчивость, рентабельность производства и т. д.) и социуме существенным образом влияет на положение дел в правовой сфере, и в частности на состояние законности и правопорядка. Причем воздействие социально-экономических факторов может быть как позитивным, так и негативным, что наглядно проявляется в финансировании системы высшего образования.

Политические гарантии характеризуют степень политической стабильности в обществе, четкая работа всех ветвей и структур власти, органов государства, сочетания и взаимодействия гражданского общества и правового государства, безусловного признания и защиты прав человека и гражданина, верховенства закона [2].

Духовно-культурные гарантии включают систему культурных ценностей, основанных на любви и уважении к Отечеству, вере в добро и справедливость – это общественная активность и образованность человека [6, с. 173–174]. К духовно-культурным гарантиям относятся: идеологическое многообразие; запре-

¹ © Мецгер А. А., 2020.

ты на монополизацию идеологии; свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания; охрана интеллектуальной собственности; право на участие в культурной жизни, доступ к культурным ценностям и др. [3; 4; 5; 11, с. 18].

Многообразие социальных связей, определяемых политическими, экономическими и духовно-культурными гарантиями создают социально благожелательное для прав индивида «положительное поле», благодаря чему служат основой создания (появления) специальных (юридических) гарантий прав [1, с. 377].

Специальные гарантии более конкретны и самоочевидны, чем общие, и закрепляются в правовых нормах, регулирующих конкретную группу правоотношений, они создаются для целенаправленного воздействия на среду и поведение людей для обеспечения прав, когда общих гарантий недостаточно [8, с. 314].

Используемое в ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации слово «гарантируется» звучит более весомо, нежели «каждый имеет право», и чаще встречается в тех случаях, когда государство обладает системой, способной обеспечить права всех индивидов.

В целях максимальной охраны прав и свобод личности их основополагающие юридические гарантии закреплены на конституционном уровне. Гарантии условно подразделяются на две группы: **общие гарантии** и **специальные (гарантии правосудия)**.

Наиболее общей гарантией прав и свобод, имеющей наивысшую юридическую силу, является конституционный строй, основанный на строгом соблюдении Конституции Российской Федерации, неотчуждаемом естественном праве и общепризнанных принципах и нормах международного права. Эта гарантия трансформируется в систему определенных прав граждан и обязанностей государства по обеспечению прав и свобод и сформулирована в ст. 45, 46, 53, 55, 56, 60 и 61 Конституции Российской Федерации. Без этих основ требования личности к обществу носили бы формальный характер [10, с. 49].

К общим гарантиям прав и свобод человека и гражданина относятся:

1. Конституционно-судебный механизм защиты прав и свобод.
2. Судебная защита прав и свобод.
3. Законная самозащита человеком своих прав и свобод.
4. Административно-правовая защита прав и свобод.
5. Международная защита прав и свобод.

К специальным конституционным гарантиям (гарантиям правосудия) относятся:

1. Гарантии подсудности.
2. Право на юридическую помощь.
3. Презумпция невиновности.
4. Запрет повторного осуждения за одно и то же преступление.
5. Недействительность незаконно полученных доказательств.
6. Право на пересмотр приговора.
7. Гарантия от самообвинения.
8. Права потерпевших.

9. Запрет обратной силы закона.

Таким образом, государство по Конституции Российской Федерации взяло на себя обязанности по признанию, соблюдению, защите (ст. 2) и гарантированию (ст. 17) прав и свобод. А поскольку государство действует в лице уполномоченных государственных органов, то основным субъектом реализации заложенных в Конституции Российской Федерации государственных обязанностей являются правоохранительные органы, в том числе органы внутренних дел.

Рассматривая определяемые категории с позиции правовой возможности их защиты, права и свободы будут нами исследоваться как равнозначные, объединяемые единым понятием. Следует отметить, что в учебной литературе встречается понятие «законных интересов граждан», которые наряду с правами и свободами причисляются к объекту государственной защиты. Однако на сегодняшний момент, на наш взгляд, категория «законного интереса» трансформировалась и заключена в понятии прав и свобод человека и гражданина путем конституционного признания государством, а равно их нормативного закрепления.

Рассмотрение законного интереса граждан в качестве самостоятельного понятия в науке конституционного права представляется необоснованным и предлагается учитывать его лишь как цель провозглашения прав и свобод. Гарантируя своим гражданам определенный объем прав и свобод, государство тем самым способствует удовлетворению законного интереса человека. Употребление в данном случае более выраженной характеристики – «конституционные права и свободы человека и гражданина» – представляется в правозащитном смысле более выдержанным и корректным.

Изучая систему гарантий прав гражданина, нельзя обойти вниманием такие важные понятия, как «охрана» и «защита» прав и свобод человека и гражданина. Большинство авторов понимают охрану как более емкое понятие. В Конституции Российской Федерации о защите прав и свобод говорится в ст.ст. 2, 38, 45, 46; об охране прав и свобод – в ст. 21, 35, 41, 82. Если обратиться к этимологическому значению понятия «защита», «защитить», то мы увидим, что речь идет как об охране, так и о защите кого-либо, чего-либо.

Действующая Конституция Российской Федерации широко трактует понятие «защита». В самом тексте можно усмотреть следующие ее основные категории:

- 1) социальная защита (ч. 2 ст. 7);
- 2) государственная защита (ч. 1 ст. 45);
- 3) судебная защита (ч. 1 ст. 46);
- 4) правовая защита (ч. 3 ст. 46).

Наиболее широким видом из обозначенных представляется государственная защита. Она включает в себя остальные, но к ним не сводится и с ними не отождествляется. Именно государственная защита прав и свобод человека и гражданина есть главная обязанность государства и гарантируется каждому. Социальная защита подразумевает в первую очередь экономические и иные меры, направленные на обеспечение достойного существования отдельных категорий граждан. Правовая защита – это одна из форм, в которую облакаются меры государства по защите личности. Она подразумевает, прежде всего, дея-

тельность различных компетентных органов по восстановлению нарушенного права. Правовая защита включает в себя судебную, но ею не исчерпывается, так как, наряду с последней, в нее входит право на жалобу, на возмещение причиненного ущерба, право на забастовку и др.

Сама Конституция Российской Федерации не раскрывает содержания данных понятий, в связи с чем для уяснения их сущности необходимо обратиться к действующему законодательству. Так социальная защита трактуется законодателем как совокупность определенных законом гарантированных мер государственной политики, обеспечивающих отдельным категориям лиц равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией, а также в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Под правовой защитой законодатель усматривает деятельность различных органов и служб, обеспеченную всей правовой системой России и направленную на нормативное урегулирование общественных отношений с установлением гарантий защиты для их участников. В этой связи следует отметить, что именно внутригосударственным правом предусматриваются и возможности защиты нарушенных прав, исчерпание которых в соответствии с Конституцией позволяет обращаться за защитой в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ).

Судебная защита усматривается законодателем в предоставлении возможности каждому беспрепятственного обращения в компетентные и независимые органы власти за защитой нарушенного или оспоренного права. Сущность механизма такой защиты, несомненно, должна раскрываться Конституцией Российской Федерации. Защита прав – объективная необходимость, поскольку основные права, предоставленные человеку и не обеспеченные средствами конституционно-правовой защиты в случае их нарушения, являются лишь «декларативными правами».

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, несмотря на обширный теоретический материал о гарантиях, о защите прав и свобод человека и гражданина в России, вопросы современной системы государственных гарантий прав гражданина, а также (что важно) конституционной обязанности органов внутренних дел Российской Федерации по защите прав и свобод человека до сих пор не получили должного концептуального освещения.

Во-вторых, в целях максимальной охраны прав и свобод личности их основополагающие юридические гарантии закреплены на конституционном уровне. Гарантии условно подразделяются на две группы: общие гарантии и специальные (гарантии правосудия).

В-третьих, проблема гарантий прав гражданина, а также государственной защиты основных прав и свобод человека и гражданина в конституционном праве сегодня рассматривается как часть другой, более широкой по своему содержанию проблемы – правовой защиты человека. Важность субинститута защиты основных прав вызывает необходимость изучения этого явления в системе правовых средств правовой защиты человека, определения его места в механизме конституционно-правового регулирования.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1997.
2. Колесников Е. В. Конституционный принцип верховенства федерального закона в России // Вестник Саратовской государственной академии права. – 1998. – № 3. – С. 73–75.
3. Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор в системе форм российского права : автореф. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2005.
4. Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор : монография. М. : Московский университет МВД России, 2008.
5. Кулакова Ю. Ю. Сущность правового конфликта // История государства и права. – 2008. – № 14. – С. 4–7.
6. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. Саратов, 1996.
7. Соловых С. Ж. К понятию процессуальных гарантий в арбитражном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2007. – № 1.
8. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М. : Юристъ, 2006.
9. Туктаров Ю. Е. Понятие и особенности гражданско-правовых гарантий // Журнал российского права. – 1999. – № 10.
10. Чхиквадзе В. М. Гарантировано конституцией. М., 1979.
11. Шапорева Д. С. Конституционное право человека и гражданина на свободу творчества в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.

Салтыков К. Г.¹,

*начальник кафедры государственно-правовых дисциплин
Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

ДИАЛЕКТИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Применительно к праву, учитывая, что юридические нормы не могут существовать иначе, как в определенных языковых формах, а значит, язык и право находятся в тесном взаимодействии друг с другом, традиционно распространено мнение о том, что юридический язык является одной из подсистем литературного языка [3; 6].

Однако ряд исследователей «предполагает наличие у юридического языка, как и у других феноменов лингво-правовой зоны, специфического качества, не выводимого в полной мере из литературного субстрата» [2, с. 39].

А. С. Пиголкин отмечал, что при изложении законодательной мысли в форме нормативного акта используются языковые средства, выработанные специально для сферы правотворчества, то есть употребляемые преимущественно в данной области. Это может быть истолковано как основание для определенной автономии языка законодательства, как самостоятельного стиля литературного языка, который обусловлен особыми социальными задачами, стоящими перед правом, специфичным способом отображения предмета и характеризуется специальными композиционными и стилистическими средствами, особым словарным составом языка для выражения мысли законодателя [7, с. 14]. Юридический язык как единое целое обладает рядом чрезвычайно важных специфических качеств: точностью, ясностью, использованием слов и терминов в строго определенном смысле, эмоциональной нейтральностью.

В обобщенном виде такая оценка юридического языка и его терминологических основ имеет в своей основе следующий тезис: «терминология представляет собой автономный раздел лексики, поскольку термины каждой отрасли знания формируют свою особую терминологию и значение каждого термина раскрывается полностью лишь в системе последней» [1; 7, с. 18].

Действительно, юриспруденция рассматривает язык как средство выражения нормативного содержания юридических предписаний, однако существуют определенные отличия языка юриспруденции от языков для специальных целей, поскольку он распространяется на разнообразные сферы человеческой деятельности.

Степень специализации языка законодательства сравнительно невелика, поскольку право регулирует обширные области общественных отношений, с нормативными актами сталкиваются как узкий круг специалистов, так и все граждане. В юриспруденции сравнительно немного специальных терминов, обозначающих особые юридические понятия. В основном законодательство использует общераспространенную терминологию и строится на основе обычного

¹ © Салтыков К. Г., 2020.

словаря языка. Язык законодательства является фрагментом обыденного языка, отличающимся от других фрагментов специфичностью терминологического словаря, формируемого путем терминологизации общеупотребительных слов на основе метонимических переносов.

Представляется, что относительно русского литературного языка степень единства и дифференциации языка юридического возможно определить посредством обнаружения его связей и отношений с другими явлениями при помощи таких категорий диалектики, как общее, особенное и отдельное (единичное). При этом в качестве общего выступит вся совокупность языковых феноменов в единстве, присущих им признаков, в качестве отдельного – юридическая терминология в ее отношении к более общему образованию. В качестве особенного, позволяющего выделить отдельное, может рассматриваться связь терминологии с правовыми понятиями и известная юридическая клишированность.

Говоря о переходе количественных изменений в качественные, применительно к юридическому языку, возможно в качестве примера избрать юридический термин «веритель» (Русская Правда (Пространная редакция), широко распространенный вплоть до начала XVIII в., однако в последствие ушедший из активного употребления и оттесненный на периферию словарного запаса.

Роль решающего фактора для указанных изменений в юридическом языке сыграл значительный рост употребительности термина «кредитор», произошедшего от латинского *creditum* – «ссуда», и заимствованного, вероятно, через немецкий юридический термин «Kredit». Таким образом, под влиянием количественных изменений (рост употребительности юридического термина) произошли качественные изменения в номинации юридического понятия.

Закон диалектики о единстве и борьбе противоположностей определяет особенности самой диалектики любого языка, в том числе языка для специальных целей, которым является юридический язык. Так, единство логического и семантического в языке предполагает при его использовании обязательное прохождение логического уровня мышления. И одновременно с этим «...язык не есть чистая логика», моменты которой могут стать орудием разумного общения, лишь пройдя сложнейшую модификацию [4].

Закон «Отрицание отрицания» также определяет внутренние связи между различными стадиями языкового развития. Опора на него в процессе лингвистических исследований позволяет проследить поступательный характер языковых изменений, например в области юридической терминологии, где устоявшаяся специальная лексика порождает новую, которая утверждает все то положительное и жизнеспособное, что было на предшествующем этапе языкового развития. Действие закона «Отрицания отрицания» во многом определяет процесс терминообразования. Так, на смену применявшемуся многие столетия термину «исполнение обязательства» приходит не отрицающий его, но применяющийся в юридическом дискурсе параллельно терминомид «реализация обязательства».

Приведенные примеры позволяют рассматривать представления о диалектике юридического языка в качестве неотъемлемой части научного мировоззрения ученого-юриста, которая обеспечивает дополнительные возможности получить ориентиры на пути познания.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.
2. Голев Н. Д. О специфике языка права в системе общенародного языка и ее юридического функционирования // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул, 2004.
3. Зыкова С. В. Элементы религиозности в российском праве : монография. М. : Московский университет МВД России, 2008.
4. Лосев А. Ф. О методах изложения математической лингвистики для лингвистов // Вопросы языкознания. – 1965. – № 5. – С. 13–30.
5. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М., 1989.
6. Хижняк С. П. Англо-американская терминология права: Социолингвистический аспект возникновения и развития : учебное пособие. Саратов, 1997.
7. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М., 1990.

Воропаев Д. А.¹,

*старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
кандидат юридических наук*

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА ПОЗНАНИЯ ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный работник МВД СССР, известнейший ученый Всеволод Михайлович Курицын оставил не только светлую память о себе, но и богатое научное наследие.

Нельзя не согласиться с авторами предисловия к одной из ключевых его работ – «История отечественного государства и права. 1929–1945 гг.» [5], отмечающими реалистичность научной исторической школы В. М. Курицына, его стремление очистить отечественную историю от различного рода преувеличений, замалчиваний, искажений и просто лжи, последовательную реализацию им основополагающего принципа научной школы – принципа оценки государственно-правовых фактов и процессов на основе объективно складывающихся условий, определявших их возможное и действительное содержание и форму [5, с. 5].

Работы В. М. Курицына – яркий пример использования в юридической науке историко-материалистического метода исследования. Так, в автореферате диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук ученым обозначены методологические основания исследования: «Федерация – государственный союз, федеративные связи – связи государственные, политические. В основе развития этих политических связей лежит развитие связей *экономических* [4, с. 3] (курсив наш – Д. В.)». Как известно, принцип материалистического подхода к государству и праву, состоящий в рассмотрении их как частей, надстройки, обусловленных экономическим базисом, является одним из ключевых принципов материалистической диалектики [7, с. 19].

Упомянутая выше реалистичность, честность научного подхода В. М. Курицына к описанию исторических событий соответствует такому диалектико-материалистическому требованию к научному познанию правовых явлений, как принципу объективности научного познания, заключающемуся в том, что изучаемые явления должны отражаться такими, каковы они в действительности [7, с. 20].

Нельзя не упомянуть про принцип диалектического подхода к государству и праву, предполагающий необходимость рассматривать их не как раз и навсегда данные, а в их возникновении, развитии и самодвижении [7, с. 19–20].

Исследование работ В. М. Курицына и других крупнейших советских ученых-правоведов позволяет убедиться в том, что диалектический и исторический материализм, составляющие материалистическую диалектику или диалектический метод познания при всех его достоинствах и недостатках был в совершенстве освоен советскими правоведами. Применив его к предмету позна-

¹ © Воропаев Д. А., 2020.

ния юридической науки, им удалось достичь значительных результатов. Применение диалектического метода познания позволило достаточно убедительно, полно и непротиворечиво описать значительную часть правовой реальности. Так, общепризнанным стал тезис о том, что использование законов и категорий материалистической диалектики при исследовании государства и права позволяет выяснить происхождение, сущность и социальное назначение государства и права, определить формы их существования, закономерности функционирования и развития и на этой основе сформулировать рекомендации по их совершенствованию, прогнозировать их исторические перспективы [7, с. 18–19].

Известные события конца прошлого века затронули и юридическую науку, в том числе привели к пересмотру эвристических возможностей диалектического метода познания как единственно верного. Нет нужды подробно останавливаться на многостраничной, а точнее, многотомной критике как самого метода, так и тех, кто его использовал (а иногда не просто провести соответствующий водораздел), следует отметить, что все же, на наш взгляд, существуют области, сферы правовой реальности, для которых обозначенный метод познания недостаточно эффективен.

Любая наука, в том числе и юридическая, вооруженная соответствующей методологией, ставит своей целью отыскание и формулировку закономерностей, т. е. реализуя прогностическую функцию, познает, фиксирует явления и события, которые неизбежно приведут к другим явлениям и событиям в более-менее отдаленном будущем, устанавливает нерушимые связи между явлениями-причинами и явлениями-следствиями. Однако отыскание таких связей является делом непростым. Как известно, в самом широком смысле науки делятся на естественные – о природе и гуманитарные – о человеке. И если в первых поиск закономерностей, как правило, успешен, то во вторых зачастую исключений больше, чем правил. И первопричина тому, по нашему мнению, уже содержится в названии – человек.

В теоретико-правовой науке человек скрывается за такой категорией, как субъект права. В. И. Павлов отмечает, что в праве понятия «человек», «личность», «физическое лицо как субъект права» традиционно используются как синонимы и фактически отождествляются [6, с. 249]. Корни такого отождествления уходят в классическую европейскую методологию научного познания, сложившуюся в Эпоху Нового времени, основанную на эмпиризме Ф. Бэкона и рационализме Р. Декарта. Этот интеллектуальный инструментарий был разработан при осмыслении актуальных событий политической и правовой практики в Западной Европе и США в XVII–XVIII вв. и в первой половине XIX в., среди которых особое место занимали буржуазные революции. Именно рационализма был признан универсальным методом познания. Разум, по Р. Декарту, критически оценивает опытные данные и выводит из них скрытые в природе истинные законы, формулируемые на математическом языке. Могущество разума ограничено лишь несовершенством человека по сравнению с Богом, который как раз несет в себе все совершенные характеристики.

Человек в новой системе координат стал мыслиться как существо рациональное – постигающее мир не только опытом, но и разумом. Отсюда и такие

характеристики рациональности, как разумность, последовательность, логичность, правильность, безошибочность, доказуемость, верифицируемость и др.

Классическая теоретико-правовая наука восприняла философскую идею человека рационального и модифицировала его в субъекта права, под которым принято понимать индивида (физическое лицо) или организацию, которые обладают признаваемыми правовыми нормами, юридическими качествами, позволяющими им быть носителями субъективных прав и обязанностей – правосубъектностью [2, с. 331]. При ближайшем рассмотрении в ее основе лежат две составляющие – возраст и вменяемость, читай, разумность. Причем второй компонент требует наличия первого. Так, лицо, не достигшее установленного законом возраста, не является полностью дееспособным, т. е. разумным. Таким образом, субъект права а priori рационален. Со всеми вытекающими из этого к нему притязаниями.

Следует отметить, что отраслевые юридические науки, законодатель и юридическая практика признают некоторую упрощенность данной конструкции, что находит отражение в соответствующих нормативных правовых актах, правоприменительной практике. В качестве примера можно привести Уголовный кодекс Республики Беларусь, в котором используются категории и понятия «уменьшенная вменяемость», «аффект», «психотравмирующая ситуации» и др. Не вдаваясь в трудности, возникающие при наполнении соответствующих оценочных понятий содержанием и применении их к конкретным жизненным обстоятельствам, следует отметить, что наука и практика наряду с рациональностью признают еще и нерациональность (иррациональность) субъекта права.

Возвращаясь же на теоретико-правовой уровень юридической науки, следует сказать, что адекватное описание представителя рода *homo sapiens*, находящегося в юридически значимой ситуации, началось относительно недавно и осуществляется преимущественно с использованием инструментария и в рамках так называемой неклассической или постклассической теории права, как это делает, например, уже упоминавшийся В. И. Павлов. Рассуждения подобного рода в самом широком смысле принято связывать с антропологическим поворотом или антропологическим вектором развития теоретико-правовых изысканий.

Для постклассической науки характерно среди прочего использование наработок и достижений из различных областей человеческого знания наряду с применением традиционных для данной сферы методов научного познания обозначенного предмета исследования. Полагаем, среди наук, изучающих человека, представляют определенный интерес выводы и заключения, сделанные науками экономическими. На наш взгляд, в качестве одной из самых существенных на то причин можно обозначить то обстоятельство, что теория человека рационального соответствует духу эпохи, в которой она была разработана, – слом феодального и зарождение капиталистического строя. И в этой части философская категория «рациональность» сближается с экономической категорией «выгода», а рациональное решение предполагает самое выгодное решение.

К слову, в классической экономической теории важную роль играет теория рационального выбора, с помощью которой описывается типичное (максимизация полезности или прибыли) поведение участников соответствующих отношений. Рациональным признается самое эффективное решение, предполага-

ющее удовлетворение предпочтений с использованием минимального объема ресурсов [9]. В то же время в сер. XX в. появляется ряд исследований, указывающих на несостоятельность этой теории, предлагаются альтернативные подходы. Одним из таких является теория ограниченной рациональности (bounded rationality), разработанная Гербертом Саймоном – американским ученым в области социальных, политических и экономических наук [8]. Суть последней сводится к тому, что человек выбирает не объективно наилучшее решение, а лишь наилучшее из доступных ему. Причиной тому Г. Саймон называет ограниченность человеческих когнитивных возможностей. Другими словами, человек в сложных ситуациях «технически» не в состоянии предусмотреть и просчитать все возможные варианты решений, чтобы отыскать оптимальное, а вынужден выбирать из тех, к которым может прийти. В итоге в лучшем случае такое решение может быть объективно оценено лишь как удовлетворительное.

Полагаем, теория ограниченной рациональности применима не только к экономическим отношениям, но и любым другим сферам деятельности человека, в которых он сталкивается с необходимостью анализа большого объема информации либо принимает решение в ситуации ее неполноты или отсутствия. Данные обстоятельства в полной мере относятся и к правовой сфере функционирования общества. Субъект права как классическая теоретико-правовая категория предполагает действия в пределах схем рационального выбора и ничего не говорит об интеллектуальных качествах человека. Таким образом, предусматривая в нормативных правовых актах идеальные модели поведения, законодатель адресует их идеальным исполнителям, которые в реальной жизни таковыми не являются в силу своей человеческой природы. Как итог – несоответствие поведения субъектов права правовым предписаниям.

Еще одним известным специалистом в сфере поведенческой психологии является Дэн Ариели. Один из ключевых выводов, который он делает на основании значительного количества экспериментальных исследований, состоит в том, что человек не просто нерационален, а предсказуемо иррационален [1]. На поведение человека влияет огромное количество факторов, что в конечно счете крайне редко приводит к выбору наиболее рационального варианта поведения. Исследования Д. Ариели свидетельствуют о том, что та модель поведения, которая будет использована вместо наиболее рациональной, может быть спрогнозирована.

Наконец, нельзя не упомянуть об исследованиях Дэниела Канемана. Ученый утверждает, что отысканию наиболее рациональной модели поведения мешают постоянные ошибки мышления людей, которые обусловлены, скорее, самим механизмом мышления, нежели какими-либо иными факторам [3]. Как и Г. Саймон, Д. Канеман отмечает, что когнитивных способностей человека зачастую недостаточно, чтобы отыскать наилучшее решение. Более того, в ходе данной деятельности существуют типичные ситуации-ошибки, отклоняющие нас от цели (иллюзия истины, эффект настроения, эффект ореола, автозамена, счастливый случай и др.).

Очевидно, что подобные взгляды на субъект права не могли быть сформулированы в рамках диалектико-материалистического подхода. Однако исследование отклоняющегося от теоретической нормы поведения человека про-

демонстрировало необходимость в новых концепциях и подходах, позволяющих описать поведение человека, полагаем, и субъекта права более адекватно. На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что традиционный подход к субъекту права как к человеку рациональному явно не соответствует реальному положению вещей и требует переосмысления.

Список литературы:

1. Ариели Д. Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения / Д. Ариели ; пер. с англ. П. Миронова; Стокгольмская школа экономики. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2010.
2. Вишневский А. Ф. Общая теория государства и права : учебник / А. Ф. Вишневский, Н. А. Горбатов, В. А. Кучинский ; под ред. В. А. Кучинского. – 3-е изд. Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2019.
3. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро / Д. Канеман. М. : АСТ, 2013.
4. Курицын В. М. Возникновение и развитие федеративных связей между СССР и РСФСР в 1917–1922 гг. : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. М. Курицын ; АН СССР Институт права. М., 1954.
5. Курицын В. М. История отечественного государства и права. 1929–1945 гг. : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В. М. Курицын ; под ред. А. Г. Мамонтова, С. В. Недобежкина. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
6. Павлов В. И. Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / В. И. Павлов. Минск : Академия МВД Респ. Беларусь, 2017.
7. Проблемы теории государства и права : учебник / С. С. Алексеев [и др.] ; под ред. С. С. Алексеева. М. : Юрид., лит., 1987.
8. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления : [Электронный ресурс] / Г. Саймон // Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ). – Режим доступа: https://igiti.hse.ru/data/003/314/1234/3_1_2Simon.pdf. (дата обращения: 01.12.2019).
9. Nitta K. Decision making [Электронный ресурс] / К. Nitta // ENCYCLOPÆDIA BRITANNICA. – Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/decision-making#ref1180906> (дата обращения: 03.12.2019).

*Галузо В. Н.*¹,

*старший научный сотрудник НИИ образования и науки,
кандидат юридических наук*

О РОЛИ ЭКСТРАПОЛЯЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Предметом данной статьи является экстраполяция как метод научного познания² и обоснование его применения при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации³.

Экстраполяция применяется в качестве метода научного исследования в разных отраслях науки.

Так, П. В. Терелянский применил экстраполяцию при исследовании закономерностей в экономической науке [28].

В монографии Н. Л. Поповой, посвященной «анализу одного из логико-методологических средств современного научного познания – приема экстраполяции», является актуальным следующее обобщающее суждение: «Значение исследований различных логико-методологических средств современной науки, в том числе экстраполяции как гносеологической процедуры, служит развитию одной из прогрессивных тенденций в современном научном познании – методологическому синтезу знаний, связанному с выявлением общей характеристики научного познания нашей эпохи в целом и внутринаучному механизму синтеза различных дисциплин ... Эти исследования в дальнейшем будут способствовать созданию общей методологии науки, представляющей собой аккумуляцию опыта творческой человеческой деятельности, человеческого познания, вычленению основных, исторически обусловленных тенденций в познании и обобщении опыта формирования научных открытий» [19, с. 2, 106–110].

Представляются актуальными и обобщающие суждения группы авторов – единомышленников (В. А. Андрусенко, Д. В. Пивоваров и А. С. Алексеев): «Научная экстраполяция как метод осознанного переноса знания об исследованных объектах, а также перенос соответствующих практических или теоретических действий с ними на новые предметные области выступает весьма важным и эффективным средством практически во всех областях научного познания»; «Требование правильности научной экстраполяции в строгом смысле, следовательно, предполагает: во-первых, проблемно-теоретическое осмысление оправданности распространения начального знания на более широкий круг явлений; во-вторых, необходимость включения первоначально сформулированной закономерности в сферу эмпирического исследования и в теоретический мир с последующей проекцией ее символизированной модели на научную картину мира; в-третьих, реальную возможность расширить вследствие этого ис-

¹ © Галузо В. Н., 2020.

² На данное предназначение экстраполяции уже обращают внимание некоторые ученые, в том числе и мы (см. об этом, например: [8; 18; 20; 23; 30]).

³ Мы предлагаем с 25 декабря 1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: [7]).

ходную эмпирическую базу посредством мысленного конструирования схем будущих практических экспериментальных ситуаций»; «Научная экстраполяция – не абсолютно универсальный метод научного поиска. Он обладает своей спецификой, и успешность его применения предполагает его тесную согласованность с прочими научными исследовательскими процедурами»; «... метод научной экстраполяции является достаточно эффективным, подлинно научным и практически оправданным методом научного познания, требующим к себе пристального внимания методологов и дальнейшего изучения» [1, с. 114–118; 16].

Нами проводилось исследование законодательства, систематизированного в Российской империи в первой половине XIX в. [11; 12], что позволило нам отказаться от многих «мифов» социально-экономической жизни предшествующих эпох.

Укажем лишь на некоторые из них.

В первую очередь мы обратили внимание на существование в Российской империи именно «должностей», представители которых осуществляли те или иные полномочия от имени государства.

Так, представители «должности прокурора» осуществляли надзор [5; 6]. Именно данное обстоятельство обосновывалось нами в качестве заимствования положений о надзоре за исполнением законодательства представителями реанимируемой должности прокурора посредством экстраполяции в действующее законодательство Российской Федерации [9].

Однако в теории предлагалось «квазиэкстраполяция», когда обосновывалось суждение о том, что в Российской империи уже существовали государственные органы, в том числе и прокуратура. Исследование законодательства Российской империи позволило нам обнаружить закономерность превращения должности в государственный орган [10].

В этой связи представляются небезосновательными суждения И. Н. Сурманидзе («Таким образом, существенными признаками, позволяющими выделить из всего состава государственных служащих должностных лиц, являются следующие: 1) указанные служащие наделены как властными полномочиями по отношению к иным государственным служащим по организации деятельности аппарата государственного органа (т. е. полномочиями по решению вопросов должностного продвижения государственных служащих, присвоения им классов чин, воинских и специальных званий, применения поощрительных и дисциплинарных санкций и т. д.), так и властными полномочиями в отношении физических и юридических лиц, не находящихся в служебной зависимости от них (т. е. полномочиями по подписанию индивидуальных или нормативных правовых актов, по принуждению, применению мер наказания и т. д.); 2) могут управлять и распоряжаться денежными и иными материальными фондами государственного органа, принимать соответствующие юридически значимые решения в отношении государственного имущества, а также совершать иные действия в отношении указанных объектов») [27].

Также необходимо иметь в виду и именно противодействие преступности представителями отдельных должностей, что является актуальным и для Российской Федерации [4; 13]. Теперь о некоторых нормативных правовых актах Российской Федерации, тем или иным образом относящимся к экстраполяции.

Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации от 24 мая 1996 г. [22; 25] (введен в действие с 1 января 1997 г. [29]), в частности, обнаруживаем несколько статей именно о должностях: ст. 44 («Видами наказаний являются: ... б) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;»); ст. 47 «Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» [2, с. 10–13; 17].

Предметом регулирования Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 23 ноября 2012 г. [26] являются «правовые и организационные основы осуществления контроля за соответствием расходов лица, замещающего государственную должность (иного лица), расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей доходу данного лица и его супруги (супруга) в случаях и порядке, установленных настоящим Федеральным законом ..., а также определяет категории лиц, в отношении которых осуществляется контроль за расходами, порядок осуществления контроля за расходами и механизм обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы» (ст. 1).

В преамбуле Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» от 22 марта 1995 г. [24] закреплено следующее положение: «В целях обеспечения государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, отдельных категорий военнослужащих, сотрудников органов государственной охраны, осуществляющих функции, выполнение которых может быть сопряжено с посягательствами на их безопасность, а также создания надлежащих условий для отправления правосудия, борьбы с преступлениями и другими правонарушениями настоящий Федеральный закон устанавливает систему мер государственной защиты жизни, здоровья и имущества указанных лиц и их близких».

В постановлении СНД РФ «Об утверждении результатов тайного голосования по вопросу об отрешении от должности Президента Российской Федерации» № 4681-1 от 28 марта 1993 г. [3] фактически речь идет о новом для Российской Федерации правовом институте – «отрешение от должности» [14; 15; 21].

Таким образом, применение экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований позволит обеспечить объективность таковых и, особенно, для государств с многовековой историей, каковым является Россия.

Изложенное также позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, предназначение философии – в разработке методов познания, которые с учетом особенностей должны использоваться в разных отраслях науки, в том числе и в исторической, и в юридической.

Во-вторых, в юридической науке экстраполяция позволит установить развитие конкретных правовых институтов и их первоначальное предназначение.

В-третьих, именно экстраполяция позволяет установить суть правового института власти прокурора: обеспечение единообразного исполнения законодательства представителями должности прокурора.

В-четвертых, именно экстраполяция позволяет установить суть правового института противодействия преступности: исключительная обязанность пред-

ставителей уполномоченных должностей, ныне состоящих в отдельных правоохранительных органах (в особенности, органы внутренних дел).

В-пятых, именно экстраполяция, подтверждающая суть исключительной персональной ответственности представителей должностей, позволит устранить коррупциогенность в деятельности нынешних сотрудников правоохранительных органов (в особенности, сотрудников органов внутренних дел).

Список литературы:

1. Андрусенко В. А., Пивоваров Д. В., Алексеев А. С. Экстраполяция в научном познании (специфика и проблема правильности) : монография. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1986.

2. Баландюк О. В. Временное отстранение от должности: вопросы исполнения в уголовном процессе // Российский следователь. – 2016. – № 16. – С. 10–13.

3. Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 14, ст. 498.

4. Галузо В. Н. Борьба с преступностью в России: состояние и перспективы развития // Закон и право. – 2008. – № 7. – С. 35–36.

5. Галузо В. Н. Власть прокурора в России (историко-правовое исследование) : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2008.

6. Галузо В. Н. Должность прокурора в России (1825–1917) (историко-правовое исследование). Ч. II. Действенность права : монография. М. : Изд-во СГУ, 2011.

7. Галузо В. Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 5. – С. 119–123.

8. Галузо В. Н. О допустимости использования метода экстраполяции при осуществлении историко-правовых исследований в Российской Федерации // Право и жизнь. – 2015. – № 8. – С. 155–181.

9. Галузо В. Н. От надзора представителей «должности прокурора» в Российской Империи к многофункциональной деятельности прокуратуры в Российской Федерации // Закон и право. – 2011. – № 10. – С. 43–44.

10. Галузо В. Н. «Присутственное место» или «государственный орган»: допустимо ли отождествление? // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 6. – С. 77–79.

11. Галузо В. Н. Систематизация законодательства в России (1649–1913) : учебное пособие. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007.

12. Галузо В. Н. Систематизация законодательства в России (историко-правовое исследование) : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2009.

13. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.

14. Громов В. Г. Институт отрешения от должности в связи с утратой доверия Президента Российской Федерации // Современное право. – 2016. – № 10. – С. 32–38.

15. Зыкова Н. С. Отрешение от должности Президента Российской Федерации и участие в этой процедуре Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 11.
16. Зыкова С. В. Элементы религиозности в российском праве : монография. М. : Московский университет МВД России, 2008.
17. Колоколов Н. А. Временное отстранение от должности: алгоритм процессуального действия (ст. 114 УПК РФ) // Российский следователь. – 2011. – № 7. – С. 9–12.
18. Макарычев С. П. Экстраполяция как метод познания : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Горький, 1967.
19. Попова Н. Л. Экстраполяция как средство научного познания и интегративный фактор в науке : монография. Киев : Наукова думка, 1985.
20. Попова Н. Л. Экстраполяция как средство современного научного познания : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Львов, 1980.
21. Распопин М. Отрешение от должности главы муниципального образования // Законность. – 2007. – № 10.
22. Российская газета. – 2019. – 4 дек.
23. Селиванова Н. И. Экстраполяция в структуре развивающегося знания : автореф. дис. ... докт. философ. наук. М., 1993.
24. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 17, ст. 1455.
25. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.
26. Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 50 (ч. IV), ст. 6953.
27. Сурманидзе И. Н. Должности и должностные лица государственной службы // Административное право и процесс. – 2009. – № 1.
28. Терелянский П. В. Прогнозирование зависимости «цена – качество» на основе экстраполяции экспертных оценок // Экономический анализ: теория и практика. – 2009. – № 9.
29. Федеральный закон от 24 мая 1996 г. «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2955.
30. Яровой А. В. Экстраполяция в социальном познании (философский анализ) : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Тверь, 2011.

Денисенко В. В.¹,

*доцент кафедры теории и истории государства и права
Воронежского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

МАТЕРИАЛИЗМ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА И ПРАВА ПОСТМОДЕРНА²

В настоящее время в отечественной теории государства и права существует плюрализм мнений относительно философской и методологической основы научных исследований. Целью данной статьи является уяснение ценности и научного потенциала исторического материализма и диалектики в современном обществе постмодерна. Как известно, материалистическая диалектика являлась философским методом отечественной юриспруденции в период СССР. В постсоветский период отношение многих ученых к материализму и диалектике разделилось. Существует достаточно большое количество ученых, остающихся приверженцами учения Карла Маркса [13, с. 43–91], довольно часто в учебной литературе и авторефератах диссертаций указывают диалектику как метод исследования. Между тем появилось довольно много критических возражений относительно роли материализма для современной юриспруденции. Можно привести в качестве типичной критики мнение проф. А. И. Демидова на рассматриваемую тему, который считает, что отечественные ученые: «...отстали от того общего методологического движения, в которое была вовлечена мировая социально-политическая и философская мысль в XX в.» [8]. В качестве альтернативы многие ученые предлагают методы герменевтики, синергетики и многие другие подходы, не связанные с материализмом и диалектикой.

По нашему мнению, необходимо исходить из парадигмальности научного знания. В данном случае речь идет об ограниченности применения какой-либо научной доктрины определенной исторической эпохой или цивилизацией. Любая политико-правовая доктрина отражает проблемы и реалии своего времени, и если происходит коренное изменение экономики или формирование иной культурной среды, требуется иная, соответствующая времени, концепции о государстве и праве. Использование теории, разработанной в иной эпохе, не может привести к эффективной правовой политике. Достаточно вспомнить идеи классического либерализма, сформированные в период Великой Французской Революции в отношении государства. Сформировавшееся в этот период понимание государства – «ночного сторожа» оказалось устаревшим во второй половине XX в., в период промышленного переворота. После перехода к индустриальной экономике возникла необходимость в антимонопольной законодательной политике и в регулировании правом экономики в целом. Однако либеральная идеология отделения государства от общества была настолько сильна в сознании, что мешала видеть реальность новых экономических отношений. Исторический материализм Карла Маркса также в настоящее время во многом

¹ © Денисенко В. В., 2020.

² Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-011-001777 «Дискурсивная легитимация права: речевой акт как форма с нормативным содержанием».

устарел, так как был сформирован до радикальных изменений в обществе второй половине XX в., которые получили название постмодерн. В связи этим современный социолог Даниел Белл отмечал: «Марксистская концепция способствует пониманию природы капиталистического общества, но неприменима к прежним историческим общественным формациям и вряд ли пригодна для анализа будущих постиндустриальных процессов» [4, с. 172].

Причина, по которой следует отказаться от классических социологических взглядов, связана с изменениями в обществе конца XX в. Дело в том, что все три основные классические теории социологии XIX в. (К. Маркс, Э. Дюркгейм, М. Вебер) описывали западное промышленное общество своего времени. Базисной теоретической моделью этих подходов или парадигмой классики является модель «трудового общества» [12, с. 6–7; 7]. Труд и его разделение рассматривались как фундаментальный принцип, создающий общество, определяющий его функционирование, структуру, поэтому классическая социология – это социология «трудового», индустриального общества, периода модерна. Причем, несмотря на различия отдельных теорий, единым в них было понимание общества и индивида, характера социального взаимодействия, то есть в основе лежала общая парадигма. Общим в понимании социальной реальности является рациональная деятельность индивида, связанная с процессом обмена, распределения труда в социальных отношениях. Указанные идеи утилитарного индивида, разработанные политической экономией и М. Вебером, подверглись в 80-е гг. XX в. коренному переосмыслению. Общая идея западной социологии в этот период заключалась в невозможности раскрыть современные общественные процессы с позиций классической социологии в силу радикальных социальных изменений. В этот период на смену «трудовому», индустриальному обществу приходит посттрудовое, информационное общество. Такой период исторического развития называют обществом позднего модерна или постмодерна¹. Такое общество рассматривается как принципиально новый этап социально-экономического развития, так как изменяется характер труда и система производства. Как указывал, ссылаясь на социологические исследования, Ж. Ф. Лиотар в 1979 г. – «известно, что в последние десятилетия знание стало главной производительной силой, что ощутимо изменило состав активного населения в наиболее развитых странах» [11, с. 18–20]. В этом новом обществе в качестве главного фактора выступает уже информация, а не труд. На это указывает и Ю. Хабермас: «Можно отныне ожидать сильной экстернизации знания относительно «знающего», на какой ступени познания он ни находился. Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления. ...Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих случаях, чтобы быть обремененным» [11, с. 17]. Возникают иные мотивации и ценности, не основанные на системе производства и утилитарной этике. Все это связано, прежде всего, с телекоммуникативной революцией, затронувший все сферы постиндустриального общества, а также с изме-

¹ В последние два десятилетия современное постиндустриальное общество называют именно обществом позднего модерна см. : [3, с. 130].

нением принципов социальной организации, так называемым «неоконсервативным поворотом», который проявился в переходе от централизованных структур власти к локальным структурам, на уровне которых принимаются социально-экономические и политические решения, поэтому классические теоретические социологические теории не соответствуют реальным отношениям в современном информационном обществе.

П. Бурдье, указывая на недостаточность марксистской теории классов, писал, что нельзя сводить социальный мир «к одному лишь экономическому полю», привязав себя «к одномерному социальному миру, организованному просто вокруг противоречия между двумя блоками» [5, с. 87]. В реальности же, показывает Бурдье, социальное и политическое пространство есть многомерное взаимодействие относительно автономных полей, «т. е. подчиненных в большей или меньшей степени прочно и непосредственно в своем функционировании, своем изменении полю экономического пространства»; причем и внутри каждого «пространства» те, кто занимает доминирующую позицию, и те, у кого позиция подчиненная, беспрестанно вовлечены в различные конфликты, но уже без необходимости организовать столько же антагонистических групп» [5, с. 88]. Таким образом, помимо экономических общественных противоречий, влияющих на право, в настоящее время главную роль играют противоречия, связанные с культурой (мультикультурностью), социальными связями, во многом вызванные регулированием государством отношений гражданского общества. Не экономические, а коммуникативные противоречия выходят на первый план, такие, как юридикация, фрагментация общественного сознания, отчуждение от права граждан. Но в настоящее время явно недостаточна констатация различных противоречий в обществе, необходимым представляется переход к другой философской парадигме – языка.

Парадигма языка – это философия, разработанная представителями немецкой Франкфуртской школы философии. За последние три столетия философия несколько раз меняла понимание того, что есть основание достоверного знания, причем, по мнению Ю. Хабермаса, всего в истории развития философии выделяется три парадигмы – бытия, сознания и языка [6, с. 99]. Первоначально «философия рассматривала наше знание, как слепок или отражение бытия, к такой парадигме бытия относится и философия К. Маркса, сводившая историю человечества к труду» [9], доминировавшая до последнего времени в отечественном правоведении. Впоследствии начинает доминировать парадигма сознания рассматривает знание как продукт, сформированный трансцендентальным сознанием человека, которая представлена учениями Гуссерля и Канта. В двадцатом веке как указывает К. О. Апель, происходит переход от парадигмы сознания к парадигме языка [2, с. 22], в связи с развитием лингвистической философии и герменевтики. Язык больше не рассматривается как средство выражения результата мышления, мышление и использование языка тождественны. Представители герменевтики, например Гадамер, обосновывают культурную и историческую обусловленность разума. Поэтому в «философии языка происходит переход от субъективности к интересубъективности. Таким образом, речь не может быть сведена к труду или выражению сознания, в рамках прагматической философии, представителями которой являются К. О. Апель и Ю. Хабермас,

действия субъектов можно подразделить на рациональные и коммуникативные» [10]. Общественные противоречия, в том числе и правовые, могут формироваться в сфере «целерациональных», направленных на успех, действий, например, в сфере экономики, а также в сфере коммуникативных связей. В постиндустриальном обществе, в условиях социального государства, как уже было сказано, на первое место выходят не экономические, а коммуникативные противоречия.

В связи с изменением природы противоречий влияющих на право, встает вопрос о методологии их исследования. Традиционно «для анализа противоречий в праве отечественная наука использовала материалистическую диалектику» и ее законы. Безусловно, для анализа противоречий современного общества необходима иная методология, не только потому, что не все противоречия в обществе носят экономический характер, но также потому что, на наш взгляд, сама диалектика не может рассматриваться как научный метод, способный оказать помощь в исследовании общества и правовой сферы.

Говоря о диалектике, следует уточнить, что речь идет не только о материалистическом ее понимании, но и о системе, сформулированной Гегелем. Луи Альтюссер, анализируя состоятельность материалистической диалектики, которая как метод возникла путем «переворачивания» К. Марксом идеализма Гегеля, писал: «... считать понятие «переворачивания» знанием, значит принимать идеологию, которая является его основой, т. е. принимать концепцию, которая отрицает саму реальность теоретической практики» [1, с. 273]. По мнению Л. Альтюссера, концепцию Гегеля невозможно использовать как метод исследования общества, так как неверна сама диалектическая методология: «Акт абстрагирования, который должен извлечь из конкретных индивидов их чистую сущность, есть «идеологический миф», поэтому «... перевернув идеологию, нельзя получить науку. Науку можно получить, лишь покинув область, в которой идеология полагает, что имеет дело с реальным, т. е. покинув ее идеологическую проблематику (органическую предпосылку ее фундаментальных понятий, а вместе с этой системой – и большинство этих понятий), для того чтобы «в другой стихии», в поле новой, научной проблематики обосновать деятельность новой теории» [1, с. 274]. Работы Л. Альтюссера заложили в 60-е годы XX в. основу так называемого «недиалектического» направления в неомарксизме, между тем в последние десятилетия марксизм как философское направление не является популярным и это связано не только с крахом «государственного социализма». Проблема заключается «как в установке на парадигму бытия, неспособную раскрыть все причины общественных противоречий, так и в изначальной установке на критику либерального капиталистического государства» [9], неспособность анализа противоречий позднекапиталистического общества. Между тем конструктивные идеи Маркса, прежде всего, идея превращения конкретного труда в абстрактный (теория отчуждения), были восприняты теорий коммуникативного действия для объяснения патологий развития современного общества и права [14, с. 154].

Таким образом, по нашему мнению, противоречия, возникающие в современном обществе постмодерна, требуют иной методологии, чем диалектический материализм. Правоведам следует оставаться на позициях материализма, но при этом учитывать не только общественные противоречия, связанные с

отчуждением, но и противоречия иного характера, обусловленные общественным развитием в период постмодерна.

Список литературы:

1. Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006.
2. Апель К. О. Трансформация философии. М., 2001.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
5. Бурдьё П. Социология политики. М., 1993.
6. Бусова Н. А. Модернизация, рациональность и право. Харьков, 2004.
7. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.
8. Демидов А. И. О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. – 2001. – №4. – С. 14–22.
9. Денисенко В. В. Лингвистическая парадигма как методологическая основа общей теории права / В. В. Денисенко // Право и политика. – 2017. – № 9. – С. 123–127.
10. Денисенко В. В. Юридикация общества как научная проблема современной правотворческой техники / В. В. Денисенко // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 159–162.
11. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.
12. Полякова Н. Л. Современная западная социология: классические традиции и поиски новой парадигмы. М., 1990.
13. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. М., 2004.
14. Фурс В. Н. Философия незаконченного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000.

Правкин И. В.¹,

*заместитель начальника кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Обеспечение законных прав и интересов граждан, создание механизма гарантирования и реализации этих прав, а также признание прав и свобод человека и гражданина высшей ценностью являются основными приоритетными задачами современного Российского государства. Вместе с тем, провозглашение таких задач требует от государства стратегически целенаправленной деятельности, которая может найти свое выражение в недетализированном плане воздействия на наиболее важные сферы общественной жизни. Конструирование такого плана, как правило, находит свое воплощение в продуманной, обоснованной правовой политике Российского государства [7; 8].

Следует признать, что глобальным стратегическим приоритетным направлением правовой политики государства является формирование правового государства и гражданского общества. Однако в зависимости от частных целей, средств и способов реализации этого направления правовая политика, представляя собой сложное по своей структуре динамическое образование, начинает дифференцироваться на более мелкие системные образования (части). Такие структурные части можно обозначить в качестве разновидностей правовой политики, которым присущи собственные специфические формы тактической реализации.

Одним из видов правовой политики Российского государства является правоохранительная политика. Следует отметить, что проблеме формирования и осуществления правоохранительной политики в отечественной правовой теории уделяется особое внимание. Так, А. В. Малько справедливо указывает, что «правоохранительная политика – это научно обоснованная, последовательная и комплексная деятельность государственных и негосударственных структур по повышению эффективности охранительной функции права, по совершенствованию правоохраны, по выстраиванию полноценной правоохранительной системы» [6, с. 310]. В данном случае субъектами правоохранительной политики являются как государственные, так и негосударственные органы, осуществляющие свою деятельность в соответствии с заранее сконструированной идеальной моделью, которой должна соответствовать вся правоохранительная система. С. Н. Захарцев полагает, что правоохранительную политику следует рассматривать сквозь призму объективного и субъективного смыслов. Согласно его мнению, в объективном смысле правоохранительная политика – это сфера общественных отношений, вне зависимости от воли субъекта, применяющего права. В субъективном – «правоохранительная политика представляет собой совокупность волевых установок и поведенческих факторов, обуславливающих

¹ © Правкин И. В., 2020.

направленность и результативность деятельности конкретных субъектов реализации правоохранительной деятельности: как целого правоохранительного органа, так и конкретного государственного служащего» [3]. Анализируя данные дефиниции правоохранительной политики, стоит остановиться на двух значимых моментах. Во-первых, политика это, прежде всего, деятельность, которая осуществляется на управленческой основе и всегда предполагает наличие актора. Во-вторых, содержание стратегического направления политики может определяться как субъективными, так и объективными факторами. Однако в силу политической природы государства субъективный фактор в осуществлении политики превалирует над объективным.

Таким образом, правоохранительная политика – это всегда деятельность уполномоченных на то субъектов, которая заключается в выработке стратегии и тактики правового пути развития, прежде всего, в сфере правоохраны.

Итак, в современных условиях становится очевидно, что основополагающей задачей правоохранительной политики являются защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка, а также разработка комплекса мероприятий, направленных на повышение эффективности функционирования правоохранительной системы.

Следует отметить, что создание благоприятных условий для обеспечения стратегических целей правоохранительной политики оказывается возможным только в условиях оптимального функционирования правоохранительной системы. В связи с этим одним из актуальных направлений правоохранительной политики является оптимизация деятельности правоохранительной системы. На наш взгляд, лишь с определенной долей условности можно говорить о том, что современная правоохранительная политика, проводимая государством, является, например, неэффективной и неоправданной. Напротив, ретроспективный взгляд на реформационные периоды Российского государства, затрагивающие, в том числе, и правоохранительную систему, свидетельствуют о том, что всегда одним из приоритетных направлений проводимой государством правоохранительной политики было создание наиболее совершенной правоохранительной системы.

Основной базовой целью правоохранительной политики является создание механизма эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечение правопорядка и общественной безопасности, обеспечение гармоничного взаимодействия институтов гражданского общества и правоохранительной системы в целях профилактики, предупреждения и пресечения преступлений.

Достижение поставленной цели обеспечивается формированием правовых стратегий, реализация которых оказывает значительное влияние на формирование наиболее благоприятных условий для повышения эффективности действия современного права и практики его применения.

Итак, в качестве основных правовых стратегий, являющихся составной частью правоохранительной политики, можно выделить следующие:

1. Стратегия создания оптимальной модели партнерских взаимоотношений институтов гражданского общества и правоохранительных органов. Исторически сложилось так, что государство, частью которого в том числе являются

правоохранительные органы, и гражданское общество всегда выступали и выступают как две противоборствующие друг другу силы. Государство активизирует свою управленческую деятельность, расширяет пределы и возможности юридического регулирования, гражданское общество, в свою очередь стремится оградить и не допустить государственно-правовой экспансии.

Принимая во внимание, что взаимоотношения гражданского общества и правоохранительных органов не должны носить оппозиционного характера, в этом случае приоритетным направлением их взаимных отношений является их конструктивное взаимодействие, их взаимная обусловленность, изменение их состояния.

Реализация данной стратегии во многом определяется тем, что объективно решить специфические задачи, стоящие перед правоохранительными органами, без привлечения широких слоев населения в современных условиях становится невозможно. Так, одной из эффективных форм взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества является осуществление регулярного приема граждан представителями правоохранительных органов.

В целях повышения уровня доверия граждан к правоохранительным органам, например, Председателем Следственного комитета Российской Федерации, была создана специальная приемная для широкой связи с гражданами. В одном из интервью «Российской газете» Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин пояснил, что им ежемесячно проводятся личные приемы граждан, которые «позволяют составить объективное мнение о работе подчиненных на местах не на основании цифр и отчетов, а глядя в глаза тем, кто не «достучался» до региональных руководителей. Они проделывают долгий путь, чтобы добиться справедливости. Когда я слышу то, о чем говорят граждане, с какими проблемами приходят, то искренне извиняюсь перед ними за «работу» своих подчиненных. И мне удивительно слышать, что такие следователи и руководители не удосужились сделать этого раньше» [5].

В силу этого становится очевидно, что координация усилий правоохранительных органов и граждан, взаимная поддержка, а также диалогичность в процессе взаимодействия обуславливают реализацию идеи укрепления авторитета правоохранительных органов и веры в возможность на должном уровне обеспечивать правопорядок, законность и безопасность гражданина, общества и государства.

Также, тактически, реализация данной стратегии будет сопровождаться проведением тематических «круглых столов», конференций, семинаров, совещаний, проведением информационно-пропагандистских мероприятий, взаимодействием со средствами массовой информации и т. д. Данный комплекс мероприятий позволит повысить качество и оперативность расследования преступлений, вытеснить теневой сектор из сферы действия современного права, создать наиболее благоприятные условия для преодоления правового нигилизма и иных форм деформации правосознания личности.

2. Стратегия оптимизации функционирования правоохранительной системы.

Проблема оптимизации деятельности правоохранительной системы в современных условиях может быть решена посредством ее реформирования. Вопрос о сущности, структурно-содержательных особенностях, курсе развития и поэтапном реформировании правоохранительной системы в юридической литературе является до сих пор нерешенным. Одним из первых ученых-правоведов, кто обратил внимание на несовершенство существующих подходов к определению правоохранительной системы, был А. Г. Бортко. Согласно его представлениям, правоохранительная система является сложным структурным образованием, органично включающим в себя следующие элементы: «а) центральное звено – субъекты правоохраны (государство, правоохранительные органы, личность, юридические лица, общественные объединения и организации); б) правовые основы, представляющие собой совокупность норм, определяющих элементы содержания и процессуальный порядок деятельности; в) объекты правоохраны, которыми выступают основные сферы общественной жизни; г) юридические средства и методы правовой охраны» [1; 2; 4]. Действительно, правоохранительная система представляет собой сложное динамическое образование, которое может состоять из следующих элементов: правовая, институциональная, материально-техническая и кадровая подсистемы.

Следует отметить, что в процессе любого реформирования правоохранительной системы необходимо учитывать особенности функционирования ее компонентов. Так, например, реализация данной стратегии будет более эффективной, если ее целью станет реформирование тех компонентов правоохранительной системы, функционирование которых построено по принципу механического типа. Также следует учитывать, что не все компоненты правоохранительной системы подвержены целенаправленному изменению. Например, изменение идеологического компонента правоохранительной системы оказывается возможным только в условиях качественного изменения государственно-правовой системы в целом, которая сопровождается сменой официальной идеологии.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно отметить следующее.

1. Обеспечение законных прав и интересов человека и гражданина, безопасности, законности и правопорядка оказывается возможным только в условиях проведения целенаправленной, продуманной и внутренне согласованной правоохранительной политики государства.

2. Достижение целей правоохранительной политики обеспечивается использованием правовых стратегий, успешная реализация которых обуславливает повышение качества действующего права и практики его применения.

3. Основными правовыми стратегиями правоохранительной политики, осуществляемой современным Российским государством являются: стратегия создания оптимальной модели партнерских взаимоотношений институтов гражданского общества и правоохранительных органов и стратегия оптимизации функционирования правоохранительной системы.

Список литературы:

1. Братко А. Г. Вступительное слово // Проблемы развития правоохранительных органов. Труды Академии МВД России. М. : Изд-во Акад. МВД России, 1994.
2. Братко А. Г. Правоохранительная система (вопросы теории). М. : Юридическая литература, 1991.
3. Захарцев С. Н. К вопросу о формировании понятия «правоохранительная политика» // <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-formirovanii-ponyatiya-pravoohranitel'naya-politika> (дата обращения: 31.01.2020).
4. Зыкова С. В. Элементы религиозности в российском праве : монография. М. : Московский университет МВД России, 2008.
5. Интервью Председателя Следственного комитета Российской Федерации Бастрыкина А. И. «Бастрыкин слушает» // Режим доступа: <https://rg.ru/2017/08/28/glava-sk-rf-sozdal-specialnuiu-priemnuiu-dlia-sviasi-s-grazhdanami.html> (дата обращения: 31.01.2020).
6. Малько А. В. Теория правовой политики : монография. М. : Юрлитинформ, 2012.
7. Правкина И. Н. Правовые стратегии как источник развития современного права : автореф. дис. ... канд. юрид наук. М., 2016.
8. Правкина И. Н. Роль правовых стратегий в современном праве // История государства и права. – 2013. – № 12. – С. 30–33.

*Мельник Е. В.*¹,

*заместитель начальника кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

РОЛЬ МВД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ ЗА МИГРАЦИЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

Обращаясь к истории вопроса, следует отметить, что в Древней Руси контроль, за передвижением населения обеспечивался в основном обычаями общинной жизни, которая принимала к себе новых членов только на условиях поручительства. По свидетельству Повести временных лет – летописного свода начала XII в. – появление прототипов паспорта относится к X в. [4, с. 160]. В первую очередь удостоверяющие документы получали купцы, занимавшиеся заграничной торговлей, которым выдавались грамоты с указанием их кораблей для свободного въезда в порт. Практика выдачи грамот выезжающим за рубеж русским купцам широко практиковалась и в более позднее время. Получали такие грамоты и иностранные коммерсанты (Новгородская проезжая грамота 1269 г.). Соборное Уложение 1649 г. – свод законов Русского государства – закрепило практику оформления выезда за рубеж путем выдачи так называемой «проезжей грамоты», которую получали не только купцы, но и другие категории населения. В статье 1 главы VI «О проезжих грамотах в иные государства» читаем: «А будет кому лучится ехать из Московскаго государства, для торгового промысла, или инаго для какого своего дела в иное государство, которое государство с Московским государством мирно: и тому на Москве бити челом Государю, а в городех воеводам о проезжей грамоте, а без проезжей грамоты ему не ездити. А в городех воеводам давати им проезжия грамоты без всякаго задержания» [8, с. 47]. Как следует из приведенного текста, Уложение предписывало отправляющимся за рубеж российским подданным иметь на руках «проезжие грамоты». Прошение на оформление и получение такой грамоты в Москве подавалось на имя государя, а в других городах – воеводам. Документ выдавался на каждую конкретную поездку. Проезжие грамоты получали иностранные купцы и дипломаты, которые намеревались посетить различные области страны или следовали через нее транзитом.

В начале XVIII в. в связи с формированием регулярной армии и усилением дезертирства, обязанность иметь при себе документ, удостоверяющий личность, была распространена на солдат, пребывающих вне расположения своих частей. Примером может служить указ от 7 апреля 1715 г. «О поиске и приводе в Санктпетербург солдат, бежавших с Котлина острова и из Санктпетербургских гарнизонов»: «Такожде всем подрядчикам, которые у кирпичных и прочих заводов, и леса, и дрова, и уголья по порядку в Санктпетербург и в прочия здешние места ставят, призвав их, сказать сей Его Царскаго Величества указ..., чтоб они таких беглецов солдат и рекрут, и прочих пришлых людей без всякаго свидетельства не принимали под опасением смертной казни...» [6]. О росте значения персональных документов в системе контроля над населением при Петре I

¹ © Мельник Е. В., 2020.

свидетельствует «Инструкция воеводам» (января 1719 г.), которая запрещала представителям власти на местах пропускать «гулящих людей без проезжих писем». То же правило было повторено в царском указе «О искоренении воровских людей, беглых солдат и рекрут» от 19 марта 1719 г.: «...А прикащикам и старостам, и выборным в городах обретающимся судьям... пришлых гулящих людей, не имеющих свободных прямых отпусков или по себе поручных записей с знатными поруки... объявлять без утайки» [6].

Наконец, 30 октября 1719 г. последовал указ из Военной коллегии «О поимке беглых драгун, солдат, матросов и рекрут», который распространил ограничение на свободу перемещения без соответствующих документов уже на все население страны. «...При том же и о том объявляется, что ежели кто... где ни будет на пути едущий или идущий пойман, а пашпорта или проезжева или прохожева письма иметь не будет, и такие люди потомуж за недобрых или за прямых воров будут признаваться, и повелено будет ими розыскивать, и для того, чтоб никто никуда без проезжих или прохожих писем из города в город и из села в село не ездил, и не ходил; но каждый бы имел от начальников своих пашпорт или пропускное письмо, как о том Его Царскаго Величества особливые указы повелевают, и чтоб всем обще и каждому особо было о том ведомо, то повелел Его Царское Величество сей указ напечатав, публиковать во всем государстве и во всех церквах, в городах и в уездах, також и в монастырях по вся воскресные, а по ярмаркам в торговые дни, при собрании народа читать публично, дабы каждой о сем Его Царскаго Величества указе был известен, и неведением бы никто отговариваться не мог...» [6]. Хотя этот акт был вызван к жизни ростом дезертирства и большая его часть посвящена борьбе именно с этим явлением, предписание о необходимости иметь паспорт для передвижения по стране распространялось не только на военнотружущих, но и на гражданское население. Впервые в истории России на законодательном уровне было определено, что каждый выезжающий за пределы места постоянного проживания обязан иметь при себе паспорт. Впоследствии комиссия по реформе паспортной системы России, созданная в 1869 г. под председательством статс-секретаря Д. М. Сольского, оценила данный указ, как «послуживший основанием для всего нашего законодательства о паспортах» [22, с. 6]. Таким образом, Петром I были заложены правовые основы паспортно-визовой службы Российского государства, которая успешно просуществовала до февральской революции 1917 г.

Контроль и надзор в сфере миграции в период X–XVIII вв. осуществляли десятки должностных лиц и государственных учреждений. Так, эти функции входили в компетенцию князей, посадников, волостелей, губных старост, сотских, десятских, приказов, воевод, комиссаров, губернаторов, городских магистратов, коллегий, полицмейстерских канцелярий и др. В первой половине XVIII в. право выдавать паспорта принадлежало высшим (Сенат), центральным (Иностранная, Адмиралтейская, Военная коллегии) и местным (полицмейстерские и воеводские канцелярии, магистраты и др.) органам власти. При этом учреждения, которое бы осуществляло общий надзор за этой деятельностью, не существовало.

С XIX в. основными государственными органами, реализующими миграционную политику, являлись Комитет министров, Совет министров, Мини-

стерство внутренних дел, Министерство государственных имуществ, Министерство земледелия, Министерство путей и сообщений, Главный комитет по устройству сельского состояния, Казенные палаты в губерниях. Все перечисленные органы образовали собой систему, приоритетная роль в которой по миграционным вопросам отводилась Министерству внутренних дел.

Согласно Манифесту 1802 г. «должность министра внутренних дел обязывает его пещтись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствию, тишине и благоустройстве всей империи». Манифест гласит, «всем военным, по гражданской и полицейской части, равно и гражданским губернаторам, ...относиться к сему министру нашему, равным образом чрез него доставлять нам рапорты как обыкновенные, так и о чрезвычайных происшествиях; 2. Казенным палатам относиться к нему чрез начальников губерний ... доставлять ему... ведомости о числе народа и ревизския сказки; 3. Губернским предводителям, ...представлять о нуждах и пользах общественных не токмо губернаторам..., но и непосредственно ему, министру нашему. Сверх того, 4. Препоручаем в непосредственное ведение его: 1) Мануфактур-коллегию, кроме Экспедиции о заготовлении и хранении вексельной и гербовой бумаги; 2) Медицинскую коллегию; 3) Главную соляную контору со всеми зависящими от нее местами; 4) Главное почтовое правление и 5) Экспедицию государственного хозяйства, Опекунства иностранных и сельскаго домоводства, кроме той части ея, которая ведает дела по Камеральному столу и печатанию векселей и заемных писем. Как видим из вышперечисленного, министр внутренних дел становится центром всей внутренней жизни государства» [10, с. 243–248].

По мнению О. Т. Суюнчалиевой: «Министерство внутренних дел сосредотачивало в своих руках самые разнообразные полномочия, являясь полицией безопасности и полицией благосостояния» [21]. Поэтому вполне логично, что именно на Министерство внутренних дел Российской империи государство возложило основные функции по осуществлению миграционной политики. Для выполнения поставленных задач при министерстве был создан ряд специализированных подразделений, занимающихся вопросами переселения, учета миграционных потоков, сбора и обработки статистических данных и т. д.

На полицию, подчинявшуюся министерству внутренних дел, были возложены функции контроля за приезжими людьми и «взыскания штрафных денег за принятие в дома людей безпаспортных или с просроченными паспортами» [2; 11, с. 566–567]. Согласно именному указу от 29 августа 1808 г. следовало, «объявить во всем городе с подписками, чтобы хозяева домов немедленно давали знать полиции о приезжающих и отъезжающих, и в случае неисполнения сего, взыскивать с них: за первые пропущенные без объявления сутки за каждого приезжаго или отъехавшаго по 10 руб., за вторые сутки по 20 рублей, за третьи по 30 руб., и так далее, умножая взыскание на сем основании за каждые сутки и за каждого приезжаго или отъехавшаго 10 рублями...» [2; 11].

Спустя год именованным указом от 15 октября 1809 г. было предписано: «...министру внутренних дел совокупно с отправляющим должность Санктпетербургскаго военнаго губернатора, составить положение и штат для конторы адресов, которой главнейшия основания почерпнуты в Уставе благочиния и токмо дополнены некоторыми распоряжениями, из разных полицейских уста-

новлений заимствованными [12, с. 1114–1117]. Таким образом, в каждой из двух столиц под руководством военного губернатора учреждалась контора адресов, куда заносились сведения о «всякаго рода обоего пола люди, в частных домах какия-либо должности по найму или другим условиям отправляющие» [12, с. 1114–1117]. Всем, кто являлся в контору для регистрации предписывалось «...представить паспорт или вид, по коему до того в столице проживали... Объявить имя, прозвание, лета, место рождения, время прибытия в столицу, сословие, к которому принадлежат, место жительства и род должности, служения или работы, в которых находятся, или в кои вступить намерены» [12, с. 1114–1117]. Трижды в год военный губернатор обязан был проверять книги адресов с документами.

25 июня 1811 г. из состава МВД в самостоятельное ведомство выделяется Министерство полиции. Новое министерство состояло из общей и особенной канцелярий и трех департаментов: исполнительной, хозяйственной и медицинской полиции. Особенностью Министерства стало то, что оно соединило функции общей и политической полиции и контрразведки. При нем была создана Особенная канцелярия, которая стала играть важную роль в государстве. «Предметы Особенной канцелярии суть следующие: Дела по ведомству иностранцев и заграничным паспортам Ведомости о проезжающих чрез границу; выдача паспортов на въезд в Россию и выезд из государства; виды иностранцев; просьбы о принятии в подданство; выходцы из-за границы и все проч., касающееся до иностранцев и заграничных о них сношений» [13, с. 719–728].

Особенная канцелярия Министерства полиции Российской империи состояла из трех Столов и секретной части. Первый Стол осуществлял функции паспортно-визовой службы и вел наблюдение за находящимися на территории России иностранцами (в том числе и принятыми в русское подданство), наблюдал за населением пограничных губерний и вел наружное наблюдение с агентурной разработкой. Второй Стол выполнял функции по осуществлению цензуры, собирал и анализировал информацию о типографиях и их печатной продукции; о книжных магазинах и лавках; изучал процессы реализации литературы, ввоза и вывоза книг и произведений искусства из России. Третий Стол осуществлял надзор за религиозными сектами, лицами без определенного места жительства и т. д.

4 ноября 1819 г. последовал указ «О присоединении Министерства полиции к Министерству внутренних дел» [14, с. 367]. 3 июля 1826 г. Особенная канцелярия Министерства внутренних дел была присоединена к Собственной его величества канцелярии. Предметами ведения ее 3 Отделения среди прочих стали «Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел государства прибывающих и из онаго выезжающих» [15, с. 665–666].

В правление Николая I также было уделено внимание организации адресного стола при С.-Петербургской управе благочиния. Положение от 23 декабря 1842 г. регламентировало порядок работы адресного стола и предметы его ведения, среди которых «...указание места жительства, переездов и времени прибытия и выбытия из столицы всех жителей ея; ... отвращение существовавших доселе затруднений в сыске и розыске нужных к открытию правительству лиц;

... доставление всем присутственным местам и лицам, по требованиям их, верных справок, находятся ли или нет в столице отыскиваемые ими лица, и принадлежат ли им какая либо недвижимая здесь имения [15, с. 256–262], Положение обязывало соответствующих должностных лиц вести строгий учет перемещения людей и делать соответствующие записи в книгах. Квартальным надзирателям предписывалось вносить данные в печатные бланки информацию «а) о ежедневной прибыли и убыли людей (форма С); б) о переходе из одного места жительства в другое (форма Т); в) отдельно о ежедневной прибыли, убыли и переходах иностранцев (форма У), ... представляют в адресный стол ежедневно к 12 часам утра, а о переменах в домохозяевах только по субботам» [15]. Все рапортики об иностранцах в тот же день должны были передаваться в иностранное отделение. Усиление контроля за миграцией населения послужило основанием для принятия Комитетом Министров от 10 августа 1843 г. Положения «О предоставлении министру внутренних дел права разрешать введение штрафа за необъявление полиции о приезжающих и отъезжающих» [17, с. 518], которое увеличивало роль министра в решении этого вопроса.

Однако есть сведения и о недобросовестном исполнении своих обязанностей полицейскими и другими чинами, наблюдающими за перемещением иностранцев в России. Об этом сообщает циркуляр Департамента полиции исполнительной Министерства внутренних дел от 1 августа 1867 г.: «Главный начальник III Отделения собственной его императорского величества канцелярии уведомляет, что в одной из пограничных губерний задержан иностранец, о невпуске которого в пределы империи министром внутренних дел циркулярно предложено было начальникам губерний от 26 января 1859 г. за № 24, и который на допросе показал, что он уже два раза приезжал в Россию. Относя троекратное появление в пределах империи лица, которому воспрещен въезд, к крайне небрежному исполнению своих обязанностей полицейскими и другими чинами, наблюдающими за невпуском в Россию лиц, высланных из нее, я считаю долгом сообщить об этом вашему превосходительству, покорнейше прося строго подтвердить означенным чинам о недопущении подобных случаев на будущее время [19, с. 164–165]. Реформа полиции и учреждение должности полицейского урядника, обязала его негласно следить за неблагонадежными и подозрительными лицами и наблюдать ... за поведением лиц, водворенных на местах жительства ...» [20, с. 170–183].

Следует отметить, что Министерство внутренних дел активно участвовало в процессе совершенствования существовавшей паспортной системы и выступало с инициативой ее реформирования. Так, 3 июня 1894 г. по представлению министров внутренних дел и финансов утверждается Положение о видах на жительство. В котором, по сути, идет речь о серьезном преобразовании действующей паспортной системы «во всех местностях империи, за исключением губерний Царства Польского» [18, с. 347–356].

Помимо сказанного, следует отметить еще одну проблему, связанную с осуществлением миграционной политики государства – оказание прямой или косвенной помощи в обустройстве переселенцам. Государство через такую помощь может оказывать влияние на направления и объемы миграционных потоков.

Колонизация окраин Российской империи вызвала к жизни соответствующие органы, которые занимались управлением и обустройством присоединенных территорий. Однако министерская реформа по-новому организовала этот процесс.

Так, Экспедиция государственного хозяйства, опекунов иностранных и сельского домоводства [9], созданная 4 марта 1797 г. при Правительствующем Сенате для управления колониями Поволжья, в 1802 г. вошла в состав Министерства внутренних дел. Одной из ее многочисленных функций стало материальное и финансовое обеспечение лиц, добровольно переселившихся в малонаселенные регионы Российской империи. В 1841 г. она была ликвидирована.

Организацией переселения и устройством колоний отчасти занимался Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел, просуществовавший с 4 ноября 1819 г. по 8 апреля 1904 г. [5, с. 18]

2 декабря 1896 г. при Министерстве внутренних дел для организации переселения учреждено Переселенческое управление. Основной причиной его создания стало перемещением больших крестьянских масс из Центральной России за Урал. Требовалось оказание «государственной помощи» людям в обустройстве на месте поселения. Возникающие в процессе переселения вопросы по землеустройству и земледелию привели к тому, что 6 марта 1905 г. Переселенческое управление было передано Главному управлению землеустройства и земледелия, возглавившее дело выдачи разрешений на переселение и способствующего упорядочению переселенческого движения.

Переселенческое управление заведовало всеми кредитами выделяемыми на переселенческое дело, вело разработку всех новых мер законодательного и административного характера и рассматривало дела, возложенные на управление министром внутренних дел. Управление решало как политические, так и экономические задачи, являясь учреждением общегосударственного значения [1].

Наряду с перечисленными функциями министерства по осуществлению миграционной политики постепенно формировались и статистические. Высочайшим манифестом от 8 сентября 1802 г. повелевалось: «Каждому министру в конце года подавать Его Императорскому величеству через Правительствующий сенат письменный отчет в управлении всех вверенных ему частей» [10, с. 243–248]. Большую роль в организации первых статистических работ сыграл первый министр внутренних дел граф В. П. Кочубей. Признавая важность статистики для принятия государственных решений, Кочубей специальным циркуляром от 19 сентября 1802 г. предписал губернаторам представлять в Министерство статистические сведения [3, с. 7–8]. «Важную роль в окончательном формировании и утверждении статистической отчетности губерний сыграл циркуляр министра внутренних дел от 4 сентября 1804 г., который был посвящен годовым отчетам гражданских губернаторов. В нем давались конкретные рекомендации по структуре отчета и формы прилагаемых к нему статистических ведомостей. Отчет должен был состоять из двух основных частей: «О предметах, принадлежащих к государственному хозяйству» и «О предметах до благоустройства или полиции принадлежащих» [10, с. 9]. Однако до 1811 г. статистическая деятельность находилась в зачаточном состоянии.

Подготовленное в 1811 г. М. М. Сперанским «Общее учреждение министерств» поручает статистику только что созданному Министерству полиции. Усилиями первого министра полиции генерала-адъютанта А. Д. Балашова (1770–1837) статистика ставилась на совершенно новый уровень. «20 марта 1811 г. А. Д. Балашов предписал статскому советнику А. Н. Астафьеву и профессору К. Ф. Герману (1767–1838) пополнить имевшиеся в министерстве статистические сведения и составить план устройства статистической части» [7]. В августе того же года последовало новое предписание министра: образовать при министерстве специальное Статистическое отделение, состоящее из двух частей – учетной и исполнительной.

Присоединение Министерства полиции к Министерству внутренних дел в 1819 г. привело к тому, что Статистическое отделение было отнесено к канцелярии министра внутренних дел. Позднее, в 1823 г. оно вошло в состав Департамента полиции исполнительной. Однако спустя 11 лет, Статистическое отделение было вновь реорганизовано. Мнением Государственного совета, утвержденным императором Николаем I 20 декабря 1834 г. [16], было решено организовать Статистическое отделение на новых началах при Совете министра внутренних дел, а на местах организовать губернские статистические комитеты. Установлением систематической текущей отчетности губерний и созданием Статистического отделения завершился процесс формирования новой организации статистики, пришедшей на смену статистике оперативной. В задачи данного подразделения входил сбор статистических сведений в области государственного управления и в миграционной сфере.

30 апреля 1863 г. Статистический отдел МВД был преобразован в специальное статистическое учреждение на правах других департаментов МВД. Ему было присвоено название Центральный статистический комитет. Одновременно при МВД был образован Статистический совет, на который было возложено установление «правильнейших и вернейших» способов собирания и обработки статистических сведений в Российской империи и введение единообразия проведения статистических работ в стране. Совет возглавлялся товарищем министра внутренних дел, а его неперменными членами были директор ЦСК, а также управляющие отдельными или постоянными статистическими учреждениями в разных министерствах (финансов, народного просвещения, юстиции, путей сообщения, императорского двора) и главных управлениях. Кроме того, в Статистический совет приглашались лица, «от которых можно было ожидать полезного содействия» [3, с. 40–41]. Обобщением полученных сведений занимались Статистический совет (30 апреля 1863 г. – 26 октября 1917 г.) и Центральный статистический комитет при Министерстве внутренних дел (30 апреля 1863 г. – 25 июля 1918 г.). Впоследствии функции переданы Правительству Российской империи.

В функции Статистического Совета входило: оказание помощи и содействия Совету министров и другим управлениям; определение способов ведения статистики; унификация статистических материалов. Что касается Центрального статистического комитета, то он распределял обработанные статистические материалы «по разным отраслям государственного управления».

Подводя итог сказанному, можно отметить, что одним из основных органов государственной власти, осуществлявших миграционную политику Рос-

сийского государства, являлось министерство внутренних дел. Через подведомственные ему подразделения осуществлялся контроль за перемещением населения по стране, въезд и выезд из страны иностранцев, проводилась работа с нарушителями паспортного режима, оказывалась помощь в проведении переселенческой политики. Следует отметить, что одной из приоритетных задач Российской империи в сфере миграции являлись сохранение и увеличение общей численности населения при одновременно равномерном его распределении по всей территории страны.

Список литературы:

1. Дикарева О. А., Касило М. Г., Хромых А. В. Переселенческое управление в Российской империи (1896–1917 гг.) // Молодой ученый. – 2015. – №11. – С. 1151–1153 // URL <https://moluch.ru/archive/91/19866/> (дата обращения: 03.02.2020).
2. Зыкова С. В. Элементы религиозности в российском праве : монография. М. : Московский университет МВД России, 2008.
3. История российской государственной статистики: 1811–2011 гг. / Росстат. М. : ИИЦ «Статистика России», 2013.
4. Лихачев Д. С. Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии. СПб., 1996.
5. Некрасов В. Ф. Энциклопедия МВД. М., 2002.
6. О поиске и приводе в Санкт-Петербург солдат, бежавших с Котлина острова и из Санкт-Петербургских гарнизонов // Полное собрание законов Российской империи: Собр. 1-е. Т. V. СПб., 1830. № 2900. С. 153; № 3334. С. 682–683; № 2900. С. 153.
7. О присоединении статистического отделения к Департаменту полиции исполнительной и об устройстве оною // РГИА. Ф. 1286. Оп. 3. Д. 330. Л. 2 об.
8. Памятники русского права / под ред. К. А. Софроненко. М., 1957. Вып. 6.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXIV. СПб., 1830. № 7865.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXVII. СПб., 1830. № 20406.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXX. СПб., 1830. № 23258.
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXX. СПб., 1830. № 23911.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXI. СПб., 1830. № 24687.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXXVI. СПб., 1830. № 27964.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. I. СПб., 1830. № 449.
16. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. IX. Отд. 2. СПб., 1830. № 7684.
17. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XVIII. Ч. 1. СПб., 1844. № 17101.
18. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. XIV. СПб., 1898. № 10709.

19. Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1867 и 1868 гг. / сост. Д. Чудовский. Спб., 1874. № 136.
20. Сборник циркуляров и инструкций МВД за 1878 г. / сост. Д. Чудовский. Спб., 1880. № 148.
21. Суюнчалиева О. Т. Система государственных органов по контролю за миграционными процессами в Российской империи XIX – начала XX веков // Труды Академии управления МВД России. – 2014. – № 2 (30). – С. 3.
22. Труды комиссии, учрежденной для пересмотра устава о паспортах. Ч. I. М., 1861.

Яцкова А. П.¹,

*профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЫСШИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ОСНОВНЫМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ЗАКОНАМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ 23 АПРЕЛЯ 1906 г.

Конституционная реформа 1905–1906 гг. нашла свое закрепление в новой редакции Основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г., которые по праву можно расценить как первую российскую конституцию. Для уяснения сущности перемен, произошедших в Российской империи в начале XX в., а также для характеристики сложившегося строя необходимо провести анализ распределения властных полномочий между главой государства (императором), правительством и парламентом, представленным Государственной думой и Государственным советом, зафиксированных в Основных государственных законах.

В первую очередь Основные государственные законы 1906 г. закрепили полномочия императора. Согласно ст. 4, монарху принадлежала «верховная самодержавная власть». Провозглашалась неприкосновенность монарха, заключающаяся в усиленной уголовной санкции за преступления, направленные против монарха и его семьи, и безответственность монарха в уголовных делах².

«Гражданский кодекс», действующий в западноевропейских монархиях, отсутствовал в России, поэтому финансовое положение монарха регламентировалось сметными правилами 8 марта 1906 г.³

В области законодательства император имел право объявлять о проведении выборов в парламент, созывать парламент, приостанавливать заседания Государственной думы и Государственного совета, досрочно распускать Государственную думу. Право законодательной инициативы монарха приобрело своеобразный характер. Согласно Учреждения Государственной думы 20 февраля 1906 г. император не имел прямой возможности внесения законопроекта, однако он мог это сделать «в форме обязательной делегации соответствующего

¹ © Яцкова А. П., 2020.

² Смертной казнью каралось любое посягательство на жизнь, здоровье, свободу и, вообще, на неприкосновенность особы императора, императрицы или наследника престола, на лишение его верховной власти или даже «на ограничение оной». Смертная казнь предусматривалась также за покушение или приготовление к совершению перечисленных преступлений (гл. 3 Уголовного Уложения 1903 г. «О бунте против верховной власти и о преступных деяниях против священной особы императора и членов императорского дома», ст.ст. 99–107).

³ Статья 5 Правил о порядке рассмотрения государственной росписи: «кредиты на расходы Министерства Императорского Двора, вместе с состоящими в его ведении учреждениями, в суммах, не превышающих ассигнований Высочайше утвержденной 29 декабря 1905 г. росписи, обсуждению не подлежат».

полномочия министрам»¹. Также монарх не имел права принимать участие в редактировании законопроекта, что теперь являлось прерогативой Государственной думы и Государственного совета. Компенсацию утраченного полномочия составила интенсификация применения чрезвычайного законодательства в порядке ст. 87 Основных государственных законов.

Император сохранил право санкции законопроектов (ст. 9 и ст. 86), однако правом абсолютного вето он пользовался не часто. Промульгация законов сохранилась за Сенатом.

«Власть управления» принадлежала императору в наиболее полном объеме. Однако понимание верховного управления изменилось и стало трактоваться более ограничительно по сравнению с дореформенным толкованием. Фактически «власть управления» император осуществлял совместно с председателем Совета министров и Советом министров. Область верховного управления определялась областью непосредственной личной деятельности государя и областью, которая «не ограничена соучастием» Думы и Совета [3; 11].

По сравнению с дуалистическими монархами Германии, Австро-Венгрии и Японии российский император обладал большим объемом власти. В указном порядке регулировались вопросы организации государственного управления (ст. 11), военного законодательства (ст.ст. 14, 96, 97), объявления военного и исключительного положения (ст. 15), чеканки монеты (ст. 16), определения правил прохождения государственной службы и связанных с ней ограничений (ст. 18), пожалования титулов, орденов и иных отличий и прав состояния (ст. 19), амнистии и «дарования милостей» (ст. 23), определения контингента новобранцев (ст. 119), все вопросы, связанные с учреждением императорской фамилии и управлением кабинетскими и удельными имуществами (ст.ст. 20, 21, 125). Вне сферы влияния парламента находились вопросы внешней политики (ст.ст. 12, 13) и церковного управления (ст. 65). Несмотря на столь обширную компетенцию монарха, в Основных государственных законах не закреплено положение о том, что акты, изданные императором в порядке верховного управления, являются законами.

Реформирование Совета министров, закрепленное в указе от 19 октября 1905 г., было вызвано необходимостью координацией деятельности государственных учреждений для борьбы с революционным движением. «Объединяющим министерское устройство» России должен был стать пост председателя правительства [4, с. 401]. Председатель Совета министров назначался императором и им же мог быть снят с должности. Формирование Совета министров относилось к прерогативе председателя, однако это положение не являлось писаной нормой, но признавалось обязательным и существовало как конвенциональная норма². Председатель мог потребовать «объяснений» от каждого министра, который должен был ему предоставить «сведения обо всех ... происходящих в государственной жизни, событиях и вызванных ими мерах и распоряжениях». Также председатель мог контролировать всеподданнейшие доклады ми-

¹ Единственным исключением являлось право монарха на пересмотр Основных государственных законов.

² Не вошло ни в Учреждение Совета министров, ни в Основные государственные законы 1906 г.

нистов, которые в первую очередь отражали личную сторону отношений между монархом и министрами. Все разногласия, возникающие внутри Совета министров, в том числе между председателем и отдельным министром, решались на основании апелляции к верховной власти [11]. Как и министры, председатель имел право участвовать в заседаниях Государственной думы и Государственного совета «по делам всех ведомств».

В ведении Совета министров находились дела трех категорий. Первую категорию составляли дела высшего государственного управления: Вторая категория относилась к делам, которые решались в порядке статьи 87 Основных государственных законов 1906 г.¹ Третья категория дел относилась к компетенции упраздненного Комитета министров. Компетенция Государственной думы и Государственного совета была определена в их Учреждениях. Сразу же надо отметить, что ни Государственная дума, ни Государственный совет фактически не обладали правом законодательной инициативы. С. А. Котляревский объяснял это «пережившей государственную реформу мыслью о том, что источником учредительного авторитета является исключительно монарх» [8, с. 55]. Данное правило появилось по инициативе С. Ю. Витте, который считал, что «если допустить пересмотр основных законов Думой, то она обратится сразу в учредительное собрание» [1]. Но лишение Государственного совета права пересмотра Основных законов являлось перестраховкой. По мнению С. А. Котляревского, только Дума могла реально претендовать по своему правовому и социально-политическому положению на учредительную власть [8, с. 56].

Итак, право законодательной инициативы у палат российского парламента присутствовало, однако осуществление этого права отличалось от процедур в западноевропейских парламентах, что давало возможность российским правоведам говорить об ограничении прав народного представительства. Так, В. М. Гессен отмечал, что право законодательной инициативы российского парламента реализовывалось с «такими ограничениями, при которых оно теряет значительную долю своего практического значения» [5, с. 245].

Во-первых, в российском государственном праве существовало два понятия: право «почина» и «внесение законопроекта». Почин предполагал возбуждение предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, инициируемое Государственным советом и Государственной думой. Законопроекты вносились в Думу и Совет министрами, главноуправляющими, комиссиями, образованными из членов Думы или Совета. То есть, существовал: «почин в широком смысле или возбуждение вопроса об издании нового закона, и инициативу в узком смысле или внесение в одну из палат уже выработанного законопроекта» [7, с. 254–255]. При почине достаточно было указать на вносимые изменения в закон, во втором случае требовалось наличие разработанного законопроекта.

Во-вторых, для того чтобы Дума и Совет могли воспользоваться правом почина, требовалось подписи 30 членов палаты под законодательным предположением, которое в письменной форме подавалось председателю палаты. Па-

¹ Предоставляла возможность проводить законодательные акты через Совет министров, минуя Государственную думу и Государственный совет (чрезвычайно-указное законодательство).

лата должна была предварительно обсудить «желательность» такого мероприятия [10]. Министр, к ведению которого относилось данное законодательное предположение, должен был быть извещен за месяц до дня слушаний. В случае признания «желательности отмены или изменения действующего или издания нового закона» палатой выработка и внесение в палату законопроекта поручались министру. При этом министр не был связан каким-либо сроком, давая свое согласие на выработку законопроекта.

Одобренный Думой законопроект передавался в Совет. Если Совет предлагал поправки к законопроекту, то последний мог быть возвращен в Думу или передан в согласительную комиссию, образуемую палатами на паритетных началах. После согласительной комиссии проект возвращался в Думу. Если Дума давала согласие на поправки, внесенные Советом, то законопроект передавался императору без нового обсуждения в Государственном совете. Законопроекты, подготовленные по инициативе Думы или Совета, в случае их отклонения монархом, могли быть обсуждены в парламенте лишь в новую сессию.

Вторая сфера деятельности парламента заключалась в рассмотрении и одобрении государственного бюджета¹. В дореформенный период российский бюджет обсуждался только в бюрократических органах, а до 1862 г. он вообще представлял собой закрытую информацию даже для ряда административных органов. Отсутствие высшего представительного органа позволяло монарху распоряжаться государственными налогами, как ему заблагорассудится. И лишь во второй половине XIX в., как писал И. И. Петрункевич, был положен конец «патриархальному автократизму» и смета доходов и расходов получила гласный характер [2, с. 33]. Составление государственной росписи происходило в несколько этапов и начиналось 1 августа. В этом процессе принимали участие ведомства, выдвигавшие свои предложения по формированию доходных и расходных частей бюджета, далее к обсуждению подключались Государственный совет, министр финансов и государственный контролер. После обсуждения спорных частей бюджета министр финансов с учетом исполнения бюджета за предыдущий год, составлял общую государственную роспись на следующий финансовый год. Государственный совет, играя роль финансового арбитра, заканчивал свою примирительную работу к 15 декабря. До 1 января бюджет попадал на подпись к императору.

В связи с появлением Государственной думы еще в законодательстве 6 августа 1905 г. было установлено, что ведению Думы подлежат финансовые вопросы. Манифест 17 октября, предоставляя выборным представителям возможность участия в законодательстве и контроль за исполнительной властью, ничего не говорил о бюджетных правах органа народного представительства.

Учреждение Государственной думы 20 февраля 1906 г. не внесло существенных изменений в бюджетные права Думы по сравнению с законодательством 6 августа 1905 г. Большинство государствоведов трактовали бюджетные права Думы как ограниченные, однако они лишь не соответствовали бюджетным правам западноевропейских парламентов.

¹ Бюджет Российской империи назывался «государственная роспись доходов и расходов».

Правовой основой бюджетных прав Думы и Совета стали сметные правила 8 марта 1906 г. С введением Основных государственных законов порядок прохождения бюджета приравнивался к прохождению законопроекта через законодательные палаты. Все доходы и расходы с точки зрения порядка обсуждения и принятия делились, согласно сметных правил 8 марта, на три категории: 1) расходы, не подлежавшие обсуждению законодательных палат; 2) расходы и доходы, которые при рассмотрении росписи не могли быть сокращены или увеличены; 3) расходы и доходы, по отношению к которым были возможны изменения, внесенные в сметном порядке.

Первые две категории составляли «забронированную» часть бюджета. Дума не имела права исключать ассигнования, опиравшиеся на существовавшие законы, штаты и распоряжения императора. Следствием этого являлась острая полемика в Государственной думе между депутатами и правительством по поводу формирования «недоступной» части бюджета.

Одной из основных функций парламента, наряду с законодательной и бюджетной, является контроль за исполнительной властью. Исторически эта функция сложилась позднее бюджетной и законодательной. Наиболее совершенные средства контроля за бюрократическим аппаратом были разработаны в Англии. С. Лоу говорил о парламентском типе государства, что «никакая другая система не может, кажется, так удачно поставить центральную административную власть под контроль лиц, считающихся представителями народной воли» [9, с. 37–38]. В Российском государстве в дореформенный период должностные лица несли ответственность либо непосредственно перед монархом, либо в порядке подчинения [6, с. 437].

Государственная дума была наделена ограниченным правом контроля за действиями администрации: запросы ограничивались случаями формального нарушения закона, политическая нецелесообразность действий министров юридически не могла быть предметом запроса; у Думы отсутствовало право возбуждать судебное преследование против министров; Дума не могла проводить думские расследования.

Таким образом, власть российского монарха была ограничена нормами Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. Сохранение за монархом права санкционирования законопроектов было присуще дуалистической монархии. В области бюджета монарх был ограничен санкцией парламента. Исполнительная власть монарха была также ограничена, так как указы монарха носили подзаконный характер. В судебной области император являлся лишь номинальным главой, так как самостоятельность суда была провозглашена еще в Судебных уставах 1864 г. Отсутствие в Основных законах политической ответственности правительства не являлось специфической особенностью российской политической системы, так как подобное положение было присуще государствам с дуалистической формой правления.

Список литературы:

1. Былое. – 1917. – № 4. – С. 189.
2. Вопросы государственного хозяйства и бюджетного права. Спб., 1907. Вып. 1.

3. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Клименко А. И. и др. Идеолого-правовые и организационные средства реализации охранительной функции государства органами внутренних дел в обществе со сложной национально-этнической структурой. М. : Граница, 2019.
4. Гессен В. М. Основы конституционного права. Пг., 1918. С. 401.
5. Гессен В. М. Русская конституция // Гессен В. М. На рубеже. Спб., 1906.
6. Ивановский В. В. Учебник государственного права. Казань, 1908.
7. Корф С. А. Русское государственное право. Т. 1. М., 1915.
8. Котляревский С. А. Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912.
9. Лоу С. Государственный строй Англии. СПб., 1908.
10. Муромцев С. А. Порядок рассмотрения в государственной думе вопроса о «желательности» издания нового закона // Право. – 1907. – № 18. – С. 1280–1283.
11. Яцкова А. П. Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

Хаминский Я. М.¹,

*доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОТИВОПРАВНОЙ АКТИВНОСТИ МИГРАНТОВ

Мировые миграционные процессы давно стали неотъемлемой частью повседневной жизни мирового сообщества, перемещения населения внутри государств и между странами являются обыденным делом.

Вместе с этим очевидно, что миграции как таковой сопутствуют некоторые негативные процессы.

Таковыми в первую очередь являются нелегальная и нерегулируемая трудовая миграция, последствиями которых становится рост преступности в среде мигрантов, обусловленный не в последнюю очередь объективными и субъективными обстоятельствами такими, как общая неустроенность, необходимость поиска работы, жилья, проблемы с адаптацией в чуждой культурной, языковой и правовой среде и т. д. Существенную роль в криминализации мигрантской среды играет и то, что они, как правило, становятся мощным конфликтогенным раздражителем для местного населения.

В этой связи целью настоящей статьи является анализ возможных направлений и количественной составляющей противоправных деяний мигрантов в Российской Федерации и странах Европейского союза, сравнительный анализ структуры общеуголовной преступности в них, а также определение связанных с этим угроз и вызовов.

Российская Федерация, гранича с 16 странами, пять из которых входят в Европейский союз, является весьма привлекательным вектором для мигрантов, большую часть которых, безусловно, составляют граждане государств постсоветского пространства.

Кроме того, в силу своего географического положения, прозрачности границ с некоторыми странами, лучших по сравнению со многими другими странами условий приема мигрантов Российская Федерация является практически идеальным «транзитным» коридором для некоторых категорий мигрантов, стремящихся любой ценой достичь западных стран, в частности государств, входящих в Европейский союз.

Очевидно также, что регулируемая организованная миграция оказывает позитивное воздействие на все сферы жизни общества, восполняя дефицит рабочей силы в конкретной стране, но тем не менее имеет и отрицательные стороны в силу указанных выше причин.

Впервые Российская Федерация столкнулась с проблемой массовой миграции после распада СССР, когда начались массовые перемещения населения его бывших республик.

В настоящее время Россия стала частью глобальной миграционной системы и сталкивается с теми же проблемами в данной сфере, что и большин-

¹ © Хаминский Я. М., 2020.

ство других государств. Для понимания сложившейся криминогенной ситуации в среде мигрантов, а также возможных сценариев развития событий необходимо провести криминологический анализ, который позволит выявить наиболее характерные для мигрантов виды совершаемых преступлений, а также тенденции перерастания преступной деятельности мигрантов-одиночек в организованную фазу.

Сравнительный анализ процессов криминализации миграционной массы в Российской Федерации с аналогичными процессами, происходящими в «благополучной» Европе, даст возможность выявить общие закономерности этих явлений. Принято считать, что количество преступлений, совершаемых мигрантами, в общем криминальном массиве является несущественным.

Так, по обобщенным данным МВД России, Следственного комитета, Генеральной прокуратуры Российской Федерации мигрантами совершается не более 5 % всех зарегистрированных преступлений.

Структура совершенных ими преступлений общекриминальной направленности следующая¹:

- подделка официальных документов – 47 %;
- дача взятки должностному лицу – 26 %
- фальшивомонетничество (изготовление и сбыт поддельных денег и ценных бумаг) – 16 %;
- изнасилования – 11 %;
- насильственные действия сексуального характера – 8 %;
- разбой и разбойные нападения – 8 %;
- вымогательство – 3,5 %;
- мошенничество – 1,7 %;
- присвоение или растрата денежных средств или материальных ценностей – 0,5 %;
- кражи – 3,1 %.
- посягательство на жизнь и здоровье человека – 0,6 %;
- истязание – 3,4 %;
- умышленные убийства и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 4,6 %.

Однако если приведенные показатели рассматривать через призму соотношения количества мигрантов в стране и численности ее коренного населения, т. е. в пропорции, мы получим совершенно иную картину, свидетельствующую о высокой общеуголовной криминализации мигрантов вообще и образуемых ими диаспор, в частности.

Рассмотрим некоторые статистические показатели.

Официально в 2018 г. в России на учет поставлено более 17,7 млн мигрантов и лиц без гражданства, из которых около 5 млн прибыли для осуществления трудовой деятельности.

Налицо также географическая диспропорция распределения прибывших трудовых мигрантов, большинство которых ориентированы на ЦФО и СЗФО в

¹ Указана доля осужденных иностранцев среди общего числа осужденных в России по видам преступлений.

силу их финансовой привлекательности. Настораживающим фактором является то, что из прибывших мигрантов патенты оформили лишь 1,6 млн, а получили разрешение на работу всего 130 тыс. человек. То есть лишь за 10 % трудовых мигрантов официально закреплено право пребывания и работы в России.

Таким образом, трудовые мигранты составляют не менее 10–14 % населения России, а общая структура преступности видится уже совсем иначе.

Так, например, если выделить из общего статистического массива такое тяжкое преступление, как изнасилование, станет ясно, что фактически 75 % приходится на приезжих, 90 % которых – выходцы из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии. Цифры более чем впечатляющие.

В то же время, согласно европейской статистике, число мигрантов, подозреваемых в совершении преступлений в Евросоюзе, в 2018 г. выросло на 52,7 %. Среди подозреваемых в совершении карманных краж мигранты составляют около 35 %, квартирных краж со взломом – около 11 %, нанесения тяжких телесных повреждений, изнасилованиях и сексуальных домогательствах – около 15 %, а общая доля преступников-мигрантов составила примерно 8,6 %, что существенно превышает аналогичный среднероссийский показатель, приведенный выше.

Общая статистика и структура преступности мигрантов в странах Евросоюза выглядят также менее «привлекательно», чем в Российской Федерации: убийства – 27 %; сексуальные домогательства – 19 %; грабежи – 38 %; разбои – 26 %; кражи – 39 %; ограбления – 43 %; карманные кражи – 75 %; подделка документов – 45 %.

Приведенные криминологические факты, данные и характеристики свидетельствуют о схожих тенденциях и процессах, свойственных и присущих как Российской Федерации, так и государствам, входящим в Евросоюз.

Борьба с традиционными общеуголовными преступлениями может и должна вестись традиционными способами, хорошо известными и успешно применяемыми правоохранительными органами Российской Федерации и других государств. Для достижения наилучших результатов в этой сфере необходимо в полном объеме применять на практике весь арсенал международно-правового полицейского сотрудничества.

Не вызывает сомнений, что проблема преступности мигрантов вышла за рамки национальных проблем и интересов конкретных стран и требует комплексного межгосударственного подхода, в связи с чем предпринимались и предпринимаются попытки формирования общей уголовной политики, в частности, с помощью принятия ряда рамочных международных документов, таких как Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам; Конвенция о надзоре за лицами, условно осужденными или условно освобожденными от отбывания наказания; Конвенция о международной действительности судебных решений по уголовным делам; Конвенция о передаче производства по уголовным делам; Конвенция о передаче осужденных лиц и других и только неукоснительное выполнение их требований всеми без исключения субъектами международного права может дать положительные результаты.

Гарашко А. Ю.¹,

доцент кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ САМООРГАНИЗАЦИИ КАК СВОЙСТВА СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВА

Системный подход – перспективный способ исследования многих правовых явлений, позволяющий контролировать происходящие в правовой жизни процессы, моделировать возможные ситуации, определять альтернативные варианты развития системных явлений, анализировать структуру правовых феноменов, выявлять цели функционирования системы и т. д.

Практически любой искусственно сформированный, то есть созданный человеком, объект может подлежать системному анализу. Это, в частности, касается и системы государственного права, созданной и функционирующей по принципу внешне управляемого механистического феномена.

Однако на фоне развития современной гуманитарной науки была объективно установлена некорректность применения классической системной методологии и, в частности, общей теории систем Л. фон Берталанфи, к ряду сложных объектов. Так, изучение особенностей функционирования органических социальных систем показало несостоятельность ряда выводов исследователей в области традиционной систематики. Качественно иные основы формирования, развития и изменения таких систем поставили перед учеными новые методологические задачи и вынудили искать ответы на вызовы современных реалий.

Решение многих вышеобозначенных проблем исследования органических систем обязано появлению такому направлению современных системных разработок, как синергетика. Синергетика представляет собой научное направление, предметом исследования которого выступают основы существования мало прогнозируемых, нелинейных, открытых, энтропийных, подверженных флуктуациям, в том числе, органических социальных систем.

Человеческое общество и создаваемые им системы отношений между людьми представляют собой стохастичные системные образования, перманентно взаимодействующие друг с другом и окружающей средой, испытывающие внешнее давление, кризисы, трансформации, свободный алгоритм развития которых практически не позволяет использовать в целях изучения классические инструменты познания, и вынуждает ученых применять нетрадиционные методы, в том числе, интуицию, так называемое «шестое чувство», предвидение, нелинейные прогнозы, инструментарий теории вероятностей и т.п.

Право в своей первоначальной форме также являлось «органической» системой правил поведения в человеческой среде, созданной задолго до появления первых государств, а, значит, существующей на основе принципов самоорганизующихся открытых сообществ. Соответственно, право изначально представляло собой систему «органического» типа. И в настоящее время «в право-

¹ © Гарашко А. Ю., 2020.

вой сфере мы постоянно сталкиваемся с совокупностями, носящими системный характер и включающими в себя целый ряд достаточно самостоятельных компонентов (подсистем), развивающихся, в том числе, и по своим собственным внутренним законам» [1, с. 146].

К таковым относятся различные идеолого-правовые структуры [2, с. 44–57]. Одним из таких существующих правовых объединений выступает и общественное право, представляющее собой систему ценностей и стандартов поведения, возникающую вместе с человеком, служащую наиболее целесообразному и соответствующему природе социума регулированию жизни; часто (но не всегда) не имеющую формального закрепления и, как правило, создаваемую независимо от государственных органов власти в контексте стихийности общественных отношений.

Такая система права является синергетической системой, обладающей всеми соответствующими характеристиками органических систем, в том числе, гибкостью и диспозитивностью. Согласимся с точкой зрения исследователя М.А. Евсеева, утверждающего следующее: «сегодня можно выделить новую тенденцию правовой эволюции, содержанием которой является «наделение» решений независимых от государства структур правовой силой. Соблюдение таких норм осуществляется добровольно в зависимости от их эффективности, они не нуждаются в процедуре признания их недействительными...» [1, с. 151].

Это связано, как с высокой степенью его легитимности, так и с активным взаимодействием такого права и окружающей среды, девиации и давление которой, а также влияние случайных факторов-аттракторов, служат усилению стойкости такой системы и поддержания ее гомеостаза. Адаптивность общественного права – основная причина его наличия и значимости в настоящее время, даже при расширяющейся сфере влияния государственного права, доминирующей над всеми другими политической области жизни социума, и залог актуальности для человеческой цивилизации на протяжении всего времени ее существования.

Обмен с окружающей средой и иными системами позволяет элементам объединяться, адаптироваться друг к другу, к внешним условиям и функционально соответствовать стоящим перед данной системой целям и задачам. Любое изменение органической структуры «отзывается» на каждом из ее элементов, так как все они детерминированы друг другом; каждый занимает свое место и играет свою роль в общей системе, в той или иной степени являясь необходимым для нормального функционирования всего целого.

Вместе с тем, открытость такой системы делает неизбежным флуктуации и случайности, прежде всего, вызванные субъектным фактором. Следует принимать во внимание многообразие интересов, вызывающих необходимость субъектов обращаться к правовой сфере, и неизбежность девиантности поведения правонарушителей. Применительно к открытым системам, наличие энтропийных отклонений и непредсказуемых флуктуаций позволяет, за счет гибкости, поддерживать тот баланс, который в данной обстановке будет наиболее оптимальным. Право обеспечивает порядок в обществе, стремясь удовлетворять общие и частные правопритязания, использовать меры ответственности как

компенсирующие инструменты для достижения гармоничной реализации интересов.

Развитие системы общественного права необратимо и приводит к постоянной эскалации сложности самоорганизующихся систем. С этим связано отсутствие возможности вернуться к уже прошедшей стадии жизнедеятельности и восстановить статус-кво, что в целом допустимо в государственном праве, оперирующим понятиями сроков давности, реабилитации, множеством фикций и абстракций. В этой связи здесь нет и постоянного противостояния фактического и юридического, так как единственно значимым является реальное состояние дел и действительные общественные отношения.

Такие системы – непредсказуемы, а, значит, свободны в функционировании и развитии, познание закономерностей которых часто возможно только интуитивными средствами; нелинейны, то есть, объем обменных процессов на «входе» и на «выходе» в среду права такой системы будет неравномерным. Здесь существует парадокс: чем большее давление испытывает органическая система, чем больше информации она получает – тем более стабильной и устойчивой становится.

Содержание большинства связей в образованиях, имеющих социальную природу, составляет обмен. Н. Луман упоминает в данном контексте об идее генерализованных медиа, с помощью которых регулируются отношения обмена [3, с. 39]. Применительно к правовой системе следует говорить об обмене правами, обязанностями и правопритязаниями, именно они составляют обменную «информацию», употребляемую здесь в широком смысле. При этом в отличие от механических систем, где число связей свидетельствует о прочности и стабильности функционирования системы (чем больше отсылок, примечаний, бланкетных норм и диспозиций, разъяснений и комментариев, тем оптимальнее осуществляется реализация государственного права), в органических образованиях важнее качественный характер таких связей.

Информацию как обменный ресурс также можно рассматривать как импульс к самоорганизации системы, ее адаптации среде. Значим также характер такой информации: содержание в ней конфликтности и противоречивости можно рассматривать как толчок к активизации процессов упорядочивания. Вызов окружающей среды (например, совершение поступка, нарушающего правовую норму) становится основой для нивелирования дисбаланса и повышения уровня подавления повторения аналогичного в будущем. Система как бы «прокачивает» себя до нового, более высокого уровня противостояния внешней агрессии. По словам М.А. Евсеева, по сути, отождествляющего в развитии самоорганизующихся систем конфликт с хаосом, «хаос – это не только состояние, в которое приходит система после своего разрушения, но и основа для ее дальнейшего развития, начало для эволюции в новом направлении, поскольку у него есть внутренние тенденции к порядку» [1, с. 144–145].

В данном смысле конфликт можно рассматривать как системообразующий элемент общественного права, основу порядка. При этом конфликт может быть не только внешним, но и внутренним, что не исключает его перспективного упорядочивающего воздействия.

Возвращаясь в непосредственному рассмотрению синергетической организации права, следует отметить, что открытость и синергетичность системы общественного права, высокая степень коммуникабельности, иные перечисленные характеристики общественного права как самоорганизующейся системы, единство природы права, совместно с интегративными качествами юридического права, обеспечиваемые государственным влиянием, способны выступить основой, в начале для активизации процессов коммуникации и взаимообмена, а затем, и для формирования единого системного образования – общественного и государственного права.

Все вышеизложенное позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, общественное право выступает реальным отражением синергетических характеристик природы права в целом, в то же время, самоорганизация – принцип и механизм существования права в общественных формах.

Во-вторых, система общественного права, помимо обладания всеми общесистемными чертами, также является органичной, открытой, гибкой, адаптивной, самоорганизующейся, нелинейной, энтропийной, интегративной, что закономерно позволяет отнести ее к синергетическим системам.

В-третьих, в общественном праве в качестве системообразующего элемента можно рассматривать конфликт, выступающий, в конечном итоге, в результате существования ряда диалектических закономерностей, основой стабильности и порядка.

Список литературы:

1. Евсеев М. А. Право как открытая самоорганизующаяся система // Философия и общество. – 2006. – № 4.
2. Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019.
3. Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера ; пер. с нем. К. Тимофеева. М. : Изд-во «Логос», 2007.

*Зыкова С. В.*¹,

доцент кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ВЛИЯНИЕ РЕЦЕПЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА НА РОССИЙСКУЮ ПРАВОВУЮ КУЛЬТУРУ

Распространение православия на Руси явилось фактором своеобразной рецепции византийского канонического права и, частично, с определенной долей свободы, светского. Ввиду этого остановим внимание на тех памятниках византийского права, которые имели особое влияние на русское право.

В результате рецепции восточного римского права на Руси широкое распространение получил «Номоканон» – церковно-гражданского права Византии. Ссылки на номоканон, как на обязательный источник права, есть и в Уставах Ярослава и Всеволода, и в Новгородской судной грамоте.

В православной церкви наиболее известны два номоканона: Номоканон Иоанна Схоластика – 50 титулов (VI в.), разбитых на 87 глав (в дополненном виде он был переведен на славянский язык, вероятно, св. Мефодием (V век), о чем есть упоминание в Паннокском житии святого: «Тогда же и Номоканон рекше закону правило и отеческие книги преложи»; и Номоканон – 14 титулов, в первоначальной редакции возникший во второй четверти VII в. и переработанный патриархом Фотием в 883 г.

Номоканоны получили распространение на Руси в славянском переводе в виде Кормчей книги, которая рассматривала управление делами общества и церкви христианской искусством кораблевождения с использованием Божественного Писания и правил Святых отцов в качестве руля («кормила»).

Впрочем, заимствование светского византийского права совершалось с некоторою свободою и выбором кодексов: состав наших кормчих не вполне тождествен с греческими номоканонами. Сравнительный анализ статей Русской Правды с соответствующими статьями византийских кодексов показывает, с какой гибкостью применялось греческое законодательство к условиям Киевской Руси, заменяя, например, не свойственные русскому обычному праву такие жестокие санкции, как телесные наказания и казнь, штрафными санкциями и выкупом [1, с. 36]. Не все установления византийского феодального права могли быть применимы на Руси, еще недавно жившей патриархальным бытом.

В дальнейшем Кормчий закономерно стали дополняться юридическими статьями и русского происхождения, в первую очередь из княжеских церковных уставов. Фактически эти сборники охватывали все действовавшее русское право. Так, именно в составе Кормчих и других сборников дошла до нас Русская Правда.

Следы воздействия церкви на законодательство так многочисленны в Русской Правде, что дали повод В. О. Ключевскому к выводу о церковном происхождении этого памятника. Ученый доказывал, что «текст Русской правды

¹ © Зыкова С. В., 2020.

сложился в сфере не княжеского, а церковного суда, в среде церковной юрисдикции, нуждами и целями которой и руководился составитель Правды в своей работе» [3, с. 185]. Он основывался, главным образом, на таких наблюдениях, как отсутствие среди судебных доказательств поля – судебного поединка, осуждаемого церковью, и сохранение текста Правды в сборниках церковного права – Кормчих и Мериле праведном.

Однако эти положения не получили поддержки среди ученых, придерживающихся той точки зрения, что Русская Правда – светский судебник, созданный государственной властью и охватывает дела, не относящиеся к церковной юрисдикции [5, с. 40–42]. Однако, как было уже указано, в некоторых сферах, в частности, в наследственном праве, Русская Правда соотносится с областью церковной компетенции.

Таким образом, церковь активно влияла на государственное законодательство как по вопросам, относящимся к ее собственной области, так и по вопросам, относящимся исключительно к компетенции государства. В некоторых сферах общежития, особенно в области семейной, церковь сама непосредственно проводила начала церковно-византийской гражданственности, в других она действовала через государство, указывая ему на достойный подражания образец византийского «благоверного жития», на законы благочестивых царей, помещавшиеся в кодексе церковных законов – в Кормчей книге [2, с. 14].

Немаловажным является и тот аспект, что принятие христианства коренным образом изменило судьбу обычного русского права, во многом прямо противоречащего учению христианской морали. Посредством христианских норм впервые обозначаются, а затем и законодательно закрепляются как противоправные многие деяния, ранее допускавшиеся обычным правом.

Это особенно показательно в отношении брачного права, где на момент крещения Руси имело место многоженство, отпущение жены, наложничество и пр. Так, например, у Владимира, до его женитьбы на сестре византийского императора Анне, было пять «водимых», т. е. законных жен, не считая «наложниц». Он сам был сыном Святослава не от «водимой жены», а от «рабы», что нисколько не отразилось на его юридическом положении в княжеской семье. Даже Русская Правда признает закономерность незаконного с точки зрения христианского канонического права сожителства с рабыней. Еще в конце века многие «без стыда и без сраму две жены имеют» [1, с. 33].

Христианская церковь с самого начала способствовала ликвидации старых брачных форм, способов и условий заключения брака. Посредством канонического законодательства усиленно боролись и с многоженством, и с умыканием, и с легкостью развода, и с другими пережитками родового строя. Здесь духовенству «даны были значительные полномочия, не только судебные, но и законодательные, в силу которых оно довольно независимо нормировало семейную жизнь, применяя к местным условиям свои канонические установления» [3, с. 195].

Оценивая влияние церкви на гражданское общежитие, В. О. Ключевский отмечал ее действие в первую очередь именно в сфере гражданских и особенно семейных отношений: «Здесь, не ломая прямо закоренелых привычек и предрассудков, церковь исподволь прививала к туземному быту новые понятия и

отношения, перевоспитывая умы и нравы, приготавливая их к восприятию новых норм, и таким путем глубоко проникала в юридический и нравственный склад общества» [3, с. 235–236].

Таким образом, религия заняла прочные позиции в системе социального регулирования, оказывая непосредственное воздействие на поведение людей посредством установления и применения религиозных норм [4]. Ее предписания выступали фактическими регуляторами общественных отношений. Более того, многие из них находят свое отражение в действующем законодательстве, оказывая в целом влияние на формирование и развитие отечественного права.

Список литературы:

1. Бахрушин С. К вопросу о крещении киевской Руси // Христианство и Русь : сборник статей. Серия «Советское религиоведение». № 2 / под ред. А. Белова. М., 1988.

2. Бердников И. Церковное право как особая, самостоятельная область и его отношение к общей системе права. Казань, 1885.

3. Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций: в 3 кн. Кн. 1. М., 1997.

4. Кулакова Ю. Ю. Свобода совести и вероисповедания. Проблема религиозной безопасности в современной России // Закон и право. – 2014. – № 11. – С. 32–36.

5. Юшков С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.

Журов А. Н.¹,

доцент кафедры истории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат исторических наук, доцент

ГОРОДСКАЯ ПОЛИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Регулярная полиция как государственный орган, призванный охранять порядок и бороться с уголовной преступностью, появляется на том историческом этапе развития общества, который связан с переходом от Средневековья к Новому времени. Формирование абсолютистских государств в Европе, бюрократизация государственного аппарата, стремление власти регламентировать практически все сферы общественной жизни приводят к необходимости организации профессиональной структуры, которая бы осуществляла действенный контроль и надзор за жизнью общества. Недаром ученые указывают на создание профессиональных правоохранительных структур как на один из признаков абсолютизма [1, с. 193]. Если в период развития сословно-представительной монархии к охране правопорядка привлекалась преимущественно армия, а также местное население в порядке повинности, то с переходом к абсолютизму появляются гражданские органы регулярной полиции. Начало этому было положено во Франции в XVII в., а затем процесс образования полицейских органов распространился и на другие государства Европы.

Профессиональные полицейские органы появляются, прежде всего, в европейских городах. Так, в Париже в 1667 г. была учреждена должность генерал-лейтенанта города, начали формироваться низовые структуры полиции. При этом парижская полиция не только боролась с уголовными преступлениями и охраняла улицы города, но и решала многие вопросы, связанные с развитием городской инфраструктуры, с повседневной жизнью городского населения: торговля, медицинская помощь, гигиена, транспорт и многое другое.

И в других странах Европы в XVII–XVIII вв. регулярная полиция создавалась как полиция городская, тогда как в сельской местности правоохранительные органы начинают развиваться позднее. Это было обусловлено тем, что поддержание правопорядка в городах нуждалось в профессиональном и скрупулезном подходе, городская жизнь характеризовалась гораздо более сложной социальной организацией, чем сельская. Города являлись сосредоточением властных органов, значительных материальных богатств и, как следствие, существенного социального неравенства, что приводило к острым общественным конфликтам, а значит и требовало повышенного внимания к охране порядка и борьбе с преступностью.

Подобные процессы происходят и в отечественном государстве. В XVI в. в Москве назначаются специальные люди, охраняющие порядок на улицах и несущие караульную службу у городских ворот – «решеточные сторожа».

¹ © Журов А. Н., 2020.

В XVII в. появляются особые «решеточные приказчики». Данная служба показала свою жизнеспособность и начинает формироваться в других российских городах. В 1649 г. был принят «Наказ о Градском благочинии» [2, т. 1. № 6, с. 164–166], который стал, по сути, одним из первых нормативно-правовых актов, регламентирующим охрану правопорядка в городе. «Наказ» отводил важную роль службе «решеточных» в обеспечении общественного порядка, борьбе с уголовной преступностью. Особое значение придавалось организации противопожарной безопасности. Таким образом, в соответствии с «Наказом о градском благочинии» в Москве формируется прообраз полицейской службы.

Европейский опыт был использован и Петром I при организации регулярной полиции в новой столице Российского государства – Санкт-Петербурге. Город строился по-новому, «по-европейски», по регулярному плану. Также «по-европейски», на профессиональных основаниях формируется и столичная полиция. Деятельность Санкт-Петербургской полиции была регламентирована «Пунктами, данными Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру», которые имели достаточно пространное название, с большой конкретикой определявшие предметы ведения нового регулярного государственного органа. В 1723 г. полиция во главе с обер-полицмейстером создается в Москве, ее деятельность организовывалась на основании «Инструкции московскому обер-полицмейстеру Грекову» [2, т. 6. № 4130, с. 796–810]. В 1733 г. по повелению императрицы Анны Иоановны регулярная полиция была создана в 23 городах Российской империи [2, т. 9. № 6378, с. 93]. Можно констатировать тот факт, что до 70-х годов XVIII в. полиция в отечественном государстве представляла из себя городскую службу.

С момента образования регулярной полиции начинается активный, хотя и достаточно хаотичный процесс формирования нормативно-правовой базы деятельности этого органа. В XVIII – первой половине XIX вв. было принято более двух тысяч нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность российской полиции. Как показывает анализ этих документов, значительная часть их была так или иначе посвящена работе городской полиции. Особенно активно правотворчество в данной сфере развивалось в первые годы существования полиции, в период петровских преобразований, а также в первое десятилетие XIX в. – еще один знаковый для отечественного государства период, характеризующийся динамичными реформами, которые не могли не затронуть деятельность полиции.

Основным видом правового акта первой четверти XVIII в. стал царский указ, текст которого объявлялся через первого генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга А. М. Девиера. К таким документам относятся, например, Именные указы, объявленные генерал-полицмейстером Девиером: «О назначении рынков в Санкт-Петербурге, о наблюдении чистоты торгующим съестными припасами и о ношении им белых мундиров» от 15 ноября 1718 г., «О непродаже дворов на Васильевском острове» от 10 декабря 1720 г. [2, т. 6. № 3683, с. 266] и многие другие. За несколько первых лет существования регулярной полиции им было издано более 20 правовых актов, регламентирующих осуществление строительных работ в новой столице и контроль со стороны полиции за этим процессом.

Еще одним проводником монаршей воли являлся в тот период Правительствующий Сенат, который также издает акты, касающиеся дел полиции. Например: Именной, объявленный из Сената «О взятии с иноземцев при отъезде из России по долгам их порук» от 8 ноября 1723 г. [2, т. 7. № 4354, с. 155–156]. Также Именной указ мог исходить и из Полицмейстерской канцелярии, как например «О наблюдении Санкт-Петербургским жителям каждому против своего двора чистоты и о поправлении мостовой» от 3 сентября 1718 г. [2, т. 5. № 3226, с. 586–587]. Решения властей доводились до населения столицы, в основной массе своей еще неграмотного таким образом: «публиковано всенародно с барабанным боем многократно».

Практика объявления именных указов через руководителя полиции сохраняется и в последующем. Мы находим именные указы, объявленные «полицмейстерской канцелярией генерал-адъютантом князем Шаховским», и генерал-полицмейстером Салтыковым, и генерал-полицмейстером Наумовым, и генерал-полицмейстером Татищевым, и многие другие подобные акты.

Одной из самых распространенных категорий нормативных документов, касающихся полиции становятся сенатские указы. Появившись еще в первой четверти XVIII в., например «О даче находящимся в канцелярии у полицмейстера унтер-офицерам и рядовым жалованья, провианта и соли наравне с гарнизонными солдатами» от 7 июля 1718 г. [2, т. 5. № 3216, с. 580], подобные документы продолжают активно приниматься на протяжении всего XVIII – первой половины XIX вв.

Еще одной из разновидностью нормативных правовых актов, регламентировавших работу полицейских органов, стали Высочайшие резолюции на доклады руководящих полицейских структур. В качестве примера можно привести Высочайшую резолюцию на доклад Полицмейстерской канцелярии «О взимании поземельных денег с мест, розданных по реке Фонтанке, хотя бы места сии и не застроены были» 3 января 1733 г. [2, т. 9. № 6295, с. 3].

И, конечно, самым значимым правовым документом, правовой основой деятельности городской полиции Российской империи стал принятый 8 апреля 1782 г. «Устав Благочиния или Полицейский» [2, т. 21. № 15379, с. 461–488], который определил сферу прав и обязанностей полиции, ее место в системе органов государственного управления, порядок и характер правовых отношений с ними.

В первой половине XIX в. осуществляется работа по совершенствованию деятельности полицейских органов, в том числе и в городах. В 1803 г., в период правления императора Александра I принимается положение «О средствах к исправлению полиции в городах» [2, т. 27. № 21007, с. 947–954], которое установило новые штаты полиции в городах в зависимости от численности городского населения.

Нормативные правовые акты, принимаемые в XVIII – первой половине XIX в. регулировали самые разнообразные стороны деятельности полиции в городах Российской империи. И одна из важных сфер была определена в первых строках «Пунктов, данных Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру». Они предписывают полиции «...смотреть, дабы все строение было регулярно построено, по Его Царского Величества Регламенту;... також бы никакое строение за линию, или из линии строилось, но чтоб улицы и переулки были

ровны и изрядны» [2, т. 5. № 3203, с. 570]. Таким образом, одной из первых компетенций городской полиции в XVIII – первой половине XIX вв. становится надзор за городской застройкой.

Санкт-Петербург как новая столица Российского государства стал уникальным для нашего Отечества городом. Он изначально создавался на основе регулярного плана. К его строительству были привлечены европейские архитекторы, которые старались привнести в город новые, современные на тот момент подходы, в том числе и в организацию городской среды, городского хозяйства. Были разработаны типовые проекты зданий для разных категорий горожан. Однако у россиян, привыкших к облику средневековых городов, с их узкими и кривыми улочками, разномастными хоромами, просто отсутствовали необходимые традиции и привычки такого строительства. Возникла потребность в организации жесткого строительного надзора за возведением города.

Особое место в нормативном регулировании создания жилищного фонда в столице принадлежит Именному указу, принятому 31 августа 1721 г. «О порядке строения каменных домов в Санкт-Петербурге», в котором достаточно четко прописывался регламент возведения строений обывателями. В частности, правила регулярной застройки требовали смыкания стен возводимых домов, ликвидации «неудобных переулков» между строениями. Для лучшего доведения до сведения горожан строительных норм, установленных государством, полиция размещала специальные информационные листы «у палатного строения домов через десять, ... чтоб все паки ведомо было» [2, т. 6. № 3822, с. 432–433].

Помимо непосредственного надзора за сооружением зданий в новой столице, городская полиция ведала и другими вопросами в сфере строительства. Так, для получения места под сооружение нового строения, желающие должны были обращаться в Полицмейстерскую канцелярию. Особое внимание уделялось строительству на Васильевском острове и в Адмиралтействе, о чем свидетельствует, например, именной указ от 30 июня 1719 г. «О воспрещении приобретения дворов на островах Санкт-Петербургском и Адмиралтейском, на сторонах московской и Выборгской, тем людям, коим велено строиться на Васильевском острове» [2, т. 5. – № 3399, с. 720–721].

Канцелярия давала разрешения на сделки с недвижимостью. Она контролировала исполнение именных указов в этой сфере, в частности, обязательность застройки участков на Васильевском острове российскими дворянами под угрозой изъятия поместий и вотчин в казну (например: Именной «О строении в С.-Петербурге на Васильевском острове домов, и о высылке для того дворян самих, или людей их и свойственников с деньгами» от 29 марта 1721 г.) [2, т. 6. № 3766, с. 373–375]. Нормативные-правовые акты, принятые в первой четверти XVIII в. в сфере строительного надзора предполагали целый набор санкций, которые применялись к нарушителям. Достаточно распространенной мерой воздействия выступал штраф, причем в достаточно большом размере для того времени – сто рублей. Помимо изъятия имущества, правовые акты предполагали применение и таких санкций к нарушителям градостроительных норм, как слом возведенных сооружений без компенсаций затрат на их строительство, как видно из Именного указа, объявленного генералом-полицмейстером Девиером 24 июня 1721 г. «Об укреплении берегов реки Невы и других речек и о порядке

строения каменных домов в Санкт-Петербурге». В первые годы строительства Санкт-Петербурга «неуказные» здания и целые кварталы сносились десятками, а нерадивых застройщиков в соответствие с законом ждали суровые кары, вплоть до конфискации имущества и даже ссылка в Сибирь.

После смерти Петра I нормотворческая деятельность в данной сфере несколько затухает. Постепенно строительный надзор, закрепленный за полицией, начинает распространяться по городам Империи, в начале в Москву. Одним из первых документов в этой сфере становится сенатский указ «О починке построенных в Москве около монастырей мостов от Полицмейстерской канцелярии на счет Коллегии экономии в таком случае, когда монастырь не будет иметь за собою деревень и никаких доходов кроме жалованья» от 14 июня 1733 г. [2, т. 9. № 6439, с. 164–165]. Далее происходит правовая регламентация полицейского надзора за строительством и в других российских городах. Примером может служить Именной указ, объявленный из Сената «О поручении обывательского строения в Кронштадте в ведомство полиции» от 13 сентября 1752 г. [2, т. 13. № 10019, с. 692].

Однако, несмотря на обилие нормативных актов, принятых в XVIII – первой половине XIX вв., правовое регулирование деятельности городской полиции Российской империи носило в целом бессистемный и нерегулярный характер. Избыточность и разнородность функций, которые реализовывала полиция, негативным образом сказывались на эффективности ее деятельности.

Список литературы:

1. История государству и права зарубежных стран : учебник / колл. авт.; под ред. Н. В. Михайловой. М., 2018. С. 193.
2. Полное собрание законов. Собр. 1 (1649–1825).

Феднева Н. Л.¹,

*доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент*

КОНЦЕПЦИЯ ПЕРВОБЫТНОЙ МОНОНОРМЫ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА В СВЕТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

*Юридическая антропология, дочь истории права...
взяла на себя задачи Прометея, ставшие програм-
мой юридического эволюционизма.*

*Рулан Н. Юридическая антропология /
пер. с франц. М., 1999, с. 24.*

Изучение происхождения права в силу методологического характера проблемы имеет особое значение в преподавании историко-правовых дисциплин. Однако анализ учебных программ и учебников показывает, что этой проблеме не уделяется должного внимания². Представляется, что учебная литература остро нуждается в дополнении ее выводами, сделанными в последние десятилетия отечественными учеными в области юридической антропологии, науки, завершившей институционализацию, но не нашедшей отражения в правовых образовательных циклах, не признанной в качестве учебной дисциплины, которая тем не менее имеет добротные, основанные на этнографическом и культурологическом материале наработки в области изучения генезиса права.

Актуальная необходимость отражения результатов, достигнутых юридической антропологией, в учебных рабочих программах по историко-правовым дисциплинам подтверждается ростом национального самосознания в регионах современной России, усилением интереса к национальной культуре и такому ее компоненту, как обычное право [31]. Возрождение этноправа, оказывая двойственное влияние на правосознание (положительное, если интерес к нему формирует активную гражданскую позицию, и негативное, если внимание акцентируется исключительно на локальной и региональной идентичности населения), требует постоянного внимания к нему со стороны образовательных институтов.

Цель данной публикации состоит в том, чтобы привлечь внимание ученых-правоведов, историков и теоретиков права, педагогов-практиков к комплексному отражению в учебных планах вопросов происхождения права с учетом плюрализма подходов к его содержанию. Более глубокое изучение проблемы должно способствовать определению того порогового уровня знаний, кото-

¹ © Феднева Н. Л., 2020.

² В наиболее часто рекомендуемых студентам учебниках, таких как: [6; 9; 24] – отсутствует даже постановка вопроса о процессе зарождения права по регионам планеты. Элементы системного подхода к праву и, как следствие, к генезису системы правового регулирования общественных отношений на всем протяжении развития цивилизации, включая догосударственный период, находим, как исключение, в учебниках: [21; 22]. Авторский взгляд на генезис государства и права представлен в специально посвященном указанной проблеме разделе учебника [32].

рый послужит когнитивной базой для формирования общекультурных и профессиональных компетенций, предусмотренных Федеральными государственными образовательными стандартами, а также выработке объективных критериев оценки знаний обучающихся.

В отличие от историко-правовых дисциплин теория государства и права уделяет вопросам происхождения права больше внимания. В учебниках теории этой проблеме, как правило, посвящена отдельная тема. Однако в подходах к материалу преобладает гносеологический аспект: значительное место отводится изучению различных теорий происхождения права. Антропологический подход, предполагающий обзорное освещение первичных форм социальной нормативности на разных стадиях развития первобытного общества и перехода к государственности, представлен в значительно меньшей степени, что обусловлено как формальными ограничениями объема предлагаемого к изучению материала, так и инерцией известных подходов предшествующего периода развития наук об обществе и человеке в рамках марксистско-ленинской парадигмы.

Тем не менее в ряде академических учебников по теории [2] вниманию обучаемых предлагается понятие *мононормы*, под которой понимается общее правило социальной регуляции в первобытном обществе, являвшееся предшественником как права, так и морали.

При этом курс теории не оставляет возможности показать на конкретном материале, а часто и просто обозначить различия между мононормой и правовым обычаем. На какой стадии развития родоплеменного строя мононорма дифференцируется на различные способы нормативного регулирования, на мораль, правовой обычай, религиозное верование? Представляется логичным, что ответ на этот закономерный вопрос должен дать курс истории государства и права [7].

В советских учебниках ответ на этот вопрос был однозначным: право возникает одновременно с возникновением государства, а правовой обычай – это санкционированная государством традиция. И сегодня в одном из наиболее полных и академичных учебников по истории государства и права зарубежных стран можно прочесть следующее положение: «Вместе с государством в древневосточных обществах складывалось и право» [9, с. 167]. Далее право характеризуется традиционным для марксистской парадигмы набором черт (оно закрепляло социальное неравенство, было связано с религиозной моралью и т. д.), при этом указывается, что право опиралось на обычай, который характеризуется как главный источник права.

Понятия «раннее право», «предправо», введенные в научный оборот юридической антропологией, ни в учебных программах, ни в учебниках по историко-правовым дисциплинам, как правило, не упоминаются.

Таким образом, понятие «мононорма», которая по умолчанию характеризуется теоретиками права как доправовая, а также понятия «правовой обычай», «обычное право», рассматриваемые в теории права и государства, как предшественники позитивного права, не наполнены конкретным содержанием, не подкреплены историческими примерами, что затрудняет понимание их сущности.

Как представляется, для понимания необходимости включения материалов по антропологии права в учебники по истории государства и права будет

полезно совершить историографический обзор результатов, достигнутых смежными науками о человечестве, в области изучения ранних этапов его развития. Этот экскурс поможет проследить развитие истории первобытного общества как науки, тесно связанной с антропологией, и их совместного взаимодействия с теорией государства и права. Результатом этого взаимодействия стала институционализация юридической антропологии, осуществившаяся в 80-е годы прошлого века на Западе и проходящая в последнее десятилетие нынешнего – в России.

Интерес к развитию норм социального регулирования в первобытных обществах возник в нашей стране во второй половине XIX в. в процессе становления социологии как науки, но после 1917 г. разработка проблемы в юридическом плане была полностью приостановлена.

Однако потребности преподавания истории государства и права, наряду с требованиями осмысления новых социальных и юридических отношений, которые невозможно было реализовать в рамках позитивистского подхода, поставили науку перед необходимостью возвращения к эволюционизму при изучении права. Реакцией на эту потребность стало введение в научный оборот понятия первобытной монономы, осуществленное в 70-е годы прошлого века А. И. Першицем¹, на тот момент кандидатом исторических наук, имевшим также и юридическое образование, посвятившем в дальнейшем всю свою жизнь изучению истории первобытного общества. Его статья, опубликованная в журнале *Current Anthropology* (США) [33], вызвала значительный интерес зарубежных ученых с последующим обсуждением.

Исходя из представления о том, что сознание первобытного человека было недифференцированным и примитивным, в силу чего он не разделял свою жизнь на религиозную, морально-ценностную, правовую, экономическую сферы, Першиц проводил идею, что первобытными коллективами людей руководила единая мононома, которая складывалась под влиянием внешних условий и биологического (стадного) инстинкта. По мере развития производительных сил и перехода от присваивающей экономики к производящей сознание человека развивалось, дифференцировалось, и в эпоху классового общества монономатика разделилась на право и мораль. При этом право заимствовало от монономы те механизмы регулирования (прежде всего, жесткое принуждение, санкции), которые были наиболее полезны высшим классам.

Першиц определил свое отношение к правовому обычаю и обычному праву. Он подверг критике общепринятое на тот момент в отечественной и зарубежной науке понятие правового обычая, как регулярно повторяющейся тра-

¹ А. И. Першиц (1923–2007) закончил истфак МГУ и аспирантуру Института этнографии с защитой диссертации на тему «Племенной состав и родоплеменная организация кочевников Северной Аравии в XIX – первой четверти XX в.» Исследование общественного строя бедуинов, находившихся на доцивилизационной стадии развития, побудило его обратиться к изучению истории первобытного общества, которое было возможно осуществить на междисциплинарном уровне. Совместно с археологом А. Л. Монгайтом и антропологом В. П. Алексеевым А. И. Першиц впервые в нашей стране создал учебник *История первобытного общества* (1968), выдержавший шесть изданий, каждое из которых дополнялось им в соответствии с новыми данными науки.

диционной практики, поскольку оно не отражало *эволюции* норм, безусловно имевшей место.

Он предложил свое определение: правовой обычай – это совокупность поздних мононорм, сложившихся и закрепившихся в период утверждения производящей экономики, дававшей определенным прибавочный продукт для поддержания относительно стабильной публичной власти. Исходя из этого определения, он характеризовал обычное право, как совокупность поздних мононорм, санкционированных ранним государством. Першиц считал возможным существование *правового* обычая (а значит, права!) в устной традиции, до появления письменности, следовательно, государства, что было на тот момент отходом от догматов марксистско-ленинской науки.

Отступлением от догмы стало и признание роли *мифа* в закреплении санкций, характерных для тех мононорм, которые превращались в право по настоянию, как писал Першиц, формирующейся элиты и к ее выгоде.

Отклики на статью Першица были в целом вежливо-положительные, за исключением краткой оценки, данной профессором университета Беркли К. Ф. Кохом (1937–1979), признанным на тот момент авторитетом антропологии на Западе, в которой взгляды Першица были названы устаревшими, а трактовка им понятия обычного права не приносящей пользы науке.

Подобная оценка не отвратила ученого от продолжения занятий проблемами первобытного общества. По его инициативе и при его активном участии при Институте этнографии АН СССР был создан сектор по изучению первобытного общества и выпущена коллективом авторов первая и единственная пока многотомная история первобытности [10; 11; 12], в которой предложенная А. И. Першицем и его последователями концепция мононормативности нашла отражение.

После того, как идеологические ограничения [3; 13; 19] советского периода были сняты, концепция мононорм не претерпела принципиальных корректировок со стороны ее автора. Но инициированное им исследование проблемы активно продолжилось в сфере антропологически ориентированной юриспруденции, результатом чего стало формирование новой науки – юридической антропологии [1; 14; 15; 16; 24; 26; 27; и др.].

На Западе она уже стала учебной дисциплиной, по ней написаны учебники [28]. В России обосновываются предложения о включении юридической антропологии в образовательные циклы бакалавриата и магистратуры [4]. При этом в работах антропологов-юристов, несмотря на утверждения об исторически обусловленной специфике генезиса систем права, ссылки на предметный анализ этой специфики можно найти нечасто.

Остановимся на обзоре выводов, полученных в результате инициированного концепцией мононорм А. И. Першица изучения генезиса элементарных форм соционормативной регуляции.

Во-первых, среди отечественных правоведов нашло признание положение о том, что первоначальное право, или палеоправо, или протоправо, своего рода право до права, выступает в виде нормативных синкретических образований, предвосхищающих все возможные будущие системы ценностно-нормативной регуляции разнообразных практик и форм социального общения

[4, с. 11; 23]. Как констатирует Ю. А. Веденеев, юридическое качество общения внутри человеческих сообществ возникает на той фазе исторической эволюции, на которой их существование выходит за границы природной необходимости. Процессы социализации органических форм человеческого общения востребовали собственные способы сохранения и воспроизводства складывающихся систем социальных связей и зависимостей [4, с. 10].

Во-вторых, среди отечественных ученых достигнут относительный консенсус по вопросу о периодизации развития первобытной мононорматики, согласно которому она проходит два периода: классический и переходный к государственности.

Российские ученые придерживаются относительного единства в понимании сути процессов регулирования социальных отношений на первом, классическом этапе первобытного общества. В основе мононорматики на раннем этапе, как принято считать, согласно Ю. И. Семенову [29; 30], лежал табуитет – совокупность не всегда понятных, но грозных предписаний, карающих смертью за такие тягчайшие преступления, как, например, инцест, нарушение экзогамии.

Но применительно ко второму, переходному этапу осталось довольно много спорных и не проясненных до конца вопросов, лежащих в сфере проблематики политических регулятивных систем [8]. Здесь открывается простор для историков права, задачей которых и являются систематизация и пересмотр подходов к проблеме предпосылок образования государственности, анализ процессов правообразования в различных условиях политогенеза регионов мира.

В-третьих, получило общее признание тесное родство между мифом и законом [28, с. 56]. Мифы дают фундаментальные объяснения создания вселенной, рождения жизни в обществе и определяют основные правила, регулирующие эту жизнь. В традиционных обществах миф выполняет роль закона. Посредством предписаний и запрещений, преследующих цель восстановить порядок, нарушенный силами беспорядка, он утверждает гуманное общество, устанавливая в нем иерархию взаимодополняющих групп. Внимательное чтение мифов позволяет создать представление о содержании юридических норм и обычаев, свойственных тому или иному обществу.

Осмысление родства между мифом и законом стало возможным благодаря идее «пралогического и логического» мышления, предложенной французским этнографом и психологом Люсьеном Леви-Брюлем [17], и концепции античной мифологии, разработанной в отечественной культурологии А. Ф. Лосевым [18, с. 296–297, 475–603, 620–684]. Эти работы должны стать методологической основой для историков государства и права при изучении традиционных обществ. Фундаментальный труд отечественных ученых «Мифы народов мира» [20], содержащий выверенные на различных источниках тексты мифов, сложившихся в различных регионах мира, окажут неоценимую помощь при анализе мирозерцания и производных от него социальных, юридических и моральных норм, характерных для народов на разных стадиях развития правовых систем.

Список литературы:

1. Агафонова Е. А. Юридическая антропология: концептуальные идеи и принципы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009; Мальцев Г. В. Культурные традиции в праве. М., 2013.
2. Алексеев С. С. Теория права. М., 1995.
3. Барабанов О. Н., Клименко А. И. Концепция общего идеологического пространства России и ЕС // Вестник МГИМО. – 2010. – № 1 (10). – С. 96–103.
4. Веденеев Ю. А. Антропология права: между социокультурными традициями и нововведениями // Lex Russica. – 2016. – № 9. – С. 18–19, 22–24.
5. Венгеров А. Б. Теория государства и права. Ч. 1. Т. 1. М., 1996.
6. Вениосов А. В. История государства и права зарубежных стран. Минск : Тетра Системс, 2012.
7. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Курс теории государства и права в классической и постклассической юридической мысли : хрестоматия. М., 2018.
8. Думанов Х. М., Першиц А. И. Мононорматика и начальное право // Государство и право. – 2000. – № 1; 2001. – № 9.
9. История государства и права зарубежных стран : учеб. для вузов : в 2 ч. / под общ. ред. О. А. Жидкова и Н. А. Крашенинниковой. М. : НОРМА, 2003.
10. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983.
11. История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988.
12. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
13. Клименко А. И. Либерализация политически организованного общества как функция правовой идеологии // История государства и права. – 2010. – № 6. – С. 38–42.
14. Ковлер А. И. Антропология права. М., 2002.
15. Ковлер А. И. Юридическая антропология как учебная дисциплина // *Nomo juridicus*. М., 1996.
16. Куббель Л. Е., Першиц А. И. Этнография и науки о государстве и праве // Вестник АН СССР. – 1984. – № 10.
17. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М., 1930 и 1980; его же. Первобытная мифология. М., 2010; М., 2012 и 2014.
18. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М. : Мысль, 1993.
19. Малахов В. П., Горшенева И. А., Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2010.
20. Мифы народов мира. Т. 1–2 / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Большая Российская энциклопедия, 1997.
21. Михайлова Н. В. История государства и права зарубежных стран : учебник для вузов / Н. В. Михайлова и др.; под ред. Н. В. Михайловой. М. : Кнорус, 2018.
22. Михайлова Н. В. История государства и права зарубежных стран : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности (030501) «Юриспру-

денция» / Н. В. Михайлова и др.; под ред. Н. В. Михайловой. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012.

23. Муромцев Г. И. Мононорма как стадия становления права // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 3. – С. 93–96.

24. Омельченко О. А. Всеобщая история государства и права : учебник : в 2 т. М. : Эксмо, 2007.

25. Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследование по общей этнографии. М., 1979.

26. Потестарность. Генезис и эволюция. СПб., 1997.

27. Пучков О. А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве (теоретические основы) : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

28. Рулан Н. Юридическая антропология. М., 1999.

29. Семенов Ю. И. Обычное право в доклассовом обществе: возникновение, сущность и эволюция // Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М., 1997.

30. Семенов Ю. И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. – 1997. – № 4.

31. Силантьева М. В. Роль мифа в актуальных идентификационных программах: изучение процессов ремифологизации права в научно-образовательном пространстве современной России // Право и управление. XXI век. – 2018. – № 4. – С. 12–20.

32. Суровень Д. А. История государства и права зарубежных стран. Древний мир : учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2019.

33. Pershitz, A. I. The Primitive Norm and Its Evolution. *Current Anthropology* September, 1977. Vol. 18 (3), p. 409–417.

Матанцев Д. А.¹,

*доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук*

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРАВУ: МАТЕРИАЛИЗМ VS ИДЕАЛИЗМ

В условиях постнеклассической рациональности, обращенной к субъекту познания, его интересам, устремлениям, ценностям, аксиологический подход к исследованию социальных явлений приобретает особое значение. Исключение не составляет и юридическая наука, в которой внимание к вопросам сущности, иерархии правовых ценностей существенно возросло [11]. Однако зачастую правовые исследования фокусируют внимание на том, что относится к правовым ценностям, но при этом природе самих правовых ценностей уделяется значительно меньше внимания. Безусловно, познание сути правовых ценностей должно опираться на прочный философский фундамент. При этом философская интерпретация природы ценностей представлена несколькими основными подходами, которые в известной степени могут быть сведены к идеалистической и материалистической объяснительной модели.

Идеалистическая концепция ценностей утверждается в немецкой классической философии благодаря этическому учению И. Канта.

В основе представлений Канта о ценностях лежит принцип противоположения двух ипостасей человеческой экзистенции – мира природа и «царства целей». В мире природы все подчинено закону необходимости, и даже те действия человека, которые представляются подчиненными его воле, в действительности детерминированы его чувственными потребностями. Кант, продолжая аристотелевские традиции соотношения целей-средств и предельных целей, полагает, что только в мире целей человек становится самоценностью (личность – цель сама для себя).

Представления Канта о ценности как нравственном абсолюте, определяющем подлинную, ноуменальную сущность человека, вывели на качественно новый уровень философское осмысление ценности самого человека, а его концепция противопоставления царства природы и «царства целей» послужила отправной методологической установкой для многих последующих исследований ценностей (Лотце, Риккерта, Виндельбанда и др.).

Лотце, следуя кантовским методологическим установкам, делает различие между «миром явлений» (который выступают в качестве «сущего») и «миром ценностей» (который относится к области «должного», значимого). Бытие ценности обладает, таким образом, нематериальным, духовным идеалистическим характером. Поскольку ценность находит отражение в сознании, а сознание субъекта может быть подвержено влиянию различных субъективных факторов, в понимании Лотце то, что отвечает временным, случайным состояниям либо отдельным индивидуальным проявлениям души обладает меньшей ценно-

¹ © Матанцев Д. А., 2020.

стью. Наивысшей же ценностью является то, в чем «дух делается свободным в выполнении своего предназначения...то, что приятно постоянному настроению идеальной души» [6, с. 125].

В том же русле идеализации ценностей рассуждают представители Баденской философской школы неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт.

В. Виндельбанд продолжает развивать идею Канта и Лотце о необходимости обнаружения бытия ценностей вне эмпирической действительности. Рассуждая о природе ценностей, ученый исходит из разделения всех представлений людей на суждения и оценки. Если суждения направлены на расширение знаний субъекта о познаваемом объекте, то оценки ничего к сущности предмета не добавляют, а лишь отражают чувство одобрения или неодобрения субъектом предмета представления. При этом не любая оценка, осуществляемая субъектом, может претендовать на статус ценности. Признавая оценки людей проявлениями их психической жизни, и соответственно эмпирическими фактами, Виндельбанд ценностями считает только те оценки, которые имеют «абсолютное значение, даже если они фактически не пользовались всеобщим признанием или никем не признавались» [1, с. 46].

В концепции Г. Риккерта бытие ценностей существует как вне объектов познания (окружающей действительности), так и вне субъекта познания. Он различает объект оценки, акт оценки и сами ценности [9]. В отличие от Виндельбанда, Риккерт не признает в ценности характер нормы и долженствования. Ценность становится нормой, когда начинает относиться к субъекту познания, его воле. Однако ценность не относится к имманентному миру познающего субъекта, а обладает самостоятельным трансцендентным характером. Трансцендентный характер ценности выражается в ее «самодавении» [4, с. 56], которое размывается при присовокуплении к характеристике ценности качества долженствования. Противопоставляя ценности объективной действительности, Риккерт отмечает, что в отношении ценности не может ставиться вопрос о том, существует она или нет. Ценности только могут иметь или не иметь какого-либо значения. Проблема ценностей – есть проблема их значимости (*gelten*) [5, с. 54].

Восприятие ценности как трансцендентного явления таит в себе определенную опасность. Придание ценности в высшей степени идеалистического, абсолютного характера способно сформировать представление о недостижимости ценности всеми людьми (мир ценностей могут открыть только лишь некоторые). Это, с одной стороны, может привести к излишнему пессимизму, отчуждению личности (в конечном счете к отрицанию ценностей как недостижимых сущностей). С другой стороны, сакрализация ценностей может привести к тому, что властвующий субъект, осуществляющий управление обществом, может монополизировать право на их воспроизводство, под видом ценностей преподносить обществу свои интересы. Еще С. Франк отмечал, что «подлинная и глубочайшая предпосылка деспотизма лежит в идее непогрешимости, в своеобразном, по существу мистическом, сознании обладания абсолютной истиной» [10, с. 146]. По мнению В. В. Ильина, с точки зрения праксиологии идеализация ценностей способна породить насилие, «сочленение должного с сущим через террор, разрушение «практического гуманизма». Ученый отмечает, что «абсо-

лютизм, морализм в толковании ценностей нетерпим; состоятельное отношение к ценностям обуславливается их подчинением человечности. Исток ценностей – не разум, а жизнь и ее потребности» [2, с. 11].

Материалистическая объяснительная модель акцентирует внимание на объектах ценностей. Ценностями обозначаются некие свойства предметов. Продолжая традиции Девазантти, Локка, Гоббса и других мыслителей эпохи Просвещения, ряд современных исследователей сводит понимание ценности к свойству полезности, «благости» предметов материальных и духовных. В. П. Тугаринов дает следующее определение: «Ценности суть те явления (или стороны явлений) природы и общества, которые являются благами жизни и культуры людей определенного общества или класса в качестве действительности или идеала» [8, с. 3]. Е. А. Яблокова под ценностями понимает «свойство предметов, явлений, действий, мыслей, поступков, в которых проявляется их значение для общества в целом или для отдельных социальных групп» [7].

Н. Неновски определяет объективный характер ценности двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что свойства предмета, позволяющие человеку удовлетворять свои потребности, существуют по отношению к человеку объективно; во-вторых, тем, что сами потребности человека материально (социально) обусловлены [3, с. 26].

Однако сведение ценностей к потребностям вряд ли оправданно. Потребности и интересы могут быть детерминированы объективными психофизиологическими особенностями. Как правило, их удовлетворение на время или окончательно приглушает психофизиологические реакции человека по обладанию тем или иными объектом. Когда же речь идет о ценности объекта для человека интенциональность поведения субъекта совершенно иная: субъект стремится не к обладанию объектом, не к причащению к нему, а к выстраиванию своей жизнедеятельности в соответствии с теми свойствами объекта, которые сам субъект в объект вложил, придав им смысл.

Ни идеалистическая, ни материалистическая объяснительные модели не раскрывают в полной мере механизм ценностного восприятия, формирования ценностей. С одной стороны, разговор о ценностях всегда заходит, когда имеется неудовлетворенность сущим. И в этом смысле ценности с точки зрения своего генезиса материальны. С другой стороны, содержательное, смысловое наполнение ценностей всегда имеет идеалистический характер. Хотя материализм исходит из того, что человеческое мышление обладает функцией отражения окружающей действительности, однако в нем (мышлении) скрыто немало

творческого, креативного потенциала. В таком контексте ценностное долженствование отличается от долженствования, присущего правовой норме. Правовые нормы и правовые ценности находятся на различных уровнях правового бытия. Если правовые нормы и с точки зрения генезиса, и с точки зрения конечной цели материальны, то правовые ценности материальны только с точки зрения своего генезиса. Идеалистический характер ценности, ее в определенной степени не достижимый характер в некотором роде и придают ей устойчивый, системообразующий характер.

Список литературы:

1. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история / пер. с нем. М. : Юрист, 1995.
2. Ильин В. В. Аксиология. М. : Изд-во МГУ, 2005.
3. Неновски Н. Право и ценности / пер. с болг. ; вступит. ст. и пер. В. М. Сафронова; под ред. В. Д. Зорькина. М. : Прогресс, 1987.
4. Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии. Сборник 7. Теория познания III. СПб. : Изд-во «Образование», 1913.
5. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. Спб., 1911.
6. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина. М. : Республика, 1994.
7. Теоретическая и прикладная социальная психология. М. : Мысль, 1988.
8. Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры. Л. : Тип. ЛОЛГУ, 1960.
9. Федоров В. А., Благова С. А. Эволюция понятия «ценность» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Философия». – 2016. – № 1. – С. 131.
10. Франк С. Л. Философия и жизнь (этюды и наброски по философии культуры). Спб. : Издание Д. Е. Жуковского, 1910.
11. Цинцадзе Н. С. Концептуальные аспекты аксиологической теории права // Вестник Тамбовского университета. Серия: «Гуманитарные науки». – 2013. – № 5. – С. 251–259.

Барсукова В. Н.¹,

доцент кафедры гражданского процесса

Саратовской государственной юридической академии,

кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕСЕЧЕНИЯ НАРУШЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА КАК СПОСОБА ИХ ЗАЩИТЫ

Честь и достоинство человека представляют собой важнейшую социально-правовую ценность, утверждение и всесторонняя защита которой являются фундаментом, на котором зиждется современное общество. Рассмотрением вопросов, касающихся способов защиты указанных благ, занимались многие известные ученые современности и прошлых лет как в области общей теории права, так и в сфере отраслевых наук (прежде всего, в области гражданского права) [1–6, 8–10, 12–13]. И, тем не менее, сегодня, как никогда, актуально стоит вопрос о необходимости разработки новых современных способов защиты чести и достоинства и повышении эффективности уже существующих. Исходя из содержания ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), к числу способов защиты чести и достоинства личности относятся восстановление нарушенного права и пресечение его дальнейшего нарушения. В рамках способа восстановления нарушенного права на честь и достоинство применяются такие его разновидности, как опровержение, опубликование ответа (комментария, реплики), возмещение убытков, компенсация морального вреда. Применение такого способа, как пресечение дальнейшего нарушения права на честь и достоинство, актуально в том случае, если имеет место многократное его нарушение либо угроза его нарушения и в основном направлено на удаление несоответствующей действительности, порочащей информации и запрещение дальнейшего ее распространения, в случае, если к ней получил доступ максимально широкий неопределенный круг лиц. Данный способ защиты чести и достоинства является относительно новым, он появился в связи с принятием Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», посредством которого ст. 152 ГК РФ была изложена в новой редакции.

Реализация рассматриваемого способа различается в зависимости от того, каким образом была распространена информация. *Так, если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, были распространены любым возможным способом, исключая сеть «Интернет», то гражданин может требовать удаления соответствующей информации, при этом он теряет право на опровержение, поскольку оно в силу широты распространения информации утрачивает свою актуальность.* Способы удаления информации разнообразны и зависят от того, каким образом информация была распространена. Если она с некоторой периодичностью транслируется по телевидению

¹ © Барсукова В. Н., 2020.

или по радио (в новостных программах, специальных репортажах и т. п.), то она должна быть исключена из эфира. Если информация распространена в печатных средствах массовой информации (далее – СМИ), то данным СМИ запрещается дальнейшее распространение соответствующей информации в печати. Если сведения распространены посредством неких материальных носителей (книг, брошюр, печатных СМИ, листовок, дисков, флэш-карт и т. п.), то удаление сведений реализуется путем изъятия указанных носителей из гражданского оборота. Если удалить такую информацию без уничтожения материального носителя невозможно, то закон предусматривает возможность *их изъятия и уничтожения без какой бы то ни было компенсации*. Обязанность доказывания необходимости уничтожения носителей информации лежит на истце. *Если же порочащие, несоответствующие действительности сведения оказались доступными в сети Интернет, то лицо, о котором они были распространены вправе предъявить требование не только об их удалении, но и об опровержении способом, обеспечивающим его доведение до пользователей сети «Интернет»*.

Обозначенный способ объективно необходим. На практике [11, п. 23] он применялся еще до принятия указанного выше Федерального закона. Его появление обусловлено широким распространением электронных СМИ, а также интернет-ресурсов, которые хоть и не зарегистрированы в качестве СМИ, но по широте охвата аудитории их деятельность вполне сопоставима со СМИ. Особенностью последних является то, что они обеспечивают доступ к информации неопределенному кругу лиц, а также возможность анонимного их использования. При этом режим защиты чести и достоинства, предусмотренный для случаев, когда информация распространена СМИ, для них не применим. Все это создает благоприятные условия для различного рода злоупотреблений правом на информацию, особенно при отсутствии достаточного инструментария для их пресечения. Несмотря на всю прогрессивность данного способа защиты, на практике возник ряд вопросов относительного его применения. В первую очередь они касались ситуации, когда порочащая, несоответствующая действительности информация распространена анонимно. А, кроме того, изначально в законе не был прописан механизм применения рассматриваемого способа. В связи с этим государством был предпринят ряд мер.

Первая мера была реализована Конституционным Судом Российской Федерации, который дал ряд ценных разъяснений [7, пункты 1, 5 и 6 ст. 152]. Он указал, что субъекты, не зарегистрированные в качестве СМИ, предоставляющие интернет-услуги, не несут ответственность за информацию, которая размещена с помощью их ресурсов другими лицами, за исключением случаев внесения ими изменений в данную информацию либо отказа выполнить судебное решение об удалении соответствующего контента при условии, что они имеют возможность это сделать. Ответственность в данном случае лежит на правонарушителе, т. е. на лице, которое умышленно распространило порочащую информацию. Относительно случаев анонимного распространения информации с помощью интернет-ресурса Конституционный Суд Российской Федерации высказал позицию, согласно которой обозначенный факт не должен служить основанием к отказу потерпевшему в защите. В данной ситуации

владелец сайта или уполномоченное им лицо (администратор сайта), которое ответственно за размещение информации на нем, обязаны по заявлению потерпевшего удалить порочащие его сведения, при условии предоставления им решения суда, в соответствии с которым они были признаны несоответствующими действительности.

Вторая мера, которую предприняло государство, в целях повышения эффективности применения такого способа защиты чести и достоинства, как удаление порочащей информации, является принятие Федерального закона № 102-ФЗ от 23 апреля 2018 г., направленного на совершенствование механизма блокировки сайтов-источников распространения порочащей несоответствующей действительности информации. В целях ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, создается единая автоматизированная информационная система «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. Одним из оснований включения в указанный реестр в связи с внесенными изменениями является постановление судебного пристава-исполнителя, посредством которого осуществляется ограничение доступа к порочащей чести и достоинство информации, распространяемой в сети «Интернет». При этом Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» был дополнен статьей об особенностях исполнения требования об удалении из сети «Интернет» информации, порочащей честь, достоинство или деловую репутацию гражданина.

Наконец, в качестве *третьей меры*, способствующей повышению уровня эффективности применения такого способа защиты чести и достоинства личности, как удаление порочащей информации и запрещение ее дальнейшего распространения, является принятие Федерального закона от 2 октября 2018 г. № 348-ФЗ, посредством которого были внесены изменения в ст. 315 УК РФ, ужесточающие ответственность за неисполнение судебного решения. Согласно данным изменениям злостное неисполнение вступившего в законную силу решения суда, а равно воспрепятствование его исполнению лицом, подвергнутым административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 17.15 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, совершенное в отношении того же судебного акта наказывается, в том числе, лишением свободы.

Таким образом, на сегодняшний день государством сделано достаточно много для оптимизации рассматриваемого способа защиты чести и достоинства личности. Тем не менее, спорные вопросы и неясности по-прежнему имеют место быть.

Список литературы:

1. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М. : Норма, 2013.
2. Анисимов А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация под защитой закона. М. : Норма, 2004.

3. Безлепкии В. Т. Судебная защита чести и достоинства граждан в охранительных отношениях // Правоведение. – 1990. – № 1.
4. Белявский А. В., Придворов Н. А. Охрана чести и достоинства личности в СССР. М., 1971.
5. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М., 2009.
6. Власов А. А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М., 2000.
7. Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П // Российская газета. – 2013. – Федеральный выпуск. – № 132 (5211).
8. Ермолова О. Н. Нематериальные блага личности в гражданском праве Российской Федерации. Саратов, 2009.
9. Малахов В. П., Горшенева И. А., Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2010.
10. Малеина М. Н. Защита личных неимущественных прав советских граждан. М., 1991.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2010 г. №16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Российская газета. – 2013. – № 132 (5211).
12. Рудинский Ф. М. Достоинство и права личности в истории общественной мысли // Наука прав человека и конституционное право. М., 2006.
13. Седов В. М. Условия и способы гражданско-правовой защиты чести, достоинства и деловой репутации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Васечко А. А.¹,

доцент кафедры философии

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ДИАЛЕКТИЧЕСКАЯ ОСНОВА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Весь мир проходит сейчас через переломный период, и потребность в осознании современных мировых процессов сегодня является весьма актуальной. Сохраняется понимание того, что необходимо использовать все имеющиеся средства мирного развития, поэтому внимание всего мирового сообщества приковано к проблеме реализации норм международного права. Состояние и дальнейшие пути развития международного права являются предметом непрекращающихся дискуссий в международно-правовой доктрине и международной общественности. Многочисленные попытки изменить установленный мировой порядок приводят к обрушению всей архитектуры международных отношений. Именно поэтому сегодня крайне важным является понимание сущности, природы международного права [1, с. 25].

История международного права непосредственно связана с развитием государств и отношений между ними и берет свое начало еще со времен Античности. Истинным же «отцом» международного права считается Гуго Гроций, заложивший его основы и принципы в своем труде «О праве войны и мира». В XVIII в. на фоне противоборства двух основных начал в юриспруденции – естественно-правового и позитивного – появляются три основных направления в понимании международного права – позитивное, философское направление, считающее явление международного права, скорее, философским, нежели юридическим, и гроцианское, сочетающее философские идеи школы естественного права с изучением позитивной международно-правовой практики. Каждое из них внесло свой вклад в становление этого многогранного явления. Например, благодаря позитивному направлению, получившему свой расцвет в XIX–XX вв., появился термин «международное право», под которым понималась совокупность существующих международных принципов и норм, регулирующих межгосударственные отношения, а также отношения между иными субъектами международного общения как межгосударственные отношения, обладающие публичностью, в которых государства выступают как политические образования, устанавливающие нормативы. Определен круг его источников, объекты регулирования, субъекты международных правоотношений; международное право стало восприниматься как отдельная рационально – построенная правовая система, удовлетворяющая минимальным модальным деонтическим требованиям: непротиворечивости, сбалансированности и полноты. В самом простом виде непротиворечивость понимается, как отсутствие противоречий между отдельными утверждениями и следование основным формально-логическим законам. Они помогают избежать двойственности и неоднозначности употребляемых выражений, нечеткости, неясности формулировок,

¹ © Васечко А. А., 2020.

что в противном случае приводит к правовым коллизиям. Противоречия, возникающие при нарушении основных законов логики и встречающиеся в юридических текстах, в том числе в международных документах, предполагают расхождения между отдельными положениями нормативного правового акта, равно как и расхождения между отдельными нормативно правовыми актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения и возникающие в результате правоприменения. В более широком смысле непротиворечивость предполагает еще и строгое логическое следование, т. е. логическую обоснованность. Таким образом, речь в данном случае идет о логической правильности и корректности, согласованности знаний между собой, внутренней непротиворечивости и системной упорядоченности. Однако отсутствие противоречий внутри самой правовой системы вовсе не означает их отсутствие в соотношении с объективной действительностью. Здесь возникает вопрос о согласовании между собой требований о непротиворечивости формы права с положениями о противоречивой природе права.

Несомненно, право – это явление не только формальное, но и философское и изучать его следует философски. Это высказывание в полной мере применимо и к феномену международного права, философия при этом выступает методологической основой. К анализу феномена международного права применимы и метафизический и диалектический методы. С точки зрения диалектического подхода к праву источником его саморазвития как раз и являются необходимые и присущие ему противоречия. Все более нарастают антагонистические начала в системе современного международного права. Противоречия эти касаются не столько формально-юридических моментов (к примеру, вопросы механизма реализации международно-правовых норм во внутреннем законодательстве уходят на второй план), сколько содержательных, идейных аспектов.

Какова же природа международного права, в чем его ценность, какие идеи оно несет человечеству?

Какой-либо односторонний подход к пониманию международного права при ответе на данный вопрос недопустим [4, с. 228–237]. Необходимо принять во внимание, что основные цели и задачи международного права по стабилизации межгосударственных отношений и сохранению международной безопасности [6, с. 159–162] реализуются сегодня в новых условиях. Международное право и мировая цивилизация вступили в качественно новый этап развития. И для того чтобы международное право продолжало функционировать, необходимо прибегать к его более широкой трактовке, поднимать вопросы не только позитивации международного права, но и вопросы о его природе, идеях, ценностях, что способствовало бы более глубокому пониманию его предназначения в современном мире. Познание философской составляющей международного права полезно для выявления истоков, выработки системы оценки и определения вектора развития позитивного права.

Научное обоснование философия международного права получила в работах Шугурова М. В., Кузьмина Э. Л. и других. В философской и юридической доктрине философия международного права понимается как интегральная характеристика идейного и ценностного комплекса международного права, субстратом которого является международно-правовое сознание [3, с. 35–40]. Дан-

ная наука имеет в большей степени прикладной характер, поскольку содействует лучшему пониманию сложной и противоречивой системы международного права.

С уверенностью можно говорить о том, что согласительная природа международного права существенно отличает его от внутригосударственного права и определяет его основные идеи и общечеловеческую ценность. Международное право отвечает своей сущности и является поистине действенным только в том случае, если отражает интересы всех и каждого из участвующих в нем субъектов. Согласованность при этом означает отсутствие противоречий в интересах его субъектов. На деле же, из всего массива международно-правовых норм только незначительная часть удовлетворяет интересы максимального количества участников международных отношений. Нет ни одного международного документа, который был бы подписан всеми участниками международных отношений, что свидетельствует о наличии противоречий в интересах и взглядах его участников. Будучи все более подверженным политическому влиянию отдельных государств, можно говорить об утрате международным правом своей истинной согласительной природы. Сегодня международные отношения все чаще строятся не на основе доверия и согласия, а на основе силы. Это приводит к обострению проблемы гармоничного сочетания национальных интересов и интересов мирового сообщества, развитию политики двойных стандартов. Все чаще наблюдаются коллизии между нормами и принципами международного права и принципом национального суверенитета: принципами уважения прав человека и невмешательством во внутренние дела государства, правом на самоопределение народов и территориальной целостностью, что создает непосредственную угрозу цивилизационному суверенитету государств [8], в том числе и России. Можно констатировать, что современное международное право сталкивается со значительным количеством вызовов и угроз, которые требуют адекватного реагирования, и, возможно, даже изменения существующей международно-правовой парадигмы [5].

Антагонистические начала в праве тем сильнее, чем общество ближе к новому этапу развития. Это выражается в наличие противоречий как между средой и законом, так и в коллизиях в самом законодательстве в переходный период. Предполагается, что международное право сегодня также находится на новом этапе развития, что вызывает необходимость пересмотра взаимоотношений двух разных правовых систем: международной и внутригосударственной.

В сфере международного права можно привести примеры действия и другого гегелевского закона – накопление количественных изменений обеспечивает их дальнейший переход в новое качественное состояние. Феномен войны является, пожалуй, самым постоянным за всю историю человечества [2, с. 24]. Как это ни печально, но способы ее ведения, знания, умения и навыки в области военного искусства постоянно совершенствуются, не меняя ее внутреннего содержания [7, с. 185–189]. До XX в. речь шла, как правило, о войне как вооруженном столкновении. С появлением ядерного оружия в XX в. произошла смена парадигм вооруженной войны. XXI в. вынудил отойти от традиционного понимания сущности и правил ведения войны и предложил оценивать это явление с точки зрения многообразия форм. Можно сказать, что сегодня произошла

очередная смена парадигм, открытое вооруженное противостояние уже давно не является определяющим показателем военного столкновения между государствами. Все происходящее сегодня на международной арене корректнее назвать идеологическим противостоянием, хотя по своей сути это война. В этой связи можно отметить и постепенное качественное изменение мирового сообщества. Международное право, изначально рассматривавшее войны как естественное продолжение политики, после Первой мировой войны подвело человечество к осознанию человечеством неприемлемости вооруженных сил как средства разрешения международных споров. Вторая мировая война подтолкнула не только к постановке полного исключения войны из жизни общества, но и разработки механизмов поддержания мира и безопасности, что стало главным достижением человечества XX в. Сегодня мировое сообщества все еще находится на пути выработки средств к мирному сосуществованию. Как мы видим, международное право образует не только юридические нормы и принципы. В основу многих базовых принципов международного права легли нравственные ориентиры. Сама система международного права обеспечивает гармонию между духовностью, нравственностью и правом. В основе международного права должны лежать не только национальные интересы, но, прежде всего, категорический императив, являющийся условием гуманистической ориентации, развития и совершенствования любого соглашения. Несомненно, международное право имеет в своей основе философскую природу, познание которой в настоящее время считается крайне необходимым.

Список литературы:

1. Васечко А. А. К вопросу о философской природе международного права // Философские исследования и современность. Вып. 8. М. : ИПЛ, 2019. С. 25.
2. Васечко А. А. Современные способы ведения войны // Философские исследования и современность. М., 2018. С. 24.
3. Галанина Н. В. Цивилизация как основная форма устройства современного социального организма // Философские исследования и современность. Вып. 7. М., 2018. С. 35–40.
4. Медушевская Н. Ф. К проблеме синтеза естественного и позитивного права: эволюция взглядов // Философские исследования и современность. Вып. 5. М., 2016. С. 228–237.
5. Сазонова К. Международное право в меняющемся мире: вчера, сегодня, завтра // igsu.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://pa-journal.igsu.ru/articles/r84/1895>.
6. Стрелкова Н. В. Безопасность человека и общества: духовность, нравственность, право // Философские исследования и современность. Вып. 7. М., 2018. С. 159–162.
7. Фролова Т.Н. Информационно-психологические войны: современный формат // Философские исследования и современность. Вып. 7. М., 2018. С. 185–189.
8. Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии / С. Р. Аблеев и др. М., 2018.

Сидоров С. Г.¹,

доцент кафедры гражданского права

Уральского государственного экономического университета,

кандидат педагогических наук;

Бараковских С. А.²,

преподаватель кафедры административного права

и административной деятельности органов внутренних дел

Уральского юридического института МВД России

ЮРИДИЧЕСКАЯ ДЕОНТОЛОГИЯ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ БУДУЩЕГО ЮРИСТА

Актуализация социально-политических требований к квалификации специалистов-правоведов, упорядочивание общественных процессов и необходимость их юридического сопровождения обуславливают важность вопроса качества юридического образования. Более того, исходя из смысла и духа ст. 2 Федерального закона № 273 «Об образовании» – задача высшей школы состоит не только в том, чтобы обучающиеся приобрели глубокие знания в области юриспруденции, но также в их формировании как настоящих юристов и правоведов с высокой общей и профессиональной культурой, истинных гуманистов, сознательно принимающих обоснованные решения и берущих ответственность за свои деяния. В современных условиях государственной службы и надзорной деятельности приоритет получают не закостеневшие знания нормативно-правовой базы (законодательство постоянно развивается и регулярно обновляется), но правильный профессиональный этический фундамент, нравственный стандарт компетентного дипломированного юриста, способного к дальнейшему обучению и адаптации в быстро изменяющихся условиях профессиональной деятельности.

Образование, как известно, является «единым целенаправленным процессом воспитания и обучения» [10, п. 1 ст. 2]. Стратегические ориентиры воспитания сформулированы Президентом Российской Федерации В. В. Путиным: «Формирование гармоничной личности, воспитание гражданина России – зрелого, ответственного человека, в котором сочетается любовь к большой и малой родине, общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, которые живут рядом». Регулирование процесса воспитания студентов вуза реализуется отчасти посредством федеральной Стратегией развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [8], Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года [7], а также государственными программами патриотической направленности, всероссийских военно-спортивных и патриотических игр «Победа», «Зарница» и другими нормативными актами. Основные концептуальные положения и требования профессионального стандарта юриста, их формализация в виде конкретного документа также требует своего завершения.

¹ © Сидоров С. Г., 2020.

² © Бараковских С. А., 2020.

Можно утверждать, что федеральный государственный концепт воспитательной работы обучающихся находится в процессе своего организационного и нормативного становления. Другими словами, педагогические и организационные вопросы внеучебной деятельности: кого, для чего и к чему готовить, как воспитывать, какой тип абитуриента должен соответствовать будущей профессиональной деятельности, какие качества у него формировать и какие идеалы и ценности вкладывать, полагаем, требуют своего дальнейшего практического исследования и обсуждения. В этой связи очень интересен опыт юридической деонтологии (И. Бентам, А. М. Айзенберг, В. Г. Сокуренок, В. М. Горшенев и др.).

Нравственно-этическим вопросам и педагогической проблематике подготовки обучающихся юридического вуза: кого учить, чему учить, как учить – было посвящено достаточно много работ и исследований. Более сорока лет назад, в 1976 г., профессор Алексеев С. С. и профессор Яковлев В. Ф. в своей статье «О модели юриста и обучении в юридических вузах» [1; 6] указывали на проблему целеполагания и организации процесса подготовки советского юриста. Мэтры предложили не только общие требования и показатели к модели юриста, относящиеся к его «политическому, нравственному, общекультурному облику», но выделили и «специализированные качества, которыми должен обладать юрист на том или ином участке». В частности, для прокурорского работника необходим «универсализм в юридических знаниях, умение проводить крупномасштабную организаторскую работу, правильно строить контакты на организационном и руководящем уровне, а также – искусство устной речи и др.».

Рассмотрим профессиональную структуру личности успешного прокурорского работника более подробно. В эту структуру входит система личностных качеств, способностей и компетенций, которые обуславливают профессиональный успех прокурора. По результатам исследований проведенных Романовым В. В. и Крозом М. В., была разработана групповая профессиограмма труда прокурорско-следственных работников органов прокуратуры [9]. Авторы обратили особое внимание на следующие содержательные характеристики: властный и обязательный характер полномочий следователя/прокурора, ненормированный рабочий день, процессуальная самостоятельность, строгая правовая регламентация всех действий, персональная ответственность прокурорского работника, его физическая и психическая перегрузка, высокая экстремальность деятельности в условиях конфликтных ситуаций и влияние различных стрессогенных факторов.

По результатам профессиографического анализа были выделены пять основных факторов профессиональной пригодности:

I фактор – социальной (профессиональной) адаптации, тесно связанный с высоким уровнем социализации личности, нормативностью поведения работника прокуратуры, его исполнительности и дисциплинированностью.

II фактор – познавательной (когнитивной) активности, продуктивности мышления предусматривающий широкий кругозор, аналитический склад ума, прогностические способности и умение выделить главное.

III фактор – нервно-психической (эмоциональной) устойчивости личности, связанный со способностью противостоять длительным психофизическим

перегрузкам и стресс-воздействиям, сохраняя при этом высокий уровень самоконтроля над своим эмоциональным поведением.

IV фактор – коммуникативной компетенции сотрудника прокуратуры, подразумевающий его способность понимать внутренний мир собеседника, его психологические особенности и мотивы поведения.

V фактор – организаторских способностей, инициативность, находчивость и распорядительность работника надзорного ведомства, планомерность его работы.

Несомненно, что помимо выделенных факторов необходимо учитывать уровень профессионального правосознания в правоохранительной деятельности и мотивационную составляющую прокурорских работников: ее направленность, структуру и приоритетность мотивов и побуждений, их социальную либо индивидуальную ориентированность [3].

Можно согласиться, что выделение такой модели деятельности является некоторой условностью. Однако такой материал, как разделение на блоки психологической модели, номенклатура основных факторов профессиональной пригодности, включающих и комплексы профессионально значимых психофизических качеств, может служить уже началом целеполагания и фактологической основой для начала планирования внеучебной деятельности юридического вуза, в том числе и знакомство обучающихся с профессиональным этическим кодексом и привитие основ служебного этикета. Безусловно, от деонтологии поведения обучающегося юриста важно перейти к обеспечению системного взаимодействия с представителями государственного заказчика: кадровыми отделами прокуратур, следствия, судебных органов, МВД. В первую очередь для дальнейших академических и прикладных исследований по анализу итогов первых аттестаций выпускников вуза на соответствие занимаемой должности в правоохранительных органах.

Вернемся снова к определению профессионально важных и значимых личностных качеств юриста с точки зрения как общей этики, так и ее профессиональной составляющей. Современные образовательные госстандарты особое внимание уделяют главному фактору успешности выпускников вузов: это освоенные компетенции на основе личностных качеств будущего специалиста. Безусловно, юридическая практика имеет свои отличительные особенности, обусловленные в первую очередь ее нравственным и социальным положением, а также общественно значимыми последствиями принятых решений. В профессиональных этических кодексах прокурора, судьи, адвоката, нотариуса и др. указываются многие важные для реализации профессиональных полномочий качества личности юриста, такие как честность, патриотизм, справедливость, смелость, организованность и т. д. Например, в Приложении № 2 к приказу Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 17 марта 2010 г. № 114 прямо указываются четыре блока профессионально важных психологических свойств и качеств субъекта: морально-нравственные качества и мотивационные характеристики работника прокуратуры; развитые познавательные способности; эмоционально-волевою устойчивостью; развитые коммуникативные способности. ФГОС 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность» также прямо указывает важность «способность соблюдать требования к служебному поведе-

нию» и «способность осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры».

В этой связи весьма интересно выявить ядро или первоисточник всех нравственных качеств личности профессионала-юриста, обуславливающих приложение других качеств. Возьмем на себя смелость утверждать, что и в современных условиях таким базовым и фундаментальным качеством для юриста является чувство долга, на основании которого личность профессионала способна к нравственному и профессиональному самоконтролю. Более того, чувство долга можно рассматривать в качестве комплексного, координирующего свойства личности при разрешении противоречий между моралью и правом при принятии законных, мотивированных и обоснованных решений.

Можно утверждать, что условием цельного формирования личности обучающегося, как будущего специалиста-правоведа, выступает принятие им системы нравственного, морально-этического и профессионального стандарта поведения в *alma mater*, включая базовые основы служебного этикета юриста. Содержание норм поведения должно быть наполнено основными принципами и положениями гражданского, патриотического и профессионального воспитания, принятых в вузе. Привитие первичных навыков служебного этикета в поведении студентов обусловлено, *a priori*, совокупностью писанных и неписанных требований по форме и порядку, исполнению своих обязательств (как внутренних – мотивационных, так и внешне формализованных в Правилах внутреннего распорядка) в образовательной деятельности, научно-исследовательской работе, так и внеучебной сфере. Подобная деонтология поведения студента нацелена на стимулирование самовоспитания и саморегуляции, самообучения и саморазвития вплоть до формирования индивидуальной траектории профессионального роста. В этой связи содержание внутреннего императива деонтологии обучающегося заключается в том, что это является самостоятельным и добровольно принятым решением, обуславливающим его реальное поведение и выработке определенной позиции как будущего юриста. Руководствуясь этим внутренним императивом, молодой человек сам себе ставит цель, которая в то же время является ее внутренним долгом. Полагаем, что здесь нет противоречия, поскольку личность сама себя обязывает, не нарушая при этом свою внутреннюю свободу и проявляя свободу разумной воли. Иными словами, самостоятельно использует право выбора вектора поведения в пределах существующего социального нормирования и принятого «обычая делового оборота» в конкретной образовательной среде вуза и будущей юридической деятельности.

Практическое значение юридической деонтологии состоит как раз в том в том, что она создает основные морально-правовые ценности юридической деятельности и службы, формирует их нравственную основу в деле обеспечения защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, при осуществлении правосудия, исполнения прокурорских функций, выполнения следственной работы, правовой защиты интересов доверителей, а также других видов правовой деятельности. Кроме того, особенность реализации кодекса профессионального поведения юриста состоит в том, что юриспруденция рассматривается не только сквозь призму юридической деятельности, но деятельности юриста как человека и личности. Юрист ежедневно сталкивается с необходи-

мостью разрешения споров и практики правоприменения, за которыми всегда стоят интересы конкретных людей и организаций с их личной, служебной или корпоративной репутацией. Принятие законных, справедливых, мотивированных и обоснованных решений требует от юриста большого напряжения моральных сил, концентрации знаний и опыта, а также глубокого понимания степени нравственной ответственности перед человеком и обществом [2; 4; 6].

Список литературы:

1. Алексеев С. С., Яковлев В. Ф. О модели юриста и обучении в юридических вузах / С. С. Алексеев, В. Ф. Яковлев // Правоведение. – 1976. – № 4. – С. 73–81.

2. Клименко А. И., Соловьев Л. А. Возможности трансформации государства и права в свете информационно-идеологических тенденций развития современного общества: проблемы юридической футурологии // Вестник Академии права и управления. – 2010. – № 20. – С. 13–19.

3. Кобец А. В. Психологическая модель правоприменительной деятельности работников природоохранной прокуратуры // Психология, социология и педагогика. – 2014. – № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://psychology.snauka.ru/2014/08/3542>.

4. Кобликов А. С. Юридическая этика : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. С. Кобликов. – 3-е изд., изм. М. : Норма: ИНФРА-М, 2018.

5. Малахов В. П. Формальная логика. М., 2001; Малахов В. П. Право в контексте форм общественного сознания. Принцип правопонимания. М., 2015.

6. Малахов В. П., Горшенева И. А., Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2010.

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. №2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Романов В. В., Кроз М. В. Психологическая оценка при профессиональном отборе кадров для прокуратуры (современное состояние и перспективы) // Вопросы психологии. – 1994. – № 3. – С. 94–105.

10. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Алексеева Л. А.¹,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова,

кандидат юридических наук

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Демократия является словом греческого происхождения *δημοκρατία* – власть народа или народовластие, от *δῆμος* – народ и *κράτος* – власть, появление которой связывают с крупнейшим древнегреческим полисом Афинами. Афинский полис за всю историю существования сменил практически все возможные режимы власти: монархию, аристократию, олигархию, тимократию, тиранию и демократию. Особенность афинских режимов заключалась в их смешанности, поскольку в абсолютной форме ни один из них не существовал. В юридической литературе, посвященной истории становления демократии, отмечается, что и она может проявляться в умеренных либо радикальных своих формах.

С точки зрения древних греков, установление демократии возможно при соблюдении ряда условий, которые гарантируют соблюдение главного демократического принципа всеобщего блага [8, с. 686]: сходство интересов граждан; однородность гражданского сообщества (экономическая, культурная, языковая, религиозная, этническая и пр.); малочисленность сообщества (не более 40–50 тыс. чел.); прямое участие граждан в собраниях; независимость полиса.

Параллельно с демократическим строем в древнегреческих полисах зарождалась и развивалась Римская республика, где изначально право управления было только у патрициев и аристократов, но позже и плебс добился возможности участвовать в управлении государством. Простолюдины (народные трибуны) имели право вето на решения, противоречащие интересам незнатных граждан. Как и в Древней Греции, такое право было только у мужчин. В Средние века человек не мыслил себя индивидуальностью, он существовал только в контексте принадлежности к сословию, поэтому демократические права и свободы, равенство не были актуальны. Никто не был абсолютно свободен – ни крестьянин, наиболее ограниченный в правах, ни дворянское сословие, бывшее в подчинении у высших чинов, ни даже король, который был вассалом самого Бога. О равенстве речь могла идти только в рамках своего сословия, поэтому можно говорить о некоторых принципах демократии в городских коммунах, ремесленных цехах, сельских общинах. Высшие сословия тоже должны были как-то договариваться, поэтому возникали Боярская дума или Земские соборы на Руси, Королевский совет во Франции, английский парламент, впервые созданный в 1265 г. [5, с. 24].

В Средние века воля народа выражалась на вече, иначе говоря, на общем городском собрании. Здесь обсуждались и принимались законы, решения по внешней и внутренней политике. Голосование было своеобразным – не по количеству голосов, а по мощности и громкости криков. В целом для политико-

¹ © Алексеева Л. А., 2020.

правовой мысли средневековья было свойственно более чем сдержанное отношение к демократии. Так, Фома Аквинский говорил о демократии как о власти где «несправедливое правление осуществляется многими. Это засилие народа, когда люди из простого народа подавляют богатых и весь народ выступает как один тиран» [2, с. 227].

С эпохой Возрождения и расцветом гуманизма произошел перелом в самосознании человека. Значительную роль в разрушении прежних, средневековых стереотипов сыграл Мартин Лютер и вызванное им движение Реформации [4]. Реформаторы выступали против жесткой иерархии церкви, пронизывающей все средневековое мироустройство, и призывали вернуться к «истокам» – демократическим идеалам раннего христианства, где все равны перед Богом.

Это подготовило почву для формирования основополагающей демократической идеи о неотчуждаемых (прирожденных, естественных) правах любого человека на жизнь, свободу и частную собственность.

Авангардом в модернизации политической жизни Нового времени считается Англия, где после революции 1688–1689 гг. началась эпоха конституционной монархии. Тогда был написан знаменитый Билль о правах, где ограничивалась власть монарха, который не имел права вмешиваться в парламентские процедуры, провозглашалась свобода слова парламентариев и свободные выборы.

Безусловно, что развитие демократии в разных странах шло по различным сценариям, но, в общем, в одном направлении. Почти одновременно после победы буржуазных революций были созданы первые конституции в США (1787 г.) и во Франции (1791 г.), в которых законодательно были закреплены основные права и свободы человека.

В современной действительности под демократией подразумевается такая форма режима, которая опирается на волеизъявление народа, признает власть народа, провозглашает принцип подчинения меньшинства большинству. Данный критерий, как основной критерий демократии, был сформулирован Й. Шумпетером в 1942 г. [5, с. 11].

В настоящее время демократия – это ориентир, которого должны придерживаться все страны в своем развитии [8, с. 687]. В фактическое содержание демократии включаются единство власти и народа, верховенство власти, ее полнота. Единство власти означает, что единственный ее источник – граждане страны. Основой единства власти выступает общая суверенная воля народа, которая включает в себя политические и общественные интересы. Проявление верховенства власти народа заключается в том, что именно людьми определяются основы конституционных отношений. Если вести речь о юридическом аспекте верховенства прав человека, то его сущность заключается в преобладании закона над иными правовыми актами. Полнота власти народа означает осуществление людьми имеющейся полной власти либо непосредственно, либо через представительные органы [1].

Непосредственная (прямая) демократия представляет собой систему, при которой все решения принимаются непосредственно самим народом через его прямое волеизъявление. Будет или не будет принято итоговое решение зависит от того, как проголосовало большинство граждан. Конституцией прямо закреплено, что высшее проявление власти народа реализуется через референдум и свободные

выборы. Референдум может иметь статус всероссийского, республиканского, местного и т. д. Помимо референдумов и свободных выборов к проявлениям непосредственной демократии относятся обсуждения гражданами наиболее важных вопросов государственной и общественной жизни на федеральном, региональном или местном уровне; общее собрание граждан по месту жительства или по месту работы; участие граждан в управлении предприятием, различных формах производственной деятельности; судебное разбирательство с участием присяжных; контроль за деятельностью граждан и их объединений в органах государственной власти и местного самоуправления, представителей и должностных лиц государственных органов; деятельность отдельных групп граждан, объединенных в политические партии, общественные организации, массовые движения и различные формы общественной деятельности (парламенты, комитеты и т. д.). Граждане имеют право выразить свою позицию в ходе публичных собраний, которыми в соответствии с действующим российским законодательством являются митинги, уличные шествия, демонстрации, пикеты и др.

Вместе с развитием демократии происходит и ее перерождение из прямой в представительную. При представительной демократии граждане делегируют право принятия решений избранным кандидатам. Население выбирает себе власть путем народных выборов, и уже потом избранная власть принимает на себя обязательства по управлению страной.

Представительная демократия является достаточно эффективным способом управления, но она не лишена недостатков, в числе которых бюрократия, популизм, коррупция и другие негативные проявления.

В юридической литературе выделяются характерные признаки демократического режима в современном мире [3; 6; 7]:

- выборность государственных органов власти, должностных лиц;
- ответственность избранных чиновников перед избирателями;
- гласность в работе властных структур;
- равноправие граждан;
- защита прав и свобод граждан;
- верховенство закона и равенство всех перед ним;
- плюрализм мнений и политических взглядов.

Устойчивость демократического режима связана с проведением социальной политики, учитывающей нужды широкого круга населения страны. Такая картина – крайне редкое явление в современном мире. Со времен существования древнегреческих полисов демократия склонна к трансформации в другие виды режимов, вплоть до диктатуры, более того, в современный юридический язык устойчиво вошел термин «фасадная демократия», когда режим направлен на обеспечение интересов олигархических группировок, мнение большинства перестает иметь какой-либо вес. В этой связи, бесспорно, что одного лишь предоставления гражданам демократических прав для того, чтобы выражать их волю и управлять государством недостаточно, необходимо, чтобы данные права реализовывались гражданами. Для этого требуется принятие активного участия гражданами как в политической, так и в социальной сфере, которое может находить свое проявление в выставлении своей кандидатуры в качестве члена представительного органа, в осуществлении своих избирательных прав, во

встречах с членами представительных органах власти, на которых последние отчитываются о своей деятельности, в создании объединений граждан для реализации и защиты своих интересов. Перечень таких возможностей по волеизъявлению граждан не является исчерпывающим. Важно обратить внимание на тот факт, что все возможности реализации гражданами демократических прав и свобод, позволяющих им, кроме всего прочего, принимать и участие в управлении государством, осуществлении властных полномочий, должны быть закреплены на конституционном и законодательном уровнях.

Таким образом, демократия считается сейчас идеалом развития общества и «как сложная форма отношения между властью и населением страны является уязвимой в трансформирующихся условиях, но тем не менее эффективной в высокоорганизованных, плюралистических социумах», она выступает лидирующим политическим режимом в мире, что не избавляет ее от глобальных проблем.

Возможность реализовывать свои права и свободы на основе равенства всех граждан, осуществлять в полной мере без каких-либо произвольных ограничений свои социальные, а также политические права и свободы позволяет проявлять свободу личности в демократическом обществе. И это очень важно в силу того, что именно личная свобода и выступает в качестве основы народного суверенитета.

Очевиден и тот факт, что любые формы демократии подлежат обязательной защите, для чего необходимо наличие соответствующих гарантий.

Список литературы:

1. Беляева О. В. Конституционное (государственное) право России : учебное пособие в вопросах и ответах. [Электронный ресурс]. Орел : ОрЮИ МВД России, 2012.

2. История политических и правовых учений : хрестоматия. Ч. 1 / сост. В. В. Ячевский. Воронеж : ВГУ, 2000.

3. Катомина В. А., Позднякова О. Е. Демократия как политический режим // В сб.: Актуальные проблемы современного конституционализма материалы II Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и молодых ученых. – 2017. – С. 112.

4. Линц Х., Степан А. Государственность, национализм и демократизация // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 5. – С. 11–12.

5. Лукин А. В. Возможна ли другая демократия? // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1.

6. Малахов В. П., Горшенева И. А., Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2010.

7. Сигалов К. Е. Методологические принципы познания среды права // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 13–16.

8. Стуколова Л. С., Шафиков В. У. Теоретические подходы к понятию «демократия» // Аллея науки. – 2017. – Т. 4. № 10.

Беляева О. В.¹,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова,

кандидат юридических наук, доцент

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ: В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ АСПЕКТЕ

Впервые в науку понятие «социальное государство» ввел Лоренц фон Штейн в 1850 г. Лоренц отмечал, что социальное государство «обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [2; 3].

Конституция России закрепила, что Российская Федерация является социальным государством, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этими последствиями являются обязанности государства по обеспечению достойных условий жизни и свободного развития человека. Отсюда вытекает необходимость разобраться, что такое достойные условия жизни и свободное развитие человека.

По мнению некоторых ученых-конституционалистов такое расплывчатое определение не позволяет в должной мере понять конечную цель, которую государство должно достигнуть. Понятие об этих положениях у всех весьма разное и может меняться время от времени. Так, например, для прежнего поколения достойными условиями жизни являлись наличие квартиры и возможность выхода на пенсию, тогда как для нового поколения понятие достойные условия жизни расширились – это гарантированный минимальный размер оплаты труда, поддержка семьи, инвалидов и пожилых граждан, система социальных служб, государственные пенсии, пособия и иные гарантии, которые призваны выполнить стоящую перед государством цель.

Данные положения выступают фундаментом социальной системы Российской Федерации, однако понятие достойных условий жизни меняется с течением времени, и обеспечение указанных гарантий не является достаточным, поэтому Конституция Российской Федерации расширяет настоящий перечень, добавляя в него новые положения.

К этим положениям, прежде всего, относятся ст.ст. 38, 39, 40, 41 и 43 Основного закона России.

Так, ст. 38 гласит, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, как видно из содержания данной нормы, она полностью повторяет содержание ст. 7, но, как и в случае с экономической системой, они закреплены в разных главах. Это обусловлено тем, что основы конституционного строя имеют важное и широкое значение, так как именно на их основе создава-

¹ © Беляева О. В., 2020.

лись последующие нормы. Это касается и ряда других статей, например, ст. 39. Она подробнее раскрывает положения об обеспечении отдельных категорий граждан, для которых это обеспечение является жизненно необходимым.

Отдельным лагерем от указанных статей стоят положения, которые не корреспондируют ст. 7 Основного закона, но, исходя из смысла социального государства, полностью совпадают с целями социальной системы. Речь идет о гарантиях на жилье, охрану здоровья и право на образование. Указанные положения выступают необходимыми факторами, исполнение которых является средством достижения достойных условий жизни человека.

Исходя из рассмотренных положений, можно выделить следующие принципы социальной системы: социальный гуманизм, всеобщность социального обеспечения, социальная нравственность экономической политики, социальная ответственность государства, сглаживание социального неравенства, учет региональных и федеральных интересов. Однако перечень не исчерпывается перечисленными принципами, динамика становления социальных функций и появления новых потребностей у людей заставляет государство оперативно реагировать на их возникновение. Необходимо отметить лишь тот факт, что данные принципы являются основополагающими, которые сохранились еще со времен фон Штейна, что в полной мере отражает социальную сущность государства.

Настоящим принципам корреспондируют функции социального государства, посредством которых государство реализует их. К таким функциям следует отнести следующие: социальное обеспечение, обеспечение доступного здравоохранения и образования, социальная защита, сглаживание социального неравенства, обеспечение занятости, предоставление социальных услуг.

Причем эти функции неразрывны и взаимосвязаны, так как в отличие от экономической системы, которая может в полной мере функционировать и развиваться самостоятельно, без участия государства, социальная система этим не располагает, это является прямой обязанностью государства, поэтому для полного понимания механизма социальной системы необходимо рассмотреть их совместно. Механизм функционирования социальной системы Российской Федерации социального представляет собой совокупность правовых форм осуществления функций и принципов социальной системы. Рассмотрим подробнее.

Так, одной из форм поддержки материнства, детства и семьи в Российской Федерации является материнский (семейный) капитал, который призван обеспечить улучшение жилищных условий, предоставление возможности получения высшего образования, а также интеграции и адаптации в общество детей-инвалидов либо повышения пенсионного обеспечения матери ребенка. Материнский капитал может быть использован лишь в установленных законом целях, к ним относятся: улучшение жилищных условий, получение образования ребенком, формирование накопительной пенсии для матери ребенка.

Данные положения регулируются Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей» [8]. Помимо того, что настоящий закон обеспечивает поддержку материнства и детства, вдобавок к этому он реализует сразу несколько функций социальной системы. Посредством материнского капитала удовлетворяются по-

требности в жилище, образовании, что является обязательным условием социального обеспечения.

В свою очередь, минимальный размер оплаты труда призван обеспечить сглаживание социального неравенства, установив предельную границу размера заработной платы. «Все профессии важны, все профессии нужны», но не все они хорошо оплачиваются, из-за чего возникает социальная пропасть между слоями населения, посредством принятия Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» [6] государство обеспечило заботу о тех гражданах, чья профессия не приносит большого дохода, но должна обеспечивать базовые потребности человека.

С 1 января 2019 г. минимальный размер оплаты труда составляет 11 280 рублей в месяц, а с 1 января 2020 г. составит 12 130 рублей в месяц [6], что является средством достижения целей социальной системы, установив нижний предел оплаты труда, государство обеспечило контроль в данной сфере жизни общества и государства. В случае потери кормильца, инвалидности [1] государство берет на себя обязанность обеспечивать достойные условия жизни каждого, кто по каким-либо обстоятельствам нуждается в социальном обеспечении. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [7] дает законодательное определение термину «инвалид» и устанавливает определенные меры социального обеспечения, призванные облегчить жизнедеятельность данной категории граждан. Так, инвалидом признается лицо, имеющее нарушение здоровья, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящие к ограничению жизнедеятельности и вызывающие необходимость его социальной защиты.

Здесь необходимо отметить, что в данном случае в социальной поддержке инвалидов будут участвовать сразу два уровня государственной власти. Закон устанавливает компетенцию федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации, что соответствует пункту «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, согласно которому в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Федерации находится социальная защита, включая социальное обеспечение.

Так, согласно Федеральному закону «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» устанавливается компетенция федеральных и региональных органов государственной власти. Где к компетенции первых относится определение государственной политики в отношении инвалидов, а вторых – участие в реализации этой самой политики, но стоит отметить, что в данном случае субъекты обладают некоторой самостоятельностью. Субъекты вправе разрабатывать, утверждать, реализовывать и осуществлять контроль за программами в области социальной защиты инвалидов. Также закон устанавливает ежемесячные выплаты инвалидам [7].

Помимо этого, закон устанавливает такие виды социальной поддержки, как: бесплатная медицинская помощь, квоты для приема на работу, специальные рабочие места. Таким образом, социальная поддержка инвалидов в Российской Федерации обеспечивается путем предоставления им определенных социальных льгот, которые обеспечивают им достойную жизнь и возможность свободного развития. Что гарантируется ст. 39 Конституции Российской Федерации. В свою очередь Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ

«О трудовых пенсиях в Российской Федерации» [5] призван обеспечить поддержку граждан Российской Федерации, утративших трудоспособность вследствие старости, путем обеспечения их пенсионными выплатами.

В рамках пенсионной реформы пенсионный возраст в России начал повышаться постепенно до 60 лет для женщин и до 65 лет для мужчин. Увеличение возраста, дающего россиянам право выхода на пенсию, будет происходить поэтапно в течение десяти лет с 1 января 2019 г. и завершится в 2028 г. Максимальные пенсионные границы будут установлены в 2028 г. Мужчины, родившиеся в 1963 г. и позже, будут выходить на пенсию в 65 лет. Женщины, родившиеся в 1968 г. и позднее, – в 60 лет.

Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» устанавливает возможность выплаты пенсии по старости лицам, просто проживающих на территории Российской Федерации не менее 15 лет и достигшим пенсионного возраста (65 лет – для мужчины и 60 лет – для женщины) [4].

Таким образом, следует отметить, что сегодня существует достаточно большое количество способов, посредством которых функционирует социальная система. Каждый из рассмотренных способов в полной мере отвечает требованиям предъявляемых принципам. Можно с уверенностью сказать, что механизм реализации принципов социальной системы в Российской Федерации функционирует на высоком уровне.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.

2. Кочеткова Л. Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // *Философия и общество*. – 2008. – № 3. – С. 80–86.

3. Сигалов К. Е. Методологические принципы познания среды права // *История государства и права*. – 2010. – № 4. – С. 13–16.

4. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.

5. Федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ (в ред. от 04.06.2014) «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.

6. Федеральный закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ (ред. от 25.12.2018) «О минимальном размере оплаты труда» // СПС «КонсультантПлюс» // <http://www.consultant.ru>.

7. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ (ред. от 02.12.2019) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.

8. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru>.

Чувальникова А. С.¹,

доцент кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ЗАКОНОМЕРНОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ ПОНЯТИЙ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИКИ

Среди актуальных задач юридической теории сегодня обращает на себя внимание потребность в анализе причин и последствий тенденциозного формализма современного права [1]. Теоретико-правовое исследование данной проблемы, как и само осознание ее глубины, а также поиск путей ее преодоления, невозможно без изучения тех закономерностей права, которые не связаны с его формальной природой и являются диалектически противоположными ей. К таким закономерностям в контексте проблемы соотношения «содержания» и «формы» в праве [5; 6; 7] должны быть отнесены закономерности концептуализации правовых понятий, т. е. закономерности формирования концептов права, составляющих то самое «содержание» права, которое выступает диалектической противоположностью его формальным характеристикам.

Изучение данных закономерностей затрагивает область правосознания, по отношению к которому концепты права выступают базовым элементом его смысловой структуры [4, с. 51; 8; 10; 12, с. 60; 13], т. е. основной смысловой единицей правосознания. Связь процесса формирования базовых концептов правосознания с диалектикой не вызывает сомнений, поскольку последняя формирует так называемую содержательную логику, а значит, именно в контексте диалектики следует говорить о закономерностях, касающихся формирования содержания правовых понятий.

Прежде всего, следует проанализировать процесс концептуализации правовых понятий с точки зрения трех основных законов диалектики: единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания.

Закон единства и борьбы противоположностей по Гегелю [2] указывает на источник развития, поэтому действие данного закона должно распространяться в первую очередь на формирование условий, в которых возникает потребность в том или ином концепте права. Анализируя процесс концептуализации правовых понятий в контексте данного закона, можно предположить, что все смыслообразующие правовые понятия обретают свой смысл (содержание) при наличии противоположных им понятий или различных аспектов в содержании этих понятий, которые фактически являются самостоятельными смысловыми единицами правосознания, так как взаимно исключают друг друга. Архитектоника концептуального строя правосознания под действием рассматриваемого закона выстраивается по принципу дуализма, придающего правосознанию свойство «негативности» [11, с. 152–155] и дающего основания полагать, что те правовые понятия, которые используются в действующем писаном праве (или

¹ © Чувальникова А. С., 2020.

получили широкое употребление в юридическом дискурсе, но не были формализованы) и не предполагают существования противоположных им по смыслу правовых понятий, еще нельзя рассматривать в качестве атрибутивных правосознанию концептов, т. е. не являются для него смыслообразующими.

Это объясняется тем, что процесс концептуализации предполагает снятие неопределенности в содержании соответствующих понятий. Если же этого не происходит, скорее всего, речь идет о связанном единым содержанием элементе в структуре языка закона или иного юридического документа либо о многозначном понятии, которые еще не способны обеспечивать понимание правовой действительности, так как слабо с ней связаны (отражают не реальные обстоятельства правовой жизни, а конструируемые правом формы), либо слишком неконкретны в своем содержании, а потому и малозначимы для ментального уровня правосознания.

Если рассмотреть влияние анализируемого закона диалектики на процесс концептуализации правовых понятий в контексте устанавливаемого в «Науке логики» тождества мышления и бытия, то можно также предположить, что выражаемые с помощью соответствующих концептов правосознания явления из области правового бытия формируются в условиях существующего или потенциально возможного (скрытого) конфликта в праве, что «создает эффект символического разрешения самого социального противоречия» [3, с. 248; 14]. Во всяком случае, именно в таких условиях объем соответствующего понятия ограничивается, а его смысл становится конкретнее. Данное обстоятельство позволяет рассматривать все правовые понятия «как конкретизации и рационализации идеи права. Каждое из них отражает какую-то акциденцию права, принципиально не будучи способным выразить мысль о сущности права в целом, каким бы широким по содержанию ни было то или иное понятие» [9, с. 128].

Закон перехода количественных изменений в качественные, согласно «Науке логики», указывает на механизм развития, т. е. объясняет то, как развиваются (уточняются, дополняются новым содержанием, а затем изменяются) правовые понятия. В данном случае следует говорить о накоплении в содержании правового понятия определенных количественных и качественных характеристик. Качественной характеристикой в содержании концепта правосознания является отраженный в нем признак соответствующего явления, а количественной характеристикой в данном случае может быть повторяемость (актуальность, проявленность) какого-либо свойства, для которой существует определенная «мера», при прохождении через которую данное свойство может считаться устойчивым, приобретает новое качество, т.е. преобразуется в признак. Любой новый признак дополняет и в той или иной мере изменяет содержание правового понятия, если же новый признак становится сущностным, замещая собой и как бы отрицая атрибутивные ранее его содержанию характеристики – можно говорить о формировании нового (или об актуализации в процессе правового мышления уже существующего иного) концепта правосознания под действием другого закона – «Отрицания отрицания». Этот закон, в свою очередь, указывает направление развития процесса концептуализации правовых понятий и позволяет предположить возможность выделения некой совокупности смыслообразующих концептов правосознания, которые являются устойчи-

выми элементами его концептуального строя, так как, подчиняясь действию рассматриваемого закона, эти концепты сохраняются правосознанием и актуализируются им, отражая соответствующие изменения в развитии права.

Происходящее под влиянием описанных выше законов диалектики дополнение содержания правовых понятий новыми сущностными признаками возможно в условиях изменения сопутствующего им контекста, которым в данном случае является ценностный строй правосознания, выполняющий по отношению к концептуальному строю смыслопорождающую функцию. Иными словами, изменения в понятийном строе правосознания могут являться отражением более глубоких изменений в его ценностном строе. Если при этом допустить существование иерархии правовых ценностей, то качественное изменение ценностного строя может означать изменение соответствующих приоритетов в правовом сознании. Фиксируемое правовым сознанием смещение акцентов в содержании смыслообразующих концептов права или перестройка всего концептуального строя правосознания являются, таким образом, отражением изменений в его ценностном строе. При этом диалектический принцип тождества мышления и бытия позволяет утверждать, что подобного рода изменения всегда сопровождаются изменениями в самом праве, что позволяет использовать анализ концептуального строя правосознания для лучшего понимания изменений, происходящих в действующем праве. В свою очередь, анализ взаимосвязи концептуального и ценностного строя правосознания необходим для более глубокого понимания особенностей действующего права, поскольку способствует установлению детерминант концептуализации правовых понятий и выдвижению предположений о природе соответствующих этим понятиям явлений в действующем праве.

Влияние диалектической логики на процесс концептуализации правовых понятий, безусловно, не исчерпывается описанными закономерностями, установленными в контексте действия законов диалектики. Интересным может быть также анализ закономерностей концептуализации правовых понятий в контексте основных принципов и категорий диалектики. Вместе с тем, рассмотренное выше влияние основных законов диалектики на исследуемый процесс позволяет сделать несколько важных выводов: во-первых, в контексте основных законов диалектики становится очевидна связь концептуального и ценностного строя правосознания, а также механизм, на основе которого эта связь устанавливается; во-вторых, законы диалектики уточняют особенности внутреннего строения (архитектоники) концептуального строя правосознания; и, в-третьих, в контексте законов диалектики и признаваемого ею тождества мышления и бытия формируется представление о тех реальных условиях правовой жизни, которые способствуют актуализации в правосознании значимых для области права понятий и могут отражать наиболее глубокие детерминанты происходящих в действующем праве изменений.

Список литературы:

1. Ганиев Б. Х. Угрозы правового формализма в контексте российской правовой политики // Юристъ-Правоведъ. – 2015. – № 3. – С. 114–118.
2. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. В 3-х т. Т. 1. М. : Мысль, 1970.

3. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества: монография. М. : Норма, 2017.
4. Концепты // Малахов В. П. Философия права. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
5. Кулакова Ю. Ю. Трансформация современных государств: теория и практика // История государства и права. – 2010. – № 13. – С. 17–20.
6. Кулакова Ю. Ю., Чувальникова А. С. Возможности использования синергетического подхода в исследовании права // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 40–43.
7. Лановая Г. М. Соотношение содержания и формы в юридическом праве // История государства и права. – 2010. – № 6. – С. 25–27.
8. Малахов В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: культурологическая методология // История государства и права. – 2009. – № 21. – С. 44–48.
9. Малахов В. П. Проблема правовых понятий. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
10. Малахов В. П. Публичное и частное в системе характеристик права // История государства и права. – 2011. – № 16. – С. 2–7.
11. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предположения. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
12. Малахов В. П. Философия права: формы теоретического мышления о праве. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
13. Мамонтов А. Г. Принципы российского федерализма. М., 2002.
14. Сигалов К. Е. Методологические принципы познания среды права // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 13–16.

Абдрахманов А. И.¹,

доцент кафедры истории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ОТРАЖЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ НКВД РСФСР В МАТЕРИАЛАХ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

Наркомат внутренних дел РСФСР выполнил значительный объем работы по становлению советского государственного механизма. Эта работа отражалась в различных материалах (книгах, диссертационных исследованиях сборниках, документов), притом, что полномасштабного освещения деятельности НКВД в первые годы советской государственности ни до 1991 г., ни впоследствии, так и не получила.

В то же время существует значительный массив литературы (сборников документов, исследований, статей), затрагивающий предметы ведения народного комиссариата внутренних дел, образующийся к различным составляющим его компетенции (организация системы органов власти общей компетенции, милиции, различные аспекты местной жизни и пр.). Как правило, каждый из этих аспектов освещался вне тематики НКВД, к компетенции которого, по сути, принадлежал. В итоге освещаемая во множестве публикаций тематика деятельности народного комиссариата внутренних дел остается в, если можно так выразиться, «распыленном» состоянии.

Рассмотрение изданий по характеру советской власти, революционному движению в регионах, ходу гражданской войны, на предмет отражения в них деятельности народного комиссариата внутренних дел позволяет вычлнить данные, характеризующие и раскрывающие значение означенного ведомства. В этом отношении можно говорить и о перспективе разработки соответствующей историографии. Сама по себе тема историографии значения народного комиссариата внутренних дел затрагивалась рядом исследователей [1; 6; 9], однако в силу определенных обстоятельств эту тему нельзя признать в полной мере освещенной. Одной из причин последнего состояния можно признать значительный объем и высокую «распыленность» материалов народного комиссариата по широкому спектру литературы.

В качестве примера, обратимся к содержанию одного из изданий по становлению советской власти в северокавказском регионе. Так, в 1930 г. увидела свет работа И. Борисенко «Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г.» [7]. Основное содержание этого двухтомника составила недолгая история так называемых территориальных республик (Кубано-Черноморской, Терской, позднее Северо-Кавказской и др.) в регионе. Становление и функционирование означенных административно-территориальных образований (как и большинства остальных советских органов) в значительной степени определялось народным комиссариатом внутренних дел. Кроме того, на местах организовывались собственные отделы (народные комиссариаты), по своему назначе-

¹ © Абдрахманов А. И., 2020.

нию являющиеся «аналогом» общероссийского ведомства по внутренним делам. В рассматриваемом издании получили освещение организация и деятельность именно таких (местных) комиссариатов.

Так, в ряде документов отражено становление Народного комиссариата внутренних дел Кубано-Черноморской республики. Прежде всего, приведены материалы по персоналиям народного комиссара внутренних дел Кубано-Черноморской ССР большевика Я. Полуяна и его заместителя «от левых с.-р.» Сердюка [7, с. 132, 141, 185, 238, 253, 257, 260]. Причем деятельность Я. Полуяна представлена и как члена Кубанского Центрального Областного Исполнительного Комитета, и как главы рассматриваемого ведомства. Заметим, что личность этого видного советского деятеля нашла отражение во многих изданиях по истории региона [3, с. 225, 253, 352; 4, с. 85].

Упоминаются и руководители аналогичных подразделений из соседних регионов: народные комиссары внутренних дел «Терской Народной С.С.Р.» Юрий Петрович Фигатнер [2, с. 33, 54, 62, 70] и Совета комиссаров Новороссийского округа товарищ Серапинов [2, с. 165].

Наряду с данными по руководителям сборник содержит документы по финансированию народного комиссариата внутренних дел (здесь и далее под определением НКВД имеется в виду не общероссийское, а именно местное учреждение – прим. А. А.), например, 16 апреля 1918 г. было постановлено «временно ассигновать для расходов по комиссариату внутренних дел 2000 р.» [2, с. 244]. Решались вопросы по структуре ведомства, размещению ведомственного аппарата [2, с. 167, 257].

Ряд материалов раскрывает некоторые из аспектов деятельности НКВД. Так, издание сообщает, что в ходе становления Кубано-Черноморской ССР на места рассылались «инструктора Наркомвнудела, который к этому времени организовал у себя инструктаж» [2, с. 236]. Означенный народный комиссариат проводил мероприятия по «установлению спокойной жизни и упрочению советской власти» в станице Крымской [2, с. 263]. Нашли освещение и материалы по участию комиссариата внутренних дел в борьбе с контрреволюцией [2, с. 167].

Кроме того, сборники содержат материалы, затрагивающие деятельность народных комиссариатов внутренних дел ряда регионов Юга России. Например, в организованной впоследствии Северо-Кавказской республике обсуждался вопрос о предпринимаемых комиссариатом мерах по разоружению квартальной охраны и квартальных комитетов г. Екатеринодара [2, с. 249] и ряде иных вопросов [2, с. 111, 256, 259, 260]. Интересно, что весной 1918 г. в Терской республике в качестве собственного аналога комиссариата внутренних дел предполагалась организация «ведомства окружного и отдельского трудового народного здравия» [2, с. 235].

Как видим, в рассмотренном издании тема народного комиссариата внутренних дел не принадлежит к числу основных, но представлена по целому ряду аспектов. Аналогичное заключение можно сделать и в результате обращения к широкому ряду публикаций советского периода в северокавказском регионе [3, с. 148, 164, 212, 242; 5, с. 113–119; 8, с. 250, 256]. Анализ содержащихся в указанных изданиях материалов народного комиссариата внутренних дел поз-

воляет заметно расширить представления о реальной практике и общем значении данного ведомства. Кроме того, изучение материалов НКВД позволяет более предметно обозначить дополнительные аспекты становления советской формы государственности в России.

Список литературы:

1. Абдрахманов А. И. Проблемы освещения организационной роли НКВД РСФСР в российской и зарубежной литературе [Текст] : монография. Домодедово : ВИПК МВД России, 2013.

2. Борисенко И. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году. Т. II. Ростов н/Д, 1930.

3. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе : «Ир», 1972.

4. Никитин А. Н. Суверенная Кубань: Опыт отечественного парламентаризма (1917–1920 гг.). Ч. 1. М. : Национальный институт бизнеса, 2010.

5. Октябрьская революция и гражданская война в Северной Осетии / ред. А. И. Мельчин. Орджоникидзе : «Ир», 1973.

6. Сигалов К. Е. Методологические принципы познания среды права // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 13–16.

7. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 г. Т. I. Ростов н/Д, 1930.

8. Съезды народов Терека : сборник документов и материалов : в 2-х т. Т. I. М. : Изд-во «ИР», 1977.

9. Тропов И. А. Проблемы состояния и функционирования местных органов власти в России в 1918 г. (по материалам журнала «Власть Советов») // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2011. – С. 15–19.

Мамонтов А. Г.¹,

доцент кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ ИДЕЙНЫХ И МАТЕРИАЛЬНЫХ НАЧАЛ РЕФОРМЫ СЛЕДСТВИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. В РОССИИ

Во второй половине XIX в. в России была предпринята попытка реализации одной из основополагающих идей демократической организации уголовного судопроизводства – отделения полицейских и судебных функций в расследовании преступлений. Исторический опыт показал, насколько далека идея от ее реального воплощения, которое обусловлено материальными условиями социальных и политических реалий. Собственно, это само собой разумеющаяся ситуация, поскольку право диалектично в своей абстрактности. Представляя собой совокупность абстрактных конструкций, право может оставаться правом только до тех пор, пока степень абстрактности его норм сохраняет возможность их воплощения без чрезмерных усилий.

Идея отделения предварительного следствия от полиции возникает в связи с поиском средств и методов усиления исполнительской функции полиции, так как последняя рассматривалась как важнейшее средство государственного управления в период крестьянской реформы.

Одну из главных ролей сыграть в учреждении института судебных следователей суждено было Стояновскому Н. И.² В октябре 1859 г.³ Н. И. Стояновский был включен в состав комиссии, и с этого времени весь труд по разработке проектов отделения предварительного следствия от полиции был возложен на него⁴. Ему удалось принципиально изменить подход к этой проблеме. В отличие от предшествовавших проектов, предусматривавших в целях усиления полиции механическое освобождение последней от следственной функции, Н. И. Стояновский на основе обобщения опыта западных стран (в большей степени Франции и Германии) рассматривал этот вопрос с точки зрения научно – теоретических положений о формах судопроизводства, судебном характере предваритель-

¹ © Мамонтов А. Г., 2020.

² Стояновский Николай Иванович родился в 1820 г., в Могилеве. В 1841 году окончил училище правоведения (второй выпуск воспитанников). В последствие принял активное участие в разработке проектов по отделению предварительного следствия от полиции, а также законодательства судебной реформы. Подробнее см.: [1, С. 27–33].

³ ОР РГБ Ф. 290, к. 196, ед. хр. 27, л. 1–15. Здесь же сохранились повестки комиссии о Губернских и уездных учреждениях с приглашением Н. И. Стояновского на заседания, согласно которым с 10 октября 1859 г. по 20 апреля 1860 г. состоялось 15 заседаний комиссии. Согласно изложенным в них повесткам дня, окончательное обсуждение Учреждения следственных судей (приставов) и Наказа следственным судьям состоялись 9, 12 и 14 марта.

⁴ По свидетельству Н. М. Колмакова (одного из участников комиссии) Н. И. Стояновский написал Наказ судебным следователям и вообще разработал вопрос об отделении от полиции следственной части. С. И. Зарудный написал записку о способах исполнения высочайшего повеления (См.: [3]).

ного следствия, границах и значении стадий уголовного процесса и т. д. Стояновский исходил из теоретического положения, что власть следственная является частью судебной власти. Полиция должна проводить первоначальное дознание по происшествиям, направленное на установление факта преступления, закрепление улик, розыск подозреваемого, а следователь – предварительное следствие, которое должно состоять в сборе и оценке доказательств и предварительном решении вопроса о виновности лиц. Отсюда он делал вывод, что следственный аппарат должен находиться в судебном ведомстве.

Причем этот тезис трактовался Стояновским не только как организационное переподчинение следственного аппарата суду, но и как средство обеспечения независимости следственного аппарата от административной и в первую очередь полицейской власти. Процессуальный контроль за направлением предварительного следствия также должен был принадлежать суду: «... никакая другая власть, кроме суда, рассмотрению которого подлежит дело, не вправе останавливать производство при прекращении его или направлять его ход» (ОР РГБ Ф. 290, к. 171, ед. хр. 4, л. 1–2). Назначение следственного пристава на должность предполагалось предоставить министру юстиции по представлению губернского прокурора. Увольнение от должности – не иначе как с преданием его суду. Однако Стояновскому и его сторонникам не удалось последовательно провести провозглашенные в записке принципы в окончательных проектах.

К марту 1860 г. Стояновский подготовил проект «Учреждение следственных судей», в котором, опираясь на процессуально-правовые доктрины европейских государств, явно выходя за рамки правительственной программы, сделал все, что можно было тогда сделать для обеспечения независимости следователей от административной власти. И все же проект не мог игнорировать правительственную цель – усиление административно-исполнительской власти на местах. Проект приобрел компромиссный характер и его положения стали основой законодательных актов, оформивших учреждение судебных следователей.

Особое присутствие соединенных департаментов Государственного совета, подготовленных Н. И. Стояновским, изменило название следственных чиновников со следующей мотивировкой: «Слова: следственный судья, могут дать неправильное понятие об учреждении, потому что этот судья не судит, а собирает только данные, представляемые им на разрешение суда; он производит следствие и потому должен именоваться «следователем», но так как ныне следствия из ведомства полиции переходят в ведомство судов, то всего соответственнее было бы назвать его Судебным следователем» (ОР РГБ Ф. 290, к. 171, ед. хр. 4, л. 4). Как видим, члены особого присутствия не признавали до конца за следователями судебного характера их деятельности, и слово «судебный» в наименовании новых чинов должно было обозначать лишь их ведомственную подчиненность.

Некоторые элементы обеспечения независимого характера судебных следователей были компромиссом между правительственными утилитарными устремлениями и начавшими распространяться в России к этому времени, теоретическими идеями построения уголовного судопроизводства западных стран, проводником которых в комиссии стал Н. И. Стояновский.

Первые публикации восторженно встретили признание производство следствий судебной функцией и передачу его в суды: «Полиция, по характеру своей власти и по свойству своих отправлений, не может исполнить это дело (производить следствие – М. А.) с надлежащим беспристрастием и искусством: характер ее – по преимуществу исполнительный и предупредительный, и деятельность ее, как скоро выходит из границ, становится опасной для общества; притом дело следователя требует специального приготовления, знания и опытности, требует особенного навыка в соображении рассуждении: все эти качества трудно совместить с качествами полицейского чиновника, который обязан в исполнении своих обязанностей руководствоваться несложными и ясными правилами, предписаниями и соображениями...» [7].

Однако практическая реализация реформы очень быстро выявила массу проблем и недостатков новых учреждений.

Созданный на основе компромисса аппарат судебных следователей был поставлен в двусмысленное положение. С одной стороны, он был отделен от полиции, хотя его деятельность требовала самого непосредственного и постоянного взаимодействия с полицией, а, с другой стороны, судебные следователи, хотя и провозглашались членами уездного суда, но все-таки имели в отличие от судей организацию, близкую к организации деятельности станových приставов (участковая система). В итоге ни полиция, ни суд не признавали в них равноправных партнеров и относились к ним с недоверием. Первый опыт деятельности судебных следователей показал, что их взаимодействие с полицией не было в достаточной степени согласовано с реальными условиями производства следствия. Неудачное законодательное разграничение участия в расследовании полиции и судебных следователей на практике привело к тому, что на самом важном первоначальном этапе расследования возникали несогласованность, а чаще всевозможные пререкания между полицией и следователями. Известный исследователь реформ И. Т. Тарасов указывал, что враждебность полиции к судебным следователям доходила до того, «что станových приставы и исправники ставили себе в заслугу неисполнение требований следователя» [6; 8, с. 99].

Независимость судебных следователей от административной власти, о которой так много говорили и писали сразу после опубликования реформенного законодательства, на практике оказалась весьма призрачной. Не до конца проведенный принцип освобождения следователей от административной опеки на практике привел к тому, что следователь в своей деятельности был поставлен в зависимость почти от всех уездных властей, получив, таким образом, среди них низшее положение. «Он служил в одно время, так сказать, нескольким начальствам: а) губернатору, по выбору которого и по соглашению с губернским прокурором, он был рекомендуем на эту должность министру юстиции; б) уголовной палате; в) уездному суду и городскому магистрату; г) Губернскому прокурору и уездному стряпчему». «Одно право губернатора и прокурора по усмотрению переводить из одного участка в другой может заставить выйти в отставку, а потому, если судебный следователь вел какое-нибудь следствие несогласно видам губернатора, то он мог просто получить приказание подать в отставку, и отстаивать свои права следователь не в состоянии».

Практика показала неудачность опыта реформирования одного звена системы уголовного судопроизводства. Это было достаточно быстро осознано и признано многими видными юристами и государственными деятелями. Уже в объяснительной записке к проекту Учреждения судебных установлений 1863 г., т. е. менее чем через три года после нововведений, отмечалось: «Прислоненное к старой судебной системе учреждение судебных следователей, созданное от части уже по новым требованиям и началам, было в противоречии с окружающей сферой, и опытом показано, что от всех тех властей судебных, полицейских и административных, с которыми судебные следователи были в ежедневном соприкосновении, они встречали не столько содействие, сколько бездействие, или даже противодействие» [4, с. 84].

Таким образом, практика функционирования нового следственного аппарата показала, что его построение, основанное хотя и на теоретически неоспоримых положениях, но продиктованное в большей степени конъюнктурными политическими целями и без соответствующих изменений в других, взаимодействующих с ним органах не может дать значительных положительных результатов.

При подготовке и обсуждении проектов судебной реформы вопросы процессуального порядка производства следствия носили в большей степени частный характер и касались в основном редакционного плана. Чаще всего обращалось внимание на необходимость все того же разграничения обязанностей полиции по дознанию и судебных следователей [9, «х», ч. 4, л. 32].

Но был вопрос, который вызвал бурную дискуссию как при подготовке и обсуждении проекта Устава уголовного судопроизводства, так и после его введения в действие. Представляется, что он сохранил актуальность и сегодня. Это вопрос о допуске защиты на предварительном следствии.

Комиссия по разработке проекта Устава уголовного судопроизводства включила в проект устава уголовного судопроизводства целое отделение «О допущении гласности и защиты на предварительных следствиях» [5, с. 43–44]. При производстве предварительного следствия допускалось присутствие посторонних лиц, за исключением случаев, когда дело подлежало рассмотрению при закрытых дверях суда и когда следователь признавал, что присутствие посторонних лиц может служить препятствием к открытию истины. Во втором случае он обязан был вынести мотивированное постановление о причинах такого решения (ст.ст. 252–253). Посторонние лица обязаны были соблюдать тишину и «уважение к лицу следователя». В противном случае он имел право удалить нарушителя по своему усмотрению или по требованию удаляемого лица, составив об этом протокол (ст. 254). Проектом предусматривалось, что обвиняемый может иметь защитника при следствии, «о чем ему объявляется при самом начатии следствия». Защитником могло быть любое лицо, которому не запрещено ходатайство по чужим делам. Во время следствия совещания обвиняемого и защитника наедине не допускались и «ни в каком случае прежде первоначального допроса». Защитнику предоставлялось право присутствовать при всех следственных действиях, обращать внимание следователя на обстоятельства, оправдывающие обвиняемого, и с разрешения следователя предлагать вопросы

свидетелям. Неприбытие защитника не останавливает производства следствия (ст.ст. 255–259).

Мнения членов комиссии по вопросу введения защиты на предварительном следствии не были единодушны и представляли собой три точки зрения.

Привлекавшийся к участию в комиссии в качестве эксперта П. Александров, соглашаясь с введением защитника на предварительном следствии, высказался за ограничение круга лиц, которые могут выступать в роли защитника, присяжными поверенными и мировыми судьями, так как эта деятельность требует квалификации и добросовестности. Если такого ограничения не ввести, предупреждал он, то «подсудимые обратятся к лицам, искусившимся в канцелярских злоупотреблениях,... а эти, имея единственную целью свои денежные выгоды, будут стремиться к оправданию обвиняемого... старанием скрыть следы преступления и поставить действительно виновного в положение, где преследование совершенного им преступления делается невозможным...» [4, с. 163].

Десять членов комиссии выступали за наделение следователя правом устранять на основании собственного решения, оформленного протоколом, заподозренного в недобросовестности защитника и так аргументировали свою позицию: «Говорят, что может сделать недобросовестный защитник? То же, что и сам обвиняемый, который в определенных законом случаях берется под стражу..., чтобы лишить его возможности противодействовать раскрытию истины в том деле, к которому он привлечен... Напрасно думают, что от следователя зависит предупреждать такие проделки быстротою следственных действий. При наших огромных расстояниях, дурных средствах сообщения и неудовлетворительной организации полиции, не от воли следователя зависит, чтобы следственные действия следовали одно за другим. ... Видя ясно, что защитник обвиняемого противодействует открытию истины, следователь может не иметь на то положительных доказательств для привлечения его к ответственности и для устранения от защиты...» [4, с. 166–167].

Сторонники проекта (15 членов), не соглашаясь с доводами об ограничении защиты на предварительном следствии, отстаивали положения проекта следующими доводами: 1) ограничение круга лиц – защитников присяжными заседателями и мировыми судьями, фактически ликвидирует защиту: в первом случае для несостоятельных обвиняемых, а во втором случае – для всех, в связи с нереальной возможностью участия мирового судьи в следственных действиях при его занятости своими обязанностями; 2) ограничение защиты обвиняемого предложенными мерами несостоятельны, так как проектом уже введены достаточные ограничения правомочий защитника на предварительном следствии; 3) не следует опасаться предусмотренных проектом мер, так как в России уже имелись зачатки защиты на предварительном следствии в виде депутатов от сословий и ведомств [4, с. 168].

Как видим, вопрос о защите на предварительном следствии вызывал разногласия среди членов комиссии, готовившей проект. Но суть их разногласий сводилась не к вопросу быть или не быть защите на предварительном следствии, а лишь к вопросу о границах такой защиты.

Совсем иной характер получает эта дискуссия при дальнейшем обсуждении проектов в Государственном совете и министерствах.

Так, сенатор тайный советник М. М. Карниолин-Пинский, считая невозможным введение защитника при сохранявшейся розыскной форме следствия, писал в своем мнении: «Нет должностного обвинителя при предварительном следствии, не должно быть и защитника обвиняемого... Гуманность – святое дело, но нельзя приносить в жертву ей непреложную правду» [9, «ю», л. 18]. Не получил проект одобрения по этому вопросу и 23 сенаторов (А. В. Кочубея, А. Д. Башуцкого, А. И. Левшина, А. Н. Войцеховича и др.), которые считали, что защитник на предварительном следствии, не предусматривавшим участия полноценной стороны обвинения, парализует усилия следователя в достижении материальной истины. Кроме того, «это была бы живая связь между обнаруженным и еще укрывающимся преступником... Не менее вредно для правильного хода следствия действия защитника ябедника. Следователь будет поставлен в сложное положение», отписываясь от необоснованных жалоб. По мнению сенаторов, это правило устанавливается из предположения недобросовестного следователя, который всякими мерами будет притеснять обвиняемого. Но такие следователи должны быть исключением, а потому, делают вывод сенаторы, «никаких общих правил на исключениях построить нельзя...» [9, «я», л. 9]. За исключение положений проекта о защите на предварительном следствии высказался и министр юстиции, считавший, что такая защита возможна лишь при обвинительной форме предварительного следствия. «Если лицу заподозренному следователем в совершении преступления, при самом начале следствия, т. е. в то время, когда против него еще не обнаружены достаточные доказательства, предоставить защитника, то значение этих защитников не будет уже иметь ничего общего с защитниками при обвинительном процессе. Нельзя не опасаться, что защитники, данные подозреваемым при начале следствия, имеющего целью собрать доказательства виновности заподозренных лиц, прямо будут способствовать заподозренным в сокрытии и уничтожении следов и доказательств преступления, и, должно заметить, что такое направление деятельности защитников вполне понятно и последовательно, ибо в чем же ином может состоять защита заподозренных, против которых еще не собраны доказательства, как не в том, чтобы предупредить возможность собрать эти доказательства?» [9, «х», л. 47].

При обсуждении проекта соединенными департаментами законов и гражданских дел Государственного совета присутствие высказалось против допущения защитника на стадии предварительного следствия, мотивировав свою позицию тем, что защитника будет трудно поставить «в надлежащие границы и нельзя не опасаться, что он сочтет своей обязанностью противодействовать собиранию обличительных документов и способствовать обвиняемому в сокрытии следов преступления [2]. В конечном счете Государственным советом были полностью исключены из проекта положения, предусматривавшие гласность и защиту на предварительном следствии. Таким образом, вопрос этот получил неудовлетворительное решение. Позиция комиссии, отказавшейся от имевшегося института защиты на предварительном следствии – депутатов от сословия или ведомства обвиняемого, отвергнувшей путь совершенствования этого института и желавшей ввести на предварительном следствии защитника, неограниченно избираемого обвиняемым, привела к ликвидации какой-либо защиты на стадии предварительного следствия. Тем более, печален такой исход, если учесть, что

проект ставил защиту на предварительном следствии в очень ограниченные рамки, которые позволяют сказать, что ее главное отличие от депутатов состояло в наименовании лица, осуществлявшего бы защиту, и некоторым расширением круга лиц, допускавшихся к защите.

Список литературы:

1. Главные деятели и предшественники судебной реформы / под ред. К. К. Арсеньева. Спб., 1904.
2. Журнал Соединенных департаментов законов и гражданских и духовных дел Государственного совета. – 1864. – № 47. – С. 32.
3. Колмаков Н. М. Крестьянское дело в 1857–1860 гг. // Русская Старина. – 1885. – № 9. – С. 480.
4. Объяснительная записка к проекту Учреждения судебных мест. Спб., 1863.
5. Проект Устава уголовного судопроизводства. Спб., 1863.
6. Сидорова Е. В. Организация предварительного следствия в органах уголовной юстиции советского государства, 1917–1941 гг. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2002.
7. Судебные следователи // Русский вестник. – 1860. Т. 27. Кн. 2. – С. 359–360.
8. Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885.
9. РГИА, Ф. 1405, оп. 62 д. 4202.

Правкина И. Н.¹,

*доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации, кандидат юридических наук*

ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВЫХ СТРАТЕГИЙ

Определение и разработка актуальных проблем общеправовой теории требуют выбора адекватной методологии, позволяющей обеспечить достижение поставленной цели исследования, а также решить ряд принципиально важных задач.

Оценивая возможности и пределы применения различных методологий в исследовании проблемы правовых стратегий, следует обратить внимание на определенные моменты, которые могут стать прочной основой анализа интересующей нас проблемы.

Во-первых, одним из условий наиболее полного представления о правовых стратегиях следует признать методологический плюрализм. Проблема множественности методологий обусловлена существенной трансформацией познавательных парадигм, непосредственно с ними связанных идейных принципов, а также деидеологизацией научного знания о праве и правовых явлениях. В данном случае чрезвычайно важным является определение возможностей конкретных методологий в проблеме выяснения предназначения правовых стратегий, причин их появления и условий изменения.

Во-вторых, следует признать, что не все без исключения методологии обладают равным познавательным потенциалом в исследовании проблемы правовых стратегий. В связи с этим возникает необходимость выбора базовой методологии, а также определения элементов других методологий, которыми первая может быть дополнена.

Однако, решая вопрос о выборе базовой методологии и поиска ее компонентов из других методологий, стоит отметить, что проблема правовых стратегий в отечественной теории права не получила широкого распространения. Поэтому поиск оптимальной методологии на сегодняшний день становится весьма затруднительным. Соответственно преимущества той или иной методологии в исследовании настоящей проблемы могут носить лишь предположительный, вероятностный характер.

В-третьих, установление методологических оснований исследования правовых стратегий затрудняется множественностью подходов к осмыслению феномена права. Проблема познания сущности правовых стратегий обусловлена неясностью в интерпретации права. Иными словами, не решив вопрос о том, что является правом, невозможно добиться результата познавательной деятельности, предметом которой являются правовые стратегии.

Процесс познания проблем общеправовой теории становится невозможным вне доктринального осмысления права. Механизм доктринального анализа

¹ © Правкина И. Н., 2020.

права основывается на так называемом «широком» понимании права. Такое понимание права, как представляется, обуславливает множественность мнений о том, какова сущность права. В результате чего, получается, что сущность права может быть выражена и в нормах, установленных государством, или, например, правилах, формируемых в обществе в конкретно-исторических условиях, или же, это правовые чувства, эмоции и переживания, либо может быть следствием проявления синтеза нескольких заложенных в нем идей. Следует подчеркнуть, что проявление любого понимания права является отражением избираемого способа (способов) познания этого права, «так, применение формально-юридического метода формирует позитивистское понимание права, применение аксиологической методологии – естественно-правовое» [1; 3; 6, с. 37; 8; 16]. Таким образом, типологизация правопонимания является результатом применения различных методологий, обеспечивающих процесс познания как самого права, так и стратегий, непосредственно связанных с правом.

Так, перечисленные моменты, определяющие сложность и многоаспектность исследования рассматриваемой теоретико-правовой проблемы, подчеркивают, что адекватное решение поставленных перед нами задач становится возможным лишь в условиях качественного разнообразия методологических подходов.

Принимая во внимание, что исследование границ применения всех без исключений методологий не могут стать предметом настоящей статьи, попробуем обратить свое внимание на возможности наиболее общего и универсального метода познания правовой действительности. Речь пойдет о решении проблемы использования диалектической методологии в исследовании природы и сущности правовых стратегий.

В отечественной науке традиционно принято относить диалектическую методологию к базовым и неспециализированным видам методологий. В условиях сложившихся традиций диалектика по своему познавательному потенциалу является философским методом познания. Однако в настоящее время, несмотря на специфический характер смыслового аппарата данной методологии, ее применение становится традиционно свойственным в исследовании проблем общеправовой теории [4; 5; 7; 12; 13; 14; 15; 17]. Поэтому ее применение вполне может стать основой обеспечения процесса получения наиболее адекватного представления о проблеме правовых стратегий.

Оценивая эффективность применения диалектической методологии в исследовании правовых стратегий, следует определить ее место в системе методологической базы познания, т. е. ее охарактеризовать.

Особое внимание диалектике уделялось не только в отечественной, но и зарубежной литературе. Так, характеризуя диалектику с точки зрения всеобщности и динамичности, Ф. Энгельс писал, что «диалектика и есть не более как наука о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления» [11, с. 26]. Согласно философии Г. В. Ф. Гегеля, диалектика представляет собой «движение, лежащее в основе всего как подлинно духовная действительность, и в то же время – движение человеческого мышления, которое в спекулятивном плане участвует в этом движении абсолютно и всеобъемлюще» [2]. В. П. Малахов назначение диалектической методологии видит «в

рассмотрении как понятийного строя правосознания, так и государственно – правовых явлений в динамике, изменчивости, лишь в относительной устойчивости, качественной определенности» [9, с. 44]. Таким образом, сущность диалектической методологии состоит в рассмотрении правовых явлений, процессов и институтов в их динамике, движении и изменении. Причем эти изменения носят, как правило, всегда комплексный, согласованный и системный характер.

Итак, возможности диалектической методологии в исследовании правовых стратегий проявляются в следующем.

1. Диалектическая методология позволяет рассматривать правовые стратегии как движущую силу изменения права, в том числе его развития.

Принимая во внимание, что конструктивная реализация правовых стратегий всегда сопряжена с изменением правовой действительности, которое представляет собой «смену временных состояний сущего, переходы от того что было, к тому, что есть, и, вероятно, будет. Переходы эти можно понимать диалектически как процессы, осуществляемые с осложнениями, противоречиями и скачками, но в целом нормы отражают эволюцию сущего во времени, представляют пример однолинейности развития в мире социальных фактов» [10, с. 752]. Данное изменение, о котором идет речь, представляет особую значимость и проявляется в том, что правовые стратегии являются ядром правовой идеологии государства, поэтому их реализация оказывает влияние на изменение элементов правовой системы в целом.

Так, например, конструктивная реализация стратегии создания благоприятных условий для развития правовой активности граждан позволит качественно преобразовать взаимоотношения между человеком и государством. В данных условиях появляется возможность для гармоничного развития права гражданского общества, у граждан повышается степень заинтересованности в контроле деятельности государственно-властных структур, изменяется сфера законодательного регулирования наиболее важных сфер общественной жизни, а также механизм реализации прав граждан.

Еще одним примером, отражающим значимость применения рассматриваемой методологии, является стратегия криминализации общественно-опасных деяний в уголовном праве. Так, развитие информационных технологий объективно обусловило необходимость в уголовно-правовой охране ценностей и интересов в данной сфере. Если несколько десятилетий назад распространение вредоносных программ, кража номера банковской карты, совершение коррупционных преступлений посредством информационных технологий не были традиционно свойственными видами преступлений, то в настоящее время помимо того, что действующее уголовное законодательство Российской Федерации предусматривает ответственность за данный вид преступлений, стоит отметить развитие юридической науки криминалистики. Так, выработка методических рекомендаций по тактике производства следственных действий и методики раскрытия преступлений в сфере информационных технологий является одним из направлений развития российской криминалистики.

2. Применяя диалектическую методологию, оказывается возможным обнаружение взаимозависимости и взаимовлияния правовых стратегий, формируемых на различных уровнях правовой жизни общества. Так, стратегия, кон-

струируемая на уровне государственного права, предполагающая расширение государственно-властного влияния на отдельные сферы общественной жизни, может обуславливать в свою очередь развитие стратегий, формируемых на уровне групповой жизни общества. В качестве примера приведем стратегию повышения уровня благосостояния общества. Тактически реализация данной стратегии, кроме всего прочего, предполагает развитие механизма взыскания налогов, однако игнорирование юридических правил и требований данного механизма может стать основой возникновения теневого права, оппозиционного государству. В данном случае, например, на уровне внутрифирменного права будет формироваться стратегия, целью которой станет снижение налогового бремени и обеспечение нормального функционирования в условиях прибыльности. В данном контексте развитие государственного права определяет развитие права в его негосударственных формах.

3. Применение диалектической методологии позволяет обнаружить переход количественных изменений в качественные. Так, правовая стратегия, направленная на количественное изменение какого-либо объекта или явления на определенном этапе обуславливает качественное изменение данного объекта. Тактически реализация стратегии обеспечения эффективной правоприменительной практики в сфере защиты прав и интересов граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц предполагала постоянное уточнение составов административных правонарушений. Несовершенство применения норм административного права обуславливало внесение изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, например, в сферу полномочий органов по возбуждению и рассмотрению дел по административным правонарушениям. Постоянное количественное изменение привело к необходимости принятия нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, целью которого является повышение эффективности деятельности исполнительной власти.

Однако помимо достоинств названной методологии следует отметить, что ее возможности не являются безграничными в контексте проводимого исследования. Ограниченность возможностей диалектической методологии определяется, прежде всего, тем, что она не позволяет:

- дать более глубокую и развернутую характеристику правовым стратегиям;
- сформулировать стройный непротиворечивый понятийно-категориальный аппарат;
- дифференцировать правовые стратегии на основе не только современного состояния права, но и его прошлого «несовременного» состояния;
- выяснить, каким образом культурный фактор влияет на формирование правовых стратегий;
- проанализировать проблемы правовых стратегий с точки зрения их юридического и неюридического оформления.

Таким образом, принимая во внимание выявленные возможности диалектической методологии в исследовании правовых стратегий, следует отметить, что ни одна методология не является универсальной. Каждая конкретная методология имеет свою исключительную сферу применения и не может решить весь комплекс задач, стоящих перед исследователем.

Список литературы:

1. Долгушина С. В. Принципы взаимосвязи правовой и религиозной форм общественной жизни // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 22–25.
2. Захарцев С. И. Возвращаясь к дискуссии о диалектике как методологической основе познания права // Мониторинг правоприменения. – 2015. – № 1(14). – С. 32–39.
3. Зыкова С. В. Формы и элементы религиозности в российском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2006.
4. Кулакова Ю. Ю. Трансформация современных государств: теория и практика // История государства и права. – 2010. – № 13. – С. 17–20.
5. Кулакова Ю. Ю., Чувальникова А. С. Возможности использования синергетического подхода в исследовании права // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 12. – С. 40–43.
6. Лановая Г. М. Проблема типологизации современного права : монография. М. : «Граница», 2012.
7. Лановая Г. М. Типологическая характеристика современного права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
8. Лановая Г. М. Формы существования базовых типов современного права : монография. М., 2014.
9. Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права: монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2018.
10. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007.
11. Марченко М. Н. Общая теория государства и права : академический курс. М. : Норма, 2010.
12. Правкин И. В. Особенности становления современной правоохранительной системы в условиях реформирования российской государственности // Российский следователь. – 2011. – № 6. – С. 38–40.
13. Правкин И. В. Правоохранительная система в условиях реформирования российского государства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
14. Правкин И. В., Правкина И. Н. Роль правовой стратегии в реформировании правоохранительной системы // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 45–48.
15. Сигалов К. Е. Методологические принципы познания среды права // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 13–16.
16. Сигалов К. Е. Среда права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
17. Цыганкова Я. В. Природа и механизм правового гарантирования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Левкина Е. С.¹,

*преподаватель кафедры гражданского
и трудового права, гражданского процесса*

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИЦИИ ЗА НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Во второй половине XIX в. ответственность полицейских определялась на основании положений для лиц, состоящих на государственной службе. Потерпевшие от действий полиции имели право обратиться к его непосредственному начальству или в суд, который мог поручить рассмотрения дела опять-таки непосредственному руководителю полицейского. Именно от него и зависело, будет ли привлечен его подчиненный к дисциплинарной ответственности или к суду.

В ходе реформы полиции начала 60-х годов XIX в. высказывалось предложение об установлении судебно-исковой ответственности для полиции, подобно той, которая существовала в ряде государств Европы и США. Такой порядок позволил бы устранить произвол в действиях полиции, сократил бы недовольство населения действиями полиции и позволил бы полиции приобрести более уважительное отношение со стороны народа. Однако данное предложение не было реализовано [1, с. 205, 206, 212].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. регулировало вопросы ответственности чинов полиции, но за совершение деяний, которые преследуются по суду в уголовном порядке². Применение дисциплинарной ответственности за должностные нарушения частично содержались в главе IV «Учреждение полиции» раздела второго Общего учреждения губернского. Однако часть II «Об ответственности» отделения пятого «Об отчетах и ответственности полицейских управлений» содержит всего две статьи, регулирующие порядок подачи жалобы на действия служащих полиции (ст. 720) и временное отстранение чиновников полиции от службы в случае совершения ими уголовного преступления (ст. 721).

Дисциплинарная ответственность государственных служащих устанавливалась ведомственными уставами и правилами. Однако для чинов полиции такого устава разработано не было. Дисциплинарная ответственность полиции регулировалась статьями Свода Устава о Службе Гражданской по определению от правительства, основные положения которого были включены в Общее учреждение губернского [4]. Предусматривались следующие меры дисциплинарной ответственности: замечание, выговор, выговор с объявлением в приказе, наряд на службу вне очереди, арест до одного месяца, вычет из жалованья, перемещение с высшей должности на низшую, удаление от должности.

¹ © Левкина Е. С., 2020.

² Раздел 11 «Преступления и проступки чиновников по некоторым особым родам службы», третье отделение «О преступлениях и проступках чиновников полиции».

Дисциплинарная ответственность чинов столичной полиции регламентировалась Особенным Учреждением Санкт-Петербургской городской полиции от 8 июня 1889 г. (ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. IX. № 6085). В разделе III «Об ответственности и взысканиях» Учреждения в ст. 32, ст. 40 указывалось следующие дисциплинарные взыскания. Для классных чинов полиции: замечание, выговор, выговор с объявлением в приказе по полиции, наряд на службу вне очереди, арест до семи дней, вычет из жалованья, перемещение с высшей должности на низшую, удаление от должности. Для околоточных и полицейских надзирателей: замечание, выговор, выговор с занесением в штрафной журнал, наряд на службу вне очереди, арест до двух недель, вычет из жалованья, перемещение с высшей должности на низшую, перевод в городские, удаление от должности. Для городских: замечание, выговор, выговор с занесением в штрафной журнал, наряд на службу вне очереди, простой арест до одного месяца, строгий арест до двадцати дней, вычет из жалованья, перемещение с высшей должности на низшую, перевод в служительскую команду, удаление от должности.

Также было сказано, что жалобы на административную деятельность полиции приносятся в четырехнедельный срок «тем самым местам, от коих посланы были предписания».

За наиболее тяжкие должностные преступления применялась срочная ссылка в Сибирь или тюремное заключение. В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (редакция 1885 г.) ссылка в Сибирь применялась при корыстном непринятии мер к обнародованию или приведению в действие закона, за непринятие мер к предупреждению или пресечению преступления против царя, членов царского дома, государственную измену, а также заведомое искаженное изложение предписания монарха. За большинство же преступлений применялись, по существу, не уголовные наказания, а дисциплинарные взыскания.

Одними из наиболее распространенных должностных преступлений в России были взяточничество и должностное казнокрадство. Если полицейский брал взятку за действия, входившие в круг его обязанностей, то это называлось «подарком в деньгах (вещах)» и наказывалось взысканием двойной цены «подарка» и отстранением от должности. Казнокрады и растратчики крупных сумм, если они не возвращали похищенного и после раскрытия преступления, могли быть наказаны ссылкой. В других случаях они подверглись денежным взысканиям «не свыше цены растраченного или присвоенного», отстранением от службы в полиции и могли быть подвергнуты аресту на срок до одного года четырех месяцев. Так как дознание по факту правонарушения проводилось самой полицией, оно не могло быть объективным. Например, уголовное дело по факту подмены векселя в Нежинском городском полицейском управлении, обнаруженному в 1864 г., было возбуждено из-за проволочек лишь через 16 лет в 1880 г. [1, с. 205].

Решение вопроса о предании суду десятских, сотских и полицейских служителей было отнесено к компетенции общего присутствия полицейского управления. На практике по этим делам коллегиального обсуждения, как правило, не было. Жалоба поступала к исправнику, который проводил по ней проверку и для наложения взыскания на виновного передавал дело в присутствие,

указывая при этом вид наказания. О количестве такого рода дел можно судить по следующим данным: в уездных полицейских управлениях Уфимской губернии в 1880 г. принималось до 50 постановлений о наложении взысканий [3, с. 45; 5; 6]. Решение вопроса о предании суду, увольнению от должности, в немалой степени, зависело от укомплектованности штатов. Низкий уровень доплат в большинстве губерний и, как следствие, низкое материальное обеспечение приводило к значительному недокомплекту. Исправники и полицмейстеры в таких губерниях вынуждены были «закрывать глаза» на проступки и правонарушения своих подчиненных, несмотря даже на решения губернских правлений об удалении от должности и предании суду.

Стремление законодателя создать особый порядок преследования за должностные преступления реализовывалось и в порядке рассмотрения этих дел в судах. Уголовные дела и гражданские иски в отношении полицейских не могли быть разрешены в мировых судах, а направлялись в окружные суды, которые выступали в данном случае как первая инстанция. Позднее, в соответствии с законом от 7 июля 1889 г. «Об изменении порядка производства дел по некоторым преступлениям, подлежащим ведению судебных мест с участием присяжных заседателей», дела о преступлениях по службе чинов полиции были изъяты из ведения окружных судов с участием присяжных заседателей и переданы в судебные палаты с сословными представителями.

Отделение следствия от полиции требовало правового урегулирования вопроса об ответственности полиции за ненадлежащее выполнение обязанностей, возлагаемых на нее судебно-следственными органами и прокурором, поэтому законодатель несколько расширил контроль судебных органов за полицией. Мировым судьям было предоставлено право делать полицейским чинам предостережения. О важных упущениях полицейских мировые судьи были обязаны сообщать прокурору. За упущения по следственной части полиция привлекалась к ответственности прокурором по личной инициативе или по представлению судебного следователя. Прокурору закон предоставлял право либо лично объявить виновному предостережение, либо передать решение вопроса на рассмотрение суда. Суд, если он признавал вину незначительной, объявлял полицейскому замечание или выговор и сообщал об этом непосредственному начальнику. Если же упущения признавались серьезными, суд рекомендовал прокурору войти в сношение с начальником обвиняемого о предании его законной ответственности. Однако прокурор и начальник полиции не всегда достигали взаимоприемлемого решения [2]. В этом случае дело поступало в губернское правление, которое поручало судебному следователю провести предварительное следствие. При этом начальнику полиции предоставлялось право командировать к следствию своего чиновника. Материалы следствия с заключением прокурора передавались начальнику обвиняемого. Если начальнику вопреки мнению прокурора признавал, что обвиняемый не подлежит судебной ответственности, то возникшее разногласие разрешалось губернским правлением или Сенатом. В таком же порядке решались вопросы по обвинению полицейских в совершении преступлений, которые влекли лишение всех прав состояния, а также иски по возмещению значительных убытков.

Список литературы:

1. История Правительствующего Сената за 200 лет. Т. 4. Пг., 1911.
2. Нарбутов Р. В. Полиция Российской империи (1862–1917 гг.). Историко-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992.
3. Общее конституционное право. Лекции, читанные в С.-Петербургском Университете и Политехникуме, 1907–1908 / М. М. Ковалевский. Спб. : Изд. студента Н., 1908. С. 45.
4. Свод Законов Российской империи. Т. 3. Спб., 1857.
5. Сигалов К. Е. Методологические принципы познания среды права // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 13–16.
6. Сидорова Е. В. Организация предварительного следствия в органах уголовной юстиции Советского государства, 1917–1941 гг. (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2002.

Войде Е. Г.¹,

преподаватель кафедры криминологии

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НКВД РСФСР 1921–1928 ГОДОВ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В начале 20-х годов XX в., на передний план выдвигался вопрос законности действий органов власти. Так, Ленин В. И., в контексте перехода к НЭПу неоднократно подчеркивал существование прямой связи между развитием экономики РСФСР и соблюдением законности.

Курс на «водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности «был закреплен в документах IX конференции РКП(б)». Для реализации поставленных задач требовалось незамедлительное реформирование правовой системы и реорганизация органов советской власти. Это нужно было для того, чтобы создать иллюзию участия крестьянства в управлении государством, и, конечно же, преобразовать настолько советский аппарат, чтобы, невзирая на различные экономические уступки для мелкой буржуазии, конкретная власть всегда оставалась у партии большевиков.

Реформы в первую очередь коснулись правоохранительной системы РСФСР, в том числе НКВД. Неминуемы были изменения в направлениях деятельности, а также в организационной структуре НКВД.

Первыми ощутили влияние НЭПа аппараты коммунального хозяйства Главного Управления Коммунального хозяйства НКВД РСФСР (далее ГУКХ НКВД), так как в приоритет было поставлено развитие товарно-денежных отношений и необходимо было дополнить их компетенцию сферой коммунальных услуг. Деятельность ГУКХ НКВД сводилась к отделению функций общего руководства и контроля центрального аппарата от оперативного управления хозяйством, переданного местным территориальным органам управления (отделам коммунального хозяйства местных исполкомов).

В связи со снятием лагерей 1 января 1922 г. с государственного финансирования и перевод их на самоокупаемость, Главное управление принудительных работ (ГУПР) НКВД РСФСР подготовило проект устава «Объединенного куста предприятий принудительных работ», который 4 марта 1922 г. был утвержден коллегией НКВД. Далее при ГУПР НКВД РСФСР было организовано центральное хозяйственное управление производственными предприятиями при лагерях принудительных работ, действующее согласно принципам хозяйственного расчета.

В преддверии НЭП места заключения были закреплены за иными ведомствами: ВЧК, Центральному исправительно-трудовому отделу Наркомата юстиции, Главному управлению милиции (арестные дома). Так как подобное положение приводило к лишним расходам, а также делало невозможным прове-

¹ © Войде Е. Г., 2020.

дение единой исправительно-трудовой реформы, пренебрегая идее законности, провозглашенной В. И. Лениным, было решено установить курс на централизацию процесса исполнения наказания. Для реализации поставленной задачи необходимым было создание единой системы мест лишения свободы, а также центральный управляющий орган управления.

Общеизвестно, что с начала создания НКВД осуществлял функцию советского строительства. В период войны на местные власти (президиумы исполнительных комитетов, советы, исполнительные комитеты) не возлагалась функция руководства советским строительством на местах, так как они были де-факто заняты решением неотложных военных и хозяйственных задач. Но с началом новых экономических отношений данная функция НКВД стала не релевантной и была исключена. Так как наделение НКВД полномочиями организовывать власть на местах, очевидно, противоречило основам демократического централизма и всевластия Советов. Это было неприемлемо в связи с регламентом законности во всех сферах публичной жизни.

По итогам I Всероссийского съезда работников милиции (март 1922 г., Москва) были рассмотрены варианты реформирования в сфере безопасности общественного порядка и предотвращения преступности. В итоге съезд определил ключевые направления улучшения деятельности милиции в период НЭПа. И на первый план была поставлена работа по наблюдению за исполнением законов и обязательных постановлений. Таким образом, данное положение не отрицало возможности рассматривать милицию в качестве некоего административного рычага воздействия на нужное направление развития событий. Далее съезд обратил внимание на то, что в условиях НЭПа криминогенная обстановка меняется в сторону значительного роста преступности. В связи с этим необходимо создать специально уполномоченный централизованный орган уголовного розыска.

В связи с переходом к НЭПу главные направления работы НКВД РСФСР были существенно изменены. С начала 30-х годов начались обсуждения по поводу разработки новых основных направлений реорганизации НКВД РСФСР.

Введение НЭПа способствовало советским властям пересмотреть основные направления работы милиции, тем самым, знаменовав начало существенных изменений системы органов милиции. В 1921 г. была упразднена железнодорожная милиция, а следом за ней и водная. Ликвидации была подвергнута следственно-розыскная милиция. Далее была прекращена деятельность промышленная, а затем и продовольственной милиции.

Деятельность рабоче-крестьянской милиции регламентировалась отдельным разделом Положения о НКВД РСФСР от 24 мая 1922 г. Итак, согласно вышеупомянутому документу на милицию были возложены следующие функции:

- реализация мероприятий, исходя из функций, возложенных на НКВД;
- поддержание общественного порядка и предотвращение преступности, а также исполнение декретов и постановлений вышестоящего руководства;
- охрана гражданских учреждений и организаций государственной важности (почты, водопровода, железнодорожных станций и т. д.);
- охрана заводов, предприятий, фабрик, рудников и т. п.;

- защита лесов, советских питомников, топливных – сырьевых складов, сельскохозяйственных товаров и т. д.;
- караул концентрационных лагерей;
- помощь всем государственным органам в контексте реализации их полномочий.

Также в документе оговаривались иерархия и основные направления деятельности Главного управления рабоче-крестьянской милиции (включая губернское, городское и уездное управления милиции).

Главному управлению милиции были подчинены несколько отделов:

- непосредственно отдел милиции;
- уполномоченный отдел уголовного-розыска;
- отдел материального обеспечения.

В августе 1923 г. было распоряжение о создании Центрального административного управления, которое состояло из прежнего организационно-административного, главного управления милиции и отдела уголовного розыска. В итоге больше чем в два раза были сокращены штаты (наблюдалось массовое увольнение кадров) и на 30 % были урезаны расходы на содержание аппарата.

ЦАУ, помимо вышеупомянутых трех отделов, дополнилось секретариатом. Организационно-административный отдел, в отличие от отдела милиции, осуществлял контроль за правильностью применения административных санкций к правонарушителям. Также отдел занимался вопросами правового положения иностранцев и руководством деятельности ЗАГСа.

На протяжении года было издано много нормативных-правовых актов, которые регламентировали отдельные аспекты деятельности милиции. Так, Дисциплинарный устав милиции закрепил основные правила поведения милиционеров вовремя выполнения ими своих служебных обязанностей, а также подчеркнул ответственность за нарушение данных правил. В ноябре была утверждена Инструкция участковому надзирателю, которую зачастую связывают с началом зарождения института участковых в органах милиции. Согласно Инструкции каждому участковому-надзирателю предоставлялся определенный участок, за который последний нес ответственность. Через год была принята Инструкция волостному милиционеру, которая обязала последних проживать в определенном районе и соответственно предотвращать там преступность, обеспечивать законность и охранять правопорядок. Далее утвердили Инструкцию постовому милиционеру, которая определила фундаментальные принципы деятельности постовой службы, а также права и обязанности ее сотрудников. Ее приняли ввиду провозглашения функции охраны общественного правопорядка в качестве главной обязанности советской милиции.

План реорганизация правоохранительных органов на местах был реализован постепенно. До 1923 г. советская милиция руководствовалась Положением об отделах управления (утверждено СНК РСФСР в январе 1920 г.). Далее, II сессия ВЦИК X созыва (июль, 1923 г.) издала постановление об упразднении отделов управления уездных исполкомов, передав административно-исполнительные функции в управления милиции.

В 1922 г., декретом ВЦИК и СНК определялись новые задачи для НКВД и его местных органов. Это была деятельность в сфере утверждения и реги-

страции обществ и союзов, причем на бесплатной основе. Постановление Совета труда и обороны (СТО) от 27 сентября 1922 г. передало в ведение НКВД РСФСР конвойную стражу, а с сентября 1925 г. она была выделена в самостоятельный вид войск, подчиненный Центральному управлению конвойной стражи СССР. В изучаемый период на НКВД были возложены следующие функции: выдача разрешений на «фотосъемку внутренней жизни»; регистрация и учет охотничьего оружия; регистрация религиозных обществ и союзов и некоторые другие.

Следует подчеркнуть, что введение НЭП способствовало реальному закреплению законности как основополагающего принципа демократии. Первым делом это означало внесение правок в советское законодательство. Это коснулось, прежде всего, НКВД. Начался очередной этап: его реорганизация в период НЭПа способствовала превращению его в правоохранительный орган по вопросам защиты и обеспечения общественного правопорядка. Существенное влияние на проводимое реформирование оказали последствия гражданской войны и иностранной интервенции. Вместе с разрухой пришел экономический кризис, вызвавший необходимость минимизации расходов на поддержание функционирования государственного аппарата.

В целом реформирование НКВД и его местных органов проходило без существенной нормативной проработки. Не были разработаны программы, концепции реорганизации. Сложившуюся ситуацию связывают с тем, что введенная новая политика рассматривалась как временное отступление («всерьез и надолго», но не навсегда).

Конец гражданской войны и иностранной интервенции повлек за собой возвращение значительного количества солдат, беженцев и пленных. Возникшую проблему решали по мере наступления. Закрепление данной функции за Наркоматом и дальнейшее реформирование звеньев были связаны до этого момента только особенностью сформировавшейся системы ОВД. Также повлияло и то событие, что непосредственно органы НКВД управляли коммунальным хозяйством, что, в свою очередь, позволяло отлично улаживать практически все вопросы, связанные с передвижением, размещением, обслуживанием солдат, пленных и беженцев.

Логично, что, пережив гражданскую войну, Советское государство стремилось восстановить былой экономический потенциал и как прежде быть лидером на мировой арене. Для достижения поставленных целей в любом случае был бы взят курс на максимальное сокращение, как тогда говорили, административно-управленческих расходов, не зависимо от того, был или не был введен НЭП.

Уровень централизации управления органами милиции в данный период снизилась. Однако местным советским властям были предоставлены довольно обширные полномочия касательно управления милицией (финансирования, укомплектование штатов, в целом все из-за указанного режима вынужденной экономии), что привело к снижению ее эффективности ввиду явного противоречия законодательству.

Следует отметить, что вопрос формализации структуры НКВД и его муниципальных органов возник из-за наличия огромного количества различных в

принципе не связанных между собой функций, которые возлагались на НКВД. В контексте реализации НЭП юрисдикцию наркомата быстро привели в соответствие с новыми требованиями, изложенными в Положениях. Невзирая на имеющиеся противоречия, а также несоответствия проведенной реструктуризации, их развитие определяется данным образом: правоохранительные органы преимущественно сконцентрированы на исполнении административных, защитных функций (поддержание публичного порядка, предотвращение преступности, применение воспитательных мер к осужденным, их исправление, итак далее). Из-за явно выраженной непоследовательности исполнения возложенных функций в конечном счете, была осуществлена ликвидация народных комиссариатов Союзных, а также автономных субъектов под конец 1930 г.

На момент свертывания новой экономической политики в системе правоохранительных органов все больше сказывались тенденции централизации руководства. Отказ от либерального, по своей сути, НЭПА и переход к жестким формам отношений с населением, коллективизация, ускоренная индустриализация обусловили и изменения в стиле работы и организационному строению правоохранительной системы.

Интерес рассматриваемого вопроса определяется актуализацией реформирования в Российской Федерации, которая затрагивает практически все сферы гражданского бытия. Но наиболее трудоемким является реформирование именно системы правоохранительных и правозащитных органов. Учитывая историческую ретроспективу, следует отметить, что одно из существенных реформирований правоохранительной системы происходило в период новой экономической политики. Именно исследование влияния реформ 1920-х годов не только обогатит знания, но и поможет совершенствовать организацию и деятельность сегодняшних органов внутренних дел в целом и их отдельных подразделений, что может позволить избежать ошибок прошлых лет.

Красиков Е. А.¹,

соискатель кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЕДИНСТВА ПРАВОВЫХ, ПОЛИТИЧЕСКИХ И НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ ВЗАИМОСВЯЗИ ДЕМОКРАТИИ И ДИСЦИПЛИНЫ

Связь демократии и дисциплины – необходимое условие и залог успешного существования и функционирования общества, соблюдения сформированных в его недрах нравственных идеалов и принципов, поддержки и осмысленного отношения социума к государственно властным решениям, в том числе ограничивающим не только предоставленные, но и в необходимых случаях естественные права и свободы. В связи с этим рассмотрение единства демократии и дисциплины, выявление и анализ основополагающих идей и начал такого единства целесообразно осуществлять в контексте синтеза основ таких способов организации общественной жизни, как право, политика и мораль.

Степень позитивности единства демократии и дисциплины является прямо пропорциональной содержательной насыщенности его базовыми концептуальными идеями трех рассматриваемых регуляторов общественных отношений. Однако в контексте каждого из данных регуляторов значение и роль связи дисциплины и нравственности имеют определенные отличительные черты.

Так, для права значимость единства анализируемых нами категорий проявляется в следующем. Дисциплина в праве служит отражением императивного внешнего веления, следствием реализации государственного права, в то время как демократия, выступая следствием проявления самоорганизованности общества, его идейных и духовных начал, способна в единстве с дисциплиной придать последней форму поддерживаемого обществом норматива, легитимировать государственное право, подчеркнуть его значение в кризисных ситуациях, когда только с помощью аппарата государственного принуждения и строгих правовых санкций возможно достижение общественного порядка и законности. В негосударственных же формах права (индивидуальном, праве гражданского общества и др.), соотношение демократии и дисциплины аналогично соотношению содержания и формы.

В контексте нравственного связь дисциплины и демократии детерминирована тем, что нравственные ценности, обычаи и традиции, сформированные в общественной среде и опирающиеся на моральные и нравственные императивы, являются важнейшим средством укрепления самодисциплины и в конечном счете дисциплины в государстве в целом. Дисциплина основывается на сознательности и инициативе индивида. В условиях демократии люди заинтересованы в общем деле, у них развито чувство личной ответственности и гражданского долга. Человек ощущает себя ответственным за то, в чем сознательно участвует. Поэтому, чем шире сфера личного творчества человека, богаче трудовая и общественно-политическая деятельность, активнее жизненная позиция, тем глубже его ответственность за все происходящее, тем выше его дисциплина.

¹ © Красиков Е. А., 2020.

Сознание и правосознание не могут формироваться только под воздействием правовых феноменов. Более того, чем более развито у человека правосознание, тем более оно «насыщено» морально-нравственными составляющими. В то же время наличие сформированного сознания человека и общественного сознания, обогащенных социально – значимыми идеалами и представлениями, объединяющими нравственные и правовые начала, является одним из факторов существования демократии в ее подлинном смысле, т. е. общности социально развитых и самодисциплинированных индивидов, стремящихся к самоуправлению и в связи с этим не нуждающихся более во внешних формах поведения, навязанных государством.

В политическом смысле дисциплина становится предпосылкой и важнейшим условием демократии, способом ее удержания в рамках народовластия, препятствуя его перерождению, с одной стороны, в случае преобладания социального начала, в охлократию или анархию, а с другой, в случае доминирования государственного начала, – в тиранию. «Без дисциплины и ответственности самые демократические решения повисают в воздухе, превращаются в нереализованные возможности»¹. Зачастую дисциплина становится предпосылкой демократии, не способной появиться в политически неорганизованном и несамостоятельном обществе.

Само народовластие как таковое беспредметно и, выступая порожней формой, государственным режимом, не имеет содержательного компонента. Формальность детерминирует то обстоятельство, что демократия, как непосредственное выражение воли народа, без соответствующей идеологии сама по себе не опирается на духовные нравственные ценности, человеческую природу, притупляет чувство ответственности, размытой по отношению ко всем выразителям народного волеизъявления, и в связи с этим может стремиться к достижению не только позитивных, но и аморальных целей.

Дисциплина же без демократии может превратиться в неограниченное администрирование, содержание без формы и без обозначения пространства реализации. Демократия придает дисциплине добровольный и сознательный и характер, не допуская перерождения в жесткий полицейский режим правления. Укрепление дисциплины и расширение демократических основ – это не две отдельные закономерности, а двуединая закономерность совершенствования политически организованного современного общества.

Единство и взаимосвязь дисциплины и демократии обусловлены рядом факторов и условий, делающих данную связь возможной и конструктивной. Такие факторы условно, в зависимости от роли и значения в них субъекта, можно разделить на две группы: субъективные и объективные. Субъективные факторы непосредственно обуславливаются влиянием субъективного личностного начала, они формируются в общественной среде и их зависимость от государственного вмешательства опосредована. К субъективным факторам можно отнести следующие:

1) правосознание общества (высокий уровень развития правосознания, правовой культуры и грамотности населения, осознанное стремление к упоряд-

¹ URL: <http://www.advoks.ru/socgos/39-disciplina.html> (дата обращения: 07.08.2018).

дочиванию общественной жизни, правопорядку и законности, низкий уровень правового нигилизма);

2) инициативность, самодостаточность и самоуважение членов социума, позволяющие им энергично отстаивать свои права и законные интересы, выступать в необходимых случаях реальной оппозицией государства в рамках существующего гражданского общества;

3) положительный, доверительный образ органов государственной власти и государства в целом. Государство должно восприниматься не как исключительно инструмент властного принуждения и ответственности, не как патриархальное начало общества, а как более сильный партнер в вопросе построения демократического государства и поддержания дисциплины в социуме;

4) наличие и актуальность реализации правил поведения, складывающихся в рамках негосударственных форм права (индивидуальное право, групповое право, корпоративное право, право гражданского общества и др.); их взаимовлияние и взаимосвязь с государственным правом;

5) исторически сложившиеся прочные традиции самостоятельного развитого гражданского общества, его способность воздействовать на принимаемые в масштабах государства значимые для всего общества решения.

Объективные факторы – это не детерминированные субъективным сознанием индивида, но в основном обусловленные государственным воздействием причины и условия появления и существования взаимосвязи дисциплины и демократии. К таким, в частности, можно отнести следующие:

1) уровень развития правотворчества в государстве (наличие коллизий, пробелов, лакун, иных противоречий в действующем государственном праве);

2) развитость институтов местного самоуправления (проведение объективных, гласных избирательных процедур, роль структур местного самоуправления в решении государственно-значимых задач);

3) открытость и социальная ориентированность деятельности государственных органов, нивелирование барьеров в управлении государством на пути социума, являющиеся залогом существования демократического правового государства;

4) степень реализации и защиты государством прав и законных интересов населения.

Относительно диалектической взаимосвязи демократия и дисциплины к вышеизложенному следует также добавить несколько слов. Данная связь, формируемая первично государством, осуществляется в основном при опоре на дисциплину, и тогда создаваемая когеренция с демократией часто остается лишь внешне оформленной, поверхностной. В то же время, когда инициатором такой связи выступает гражданское общество, дисциплина – осознанный добровольный выбор членов общества, необходимое ограничение своей свободы, а связь демократии и дисциплины – прочная и надежная.

Связь демократии и дисциплины призвана продемонстрировать единство и невозможность принципиального противопоставления двух понятий, как одновременно выступающих важнейшими инструментами поддержания законности и правопорядка в обществе. Демократия – как способ самоорганизации и упорядочивания отношений в рамках гражданского общества и созданного им

права гражданского общества. Дисциплина – как внешний властный чаще государственный инструмент воздействия на общественные отношения. В том случае, если дисциплина становится избыточной, можно говорить о перспективной тенденции роста значения развитых демократических начал. В ситуации наращивания государством дисциплинарных мер, скорее всего, демократия в масштабах гражданского общества стала неспособной регулировать баланс отношений в социуме как вследствие объективного ослабления механизмов самоорганизации, приведших к стагнации норм права гражданского общества, так и вследствие «передавливания» государством властным ресурсом: излишняя юридизация, повышение сферы и уровня ответственности членов общества перед государством.

Взаимосвязь вышеперечисленных политических, правовых и нравственных принципов отражает диалектику единства и противоположности политической, нравственной и правовой жизни.

Политическая, нравственная и правовая жизнь основываются на формах общественного сознания и регуляторах общественного поведения: политике, морали и праве. Все их объединяет целенаправленность на регуляцию жизни общества. Однако политика реализует эту цель посредством властного компонента, мораль – духовности, а право – законности.

Тесная связь морали и права обуславливает диалектику нравственных и правовых принципов. Нравственный принцип справедливости, подобно принципам равенства, свободы и проч. реализуется в праве, выступая ценностно-духовным наполнением правовых норм – формальных правил поведения. В то же время наиболее значимые в масштабах государства моральные нормы закрепляются в источниках права и приобретают юридическую силу, обеспеченную юридической ответственностью и основывающуюся на правовом принципе законности.

Политический принцип властной организации по природе самой политике антагонистичен нравственным принципам гуманизации и духовности, но выступает силовым импульсом для принципов права. Правовые принципы законности (легальности) и содержательности и политические принципы легитимности и формальности соотносятся как форма и содержание, что отражает сущность связь правовой и политической жизни. Нравственный принцип историко-культурной определенности коррелирует с принципом конкретности политической жизни и обеспечивает принцип упорядоченности в праве.

В отличие от нравственных принципов, политические и правовые принципы обезличены и лишены компонента духовности. Политическая жизнь «компенсирует» бездуховность – содержательностью и конкретностью, а право, представляя собой формальный феномен, оперирует категорией законности и «заимствует» ряд нравственных принципов для обоснования собственной целесообразности. Политические принципы иерархичности и властной определенности диалектически связаны с правовыми принципами упорядоченности и системности, что отражает направленность политической и правовой жизни на стабилизацию общественных отношений.

В применении к демократии первичны, прежде всего, политические принципы: они позволяют организовать на основе властного ресурса обще-

ственное большинство для выполнения общей цели. В то время как правовые принципы способны это большинство организовать и легитимировать использование власти выделенным из большинства меньшинством на основе системы формальных правил поведения, соблюдение, исполнение, использование и применение которых контролируются мерами государственного принуждения. Роль нравственных принципов применительно к демократии вторична: они вносят духовный компонент и способствуют гуманизации властных и обезличенных политических и формальных правовых принципов. Также эти принципы отражают необходимость сдерживания как чрезмерной политизации связи демократии и дисциплины, так и чрезмерной ее формализации.

По отношению к дисциплине первичны принципы правовой и нравственной жизни, детерминирующие сознательное и целенаправленное, основанное на высоком уровне правосознания и правовой культуры следование установленным нормам поведения в обществе. Политические принципы для дисциплины в общем контексте вторичны и лишь служат содержательными направляющими развития данных форм общественного сознания.

Если говорить о связи принципов политической, правовой и нравственной жизни, необходимо отметить рациональность их применения в комплексе как единой системы. Только реализации всех трех типов принципов позволит говорить о полноценной диалектической связи демократии и дисциплины, базирующейся на трех регуляторах общественных отношений. Преобладание одного из регуляторов неизменно будет приводить к дисбалансу и дисфункциональной связи рассматриваемых феноменов.

В динамические периоды жизни общества, связанные с преобладанием в когерентной паре дисциплина – демократия одной из составляющих, также встает проблема первичности одних принципов и вторичности других. При этом подобное доминирование обуславливается складывающейся в конкретное время и на конкретной территории социальной ситуацией и при учете соответствующих культурных, психологических, экономических и иных факторов и детерминант.

Во время серьезных социальных потрясений, войн, катастроф во взаимосвязи демократии и дисциплины приоритет объективно отдается правовым принципам, основным вектором которых является необходимость упорядочивания общественных отношений в состоянии антагонистических конфликтов, достижения стабилизации общественной жизни.

Нерешенным правовым вопросам отмены рабства была обязана своим началом Гражданская война в США между Севером и Югом в 1861–1865 гг. Окончание войны знаменовалось принятием поправки к Конституции, отменявшей рабство, Гомстад-актом, обеспечивающим рациональное распространение земельных наделов и прочими юридическими документами.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В системе рассматриваемых принципов нравственные принципы выражают направленность на индивидуализацию (гуманизацию), политические принципы – направленность на властно-организующую сторону связи, правовые принципы – направленность на формально-упорядочивающую сторону их связи. Вне единства этих типов принципов всегда будет неоправданно преобла-

дать та или иная направленность, что обедняет взаимосвязь демократии и дисциплины.

2. В динамические периоды жизни общества в связи демократии и дисциплины первичны правовые принципы, поскольку главная задача – стабилизация государственно-общественной жизни. В стабильные периоды жизни общества и государства в связи демократии и дисциплины первичны политические принципы, поскольку на первое место выходит содержательное наполнение того и другого.

3. Нравственные принципы связи демократии и дисциплины отражают необходимость сдерживания как чрезмерной политизации этой связи, так и чрезмерной ее формализации.

*Сергеева И. В.*¹,

*аспирант Института государства и права
Российской академии наук*

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА ДЛЯ ПОИСКА ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ МОДЕЛЕЙ КОНСТРУКЦИЙ ПАРТИКУЛЯРНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ

Ставя цель рассмотреть значение исторического материализма в историко-правовом исследовании партикулярных правовых систем Священной Римской империи в определенный исторический период, важно определить соотношение как цивилизационного, так и формационного подходов в свете применения общенаучных и частных методов исследования в контексте достижений теории и философии права. Решая задачу поиска правовой природы партикулярных правовых систем в период Средневековья и Нового времени, моделирования их структуры, выявления общего и частного в их характеристиках, важно проанализировать значение исторического опыта Священной Римской империи в свете тенденций развития западной цивилизации, а также, рассматривая исторический контекст формирования правовых систем этого государства, проанализировать сущность такого понятия, как феодальное право.

Как отмечает Н. В. Михайлова, каждое историко-правовое исследование должно содержать анализ теоретико-правовых проблем и концептуальных идей учений о государстве и праве, сопряженных с разрабатываемой историко-правовой тематикой. При этом она указывает, что основополагающей парадигмой в сфере истории государства и права является сочетание традиционных и инновационных подходов при использовании таких методологических принципов, как проблемно-хронологический, принципа использования положительных сторон формационного и цивилизационного подходов к изучению историко-правовых проблем, принципа широкого привлечения при проведении историко-правовых исследований достижений гуманитарных наук (теории и философии права, философии истории, этнографии, археологии, источниковедения и других), а также открытий в сфере естественных наук, с опорой при проведении историко-правового исследования на концептуальные идеи представителей известных научных школ с проведением изысканий на стыке историко-правовой науки и отраслевых юридических наук. Методологической основой исследования в юридической науке, которое может базироваться на материализме и диалектике, идеализме или метафизике, является определенное философское направление. Диалектическое развитие истории человеческих обществ в материалистическом понимании предполагает подчинение хода этого развития объективным социальным законам, исторический процесс представляет собой последовательную и закономерную смену общественно-экономических формаций, обусловленную развитием производительных сил и отношений, что, в свою очередь, обуславливает развитие правовых институтов общества. В свете

¹ © Сергеева И. В., 2020.

формационного подхода актуален вопрос поиска правовой природы такого явления феодального периода развития западноевропейского общества, как правовой партикуляризм, наиболее характерный для такого государства, как Священная Римская империя (с 1512 г. Священная Римская империя германской нации), где ленное, городское, каноническое, земское право по-разному регулировали одни и те же правоотношения в зависимости от сословной принадлежности субъекта права, а также определенной территории. П. Н. Галанза определял партикуляризм феодального права как отсутствие единого права на территории одного государства и господство правовых систем, основанных на местных обычаях, а также регулирование отношений внутри каждого сословия своими правовыми нормами. Если понимать правовую природу как первооснову, ведущее начало, обусловившее существование самого явления с точки зрения права, то будет иметь значение ее выявление, которое будет заключаться в анализе с позиции права существенных свойств явления. При этом юридическая характеристика ленного, городского, канонического, земского права Священной Римской империи в период XIV – начала XIX вв., как описание их существенных свойств, позволяет выявить основные элементы каждой из этих правовых систем, такие как правовые нормы, система источников, система правоотношений, а также особенности правосознания и правовой культуры субъектов правоотношений внутри каждой правовой системы, что позволяет определить каждое отдельно исследуемое городское, ленное, земское, каноническое право как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих правовых средств, регулирующих общественные отношения определенных субъектов, т. е. как правовую систему, являющуюся партикулярной (лат. *particula* – небольшая часть) в сфере единого имперского государства. Детальное изучение юридических характеристик партикулярных правовых систем Священной Римской империи с использованием достижений теории и философии права, философии истории, источниковедения и других гуманитарных наук, а также с использованием методологических принципов при сочетании традиционных и инновационных подходов исследования, в частности принципа использования положительных сторон формационного и цивилизационного подходов, предполагает моделирование конструкций партикулярных правовых систем, выявление функций, а также существенных свойств, в целях определения сущности такого правового явления как партикулярные правовые системы Священной Римской империи в период XIV – начало XIX вв. В этой связи неизбежно рассмотрение этого правового явления в свете диалектики исторического процесса. Рассматривая историю формирования права Священной Римской империи в определенный период, в частности в период XIV – начало XIX вв., также можно выявить тенденции развития западного или европейского права в свете развития идеи западной цивилизации. Священная Римская империя объединила племена и народы Западной Европы до возникновения наций как этнокультурных общностей на основе трансляции традиций Римской империи. Современные западные историки, социологи и культурологи связывают становление Европы как цивилизационной общности именно с периодом Средневековья, т. е. в контексте формационного подхода в рамках такого исторического типа правовой системы, как феодальная, которая характеризуется отсутствием равенства и

выступает как право-привилегия. В контексте определения правовой природы партикулярных правовых систем актуально понимание диалектики исторического процесса как прогрессирующего процесса освобождения людей от разных форм личной зависимости. Как отмечал В. С. Нерсисянц, формой свободы людей как свободы их воли является право, что обуславливает волевой характер права. При этом свобода невозможна без принципов и норм равенства, без общих правил, единого масштаба и равной меры свободы, т. е. без права, вне правовой формы. Если рассматривать право как свободу, то можно утверждать, что корпоративность средневековой культуры и правовая корпоративность Священной Римской империи, выражавшаяся, в том числе, в партикулярности таких правовых систем, как городское право, ленное право, земское право, каноническое право, способствовала на определенном историческом этапе развитию общества, а также обеспечивало баланс сил и интересов. Также многие исследователи, в частности В. Б. Романовская, отмечают процесс оформления личных прав и свобод человека в рамках городского права Западной Европы в Средние века. При этом в Священной Римской империи имперское законодательство контролировало лишь основные функции, присущие современному государству.

Подводя итоги сказанному, можно отметить важность применения положительных сторон формационного подхода при исследовании партикулярных правовых систем Священной Римской империи в период Средневековья и Нового времени, правовая природа которых обусловлена как характеристиками такого исторического типа правовой системы как феодальная, так и корпоративностью средневековой культуры в целом, а также диалектикой исторического развития человеческих обществ, в частности западноевропейского общества.

Раков К. А.¹,

*адъюнкт ФПНПиНК по кафедре теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ПРАВОПОРЯДОК В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

В середине XIX в. основоположниками марксизма К. Марксом и Ф. Энгельсом была разработана теория материалистического развития общества. Данная концепция состояла из философской и исторической составляющих, поименованных как диалектический и исторический материализм. Исторический материализм, «выросший» из философии истории Г. В. Ф. Гегеля, является собой самостоятельный подход в исследовании и понимании исторического развития общества. Основной идеей материалистического подхода к пониманию исторических процессов является осознание объективных закономерностей, приводящих к смене типов общественного устройства (общественно-экономических формаций). Главной движущей силой при этом является развитие средств материального производства и отношения собственности к ним. Указанные процессы, в свою очередь, влияют на изменение общественного сознания, одной из форм которого является правосознание [3, с. 331].

Известно, что классиками марксизма не уделялось достаточного внимания вопросам права, в связи с тем, что базовой (системообразующей) наукой, вполне объяснимо, считалась экономика. Право, определенное как возведенная в закон воля господствующего класса, очевидно, получило в материализме инструментальный характер. Волонтаристское понимание права автоматически лишало его фундаментальности и упраздняло его понимание как феномена. Иными словами, правопонимание марксистов – один из классических примеров правового позитивизма, где право предоставляется, а правопорядок устанавливается легитимированным субъектом (делать различие между «государством» и «господствующим (правлящим) классом» в данном контексте не представляется необходимым).

Современные теоретики и философы права стремятся различать категории «право» и «закон» (позитивный закон). В. С. Нерсесянц отмечал, что философия права начинается там, где появляется различие права и закона [4]. На этом основании возможно утверждение о том, что вопросы, связанные с содержанием правопонимания, а также исследование содержательных оснований правопорядка – предметная область философии права. Учение марксистов в принципе не предполагало смешение философии с юридической наукой в силу прикладного характера последней. Этим объясняется и не востребованность философии права на протяжении большей части советского периода. Соответственно материалистический подход не предполагает признания идейно-ценностных основ правопорядка, равно как любых условий легитимации существующего правового строя. Правопорядок у марксистов определяется лишь как результат (конечный этап) реализации законности.

¹ © Раков К. А., 2020.

Правопорядок – это сложное социально-правовое явление, которое является суммой различных условий, характерных для того или иного периода, поэтому для исследования данной категории в историческом «разрезе» следует исходить из анализа его оснований [5, с. 96–100]. На наш взгляд, именно признание и осмысление социальной природы правового порядка приводят исследователей к пониманию его как сложной и многоосновной системы, где содержательные основания не менее значимы, чем те, что образуют законность [6, с. 73–77].

Видится, что классический марксизм показал свою несостоятельность (в частности, в вопросах права) именно ввиду игнорирования социальных «корней» права, равно как и социальной базы правового порядка. Такого рода теоретическая безальтернативность, безусловно, отразилась на правовой практике и повлекла, как известно, ряд деструктивных последствий. Вместе с тем, сегодня ряд неомарксистов (в частности, в России) «модернизировали» традиционные постулаты материалистического учения. В области теории права особый интерес представляет дискурсивно-конвенциональная модель, предложенная А. И. Клименко. Сущностью данной концепции является «нивелирование» негативных последствий классового противостояния путем публичного правового дискурса представителей социальных групп, в ходе которого на конвенциональной основе формируются и принимаются правовые ценности общества. Материалистичность указанного концепта составляет определение конкретных интересов социальных акторов и групп как «импульса» для вступления в правовой дискурс [2, с. 20].

На наш взгляд, исторический материализм являет собой колоссальный вклад в развитие учения об обществе. Говорить о несостоятельности данной модели также не представляется возможным до тех пор, пока ход истории не разрушит ее основы. Сегодня мы наблюдаем возможность исторического материализма быть дополненным и усовершенствованным как теория без изменения своего концептуального фундамента. Стоит отметить, что именно право как социальный феномен своим действием и развитием своей теорией «оголило» проехи традиционного материалистического учения марксистов и сподвигло современных последователей внести в него необходимые корректировки.

Правопорядок в контексте классического исторического материализма предстает в виде правового режима, устанавливаемого и контролируемого господствующим на определенном историческом этапе классом с помощью норм позитивного права и системы государственного принуждения. Современная интерпретация материалистического учения представляет правовой порядок, как состояние права в обществе, сформированное под влиянием формальных и содержательных оснований. Важнейшими из последних выступают правовая идеология и правовые ценности общества, принятые на конвенциональной основе в процессе публичного правового дискурса [1, с. 246].

Список литературы:

1. Клименко А. И. Легализация правовой практики и легитимность закона // Право и религия в междисциплинарной интерпретации : монография / под ред. А. Б. Дидикина. М. : Проспект, 2019.

2. Клименко А. И. Функции и дисфункции юридического права и формы правового регулирования общественных отношений // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики: сборник научных трудов / под ред. А. Б. Дидикина. М. : Проспект, 2019.

3. Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020.

4. Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.

5. Попов В. И. Правовая коммуникация как фактор формирования правосознания и правосознание как смысловая среда правовой коммуникации // Актуальные проблемы юридической теории и практики : сборник научных статей. Вып. IV. М. : Граница, 2019.

6. Раков К. А. Правовые стратегии как содержательное основание правопорядка на региональном уровне // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики : сборник научных трудов / под ред. А. Б. Дидикина. М. : Проспект, 2019.

Чикалов О. В.¹,

*адъюнкт ФППиНК Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ МОДЕЛИ ТИПОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ

Необходимо указать особую значимость для современной общеправовой теории поднимаемой в данной статье тематики, предопределенной в первую очередь актуальностью дальнейшего структурного и содержательного анализа профессионального правосознания, проводимого с целью выявления его типов и построения его типологии. По справедливому замечанию Н. В. Сильченко: «Развитие понятийного аппарата общей теории государства и права – результат углубляющегося познания государственно-правовой действительности...» [6, с. 55].

Необходимо указать, что в соответствии с классическим определением профессиональное правовое сознание – это «... форма общественного сознания, которая выступает системой правовых взглядов, чувств, иных элементов, а также требует специальной образовательной и практической деятельности» [5, с. 12]. Тем не менее, очевидным является то, что профессиональное правовое сознание, представляя собой в общем виде форму группового сознания юридического сообщества, не является монолитом и внутренне столь же дифференцированно, как и сама социальная группа его субъектов-носителей.

Профессиональная форма правового сознания является дискретной с точки зрения своего содержания и в своих типах различается в зависимости от правовой сферы, в которой осуществляется профессиональная деятельность юриста-носителя. Поэтому наиболее оптимальным для постижения внутренней сущности профессионального правосознания является метод типологии. Так, В. П. Малахов отмечает: «Типологизация – верный, продуктивный способ обнаружения самых разных аспектов содержания, структуры, идейной и функциональной направленности правосознания...» [1; 3; 4, с. 240; 9, 10]. С точки зрения научной методологии типология представляет собой «...метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа» [2; 7, с. 685].

Необходимо указать, что сегодня правовая теория государства и права не имеет четких критериев разделения профессионального правосознания на отдельные типы и, как следствие, средств построения его типологии. Указанная недоработка требует от теории детального прояснения. В основе дифференциации типов профессионального правового сознания необходимо выделить систему базовых групп факторов, на основании которой будет проводиться их выделение. Так, если разграничение групп представителей юридических специализаций в рамках юридического сообщества связано в первую очередь с их дифференциацией по сферам юридической деятельности, то типы юридической формы общественного сознания основополагающим образом различаются по интенциональному критерию. Под интенциональностью профессионального правосознания понимается форма правового мышления, применяемого в рам-

¹ © Чикалов О. В., 2020.

ках группового сознания представителей юридической специализации, активность которых связана с осуществлением конкретного вида юридической деятельности. Таким образом, вектор данной ментальной направленности определен направлением юридической деятельности, в рамках которой осуществляется исполнение профессиональных обязанностей отдельных социальных групп юристов в пределах юридического сообщества.

В соответствии с настоящим критерием следует выделить следующие типы профессионального правового сознания: 1) законодательный; 2) судебный; 3) правоохранительный; 4) обвинительный; 5) правозащитный; 6) исправительный.

Тем не менее, необходимо указать, что сугубо формальное разграничение типов исследуемой формы правового сознания является тупиковым для достижения более глубокого понимания как сущности каждого из типов профессионального права, так и для эвристического значения построения типологии. В целях более глубокой дифференциации типов профессионального правосознания выделяются следующие группы (блоки) параметров их разграничения: 1) функциональный; 2) содержательный; 3) структурный.

Функциональный блок параметров типологии профессионального правосознания связан с исследованием доминирующей функции конкретного типа по отношению к правовой жизни общества. Среди базовых функций профессионального правосознания необходимо выделить: 1) отражательную; 2) регулятивную; 3) творческую.

Структурный блок параметров типологии профессионального правосознания связан с исследованием качественной характеристики и внутренней логики типа профессионального правосознания. Среди параметров данного типа необходимо выделить: 1) ценностно-ролевой параметр (рассмотрение взаимосвязи правовой идеологии и правовой психологии внутри типа профессионального правового сознания); 2) социологический параметр (исследование представленности типа профессионального правового сознания на субъектных уровнях: индивидуальном, групповом, общественном); 3) гносеологический параметр (исследуется взаимосвязь профессионального правосознания с массово-обыденным и доктринальным).

Содержательный блок параметров типа профессионального правосознания связан с исследованием внутренней логики, определяющей идейный строй типа профессионального правосознания. Среди параметров данного блока необходимо выделить: 1) парадигмальный (выделение базовых мировоззренческих установок типа профессионального правосознания); 2) аксиологический (выделение ценностных установок типа профессионального правосознания); 3) понятийный (выделение базовых правовых понятий типа профессионального правосознания); 4) соориентированность на ведущий тип права (выделение релевантного типа права для типа профессионального правосознания).

Таким образом, теоретическая разработка типологической классификации профессионального правосознания представляет собой перспективное направление исследований в рамках современной общеправовой теории. Особое значение рассматриваемое направление научных разработок приобретает в контексте объяснения перехода юридических предписаний позитивного права (как сферы должного) в конъюнктурное состояние правового порядка государства, а

затем – в правовую жизнь общества (как сферы сущего, реального) [8, с. 326]. Эвристический потенциал типологии профессионального правосознания заключается в обеспечении эффективной и репрезентативной демонстрации сущностного единства и системной взаимосвязанности трех самостоятельных правовых феноменов, исследуемых современной общеправовой теорией: позитивного законодательства, правопорядка и правовой жизни.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю. Проблемы формирования и функционирования суда присяжных в России // Администратор суда. – 2009. – № 4. – С. 16–18.
2. Гарашко А. Ю., Дубинина Е. Н., Иванов С. А. и др. Словарь основных понятий теории государства и права. М., 2019.
3. Давидов Д. С. Роль религии в формировании политико-правовой мысли Израиля // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 340–344.
4. Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография / В. П. Малахов. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020.
5. Профессиональное сознание юристов / Н. Я. Соколов; отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Наука, 1988.
6. Сильченко Н. В. Право и правотворчество: вопросы теории. М. : Институт государства и права АН СССР, 1982.
7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. М. : Сов. Энциклопедия, 1983.
8. Чикалов О. В. Профессиональное правосознание – аттрактор правопорядка // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. (17 мая 2019 г.). Краснодар : КрУ МВД России, 2019.
9. Чувальникова А. С. Концепт частного в теории права : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД Российской Федерации, 2013.
10. Чувальникова А. С. Методологическая и мировоззренческая роль концепта частного в теории права // Право и образование. – 2013. – № 3. – С. 79–84.

Шумилов А. Н.¹,

*соискатель кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ИМИДЖ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА ПОЗНАНИЯ

Понятие имиджа является, помимо юридической, предметом исследования многих социально-гуманитарных наук: психологии, культурологии, политологии, экономики, социологии, философии и др. Связано это, прежде всего, с многоаспектной возможностью применения особенностей и характеристик имиджа: для регулирования общественных отношений, создания позитивного образа какого-либо явления, события или персонажа, маркетинговых исследований, связей с общественностью, социальных коммуникаций, повышения объема продаж, завоевания голосов избирателей на выборах и др. Соответственно представители каждой из данных наук в настоящее время предлагают собственные, детерминированные особенностями различных сфер познания, подходы к сущности имиджа и применяют это понятие в контексте собственного предмета исследования.

Так, на данный момент сложились следующие подходы к сущности исследуемого понятия [1, с. 24–25; 4; 5; 9; 16; 17].

1. Символический или семиотический подход (Г. Блумер, Т. Шибутани, Д. Г. Давыдов, С. В. Батайкина и др.). Представители данного подхода понимают под имиджем символ социальной коммуникации, образ, формируемый в результате деятельности социума.

2. Феноменологический подход (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман и др.). Представителями данного подхода имидж рассматривается как результат деятельности агента социального конструирования.

3. Структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Р. Мертон, Э. Нозель-Нойман, Г. Алмонд, Д. Истон и др.). С точки зрения представителей данного подхода имидж предстает как результат сложившегося общественного мнения, обусловленного основными направлениями деятельности социума.

4. Системный подход (В. Я. Белобрагин, В. В. Белобрагин и др.). Представители данного подхода воспринимают имидж как предмет сознательного длительного, детерминированного системными связями, управленческого воздействия, целью которого выступает конструирование желаемого образа.

5. Прагматичный подход (конфликтно-кратологический) (М. Вебер, М. Фуко, П. Бурдьё, Ж. Деррида и др.) – имидж является средством оказания влияния на индивидов, воздействия на мотивацию их поведения с целью навязывания общественного мнения, формирования искусственного представления о чем-либо или ком-либо.

6. Философский подход (И. В. Алешина, Р. Кох, М. В. Томилова и др.). Имидж – это совокупность представлений о человеке, его настоящем, прошлом и будущем, роли и впечатлении, производимыми им в общественной жизни, форма отражения и освоения индивидом объектов окружающего мира.

¹ © Шумилов А. Н., 2020.

7. Психологический подход (У. Липпман, Е. Н. Богданов, Н. Н. Власова, В. Г. Зазыкнн и др.). Представители данного подхода утверждают, что имидж представляет собой средство формирования стереотипа общественного сознания.

8. Социологический подход (В. М. Шепель и др.) – под имиджем следует понимать образ, формируемый средствами массовой информации в целях привлечения к себе внимания социума.

9. Экономический или маркетинговый подход (Ф. Котлер, О. А. Феофанов, Б. Д. Семенов и др.): представители данного подхода понимают под имиджем комплекс представлений, впечатлений и идей о том или ином объекте, в большей степени детерминирующих установки потребителя и его действия по отношению к данному объекту.

Многообразие подходов к сущности понятия «имидж» закономерно обуславливает плюрализм точек зрения на определение данного понятия.

Так, в контексте психологической науки имидж рассматривается следующим образом.

Е. А. Орлова дает такое определение имиджа: «совокупность реальных личностно-деловых качеств и представлений, сформированных средствами массовой информации в сознании общественности» [11, с. 10].

Р. Ф. Фурс под имиджем понимает «эмоционально окрашенный образ-представление: 1) имеющий характер стереотипа; 2) методом ассоциаций наделяющий объект дополнительными ценностями (социальными, психологическими, эстетическими и т. д.), необязательно имеющими основания в реальных свойствах самого объекта, но обладающими социальной значимостью для воспринимающих такой образ» [15, с. 22].

Таким образом, представители психологической науки делают в определении имиджа акцент на психологических особенностях индивидов, их темпераменте, эмоциях, стереотипах.

В политологии под имиджем понимают «результат коллективного (массового) восприятия образа властных институтов, целенаправленно и активно формируемый в сознании граждан для успешного осуществления проводимой политики в соответствии с их ожиданиями» [8, с. 59].

Исследователи-политологи выделяют следующие признаки имиджа:

– имидж редуцирован по сравнению с объектом, публичным портретом которого он является; вместе с тем, подчеркивает уникальность данного объекта, составляет его информационную представленную в виде символов квинтэссенцию;

– имидж конкретен, подвижен, изменчив;

– имидж в определенной степени идеализирует объект, либо преувеличивает его положительные качества, либо наделяя дополнительными чертами в соответствии с ожиданиями тех, на сознание кого нацелен формируемый образ;

– одновременно с тем, что имидж «привязан» к своему объекту, он тем не менее обладает и определенной самостоятельностью в соответствии с психологическими ориентациями обыденного сознания населения страны;

– имидж занимает место между реальным и желаемым, между восприятием и воображением, искусственно расширяя восприятие данного объекта в заданном направлении [3, с. 99–100; 6; 13; 14].

Так, представители политической науки делают в определении имиджа акцент на позитивном отношении к определенной политической фигуре, лидеру, государственному деятелю, государственному органу, партии, общественному объединению.

Представители социологической науки акцентируются на воздействии общества на индивида; именно общество корректирует складывающиеся образы в имидж. «Имидж или статусный образ в социологии понимается как составная часть определенной социальной роли, или совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении о том, как должен вести себя человек в соответствии со своим статусом» [7, с. 20].

Так, О. И. Попова утверждает, что «имидж – есть образ социальной роли, которая конструируется обществом, группой или личностью, исполняется в процессе социального взаимодействия, предлагается партнерам и контролируется исполнителем и общественностью. Имидж – это ролевая личностная маска, в которой исполнитель роли стремится предстать перед партнерами и быть принятым ими» [12, с. 31].

С точки зрения представителей философии имидж представляет собой «нестереотипный образ, который может носить рациональный или эмоциональный характер, возникший в психике человека – в сфере его сознания и (или) в сфере подсознания в результате либо прямого восприятия тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного – на основе восприятия уже оцененного кем-то образа (на основе восприятия оценки этого образа), с целью возникновения аттракции – притяжения людей к данному объекту» [18, с. 81].

И. А. Безотосный считает, что «имидж – искусственно созданный по определенным правилам и со специальными целями образ, специально сконструированная символическая модель презентуемого субъекта, феномен символической социальной реальности, принадлежащий царству знаков, образов и метафор» [2, с. 25].

В экономической науке под имиджем понимают «некий синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного объекта, содержит в себе значительный объем эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждения к определенному поведению» [19, с. 13].

Значимость имиджа в экономической науке сводится к повышению уровня продаж, конкуренции и т. д., путем эффективно подобранной презентации товаров и услуг, воздействия на подсознание покупателя для максимизации собственной прибыли.

Специалисты по социологии права трактуют эту категорию как «обобщенную, эмоционально окрашенную в общественном и личном сознании форму отражения правовой действительности в виде комплекса представлений о законах и методах социально-правового воздействия» [10].

Проанализировав и принимая во внимание подходы различных социальных наук к понятию имиджа, сформулируем определение как фактора эффективности правоприменительной деятельности, т. е., с точки зрения юридической науки.

Имидж как фактор эффективности правоприменительной деятельности представляет собой целостное, семиотически выражаемое представление о правоприменительной деятельности, складывающееся в сознании представителей различных сегментов социума на основе личного опыта и в результате систематического влияния средств массовой информации, иного информационного воздействия и направленное на повышение эффективности реализации права, значимости социального статуса и авторитета должностных лиц, осуществляющих государственно-правовую политику в сфере правоприменения.

Таким образом, с точки зрения юридической науки имидж как фактор повышения эффективности правоприменительной деятельности представляет собой целостный семиотически выражаемый образ правоприменительной деятельности, складывающийся в сознании представителей различных сегментов социума на основе личного опыта и в результате систематического влияния средств массовой информации, иного информационного воздействия, и направленный на повышение эффективности реализации права, значимости социального статуса и авторитета должностных лиц, осуществляющих государственно-правовую политику в сфере правоприменения.

Список литературы:

1. Батайкина С. В. Имидж государственной службы как социальный конструкт : дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2009.
2. Безотосный И. А. Позитивный имидж России: конструирование и репрезентация символической социальной реальности : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2011.
3. Галумов Э. А. Международный имидж современной России (политологический анализ) : дис. ... докт. полит. наук. М., 2004.
4. Гарашко А. Ю. Проблемы формирования и функционирования суда присяжных в России // Администратор суда. – 2009. – № 4. – С. 16–18.
5. Давидов Д. С. Роль религии в формировании политико-правовой мысли Израиля // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 1 (14). – С. 340–344.
6. Иванов С. А. Система и структура права, система законодательства. М., 1999.
7. Касаткин И. Г. Имидж федерального органа исполнительной власти как управленческий ресурс : дис. ... канд. социол. наук. М., 2007.
8. Кулаковский Р. К. Имидж политической власти как ресурс регионального управления в России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2009.
9. Матузенко Е. В., Байдикова А. Ю. К вопросу о понятии «имидж» // Взаимодействие логистики и маркетинга. – 2009. – № 2. – С. 44–47.
10. Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы) : дис. ... докт. юрид. наук. Киев : Ин-т гос-ва и права имени В. М. Корецкого АН Украинской ССР, 1990.
11. Орлова Е. А. Формирование позитивного имиджа государственного деятеля (социально-психологический аспект) : дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
12. Попова О. И. Имидж преподавателя вуза: проблема трансформации в современной России : дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2007.

13. Рыжов А. А. Право политического убежища в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект) : дис. канд. юрид. наук. М., 2002.
14. Рыжов А. А. Право политического убежища : монография. М. : Московский университет МВД России, 2006.
15. Фурс Р. Ф. имидж политического лидера: психологическая структура и пути оптимизации : дис. ... канд. психол. наук. М., 1996.
16. Чувальникова А. С. Концепт частного в теории права : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2013.
17. Чувальникова А. С. Методологическая и мировоззренческая роль концепта частного в теории права // Право и образование. – 2013. – № 3. – С. 79–84.
18. Эрдынеев Б. Ю. Имидж как социально-коммуникативный феномен : дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2011.
19. Якубенко Е. Н. Формирование и мониторинг корпоративного имиджа промышленного предприятия : дис. ... канд. экон. наук. Брянск, 2006.

Попов В. И.¹,

*адъюнкт ФПНПиНК Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ДИАЛЕКТИКА СВЯЗИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Научным сообществом признается истинность позиции относительно того, что в условиях современной действительности государство и гражданское общество развиваются и взаимодействуют друг с другом в диалектическом единстве и противоречии. В рамках данной статьи остановимся на определении и кратком анализе диалектических связей, существующих между государством и гражданским обществом.

Понятие связи может быть представлено в виде взаимообусловленности существования тех или иных явлений [2, с. 93], а также в виде отношений между различными объектами, в результате которых состояния или свойства одного меняются при изменении состояния и свойств другого [13, с. 510]. В этом случае, учитывая сказанное ранее, и применительно к государству и гражданскому обществу, отметим, что они находятся в тесной и неразрывной связи между собой, а в результате складывающихся между ними отношений происходит их взаимное влияние друг на друга. Схожей позиции придерживался Г. Ф. Шершеневич, который утверждал, что как государство способно оказывать воздействие на общество, так и общество, в свою очередь, оказывает влияние на государство [6; 7; 17, с. 209–210].

Приступая к рассмотрению диалектических связей государства и гражданского общества, следует сказать о том, что в данном случае они будут представлены в виде противоречивых характеристик указанных явлений [2; 3; 4; 11, с. 24, 27], вытекающих из их природы. Государство как носитель власти в силу своей политической природы стремится к *суверенитету*, в то время как гражданское общество как правовой феномен – к *автономности*. Из этого логично вытекают иные не менее существенные различия между государством и гражданским обществом, которые проявляются в следующем:

1. В структурных связях их представителей. Для государства характерны отношения, выстраиваемые *на принципе властной «вертикали»*. Оно предстает как вертикальная иерархия государственных органов и должностных лиц, руководство над которой осуществляется так называемым «центром». Государственные отношения являются отношениями управления и регулирования, связанных подчиненностью [8, с. 142], возникающих и идущих «сверху вниз».

В свою очередь гражданское общество характеризуется *горизонтальными* связями и отношениями граждан, различных объединений, союзов и т. д. В основе данных отношений лежат равенство и личная инициатива. Их сущностной чертой выступает самоорганизация. В отличие от государства для гражданского общества характерны отношения самоуправления, идущие «снизу» и приобретающие горизонтальный характер согласования личных и групповых интересов.

¹ © Попов В. И., 2020.

2. В формах права. *Юридическое право* (ряд авторов используют понятия «государственное право», «позитивное право» и т. п.) и *общественное право* (также «негосударственное право», «право гражданского общества» и т. п.). Юридическое право характеризуется тем, что оно «порождается государством, поддерживается им, служит ему в полной мере, защищает его» [9, с. 54]. В отрыве от государства такое право существовать не может. Общественное право в отличие от юридического права является стихийным, самоорганизующимся правом, призванным, по мнению ряда авторов, препятствовать произволу со стороны государства. В силу своей природы оно оппозиционно по отношению к юридическому праву. При этом следует отметить, что чем более данные формы права согласованы между собой, тем более позитивная связь между государством и гражданским обществом, и наоборот.

3. В реализации интересов. Государство направлено на реализацию *общественно значимых (публичных)* интересов, выступающих в свою очередь основой для реализации индивидуальных интересов. Как справедливо отмечает в своих работах А. Г. Мамонтов: «Государство можно назвать социальной формой формулирования, предъявления и отстаивания публичных интересов» [12]. В свою очередь гражданское общество призвано для реализации *частных* интересов (довольно часто в форме защиты).

Важно, что если государство начинает делать упор на реализации исключительно интересов государственного аппарата, то в этом случае налицо давление государства над гражданским обществом, и наоборот, если гражданское общество начинает проявлять чрезмерную активность, ставя себя на место государства, подобное поведение может привести к социально-экономическим и политическим кризисам. По этой причине необходимо достижение баланса между интересами государства и гражданского общества.

4. В преобладающем типе правосознания. Обращаясь к типологии правосознания по социально-групповому признаку, предлагаемой В. П. Малаховым, следует сказать о том, что для представителей государственной и политической власти характерно преобладание *государственнического правосознания*, в то время как *гражданское правосознание*, по мнению автора данной типологии, свойственно преимущественно для городского населения и среднего класса, собственников-производителей и граждан-собственников [5; 10, с. 269–294; 14; 15].

5. В правопорядке. Следуя логике сказанного ранее, возможно заключить, что преобладание в обществе определенного типа правосознания способствует установлению в нем определенного правопорядка (в данном случае речь идет о государственном и гражданском правопорядках) [16, с. 102]. Первый тип проецируется самим государством, источником становления второго выступают социальные отношения, которые ведут к определенным правовым последствиям. *Государственный правопорядок* носит санкционируемый характер; особенностью *гражданского правопорядка* является его самовоспроизведение.

Приведенный выше перечень диалектических связей между государством и гражданским обществом не является исчерпывающим, и при последующем изучении данной проблематики он может быть продолжен и рассмотрен более подробно.

В завершении следует сказать о том, что для государства и гражданского общества свойственны не только отношения противопоставления, но, и как верно отмечает ряд исследователей, они (государство и гражданское общество) объек-

тивно «обречены» на постоянное взаимодействие друг с другом. В свою очередь считаем, что указанные нами диалектические связи государства и гражданского общества порождают различные способы их взаимодействия и сотрудничества.

Список литературы:

1. Большая советская энциклопедия. В 30 т. / глав. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. М. : Сов. энциклопедия, 1976. Т. 23.
2. Воробьев В. Ф., Гарашко А. Ю., Егоров С. А. и др. Органы государственной власти в Российской Федерации в таблицах и схемах: учебное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы МВД, обучающихся по направлению юриспруденция, правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности. М., 2018.
3. Гарашко А. Ю. Источники права как нормативная основа полицейской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 10–12.
4. Гарашко А. Ю. Некоторые аспекты отнесения знаний к специальным в уголовном процессе // Мировой судья. – 2011. – № 4. – С. 16–19.
5. Дубинина Е. Н. Миф о развитии права // История государства и права. – 2012. – № 11. – С. 10–12.
6. Клименко А. И. Концепт правового государства в современной правовой идеологии // Закон и право. – 2009. – № 7. – С. 28–30.
7. Клименко А. И. Легитимация государственной политики // Закон и право. – 2005. – № 4. – С. 5–8.
8. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М. : ИКД «Зерцало-М», 2002.
9. Малахов В. П. Общая теория права и государства : курс лекций. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2018.
10. Малахов В. П. Теория правосознания. Опыт формирования : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2020.
11. Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. Методологические и мировоззренческие проблемы юридической теории : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2011.
12. Мамонтов А. Г. Взаимосвязь институтов гражданского общества и органов государственной исполнительной власти в контексте состязательного правоупонимания // Образование и право. – 2017. – № 11. – С. 71.
13. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд / научно-ред. совет: В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, А. П. Огурцов. М. : Мысль, 2010. Т. 3.
14. Правкин И. В. Правоохранительная система в условиях реформирования российского государства : дис. ...канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2011.
15. Правкин И. В. Содержание институционального элемента правоохранительной системы России // Право и образование. – 2011. – № 3. – С. 131–136.
16. Раков К. А. К вопросу об отношении правосознания к действительному правопорядку // Актуальные проблемы юридической теории и практики : сборник научных статей. Вып. IV. М. : Граница, 2019.
17. Шершеневич Г. Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. М. : Статут, 2016.

Ахвердян А. Г.¹,

*адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академии права и управления ФСИИ России*

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ КАК СУБСТРАТ ПРАВОВЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

*Не сознание людей определяет их бытие,
а, наоборот, их общественное бытие
определяет их сознание.*

К. Маркс, Ф. Энгельс

Философия истории представляет собой особую область философского знания, которая направлена на осмысление исторического процесса в целом и анализ методологических проблем исторического познания. Проблемы и сложности, с которыми сталкивается современное общество, заставляют обращаться к центральным идеям мировой и отечественной философии. Процесс развития общества в его глобальном историческом масштабе являлся предметом размышления философов различных эпох. Но наиболее важное место для понимания процессов становления научной методологии истории имеет концепция исторического материализма К. Маркса [5; 7].

Исторический материализм своей главной задачей ставит изучение наиболее общих законов генезиса социума, определяет общество как цельное новое образование, стремящееся к движению и развитию. Он определяет переход от одной общественно-экономической формации к другой, таким образом, можно говорить о том, что исторический материализм является одним из элементов философии истории.

В своей основе исторический материализм подразумевает материальную составляющую жизни общества, которая, в конце концов, проявляется через идеи, теории и взгляды общества, проецируемые им на окружающую действительность.

Так, исторический материализм можно определить следующим образом:

а) он берет свое начало из главенствующей роли материального производства жизни;

б) исторический материализм четко описывает процесс возникновения и изменения разных форм общественного сознания;

в) одним из его основных постулатов, гласит, что раз каждая новая ступень развития социума имеет свой собственный уровень производительных сил, то в этом случае приобретенный благодаря предыдущим поколениям капитал и опыт способствуют созданию новых ценностей, таким образом, видоизменяют сами производительные силы, взаимоотношения между субъектами производства, выраженные в изменении взаимных прав и обязанностей;

г) исторический материализм изучает законы, связанные с развитием и функционированием социума, результат показывает, что любой человек, являющийся членом общества, в той или иной степени подчинен общим, частным и специфическим законам.

¹ © Ахвердян А. Г., 2020.

Одним из основных элементов материальной жизни общества, определяющим его доминирующую силу, является процесс производства материальных благ, необходимых для существования как в частности каждого человека, так и социума в целом.

Движущим элементом исторического материализма необходимо считать способ добывания материальных средств жизни человека, требуемых для того, чтобы социум мог существовать, функционировать и развиваться.

При изучении законов и правил развития человеческого общества в рамках исторического материализма требуется изучить действительную жизнь людей, в связи с чем оно направлено на исследование деятельности людей, исполнения взаимных прав и обязанностей, связанных с производством материальных благ, которые необходимы для существования и развития социума [1; 2; 3; 4].

Во все времена производство материальных благ являлось основой человеческой истории. Данной теме существенную часть своих исследований посвятил Карл Маркс.

После опубликования Марксом своих трудов и после изучения их общественностью многие ученые упрекали его вследствие того, что он свел всю историю человечества и жизнь социума на исключительно экономическую платформу, в связи с чем существенно упростил исторический процесс. Противники исторического материализма еще при жизни Маркса называли ее экономическим материализмом.

Однако помимо оппонентов у исторического материализма много и сторонников. Они все согласны с тем, что оно заняло важное, ключевое место в философии истории.

Русский философ Н. И. Кареев пишет: «Не будучи сторонником экономического материализма, я, однако, взглянул на него как на одну из историологических теорий, которая, вернее – элементы которой должны вместе с разными другими идти в общий социологический синтез».

Карл Маркс в своих трудах писал: «В производстве люди воздействуют не только на природу, но и друг на друга. Они не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [6, с. 441].

В этих словах К. Маркс затронул важнейшую тему, связанную с сущностью материального производства. Так, он говорит, что производственные силы – это лишь одна из сторон производства, другую сторону составляют отношения людей друг к другу в процессе этого производства.

При производстве материальных благ люди всегда устанавливают между собой взаимные производственные отношения, которые в своей основе носят взаимный характер, иными словами, участники производственных отношений устанавливают между собой взаимные права и обязанности. Однако роль обязанностей в производственных отношениях значительно выше, так как производство – это отлаженный процесс, и его функционирование преимущественно на реализации прав сторонами невозможен.

Вот в этом и заключается краеугольный камень того, что производство как процесс возможен только при взаимном соблюдении и исполнении обязанностей сторонами – участниками производства.

Так, в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. указывается, что «каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности» [6, с. 441; 8].

На основании всего вышесказанного следует сделать вывод о том, что исторический материализм действительно является той базой, на основе которой человечество вело все свое существование, в связи с чем она является фундаментом существования такого важнейшего института, как обязанности человека.

Список литературы:

1. Воробьев В. Ф., Гарашко А. Ю., Егоров С. А. и др. Органы государственной власти в Российской Федерации в таблицах и схемах : учебное пособие для курсантов и слушателей очной и заочной формы обучения системы МВД, обучающихся по направлению юриспруденция, правоохранительная деятельность и правовое обеспечение национальной безопасности. М., 2018.

2. Гарашко А. Ю. Источники права как нормативная основа полицейской деятельности // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 10–12.

3. Гарашко А. Ю. Некоторые аспекты отнесения знаний к специальным в уголовном процессе // Мировой судья. – 2011. – № 4. – С. 16–19.

4. Гарашко А. Ю., Степанюк В. И. Источники полицейского права как типа права // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 21–24.

5. Малахов В. П., Горшенева И. А., Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2010.

6. Маркс К. Наемный труд и капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. – 2 изд. Т. 6.

7. Современная отечественная философия: люди, система идей и институты // Личность. Культура. Общество. – 2017. – Т. 19. № 3–4 (95–96). – С. 132.

8. Юнусов Э. А. Обязанности как способы обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 3 (15). – С. 53.

Антохина М. Е.¹,

соискатель кафедры истории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Вторая половина XIX в. занимает особое место в истории Российского государства: это было время развития капитализма, изменений в многовековом укладе крестьянства, реформ, затрагивающих все стороны общественной и политической жизни России. Как писал В. И. Ленин писал: «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка. Нет ни одной отрасли народного хозяйства, в которой не наблюдалось столь же полного преобразования техники» [2, т. 3, с. 597–598].

С внедрением новых технологий и машин возникла необходимость в квалифицированных кадрах и обучении новых специалистов. «Россия тогда выписывала заграничные машины, чтобы работать на них, на самых лучших машинах, и оказалось, что нет ни людей, умеющих обращаться с ними, ни руководителей. И во всех концах России наблюдалось, что лучшие машины валялись без использования, настолько трудно было перейти от старой крепостной дисциплины к новой буржуазно-капиталистической дисциплине» [2, т. 36, с. 384–385].

В российском образовании сохранялся ряд архаизмов, в частности, деление по сословному принципу, уровень грамотности женского населения составлял треть от мужского. Одно учебное заведение приходилось на 3 млн человек, что вызвало острую потребность в открытии новых образовательных заведений, и в первую очередь речь шла об увеличении числа высших технических учебных заведений. Надо сказать, что власть отреагировала на существующую проблему, и к 1892 г. в стране действовали 48 высших учебных заведений, в 1899 г. – 56, в 1917 г. – 65.

Одним из поворотных моментов в истории российского образования стало утверждение 18 июня 1863 г. «Общего устава Императорских Российских университетов» [4, № 39752]. В этот же день вышло новое «Учреждение Министерства Народного просвещения» [4, № 39751]. Устав явился результатом реформы в области университетского образования и ввел автономию университетов [1]. Он предоставлял широкие права и полномочия академическому сословию: возможность проявлять свою самостоятельность в делах внутреннего управления, укреплял прерогативы власти ректора (глава 4, пар. 27–36), расширил юридические полномочия университетского совета (глава 5, отд. 1, пар. 37–49) и других органов университетского управления, был создан университетский суд (глава 5, отд. 3, пар. 56–59).

Изменилось отношение к получению женщинами высшего образования. В 1869 г. были открыты высшие женские курсы университетского типа в Санкт-Петербурге, затем в Москве, Киеве и Казани.

¹ © Антохина М. Е., 2020.

Устав 1863 г. просуществовал два десятка лет, поводом к его изменению послужили студенческие беспорядки, в том числе распространение идей марксизма и необходимость введения мер по их предотвращению и усилению роли государства в управлении учебными заведениями.

Новый университетский указ, увидевший свет 23 августа 1884 г., положил начало перестройке высшей школы [5]. Основная идея нового устава – строгая управленческая централизация, целью которой была ликвидация университетской автономии. Вводилась должность попечителя учебного округа, который был вправе влиять на различные стороны университетской жизни (созывать университетский совет, правление факультетов, наблюдать за преподаванием, осуществлять связь учебного заведения с министерством народного просвещения).

Должности ректоров, деканов и профессоров стали замещаться по назначению. Преподаватели теперь должны были пройти утверждение у министра просвещения. Повышалась плата за обучение, вводились ограничения по приему абитуриентов в высшие учебные заведения, в первую очередь, связанные с «недобропорядочным образом мысли».

В начале XX в. были предприняты достаточно демократические шаги по дальнейшему развитию и реформированию высшей школы. Этому способствовал ряд объективных причин, и даже высшие сановники были вынуждены это признать. В 1916 г. министр просвещения П. Н. Игнатьев во всеподданнейшем докладе на имя Николая II писал следующее: «Для уяснения степени потребности в этом виде учебных заведений, я почитаю долгом привести справку, что в то время как в Англии, во Франции и других странах Западной Европы один врач приходится примерно на 1 400–2 500 жителей, у нас число это возрастает до 5 450. По собранным мною данным только для удовлетворения наиболее скромных требований, обеспечивающих население врачебной помощью, при котором один врач приходился бы на 3 900 человек – существующее число врачей должно было бы увеличиться на 12 800 человек, для чего потребовалось бы открытие, по крайней мере, 10 новых медицинских школ. В не лучшем положении находится и постановка ветеринарной помощи» [6]. Однако продолжению реформ помешала Первая мировая война и революции 1917 г.

Список литературы:

1. Курицын В. М. Буржуазные реформы государственного аппарата и развитие права России в 60–80-е гг. XIX в. : учебное пособие. М., 1992.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
3. Малахов В. П., Горшенева И. А., Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2010.
4. ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. XXXVIII.
5. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. IV. № 2404.
6. Сапрыкин Д. Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009.

Бобылева М. Н.¹,

*адъюнкт ФПНПиНК Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ОХРАНЫ ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК В СССР

Товарный знак является средством индивидуализации товара, который позволяет отграничивать производителей товаров и услуг друг от друга. Согласно ст. 1477 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] (далее – ГК РФ), товарным знаком признается обозначение, служащее для индивидуализации товаров, а также оказание услуг, выполняемые юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.

Необходимость индивидуализации товаров и услуг появилась еще в древнем мире, а именно в Древнем Риме и Древней Греции, где ремесленники для индивидуализации производимой продукции использовали тамгу или клеймение, которые содержали информацию о производителе, а также место его нахождения.

В России развитие правовой охраны товарного знака связано с появлением в 1667 г. «Новоторгового устава», который определял порядок клеймения российских продуктов для вывоза их за рубеж.

Давая характеристику советскому законодательству, необходимо отметить, что начало развития правовых средств охраны товарного знака в СССР было положено после октябрьской революции 1917 г. В 1919 г. было принято Постановление Высшего совета народного хозяйства «О товарных знаках и знаках предприятий» [8], в котором отражалось положение, о том, что товары, которые выпускаются государственными предприятиями должны быть отличны от иных промышленных предприятий и снабжены товарными знаками, в качестве которых использовались этикетка, марка, клеймо. Запасы этикеток, оберток, марок старого образца могли быть использованы до момента вступления в силу вышеуказанного постановления. В случае выставления товара с товарным знаком, который представлял собой воспроизведение или близкое сходство до смешения товарное обозначения, подлежали привлечению к ответственности, причем наказание было довольно суровым вплоть до тюремного заключения.

После проведения новой экономической политики требовалось проведение реформ в области экономики, в том числе и в сфере охраны товарного знака. Чуть позже, в 1922 г. был подписан Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О товарных знаках» [4], который устанавливал, что в независимости от формы предприятия они могли использовать отличительные знаки, характеризующие производимый товар, а также которые отграничивали бы товар одного производителя, от аналогичного товара другого производителя. В качестве таких обозначений использовались этикетки, наклейки, клейма, эмблемы и другие, особенными товарными обозначениями являлся девиз, оригинальные сло-

¹ © Бобылева М. Н., 2020.

восочетания, которые обозначались на производимом товаре. Все товарные обозначения подлежали обязательной регистрации в Комитете по делам изобретений. В качестве обязательных реквизитов товарных знаков в этот период являлись сведения о наименовании и местонахождении производителя [1; 2; 6].

Экономика СССР в 1930-е годы характеризовалась вытеснением частного капитала из всех секторов экономики и передачи всех предприятий под государственный контроль. Данная ситуация обусловила принятие нового нормативного правового акта, в целях усиления контроля за производимой продукцией. В 1936 г. Советом Народных Комиссаров было принято Постановление «О производственных марках и товарных знаках» [7]. Согласно данному постановлению все предприятия были обязаны снабжать свои товары производственными марками, которые содержали информацию о местонахождении промышленного предприятия, наименование народного комиссариата, центрального управления или кооперативного центра, в систему управления которого входят предприятие, сорт товара и номер стандарта. Под товарным знаком в данном документе понималось графическое изображение, сочетание букв, слов, цифр, которые помещались сверх производственной марки, которые служили как средство индивидуализации товара. Все товарные знаки подлежали регистрации в соответствующем ведомстве, например, товарные знаки в отношении медикаментов и медицинских инструментов подлежали регистрации в Народном Комиссариате Здравоохранения РСФСР в месячный срок. Срок действия зарегистрированного товарного знака составлял 10 лет, с последующим продлением на тот же срок. При подаче заявления о регистрации или продлении права на использование товарного знака взималась пошлина в размере 25 рублей. В 1940 г. произошло реформирование правил регистрации товарных знаков, с 1940 г. все товарные знаки регистрировались в одном ведомстве – в Народном комиссариате торговли, а затем с 1954 г. – в Государственном комитете по делам изобретений. Таким образом, реформирование системы регистрации позволило скоординировать деятельность по контролю за качеством выпускаемой продукции, которая имела определенные отличительные черты от иных аналогичных товаров производителей.

В период военного времени деятельность по государственному контролю за предприятиями, производящими товар в гражданских нуждах, была приостановлена. Основное внимание было обращено на контроль над военно-промышленным комплексом, на производство техники и оружия для обеспечения фронта. Дальнейшее развитие законодательства в сфере регулирования товарных отношений продолжилось уже после окончания войны. Новому этапу было характерно повышение ответственности предприятий за качество выпускаемой продукции, в частности это касалось товаров народного потребления и продукции производственно-технического назначения. В связи с этим в 1962 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О товарных знаках» [9]. Согласно Постановлению все предприятия обязаны помещать на выпускаемых изделиях или на их упаковке товарные знаки, которые зарегистрированы в установленном порядке в Комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. Также в данном постановлении впервые был прописан круг обозначений, которые не могли использоваться в качестве товарных зна-

ков. К таким знакам относились знаки, вошедшие во всеобщее употребление в качестве обозначения товаров известного рода; знаки, содержащие изображение государственных гербов, красного креста или красного полумесяца, знаки, содержащие указание только места или времени изготовления товаров, цены и количества; знаки, противоречащие общественным интересам, требованиям социалистической морали, а также международным соглашениям, в которых участвует СССР. При подаче заявление о регистрации товарного знака, а также при каких-либо изменениях. При возникновении споров и проведении экспертиз взимается сбор в размере 2 рублей 50 копеек за каждый класс товара.

1970–1980-е гг. советская экономика переживает период международной интеграции, СССР становится участником международных соглашений, конвенций. Новым этапом в развитии отечественного законодательства о товарных знаках является принятие в 1974 г. Положения о товарных знаках, в котором впервые было сформулировано четкое определение, что понимается под товарным знаком. Так, согласно данному Постановлению Товарным знаком признается зарегистрированное обозначение, служащее для отличия товаров одних предприятий от однородных товаров других предприятий. Также в Постановлении были сформулированы функции Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий в области порядка регистрации товарных знаков. Также ключевым моментом развития правоотношений в сфере использования товарного знака является ратификация Мадридского соглашения о международной регистрации знаков и Парижской конвенции по охране промышленной собственности; Ниццкому соглашению о международной классификации товаров и услуг для регистрации знаков. Ратификация международных договоров и международное экономическое сотрудничество способствовали росту экономического потенциала страны и расширению экономических границ.

Завершение советской эпохи развития правовых средств защиты правоотношений в области использования товарных знаков ознаменовано принятием Закона СССР от 3 июля 1991 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания» [5], который регламентировал более детально общетеоретические положения о товарном знаке, о правилах его использования и регистрации. Но в связи с распадом Советского Союза данный нормативный акт так и был реализован в полной мере, и уже на смену ему пришел другой закон, который был принят уже в правовом поле Российской Федерации.

Таким образом, развитие законодательства о товарных знаках в Советском Союзе происходило в зависимости от исторических событий, которые обуславливали постоянное совершенствование системы охраны правоотношений, связанных с использованием товарного знака. На первоначальных этапах это было связано с постепенным переходом от капитализма к социализму, и подчинению государственному контролю деятельности всех промышленных предприятий, затем торговое обозначение использовалось в качестве отграничения одного промышленного производителя от другого, в котором товарное обозначение характеризовало качество производимого товара.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Курс теории государства и права в классической и постклассической юридической мысли : хрестоматия. М., 2018.
2. Гарашко А. Ю., Степанюк В. И. Источники полицейского права как типа права // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 6. – С. 21–24.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Ч. 4.
4. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О товарных знаках» от 10 ноября 1922 г. // <http://www.libussr.ru/>
5. Закон СССР от 3 июля 1991 г. «О товарных знаках и знаках обслуживания» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Малахов В. П., Горшенева И. А., Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2010.
7. Постановление «О производственных марках и товарных знаках» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Высшего совета народного хозяйства «О товарных знаках и знаках предприятий» от 17 июля 1919 г. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Совмина СССР от 15 мая 1962 г. № 442 «О товарных знаках» // СПС «КонсультантПлюс».

Колосов И. В.¹,

референт отдела отраслевого законодательства

Правового департамента Министерства экономического развития

Российской Федерации

ОБЩНОСТЬ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ИДЕЙ МАРКСИЗМА И СОЦИАЛЬНОГО УТИЛИТАРИЗМА

Карл Маркс в рамках проведения анализа экономических учений Нового времени выделяет по историко-формационному признаку буржуазную политическую экономию как направление экономической теории, появление которой обусловлено становлением капиталистического способа производства и неразвитой классовой борьбой пролетариата. «Начиная с У. Пети», – пишет К. Маркс, вся политическая экономия «исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства» [6]. Более позднюю этическую и экономическую теорию – утилитаризм К. Маркс также рассматривал в качестве буржуазной, поскольку, по всей видимости, проведенный анализ привел к тому, что под рассуждениями о полезности замаскировано стремление к получению прибыли. Согласно данному пониманию класс эксплуататоров будет производить в первую очередь те блага и таким способом, которые не являются полезными обществу, а которые полезны непосредственно для самих эксплуататоров, а это собственно то, что будет максимизировать их прибыль. Соответственно в погоне за большей прибылью класс собственников средств производства будет стремиться присваивать труд угнетаемого класса на все более невыгодных началах для последнего.

Фактически критика утилитаризма К. Марксом направлена на его буржуазную форму, а не на содержание. Им критикуется стремление к получению индивидуальной прибыли, в то время как, вероятно, в качестве начала этой критики выступает восходящее к Иммануилу Канту неприемлемость своекорыстного эгоизма индивидов и стремление к противоположному ему категорическому императиву – нравственной максиме поведения, руководство которой могло бы стать всеобщим законом [1, с. 260].

Право, как часть надстройки над экономическим базисом классового общества, в силу того, что в условиях капитализма основной вектор развития задает стремление к получению индивидуальной прибыли, будет выражать соответствующую волю эксплуататоров, в то время как, если бы в «основании» находились бы иные идеи, в частности, положенные в раскрытии категорического императива И. Канта, о том, чтобы относиться к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относиться бы только как к средству [1, с. 270] (к средству максимизации прибыли под «маской» полезности), то основная направленность законов и иных нормативных правовых актов была бы совершенно иной.

С учетом этого для К. Маркса утилитаризм фактически становится конкретно-исторической, буржуазной формой индивидуального эгоизма. Поэтому

¹ © Колосов И. В., 2020.

в критике К. Марксом утилитаризма затрагиваются не все его формы, а лишь только те, которые основываются на эгоистической предпосылке о максимизации полезности конкретного индивида. В связи с этим в такой критике не затрагивается социальный утилитаризм, не и затрагивается политико-правовое содержание утилитаризма в целом. Более того, работы раннего Маркса свидетельствуют о том, что он в некоторой степени опирался на принцип полезности как руководящее начало при принятии решений. Так, К. Маркс писал в «Размышлениях юноши о выборе профессии», что надо выбирать такую профессию, в которой наилучшим образом можно быть «полезным человечеству», если же не избрать профессию, которая наиболее соответствует индивидуальным способностям и склонностям, то человек превращается в «бесполезное существо» [5, с. 1–5].

Некоторые идеи К. Маркса сближают его с социальным утилитаризмом, под которым понимается учение, устанавливающее максимизацию общественной полезности (пользы), социальное благополучие и процветание в качестве цели поведения [8, р. 97–98]. К. Маркс исходил из того, что люди должны быть полезны для общества в целом, в его конкретно-исторических формах. В концепции социалистического общества К. Маркс создает идею о том, что все люди морально обязаны быть полезными для этого общества, поскольку оно устроено на «гуманистических началах». Тем самым фактически К. Маркс отвергает количественный расчет полезности, «моральную арифметику» Джереми Бентама и его ориентацию на максимизацию индивидуальной полезности, но приходит к необходимости построения некоторого качественного морального утилитаризма, при котором люди должны стремиться к тому, чтобы быть полезными обществу.

Представитель социального утилитаризма Габриэль Мабли, так же, как и К. Маркс, приходит к тому, что основной проблемой развития общества, которая препятствует созданию правового регулирования, максимизирующего совокупную общественную полезность, является индивидуалистический эгоизм. В связи с этим Г. Мабли [2; 4], равно как и К. Маркс, приходит к выводу о том, что для достижения общественного блага граждане должны жертвовать своими эгоистическими интересами, личной выгодой, а государственная власть, исходящая от народа (у К. Маркса – от рабочего класса), посредством осуществления правового регулирования должна подчинить изначально эгоистически настроенных граждан интересам общества и применить принудительные меры, направленные на искоренение личного и эгоистического интереса во имя блага всего общества.

Представитель социологической юриспруденции Роско Паунд, отмечавший, что любые теоретические построения необходимо оценивать с точки зрения их практического применения или пользы, вывел конструкцию, согласно которой любой закон должен иметь применимость, толкование и формулировку с учетом социального факта. Учение Р. Паунда по своей сущности близко к социальному утилитаризму и также противопоставляется индивидуальному утилитаризму Дж. Бентама и Дж. Ст. Милля. «Люди склонны делать то, что, по их мнению, они должны делать. Следовательно, профессиональная практика фор-

мирует общественное развитие, равно как и судебная практика является решающим фактором правового развития» [7].

Вслед за социальным утилитаризмом К. Маркс считал полезность критерием социальной значимости вещей. В то же время, учитывая развитие общества на «более поздних» общественно-экономических формациях, К. Маркс также отмечал, что принцип «пользы» будет преодолен в таком обществе, в котором производительные силы общества будут развиты до такой степени, что соответствующая им ступень развития экономических производственных отношений, не будет позволять человеческим потребностям деформироваться эгоистическими мотивами деятельности, поскольку они приобретут статус «действительных» (или «истинных») человеческих потребностей [3, с. 222–226].

Использование принципа полезности К. Марксом имело значительные специфические черты, отличающие его в существенной степени от социальных утилитаристов, что при некоторой общности политико-правовых идей марксизма и социального утилитаризма, с учетом диалектического материализма К. Маркса, требует обозначения и отличительной особенности. Так, К. Маркс считал, что некорректно использовать термин «полезность» в качестве абстрактного термина, а только в качестве конкретного – по отношению к какому-либо благу, явлению и т. д. Для использования принципа пользы необходимо воспользоваться диалектическим инструментом мышления – восхождение от абстрактного к конкретному. Кроме того, не представляется возможным определить, является ли что-либо полезным для конкретного человека, если мы не располагаем концепцией «человеческой природы».

С учетом вышеизложенного, представляется необходимым отметить, что марксизм и социальный утилитаризм, несмотря на то, что они представляют собой в целом достаточно различные философско-правовые доктрины, имеют некоторые общие основания, проанализированные в настоящей статье. Общность политико-правовых идей марксизма и социального утилитаризма заключается в их направленности на достижение общественного блага.

Список литературы:

1. Кант И. Соч. Т. 4, ч. 1, М., 1965.
2. Мабли Г. Избранные произведения. – М.–Л. : Изд. АН СССР, 1950.
3. Макаренко В. П. Марксизм: идея и власть. Ростов н/Д, 1992.
4. Малахов В. П., Горшенева И. А., Иванов А. А. Теория государства и права. М., 2010.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. Т. 23. С. 91, прим.
7. James A. Gardner. The Sociological Jurisprudence of Roscoe Pound (Part I), 7 Vill. L. Rev. 1 (1961).
8. Miltner C. The Elements of Ethics, Macmillan. New York, 1949.

Мальшева Н. А.¹,

*адъюнкт ФПНПиНК Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя*

ДИАЛЕКТИКА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Категория «интерес» занимает центральное место в любом гражданском правоотношении, предопределяя его возникновение, изменение и прекращение. Социальная ценность гражданского правоотношения во многом зависит от правового интереса, который и определяет его социально-правовые установки. Современное состояние гражданско-правового пространства характеризуется постоянным изменением баланса частных и публичных интересов, расширяются зоны правового регулирования, усложняются правоотношения. В этой связи большую актуальность обретает вопрос регулирования частных и публичных интересов в их взаимосвязи в гражданском праве. Председатель Конституционного суда Российской Федерации В. Д. Зорькин считает, что «баланс интересов между государством и правами и свободами отдельной личности является самым болезненным аспектом проблемы конституционных ценностей» [6].

Гражданское право, являясь ведущей отраслью частного права, регулирует большой объем различных общественных отношений, которые возникают и динамично развиваются между равными субъектами, и преимущественно обеспечивает частные интересы. Однако ч. 2 п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса (далее – ГК РФ) устанавливает, что «гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо...», что свидетельствует публично-правовом начале гражданского законодательства и о необходимости сочетания публичных и частных интересов в гражданско-правовом регулировании.

К проблеме соотношения личных и общественных интересов обращались еще философы Древней Греции и Древнего Рима. В поисках социальной справедливости они пытались решить эту проблему, о чем писали в своих политико-правовых трактатах. На сегодняшний день в литературе нередко указывается на наличие диалектического противоречия между общественными и личными интересами, которое невозможно устранить [3; 5; 8]. В. В. Субочев отмечает, что государство препятствует перерастанию указанного противоречия в социальный конфликт, направляя реализацию личных и общественных интересов в нужное русло [7, с. 9]. Правовая реальность разнообразна, поэтому неверно было бы утверждать, что частные и публичные интересы находятся в постоянном противоборстве друг с другом. Зачастую частные и публичные интересы не противоречат друг другу, а порой даже совпадают. Теория диалектического противоречия критиковалась А. А. Богдановым, который считал, что только путем уравнивания противоположностей может быть достигнуто устойчивое состояние любой системы [2]. Представляется, что преодоление диалектики частных и публичных интересов не может быть достигнуто путем нивелирования первых или вторых. Кроме того, нельзя полностью исключить противоре-

¹ © Мальшева Н. А., 2020.

чие, можно лишь его уменьшить, сбалансировать. Это в полной мере характерно и для гражданского права, задачей которого является обеспечение баланса, нарушаемого многообразием интересов его субъектов.

Вопрос приоритета частного или публичного интереса в гражданском праве не может быть решен однозначно в силу специфики предмета и метода правового регулирования. Государство вынуждено вмешиваться в личную сферу граждан в тех или иных случаях, выступать субъектом гражданских правоотношений, но, на наш взгляд, «проникновение» публичных интересов в частные должно происходить только в строго установленных законом случаях. Не случайно закон предоставляет равную свободу физическим и юридическим лицам при заключении договора (ст. 421 ГК РФ). Принцип свободы договора означает, что ни одна сторона не вправе навязывать свою волю другой стороне, даже в случае, если одной из сторон выступает государственный орган или муниципальное образование. Статья 124 ГК РФ также устанавливает равное положение государства, субъектов Федерации и муниципальных образований наряду с другими субъектами гражданского права. В данном случае приоритет отдается частным интересам, что позволяет другим участникам вступать в равные правоотношения с публично-правовыми образованиями. Перед каждым государственным органом и муниципальным образованием стоят определенные задачи, отражающие специфику их деятельности. Задачи преследуют обеспечение как частных, так и публичных интересов. Безусловно, деятельность публичных органов преимущественно направлена на обеспечение общественного интереса, что определяет специфичность их положения в гражданско-правовом поле.

Равноправное положение участников гражданских правоотношений не исключает наличия публичного интереса в гражданском праве. Об этом напрямую свидетельствуют нормы, которые закрепляют специальные правила регулирования определенных общественных отношений, имеющих особую значимость для общества. К числу них можно отнести: изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд (п. 1 ст. 279); установление особого порядка обращения имущества, имеющего значительную историческую, художественную или иную культурную ценность для общества (ст. 349 ГК РФ); возможность введения ограничения оборотоспособности отдельных объектов гражданских прав (ст. 129 ГК РФ), выкуп бесхозно содержащихся культурных ценностей (ст. 240 ГК РФ) [4] и др. Несмотря на то, что нормы явно не упоминают публичный интерес, думается, что и без упоминания ясно, что нормы направлены именно на его обеспечение.

Особого внимания заслуживают нормы, устанавливающие возможность правомерного причинения ущерба государственным органам в публичных интересах. Так, ст. 242 ГК РФ предусматривает возможность изъятия имущества граждан в интересах общества в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий, с выплатой гражданину стоимости имущества. Норма напрямую закрепляет приоритет общественного интереса над личным, однако, на наш взгляд, это выражает диалектическую взаимосвязь интересов и необходимость преваляирования публичных интересов над частными в целях сохранения более ценного социального блага, когда государство прибегает к помощи граждан в трудное для него время – в чрезвычайных ситуациях. В этой связи Е. Н. Афанасьева отождествляет понятия «чрезвычайная ситуация» и «обще-

ственный интерес (необходимость)» [1]. В этом смысле чрезвычайная ситуация становится фактическим основанием возникновения правоотношения, направленность которого определяется общественным интересом. Для сохранения баланса интересов законодатель обязует государство выплатить гражданину стоимость изъятого имущества.

Попытка балансирования частных и публичных интересов отражен и в ст. 16.1 ГК РФ, которая предусматривает компенсацию ущерба, причиненного личности или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица правомерными действиями государственных органов, в случаях, предусмотренных законом. По мнению Т. С. Яценко, сегодня положен новый взгляд на соотношение частных и публичных элементов в гражданском праве: с одной стороны, предлагается отказаться от избыточных публичных элементов в частноправовом регулировании общественных отношений, с другой – усилить влияние государства на поддержание гражданского правопорядка [8]. Представляется, что усиление правовой регламентации поведения участников гражданского права в условиях развития антисоциальных ценностей вполне обоснованно. Вместе с тем, стоит помнить, что гражданское законодательство охраняет публичные интересы в той мере, в какой это необходимо для поддержания стабильности гражданского оборота, а стабильность может быть достигнута только при разумном сочетании частных и публичных интересов.

Таким образом, можно сказать, что диалектика частных и публичных интересов в гражданском праве носит сложный и многогранный характер. Обеспечение публичных интересов в гражданском праве должно быть направлено на достижение стабильности и устойчивости гражданского оборота, что возможно только со сбалансированным сочетанием частных и публичных интересов. Динамично разнующееся законодательство должно поддерживать разумные границы баланса, исключать излишнее публичное вмешательство в частноправовую сферу.

Список литературы:

1. Афанасьева Е. Н. Правовая природа реквизиции // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 324. – С. 221–222.
2. Богданов А. А. Тектология: (Всеобщая организационная наука) : в 2 кн. Кн. 1 / редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. М. : Экономика, 1989.
3. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18.07.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Сигалов К. Е. Методологические принципы познания среды права // История государства и права. – 2010. – № 4. – С. 13–16.
6. Закатнова А. Что имеем – храним // Российская газета. – 2008. – 21 март.
7. Субочев В. В. Законные интересы / под ред. А. В. Малько. М. : Норма, 2011.
8. Яценко Т. С. Диалектика частных и публичных интересов в гражданском // Topical issues of law: theory and practice. – 2013. – №26. – С. 115–123.

Хабарин О. М.¹,

*преподаватель кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ГЕРОИЗАЦИЯ В СТРАНАХ ПРИБАЛТИКИ И НА УКРАИНЕ ВООРУЖЕННЫХ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ КАК ПОПЫТКА ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На протяжении последних десятилетий разворачивается процесс фальсификации ряда существенных составляющих Великой Отечественной войны. В числе таковых массовой мифологизации подвергается тема коллаборационистских формирований как в войне, так и в период послевоенного восстановления страны. Политика фальсификации исторической истины все чаще доходит до прямой героизации вооруженных националистических формирований, действовавших под началом гитлеровского командования. Особую тревогу вызывает подмена, затушевывание той объективной реалии, что помимо самого факта перехода на сторону гитлеровского командования данные подразделения совершали множество военных преступлений, включая массовые расправы над мирным населением.

Особенно активно коллаборационистские националистические движения проявляли себя в приграничных районах СССР, в странах Прибалтики и на Украине. Наблюдаемая ныне массовая мифологизация темы националистических движений влечет за собой ряд негативных последствий. В числе таковых – угроза искажения и дискредитации объективного прошлого органов внутренних дел, выполнявших решающую роль в борьбе с националистическими пособниками нацизма. Обеспечение исторической истины, сохранение и поддержание памяти о героических страницах деятельности НКВД-МВД-МГБ требуют от современного поколения сотрудников, ученых и исследователей активного противодействия политике замещения объективных страниц прошлого негативными антироссийскими мифами.

Как известно, националистические организации на Западной Украине и в Прибалтике организовались при содействии иностранных спецслужб в конце XIX – начале XX вв. Этому процессу предшествовала сложная и, порой, трагическая история государств Украины и Прибалтики, которые, часто в силу особенностей своего географического положения и небольшого размера, становились ареной территориальных споров между своими более сильными соседями (Княжество Литовское, Речь Посполитая, Австрийская Империя, Россия). Неоднократные смены политических границ и потеря суверенитета в ходе межнациональных конфликтов, гражданских войн, аннексий и революций вынуждали местное население, регулярно оказывавшееся в бесправном положении, организовывать борьбу за собственную независимость. Нередко формы такой борьбы, как правило, организованной извне, приобретали националистический окрас, а методы противоречили всем общечеловеческим принципам гуманизма и морали.

¹ © Хабарин О. М., 2020.

В ходе Первой мировой войны вооруженные националистические формирования боролись в основном против стран Антанты. Революция в России способствовала укреплению этих формирований, поскольку они стали всемерно поддерживаться ведущими европейскими державами с целью использования их против советской власти. В межвоенный период националистические формирования в этих регионах (такие как Таутининкай саюнга (1926 г.) в Литве, ОУН (1929 г.) на Украине, айзсарги – в Латвии) перешли под контроль нацистских спецслужб, стремившихся использовать их в борьбе против Польши, Чехословакии и СССР.

Наибольшая деятельность вооруженных националистических формирований приобрела с началом Второй мировой войны, когда в ходе реализации секретных протоколов, прилагавшихся к Договору о ненападении, заключенному между СССР и Германией, к СССР были присоединены Западная Украина, Западная Белоруссия, Северная Буковина, Латвия, Литва и Эстония. Проведение на присоединенных территориях национализации и аграрной реформы привело к активизации националистических формирований и разгулу бандитизма, что накануне Великой Отечественной войны вынудило советские власти в мае-июне 1941 г. провести выселение с территорий Западной Украины (11 тыс. человек) и Прибалтики (из Литвы около 13 тысяч человек было направлено в ссылку и 4,6 тыс. – в лагеря, из Латвии – соответственно 10 и 5,5 тыс., из Эстонии – 6 и 3,6 тыс.) активных деятелей бандформирований и националистического подполья [2, с. 35].

Однако начавшаяся Великая Отечественная война и немецкая оккупация Прибалтики и Украины заново создали, вооружили и укрепили националистические бандформирования. При помощи оккупационных властей они превратились в хорошо вооруженные и многочисленные подразделения пособников фашистов. Так, в годы Второй мировой войны в Министерстве Германии по делам оккупированных Восточных областей по состоянию на 24 января 1945 г. числились: вооруженные литовские формирования – 36 800 человек; вооруженные латвийские формирования – 104 000 человек; вооруженные эстонские формирования – 10 000 человек; украинские вооруженные формирования – 75 000 человек. Общее число восточных добровольцев в армии, войсках СС, авиации и полиции составляло 373 800 человек [3; 6, с. 90; 7].

Основным методом борьбы националистов Украины и Прибалтики являлся террор по отношению к представителям советской власти.

Латышские националисты в годы Великой Отечественной войны рассчитывали восстановить независимое государство, воюя против Советского Союза, однако немецкие власти заявили, что статус Латвии будет решаться после войны в рамках так называемой «новой Европы». Пока же в Латвии был создан Латвийский генеральный округ (во главе с генеральным комиссаром Отто Дрекслером), который вместе с Литвой, Эстонией и Белоруссией был включен в созданный 17 июля 1941 г. Рейхскомиссариат Восточных земель (Остланд). Рейхскомиссариат, в свою очередь, подчинялся Министерству оккупированных Восточных областей, возглавляемому А. Розенбергом. Так же как и в других республиках, вооруженная борьба националистов в Латвии переплеталась с уголовным бандитизмом.

Деятельность литовских националистических формирований возглавлял Верховный штаб «Литовской освободительной армии» (ЛЛА). В приказе Верховного штаба ЛЛА от 4 ноября 1944 г. ей предписывалось осуществлять следующую тактику: «Для успешной борьбы против НКВД, местной администрации и шпионов борьбу вести без жалости и щепетильности. Собирать точные данные о количестве частей НКВД, пограничных и внутренних войсках, их вооружении, постах охраны, бдительности и т. п. Составить планы, в основу которых положить хитрость, изобретательность, но не силу. Операции проводить только ночью, назначая для этого нужное количество людей. Операции производить смело, решительно и по возможности бесшумно. Для этой цели лучше всего играть роль милиции и НКВД, прибывшей из других уездов. По возможности надевать русские одежды и говорить по-русски. В случае опасности быть расшифрованными местными жителями носить маски, перекрашиваться и пользоваться вымышленными именами. Отдельных энкэвэdistов и небольшие группы военнослужащих ликвидировать без всяких следов, чтобы создалось впечатление, что пропали без вести. Для обеспечения оружием и патронами забирать все вооружение у ликвидированных, покупать у красноармейцев за самогон, войти в контакт с немецкими парашютистами, с которыми и взаимодействовать при проведении операций» [1, с. 358–359]. ЛЛА была не единственной организацией литовских националистов. Существовали и ВКОЛ – «Высший комитет освобождения Литвы», созданный в ноябре 1943 г., и «Союз литовских партизан», и «Комитет защиты Литвы», и другие организации.

В Эстонии, после ее оккупации германской армией, на базе «Лесных братьев» была создана вооруженная организация «Омакайтсе» («Самозащита»). Во главе этой организации был поставлен прибывший из Германии полковник эстонской армии Соодла.

В 1941–1942 гг. «Омакайтсе» было проведено более 7 000 облав для задержания партизан, парашютистов, бежавших из лагерей советских военнопленных и других «враждебных» лиц. Важнейшей задачей «Омакайтсе» была караульная служба. В среднем ежедневно в караулах находилось около 3 000–4 000 человек. На «Омакайтсе» была возложена: береговая охрана, охрана военнопленных, охрана железных и шоссейных дорог, пограничная охрана, воздухо-наблюдательные посты, охрана складов, заводов, предприятий, домов и других объектов, внутренняя служба. Кроме облав и караульной службы «Омакайтсе» оказывали помощь немецким войскам и полиции, а также несли конвойную службу по этапированию военнопленных. Их деятельность также проявлялась в налетах на здания волисполкомов, на отдельные совхозы и местные предприятия, сельские кооперативные лавки; в нападениях на конвой и места временного содержания захваченных националистов, с целью их освобождения; в убийствах советско-партийного актива, сельских уполномоченных, бойцов истребительных батальонов, милиционеров и других лиц, помогающих органам советской власти, крестьян, получивших кулацкую землю и скот от советской власти; обстрелах из засады и убийствах проезжающих по дорогам офицеров и бойцов Красной Армии, сотрудников НКВД-НКГБ, других должностных лиц и советских служащих. Подобных проявлений только за июнь–сентябрь 1945 г. было зафиксировано 155 [4].

Вожди украинского национализма с одобрением восприняли нападение фашистской Германии на Советский Союз. Уже 28 июня 1941 г. во Львове было провозглашено Украинское правительство во главе с ближайшим соратником лидера ОУН-Б С. Бандеры, Я. Стецько. В октябре 1942 г. была создана Украинская повстанческая армия (УПА), начальником Главного военного штаба которой вскоре стал Роман Шухевич. В мае-июне 1943 г. 80 000 молодых галичан пожелали добровольно стать солдатами формировавшейся дивизии «Галичина» [4, с. 284]. В ходе весеннего наступления 1944 г. и освобождения Западной Украины Красная Армия столкнулась с многочисленными и хорошо вооруженными формированиями украинских националистов, которые нападали на обозы и отдельные группы военнослужащих Красной Армии, совершали террористические акты против советско-партийных работников и всячески противодействовали мероприятиям органов советской власти и командования Красной Армии. Именно бандеровцами из групп «Олег» и «Черноморец» 29 февраля 1944 г. было совершено нападение на командующего 1 Украинским фронтом Н. Ф. Ватутина, который 15 апреля скончался от полученных ран [1, с. 355–356]. Хотя УПА официально объявила войну и большевикам, и немцам, тем не менее, именно немцы с августа 1943 г. по сентябрь 1944 г. передали УПА 700 орудий и минометов, около 10 000 пулеметов, 26 000 автоматов, 72 000 винтовок, 22 000 пистолетов, 100 000 гранат, свыше 12 000 000 патронов и др. [5, с. 432].

1 сентября 2015 г., выступая с лекцией в Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете, Председатель Совета безопасности Российской Федерации Н. П. Патрушев констатировал, что «в настоящее время наиболее откровенно и цинично возрождается фашизм в прибалтийских странах и Украине. Происходит героизм профашистских националистических движений, их воззрения находят все больше сторонников среди местного населения» [8]. События, происходящие в последние годы в Украине и Прибалтике, подтверждают все вышесказанное, а, учитывая занимаемую заявителем должность, обозначенное им явление вполне можно отнести к разряду угроз национальной безопасности России.

Так, в Литве сегодня требуют переименовать одну из гимназий города Шауляй имени большевистского деятеля и поэта Юлюса Янониса в честь Йонаса Норейки, участника «Литовского фронта активистов» и пособника нацистов, по приказам которого евреев сгоняли в Шауляйское гетто, после чего все они были убиты. В Эстонии в год 70-летия начала Великой Отечественной войны Советского Союза исторический музей предлагал посетителям экспозицию, посвященную уроженцу Таллина Альфреду Розенбергу – рейхсминистру восточных территорий фашистской Германии, признанному Нюрнбергским международным трибуналом одним из главных военных преступников [9]. А 28 июля 2017 г. ветераны эстонской дивизии СС и члены так называемого «Союза борцов за освобождение Эстонии», в который входят ветераны Второй мировой войны, сражавшиеся на стороне фашистской Германии, провели традиционный сбор по случаю очередной годовщины боев под Синимяэ, где в 1944 г. на протяжении нескольких месяцев шли ожесточенные бои. В Латвии Сейм во втором чтении одобрил законопроект о присвоении статуса участника Второй мировой войны. Участниками Второй мировой планируется признать тех жителей, которые по состоянию на 17 июня 1940 г. были гражданами Латвии или легально

приехали на постоянное место жительства, что по сути, это означает приравнивание членов Латышского легиона СС к ветеранам Красной армии [10].

Что же касается Украины, то здесь героизация националистов-участников Второй мировой войны сегодня поощряется на государственном уровне.

Так, в апреле 2015 г. Верховная Рада Украины приняла закон о признании организаций ОУН-УПА борцами за независимость Украины в XX в. и предоставила право ее участникам на социальные гарантии. Кроме того, Верховная Рада приняла закон «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов в Украине и запрете пропаганды их символики» (от 09.04.2015 № 317-VIII) [11], который признает коммунистический режим 1917–1991 гг. на Украине преступным и проводившим политику государственного террора, с соответствующими последствиями для коммунистической символики и пропаганды. Также равноценно нацистский тоталитарный режим признается в Украине преступным и проводившим политику государственного террора.

Пренебрежение страшным опытом Второй мировой войны, проблема героизации национализма в странах Прибалтики и Украине, попытки «обелить» фашистский режим и предать забвению итоги Нюрнбергского процесса – новые вызовы современной истории, угрожающие мировой безопасности. Сегодня знание исторических корней данных проблем, понимание их потенциальной опасности, как никогда важно, особенно в России, которая понесла в борьбе с фашизмом и национализмом самые масштабные потери.

Список литературы:

1. Боярский В. И. На страже границ Отечества: Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. М. : Граница, 2000.

2. Владимирцев Н. И., Кокурин А. И. НКВД МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. М. : Объединенная редакция Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2008.

3. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.

4. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 136. Л. 230.

5. Залесский К. А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. М., 2003.

6. Окороков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М., 2000.

7. Сидорова Е. В. Организация предварительного следствия в органах уголовной юстиции советского государства, 1917–1941 гг. (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2002.

8. <http://tass.ru/politika/2225171>.

9. <http://www.posprikaz.ru/2015/01/estoniya-nacizm-vmesto-internacionalizma/>.

10. <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/03112017-latviya-geroiziruet-natsistov-i-otrekaetsya-ot-ikh-prestupleniy>.

11. http://kodeksy.com.ua/ka/ob_osuzhdenii_kommunisticheskogo_i_natsistskogo_rezhimov.htm.

Юнева В. А.¹,

*адъюнкт заочной формы обучения кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Бондарь Е. О.²,

*заместитель начальника кафедры административного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ ГЕГЕЛЯ О ГОСУДАРСТВЕ

Гегель различает гражданское общество и государство. Философ, обобщив и проанализировав договорные теории о гражданском обществе английских и французских философов XVIII в., последние выводы А. Смита и Д. Рикардо, пришел к выводу, что то, что англичане и французы называли государством, в действительности им не является, а образует систему социально-экономических отношений людей, которых Гегель назвал гражданским обществом. Отношения людей внутри этого общества определяются их материальными интересами (системой потребностей), существующим в обществе разделением труда и различными способами удовлетворения этих потребностей [2].

«Гражданское общество, пишет Гегель, – создано, впрочем, лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право» [3]. Гражданское общество – сфера реализации особенных, частных целей и интересов отдельной личности, с точки зрения развития понятия права реконструируется взаимосвязь и взаимообусловленность особенного и всеобщего.

Развитость идеи предполагает, по Гегелю, достижение такого единства, в рамках которого противоположности разума, в частности моменты особенности и всеобщности, свобода частного лица и целого, признаны и развернуты в их мощи. Этого не было ни в античных государствах, ни в платоновском идеальном государстве, ни при феодализме.

Гегель изображает гражданское общество, как раздираемое противоречивыми интересами антагонистическое общество, как войну всех против всех.

Три основных момента гражданского общества это:

- система потребностей;
- отправление правосудия;
- полиция и корпорация.

Гегель обосновывает необходимость публичного оглашения законов, публичного судопроизводства и суда присяжных, критикуя концепцию всеобщего полицейского государства.

Гегель выделяет в структуре гражданского общества следующие сословия:

- 1) субстанциональное (землевладельцы – дворяне и крестьяне);
- 2) промышленное (фабриканты, торговцы, ремесленники);
- 3) всеобщее (чиновники).

¹ © Юнева В. А., 2020.

² © Бондарь Е. О., 2020.

Анализ сословий необходим Гегелю для того, чтобы найти опосредующее звено между деятельностью отдельной личности и интересами государства в целом. Только человек, принадлежащий к определенному сословию, по мнению философа, становится в определенное политическое отношение со всеобщностью государства.

Несмотря на недостатки данного анализа, большим прогрессом в истории философии была сама постановка проблемы о ней. Основой прогрессивного развития общества и государства Гегель считает наличие в них социальных противоречий. Он признает, что, с одной стороны увеличивается накопление богатства, а с другой – усиливается зависимость и бедственное положение прикрепленного к труду класса.

Отмечая развитие социальных антагонистских противоречий в современном ему обществе, Гегель не видит возможности для их преодоления. Гегель не мыслит иного общества, кроме буржуазного, он всецело остается в плену представлений о незыблемости основ этого строя.

Гражданское общество и государство, по Гегелевской концепции, соотносятся как рассудок и разум: гражданское общество – это «внешнее государства», «государство нужды и рассудка», а подлинное государство – разумно. Поэтому в философско-логическом плане гражданское общество расценивается Гегелем как магнит государства, как то, что снимается в государстве.

Государство для Гегеля есть нечто «в себе и для себя разумное в государстве, свобода достигает наивысшего, подобающего ей права». Поэтому государство, по учению Гоголя, есть самоцель.

Из утверждения абсолютного значения государства Гегель делает два вывода:

во-первых, государство имеет преимущественное значение по сравнению с интересами отдельного лица, оно «обладает наивысшим правом в отношении отдельных людей, наивысшей обязанностью которых является быть членом государства».

во-вторых, нельзя рассматривать государство лишь как средство для охраны интересов отдельной личности. Усматривать назначение государства в обеспечении и защите собственности и личной свободы отдельного гражданина означает и признание интересов отдельных лиц окончательной целью их существования в государстве.

Государство Гегель рассматривает как осуществление подлинной свободы. Гегелевская идея государства представляет собой правовую действительность, в иерархической структуре которой государство, само, будучи наиболее конкретным правом, предстает как правовое государство. Свобода же означает достигнутость такой ситуации правового государства [4, с. 38–44; 5; 6; 7].

Наличие идеи государства Гегель констатирует лишь применительно к развитым европейским государствам современной ему исторической эпохи, в которых реализована христианская идея свободы, достигнуты личная независимость и равенство всех перед законом, учреждены представительство и конституционное правление.

Идея государства, по Гегелю, проявляется тройко:

- 1) как непосредственная действительность в виде индивидуального государства;
- 2) в отношениях между государствами как внешнее государственное право;
- 3) во всемирной истории.

Подводя итог всему вышесказанному, сделаем вывод, что философское учение Гегеля о государстве определяет, что государство как действительность конкретной свободы есть индивидуальное государство. В своем развитом и разумном виде такое государство представляет собой основанную на разделении властей конституционную монархию. Тремя разными властями, на которых подразделяется политическое государство, являются: законодательная власть, правительственная власть и власть государя.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М. : Мысль, 1990.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.
4. Давидов Д. С. Основные течения сионизма в Израиле // В сб.: Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей. Н. Новгород, 2010.
5. Дубинина Е. Н. Причины, сущность и способы юридизации современных общественных отношений : монография. Тула, 2016.
6. Дубинина Е. Н. Юридизация отношений в современном обществе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2009.
7. Лановая Г. М. Техничко-юридические проблемы аргументации в правоприменении // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 73–77.

Синеоков Д. В.¹,

*следователь Следственного управления УМВД России
по Выборгскому району г. Санкт-Петербурга*

ЗНАЧЕНИЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Диалектическое мышление – уникальная особенность человека, которая заключается в способности вести разумные диалоги с другими представителями общества, обмениваться мнениями, выстраивать логические цепочки в своих мыслях и суждениях. Это важнейшая составляющая как для формирования различных сфер жизнедеятельности человека, так и для современного общества в целом.

В рамках данной статьи остановимся на более детальном рассмотрении значимости диалектического мышления в деятельности органов предварительного расследования. При этом, говоря о диалектическом мышлении сотрудников следственных подразделений, отметим, что оно тесно связано с профессиональным мышлением юриста. К настоящему времени в теории права сформировалось общее мнение относительно того, что из себя представляет профессиональное мышление юриста. Как правило, под ним понимают (1) обобщенную ориентацию в конкретных профессионально-правовых ситуациях правовой действительности, или (2) систему информационно-правовой насыщенности, сложившуюся благодаря установкам профессионального назначения [4].

Значимость диалектического мышления в деятельности сотрудников следственных органов находит свое отражение в процессе производства предварительного расследования по конкретному уголовному делу. Диалектическое мышление помогает следователю разобраться в собственном мышлении, своих суждениях (определяя, какие из них являются истинными, а какие ложными), выстраивать логические схемы и делать выводы. Диалектические алгоритмы позволяют отсеивать ошибки и восполнять пробелы, которые зачастую связаны с недостаточностью предоставляемой следователю информации участниками уголовного судопроизводства о событии преступления. Для получения более точной и достоверной информации следователю в своей деятельности следует использовать такой принцип диалектического мышления, как всесторонний подход к исследованию предмета (в качестве предмета выступает конкретное уголовное дело). Он предполагает объективное исследование предмета со всеми его взаимосвязями. С этой целью следователь изучает все обстоятельства произошедшего события, а также им осуществляется взаимодействие (как правило, в форме коммуникации) с другими подразделениями органов внутренних дел, а также с различными общественными объединениями (представителями институтов гражданского общества) и иными государственными органами [1; 3; 5; 6, с. 385; 7; 8, с. 205–208; 9].

Рассматривая объективность суждений в деятельности следователя, отметим, что в правовой системе, регламентирующей деятельность органов предва-

¹ © Синеоков Д. В., 2020.

рительного следствия, можно выделить определенную сложность, которая заключается в созданном законом положении следователя, при котором очень трудно в деле, исследуемом по отношению к определенному лицу, одновременно сосредоточить внимание, равно напряженное на двух различных сторонах дела, не легко составить себе две противоположные точки зрения, которые находились бы в состоянии равновесия и проверялись бы следователем с одинаковой ревностью, убежденностью и силой логического мышления [2, с. 10].

Логические схемы диалектического мышления, которые выстраиваются при проверке общих и частных версий преступления, позволяют делать следователю обобщающие выводы, на основе которых строится картина произошедшего, а также систематизировать полученные в ходе расследования результаты, которые выстраиваются в такой принцип оценки доказательств как достаточность (ст. 88 УПК РФ) [10]. Подобный склад ума является рефлексивным, т. е. способен обнаружить и проанализировать противоречия в процессе исследования объекта и внутри себя, что очень важно в повседневной деятельности следователя.

Устанавливая существенные, неизбежно повторяющиеся взаимосвязи между событиями, следователь путем диалектического мышления реконструирует относительно полную и целостную картину возможного хода события или действия. Эта реконструкция происходит опосредованным путем – через понимание связей между внешними проявлениями и тем, что происходило в действительности. Такое логическое отражение возможно только на основе сформировавшегося диалектического мышления следователя. Реконструкция произошедшего события может осуществляться путем производства таких следственных действий, как:

1) осмотр места происшествия, в ходе которого происходят поиск, фиксирование и изъятие зачастую основных доказательств по уголовному делу (ст. 176 УПК РФ);

2) следственный эксперимент, в ходе которого проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также определяются последовательность произошедшего события и механизм образования следов (ст. 181 УПК РФ);

3) проверка показаний на месте, в ходе которой ранее допрошенное лицо воспроизводит на месте обстановку и обстоятельства исследуемого события и демонстрирует определенные действия (ст. 194 УПК РФ) [10].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что принципы и законы диалектики должны лежать в основе мышления следователя. Только посредством диалектического мышления возможно полное и всестороннее расследование уголовного дела. Поэтому формирование и развитие диалектического мышления – это важнейшая составляющая в процессе подготовки следователя.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.

2. Даневский В. П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. М. : Книга по требованию, 2012.
3. Иванов С. А. Соотношение закона и подзаконного нормативного правового акта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
4. Курьянов В. А. Процессуально-правовое мышление в деятельности следователя // Юристъ-правоведъ. – 2008. – № 5. – С. 112.
5. Маилян С. С. О Классификации административно-правовых режимов. Административное и административно-процессуальное право. Актуальные проблемы. М., 2004.
6. Попов В. И. Характеристика правовой коммуникации ОВД и институтов гражданского общества // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.
7. Рыжов А. А. Влияние политического фактора на формирование и развитие права // Общество и право. – 2011. – № 2 (34). – С. 40–46.
8. Рыжов А. А. Изменения правового положения лиц, получивших политическое убежище на территории Российской Федерации // В сб.: Проблемы развития государства и права в современном российском обществе. М. : Московский университет МВД России, 2007.
9. Рыжов А. А. Мифологичность представлений об обществе в современной правовой теории // История государства и права. – 2012. – № 11. – С. 13–15.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // СПС «КонсультантПлюс».

Яцкова А. П.¹,

*профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент;*

Алешин П. И.²,

*соискатель кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ВЗГЛЯДЫ РОССИЙСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ НА АНТИГОСУДАРСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Франц фон Лист считал, что «изменения в политической жизни находят свое отражение в уголовных постановлениях, которыми государство стремится охранить себя. С одинаковой беспощадностью вступают в борьбу со своими врагами как неограниченная монархия, так и конституционный строй, как демократическая республика, так и аристократическое правление» [7, с. 257]. Исходя из данного высказывания, политика Российского государства во второй половине XIX – начале XX вв. по борьбе с антигосударственной деятельностью вполне оправдана. Массовое распространение антигосударственных идей в российском обществе во второй половине XIX в. было вызвано излишне нигилистическим взглядом на социально-экономический и политический строй России, ее традиции и т. п. В первую очередь нигилизм поразили часть представителей российской интеллигенции, которые видели корень бед в архаичном государственном управлении под руководством императора и всей его «клики»: министров, губернаторов, полицейских, судебных чиновников и др. Нигилисты, по-своему трактуя взгляды западников, говорили о безнадежном отставании России, предлагая революционный путь ее спасения с устранением самодержавного строя. Русский общественный деятель, в молодости состоявший в народофильском движении, Л. А. Тихомиров писал, что на путь террора российскую молодежь приводило убеждение, будто в России «ничего нельзя делать», что она «находится на краю гибели и погибнет чуть не завтра, если не будет спасена чрезвычайными революционными мерами» [3; 5; 13, с. 45, 45].

К сожалению, недалёковидная политика, проводимая российским правительством, не способствовала снижению накала страстей, а, скорее являлась их катализатором. Несмотря на буржуазные реформы 60-70-х годов, власть все равно стремилась по возможности сохранить отжившие социально-политические и экономические отношения, наталкиваясь на все более активное сопротивление со стороны оппозиции. Вместо поиска компромисса оппоненты – власть и оппозиция – перешли к жесткому противостоянию.

Любые проявления инакомыслия и свободомыслия жестко купировались властями. Отсутствовало понятие свободы печати, была ужесточена цензурная политика. Чтение подозрительной литературы, критические высказывания по

¹ © Яцкова А. П., 2020.

² © Алешин П. И., 2020.

поводу действий властей, тем более критика императора, расценивались как явные, умышленные проявления противоправительственной деятельности и могли явиться поводом к задержанию. Тем самым правительство как бы само стимулировало и невольно провоцировало рост оппозиционного и революционного противостояния. Современник событий, историк В. Я. Богучарский отмечал, что народническая оппозиционность у значительной части молодежи сама собой могла сойти на «нет», «если бы не привычка русских правящих сфер пугаться проявлений буквально всякого шороха» [1, с. 2]. Выдающийся русский писатель Ф. М. Достоевский, состоящий в кружке петрашевцев, на следствии так оправдывал свое участие в тайном обществе: «Зачем же я учился, зачем наукой во мне возбуждена любознательность, если я не имею права сказать моего личного мнения или не согласиться с таким мнением, которое само по себе авторитетно» [12, с. 136]. Русский общественный и политический деятель П. Б. Струве писал: «Условием, которое с исторической необходимостью породило и порождает революционный террор, является в нашей стране бессилие общественного мнения, закона и права» [11, с. 153].

И даже полицейский надзор за населением и жесткая цензурная политика в отношении печатных изданий не спасали положение, а, наоборот, приводили к формированию еще более острого критического подхода в оценке проводимой властями политике. Надо сказать, что формированию таких взглядов у ряда представителей российского общества, в частности у молодежи, поспособствовали те, кого принято называть «властителями умов»: начало было положено публицистическими произведениями А. Н. Радищева, П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена, В. Г. Белинского, Д. И. Писарева, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и других.

Влияние русской литературы на формирование искаженного взгляда на российскую действительность вполне очевидно, иногда она даже сопровождалась призывами к разрушению всего и вся, к насилию и кровопролитию. В. Г. Белинский писал, что «тысячелетнее царство Божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами – обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» и «чтобы сделать счастливою малейшую часть человечества, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную...» [2]. В 1860 г. Н. Г. Чернышевский в своем письме «Письмо из провинции», опубликованном в «Колоколе», упрекал А. И. Герцена за стремление к мирному решению аграрного вопроса, за то, что «Колокол» «переменил тон», что он должен «благовестить не к молебну, а звонить в набат», «звать Русь к топору».

В произведениях выдающихся русских писателей и поэтов XIX в. часто встречалась острая сатира на российскую действительность, что не способствовало формированию у подрастающего поколения адекватного восприятия России. «Вспомните-ка весь зверинец гоголевских героев..., – писал А. И. Герцен в 1857 г. – Это игроки, пьяницы, лгуны, обжоры, особенно воры – их страсти грубы, животны...» [4, л. 87–106]. То же самое можно сказать и о произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина. И. С. Аксаков отмечал: «...В молодежи неведомо откуда появилась злая струя, нам совершенно чуждая... вдруг появилась яркая

ненависть ко всему русскому, а из этой молодежи анархисты формировали динамитчиков...» [14, с. 36].

Отдельные голоса деятелей русской культуры, которые призывали не героизировать деятельность представителей революционного подполья и сторонников тактики индивидуального террора, не были услышаны в обществе, а иногда даже встречали активное неприятие и враждебную реакцию. «Лакмусовой бумажкой» состояния российского общества явился процесс по делу В. Засулич. Вынесение судом присяжных оправдательного приговора за умышленное покушение на жизнь санкт-петербургского генерал-губернатора Ф. Ф. Трепова было встречено бурными аплодисментами, восторгом и ликованием как в зале суда, так и на улице, где собралась огромная толпа. «Мыслящая» Россия рукоплескала данному приговору. Подобная реакция отразила, царящую в обществе нездоровую обстановку. «Русский вестник» расценил оправдательный приговор В. Засулич как «высший предел потворства русской революции» [12].

Тревожные голоса с осуждением приговора были немногочисленны. Выдающийся философ К. Н. Леонтьев назвал «выстрел повивальной бабки Засулич..., присвоившей себе право казнить заслуженных государственных деятелей», роковым, грозящим большими последствиями [10]. Л. Н. Толстой раньше других сумел увидеть серьезную опасность, сложившуюся в психологии тогдашнего общества. Через пять дней после вынесения приговора Засулич он писал: «Все те, которые оправдали убийцу и сочувствовали оправданию, очень хорошо знают, что для их собственной безопасности нельзя и не надо оправдывать убийство... Все это, мне кажется, предвещает много несчастий и много греха». Позднее в письме Н. Н. Страхову от 9 апреля 1878 г. Л. Н. Толстой пишет: «Засуличевское дело не шутка. Это бессмыслица, дурь, нашедшая на людей не даром. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное... Это похоже на предвестие революции».

Б. А. Кистяковский отмечал, что «русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности», «притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям», правосознание интеллигенции «стоит на крайне низком уровне развития» [6]. Вторит ему П. И. Новгородцев: «Политическое миросозерцание русской интеллигенции сложилось не под влиянием государственного либерализма Чичерина, а под воздействием народнического анархизма Бакунина. Определяющим началом было здесь не уважение к историческим задачам власти и государства, а вера в созидательную силу революции и в творчество народных масс. Надо только расшатать и разрушить старую власть и старый порядок, а затем все само собою устроится» [8].

Таким образом, во второй половине XIX в. представление о необходимости быстрых и радикальных перемен «любой ценой» все более занимало умы, а активные и горячие воплощатели этой идеи в жизнь встречали зачастую сочувствие и поддержку у части российского общества.

Список литературы:

1. Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX в. М., 1912.
2. В. Г. Белинский – В. П. Боткину. 8 сентября 1841 г. / В. Г. Белинский Собр. соч.: В 9 т. Т. 9: Письма 1829–1848 гг. М. : Худож. лит., 1982.
3. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
4. Герцен А. И. О буржуазной Европе. Предисловие Я. Эльсберга / публикация и перевод Л. Ланского. Автограф.
5. Зыкова С. В. Элементы религиозности в российском праве : монография. М. : Московский университет МВД России, 2008.
6. Кистяковский Б. А. В защиту права (интеллигенция и правосознание) : сборник «Вехи». М., 2004.
7. Лист Франц фон. Учебник уголовного права. Особенная часть. М., 1905.
8. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М. : Пресса, 1991.
9. РГИА. Ф. 5770. Оп. 1. Ед. хр. 20 Л. 87–106.
10. Савинков Б. В. Воспоминания террориста. М. : Изд. АПН, 1990.
11. Струве П. Б. Patriotica. СПб., 1911.
12. Суворов А. И. Истоки террористической идеи в России и права человека // Права человека – индикатор современного развития России : материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т. А. Сошникова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2015.
13. Тихомиров Л. А. Почему я перестал быть революционером? М., 1895.
14. Шарапов С. Ф. Соч. Т. I. М., 1960.

Шитов Г. А.¹,

адъюнкт Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:

Иванов С. А.,

доцент кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ПРИНЦИПЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В рассмотрении различных точек зрения касательно определения принципов диалектики необходимо отметить точку зрения В. А. Козлова, который считает, что принципом диалектического метода является требование к познавательной деятельности субъекта, содержащееся в положении, сформулированном на основе законов и категорий философии. Принципы диалектики, таким образом, по его мнению, являются отражением общих закономерностей познания и практической деятельности [4, с. 67].

Профессор В. П. Малахов, один из наиболее авторитетных специалистов в области современной российской юридической методологии, определяет принципы познания как мыслительные предпосылки, алгоритм познания предмета и допустимыми условиями в его проникновение [1; 2, с. 54]. В. М. Сырых, другой известный специалист в области методологии юридической науки, рассматривает принципы как необходимые нормативы в научном познании.

Следует отчасти согласиться с каждой из указанных выше точек зрения и попытаться определить принципы диалектической методологии как общие требования к процессу познания. Разделение принципов на онтологические, гносеологические и др. в настоящей статье не рассматривается, однако будет рассмотрена возможность применения некоторых из них в исследовании систематизации законодательства с использованием диалектической методологии.

В. М. Сырых в своих трудах выделяет такие основные принципы диалектики в правовых исследованиях как принцип объективности, принцип всесторонности, принцип историзма и конкретно-исторический подход. Принцип объективности познания определяется им как требование постигать предметы, явления, процессы и их связи такими, какими они существуют в реальной жизни, т. е. соответствуют объективной реальности [8, с. 31–32]. Придерживаясь этого принципа, можно увидеть и различить процессы и важные особенности за кажущимися, на первый взгляд, случайными второстепенными связями, оценить реальную полноту (всеохватность) систематизации законодательства, возможность целостного восприятия нормативного материала, заполнение пробелов в законодательстве и устранение в нем несогласованностей.

Принцип всесторонности познания, по мнению В. М. Сырых, означает обязательное изучение всех существенных сторон и связей объекта исследова-

¹ © Шитов Г. А., 2020.

ния [8, с. 37]. Этот принцип проявляется на примере оценки полноты догматических утверждений и понятий. Например, при утверждении некоторых исследователей о том, что кодификация является самой сложной из форм систематизации законодательства, не берется во внимание сложность в учете и сборе нормативного материала как форме систематизации, так как в использовании учета зачастую можно столкнуться с еще большими трудностями, чем при кодификации. Также следует заметить, что в случае нарушения требования указанного принципа утверждение не является неверным, а будет не полным отражением субъективной точки зрения и станет приводить к искажению объективной реальности [10, с. 35].

Приведенный выше принцип историзма более подходит для изучения исторических аспектов правовых явлений и процессов в их пространственно-временном развитии. Например, рассматривая такую форму систематизации, как кодификация, предпочтительнее рассматривать ее институциональное формирование с 1789 г., так называемого периода «начала современной эпохи кодификации», ознаменовавшееся созданием знаменитого Гражданского кодекса Наполеона (1804 г.) и Германским гражданским уложением (1900 г.) [3, с. 63]. Именно с этого момента начинается бурное развитие систематизации законодательства в том понимании, как оно существует в настоящее время.

Связанный с принципом историзма принцип конкретно-исторического подхода обнаруживает себя в требовании учитывать конкретно-историческую обстановку, при которой возникла потребность в систематизации действующего законодательства, включая действующий на тот момент политический режим и экономические потребности общества, а также какие общественные задачи ставил для себя законодатель при использовании различных форм систематизации законодательства.

А вот основными методологическими принципами научного познания, основанными на диалектико-материалистическом методе, по мнению Д. И. Фельдмана, являются: всеобщая связь и всеобщее развитие явлений, историзм, объективность, детерминизм и единство теории и практики [9, с. 9].

В частности, принцип всеобщей связи и всеобщего развития особенно ярко проявляется в развитии представлений о систематизации законодательства как правотворческой деятельности. При обработке нормативно-правового материала законодатель должен правильно определить его внутренние и внешние связи, учитывая субъективные и объективные факторы, идеологические и моральные критерии, и экономические потребности отдельных групп и всего общества, повысить их внутреннюю согласованность и внешнюю стабильность. Тем самым увеличить степень эффективности влияния права на правосознание и поведение участников общественных отношений.

В. П. Малахов предлагает рассматривать принципы диалектики в качестве одного из элементов диалектической методологии. К ним он относит: принцип конкретности, относительности, восхождения от чувственного восприятия к абстрактному мышлению и от него к практике, компенсации, самодостаточности, необусловленности, неслучайности, непрерывной изменчивости, противоречивости, категориальной общности качественности и архивации [6, с. 25–27].

Это наиболее объективный и полный перечень принципов диалектической методологии.

Так, принцип противоречивости проявляется при определении в выборе форм систематизации законодательства, например, в отношении идеи создания свода законов возникают противоречия и двойственность в основаниях и выборе применения таких форм систематизации, как кодификация и инкорпорация, из-за неодинаковой юридической силы нормативного правового материала. Помимо этого возникают противоречия между учеными-правоведами в исследовании критериев дифференциации форм систематизации законодательства. В частности, не подвергается сомнению существование кодификации как самостоятельной формы систематизации, в то время как в отношении инкорпорации обнаруживаются серьезные противоречия. Консолидация как самостоятельный вид отдельными правоведами вообще отрицается и не признается как самостоятельная форма [7, с. 14–16].

Принцип качественности проявляется в нахождении разумных пределов при использовании в юридической практике таких форм систематизации законодательства, как кодификация и консолидация. Стремление заменить множество нормативных правовых актов одним крупным актом может затруднить его восприятие правоприменителем и сделать его непонятным для простых граждан. Поэтому необходимо правильно определить границы каждой формы систематизации исходя из предмета правового регулирования в каждом конкретном случае [7, с. 30].

Принцип непрерывной изменчивости более явно может проявляться в использовании такой формы систематизации законодательства, как кодификация. Так, несмотря на то, что юридические понятия стабильны и во временном действии закона неподвижны, они могут изменяться при изменении самого закона, что и происходит при кодификации [5, с. 21]. Например, понятие «государственная измена» несколько раз изменялось в уголовном кодексе в связи с изменением статьи в советский и российский периоды.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что принципы диалектической методологии имеют важное значение в развитии представлений о систематизации законодательства, как одного из важных и наиболее эффективных подходов к юридическому познанию, их правильное применение в совокупности с другими общенаучными и частными методами дает возможность получить ответы на самые сложные и проблемные вопросы, получить адекватное представление о развитии систематизации законодательства как многоуровневого правового явления.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
2. История и методология юридической науки : учебное пособие / под ред. В. П. Малахова, А. Г. Мамонтова. М. : Московский университет МВД России, 2013.
3. Кабрияк Р. Кодификации / пер. с фр. Л. В. Головки. М. : Статут, 2007.

4. Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1989.
5. Малахов В. П. Логика для юристов : учебное пособие для студентов вузов. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2002.
6. Малахов В. П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография / В. П. Малахов, Н. Д. Эриашвили. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2011.
7. Систематизация законодательства как способ его развития / И. В. Гетьман-Павлова, Н. Ю. Ерпылева, Е. Н. Салыгина и др. М. : Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2010.
8. Сырых В. М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. М. : РАП, 2012.
9. Фельдман Д. И. Теоретические проблемы методологии исследования государства и права / Д. И. Фельдман, Г. И. Курдюков, В. В. Лазарев. Казань : Изд-во Казанского университета, 1975.
10. Чашин А. Н. Теория юридической систематизации. М. : Дело и Сервис, 2010.

Летникова П. В.¹,

соискатель кафедры истории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СЕНАТСКИХ РЕВИЗИЙ ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II

Одной из форм надзора за деятельностью управленческого аппарата в Российской империи являлись сенатские ревизии. Начало сенатским ревизиям было положено указом Петра I 4 апреля 1722 г. «О ежегодном отправлении в Губернии одного Сенатора ревизором, о принесении на него жалоб Сенату когда учинит он неправое по делу решение, или причинить кому несправедливость» [1]. Однако в течение большей части XVIII в. сенатские ревизии являлись единичным явлением. Значительный прогресс в развитии надзорных функций Сената был достигнут при Екатерине II. Согласно Манифеста от 15 декабря 1763 г. «О постановлении штатов разным Присутственным местам; об учреждении в Сенате, в Юстиц, Вотчинной и в Ревизион Коллегиях Департаментов ...» Сенат был разделен на шесть департаментов, и первый департамент Сената стал осуществлять ревизионную функцию [2]. Роль сенатских ревизий особенно возросла после крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева и губернской реформы 1775 г. Верховная власть была заинтересована в получении достоверной информации о происходивших событиях в различных частях государства, а также для контроля за местным управлением. В результате именно на 80–90-е гг. XVIII в. приходится серия сенатских ревизий, в первую очередь затронувших деятельность административных учреждений Петербургской губернии, также ряд центральных губерний².

Особенностью данных проверок являлось то, что проверяющие сенаторы предоставляли отчет о результатах ревизии лично императрице, и на основании их докладов Екатерина II давала указы Сенату. То есть Сенат как государственный орган никоим образом не был задействован в данных проверках, не разрабатывал инструкций для осмотров, не руководил ими, не обсуждал их результатов, а участвовал в инспекциях только через сенаторов. Подобная ситуация сложилась в связи с тем, что инспектирование в данном случае осуществлялось не с целью проверки законности действий местной администрации, а для выявления правильности функционирования созданной системы местного управления на основании «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» 1775 г. Это хорошо прослеживается из особой инструкции «в руководство лицам, посылавшимся для осмотра», утвержденной 3 декабря 1795 г. Новая инструкция «О ревизировании Санкт-Петербургской губернии и о наблюдении за порядком течения дел в Присутственных местах» была адресована непосредственно Н. П. Архарову, возглавлявшему Новгородскую и Тверскую губернии, и посланному ревизировать Санкт-Петербургскую губернию [3]. К инструкции

¹ © Летникова П. В., 2020.

² Санкт-Петербургская губерния была ревизована в 1781, 1783, 1784, 1786, 1795 гг.; в 1784 г. – Рижская и Ревельская губернии; в 1785 г. – Ярославская и Костромская губернии; в 1787 г. – Рязанская и Тамбовская губернии.

прилагалась «особая записка», в которой определялись задачи по сбору необходимых сведений. Пункты 1–3 предусматривали сбор сведений по вопросам территориального устройства губернии, численности ее населения, действия административных органов и кадрового состава чиновников. Пункты 4–6 предписывали собрать сведения о делопроизводстве в губернии, выяснить количество «неразрешенных» дел и о сроках исполнения дел. Далее, пункты 7 и 8 касались вопросов финансовой дисциплины, пункты 9 и 10 – о городах и состоянии промышленности, числе городских жителей. Ревизировать дела Приказа общественного призрения, опеке и сиротских судов предписывали пункты 11 и 12. «О нуждах, недостатках и пользах общих, получая сведения от чинов правления» – пункт 13. Пункты 14 и 15 предполагали сбор сведений «о дороговизне съестных припасов и прочего к тому нужного во всей губернии известно ли правлению и какие способы к отвращению того приемлются» и о «рабочих людях».

Как видно из анализа пунктов, сенаторская проверка, действительно, была в большей степени нацелена на сбор информации о губернском и городском устройстве, чем о проведении полноценной ревизии. Этим фактически и отличаются сенаторские ревизии эпохи Екатерины II от тех, которые будут проведены в царствование Павла I.

На основании этой инструкции уже 11 декабря 1795 г. генерал-поручик С. И. Маврин получил рескрипт «О обревизовании Вятской Губернии и произведении следствия на месте по злоупотреблениям, открытым Ея Величеству частными жалобами». В инструкции говорилось: «До сведения нашего дошло, что в Вятском наместничестве производятся некоторыми чиновниками различные до высшей степени достигшие злоупотребления... А сверх того и в Сенат вступили во множестве представления о разных беспорядках, происходящих в том наместничестве ... Повелеваем немедленно отправиться в Вятское наместничество и по приезде туда исполнить следующее: сохраняется ли там без всякого лицемерия правосудие... сбережена ли казна и казенные леса, причем не оставьте также обратить внимание Ваше и на всякие заведения, казне принадлежащие, все ли в должном порядке...» [4].

Прибыв на место, С. И. Маврин обнаружил должностной произвол и коррупцию, царящие во всех звеньях местного управленческого аппарата, включая губернское правление и самого губернатора действительного статского советника Ф. Ф. Желтухина. Итоги ревизии были подведены уже в царствование Павла I, показав последнему огромное значение самого института сенатского контроля за деятельностью регионального госаппарата.

Список литературы:

1. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. VI. № 3931.
2. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVI. № 11989.
3. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIII. № 17414.
4. ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XXIII. № 17416.

Абрамов А. В.¹,

*адъюнкт Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова*

ДИАЛЕКТИКА СВЯЗИ ПРАВОВОГО И МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

На современном этапе функционирования российского общества в условиях изменений всех сфер жизнедеятельности правоохранительные органы несут особую ответственность за укрепление в стране правопорядка и законности. На уровне общественного сознания все острее формируется социальный запрос в принципиально новых профессиональных и личностных качествах сотрудников полиции, в правосознании которых станут доминировать позитивные для современного общества идеи и ценности – гуманизм, соблюдение закона, справедливость, патриотизм, а определяющими мотивами станут – нравственность, совесть, долг, ответственность, благо других граждан.

Правоохранительная деятельность подразумевает наличие у ее исполнителей не только властных полномочий, но и высоких нравственных качеств, способность глубоко осмыслить окружающую правовую реальность в контексте морали, позитивно относиться к праву и правовым институтам, сформированного навыка правоприменения, устоявшихся правовых установок, обширных юридических знаний. Как следствие, развитие на основе морального сознания – зрелого профессионального правосознания сотрудников полиции. На современном этапе развитие духовных факторов должно определять эффективность профессиональной деятельности сотрудников полиции, их профессионализм, а соответственно и престиж службы.

Становление профессионального правосознания сотрудников полиции происходит при непосредственном выполнении служебных задач и профессионального долга в неразрывной связи и регулирующем действии правового и морального сознания. Взаимосвязь морального и правового сознания служит действительной предпосылкой для формирования высокого уровня профессиональной культуры полицейского. При этом в профессиональной культуре сотрудников полиции есть четкая связь между правовым и нравственным. Правовое сознание выступает как функция нравственности, а нравственность служит критерием для формирования правовых оценок.

Диалектика правосознания обусловлена экзогенными и эндогенными факторами. Экзогенными являются нравственность, психология, идеология и сознание, общественная мораль и культура. Данные факторы являются внешними для личности. Они заданы внешней средой, послужившей местом развития и формирования личности, которая уже «дана» личности и к которой личность должна адаптироваться для успешного развития и функционирования. Но есть и внутренние формы, эндогенные, лежащие в основе самой личности, такие как опыт бытия, ценности и приоритеты, личностное самосознание. Эти

¹ © Абрамов А. В., 2020.

факторы заданы внутренним миром личности и изнутри опосредуют диалектику ее правосознания. Механизм формирования данных факторов может иметь различную природу: переданные ребенку родительские стереотипы, восприятие реальности, самовоспитание или самообразование. Сознание определяется, как «воззрение людей в их совокупности на явления природы и социальную реальность» [2].

Выделяются следующие виды сознания: правовое, политическое, моральное, идеологическое, экономическое, творческое и др. [6]. Результатом непрерывного взаимодействия различных типов сознания, находящихся в диалектической связи, является формирование профессионального сознания сотрудника полиции. Именно проникновение одного вида сознания в другое и превалирование одного над другим в результате рефлексирования субъекта на внешние факторы, ситуации и раздражители, обуславливает в нашем случае поведение полицейского в различных условиях правоприменения. Однако сознание не является самостоятельной самодостаточной единицей. Сознание становится самостоятельным в силу его специализации и локализации, в результате развития. Не существует не детерминированного личной эмпирикой сознания в «чистом» виде. Из этого следует вывод о накоплении потенциала профессионального сознания сотрудников полиции как с помощью экзогенных, так и эндогенных факторов. Важна «позитивная» окраска опыта полученного как на начальных этапах становления морального сознания, так и в последующем при формировании остальных типов сознания на пути к профессиональному сознанию. Именно положительный опыт справедливости, уважения, исполнительности, послушания закону ключевым образом влияет на устойчивые связи морального и правового сознаний. Без устойчивого морального сознания невозможно формирование объективного правового сознания без девиаций и отклонений. Согласно утверждениям Э. Гуссерля сознание всегда направленно, и это означает, что оно рефлексивно [3]. Профессиональное правосознание – это сложная рефлексия, не простое отражение внешних данных и их проверка на подлинность. Оно направлено не только к знанию и информации, но и к обработке и закреплению их в своей структуре. Профессиональное правосознание обращается к себе и к процессу усвоения и освоения информационного потока, происходит соотнесение себя с собой через личный опыт. Как результат – получение нового знания, закрепленного в сознании как критическое знание, извне. Это уже не амбивалентная нейтральная общность взглядов, а система критического отношения к ним и к себе. Из отпечатка объекта внешней реальности в клетках головного мозга человека сознание превращается в результат продуктивно творческого воображения, становится своеобразным продуктом «духовного делания» (термин И. А. Ильина). Сознание подразумевает не просто предмет, отраженный мозгом, а придает ему смысловую нагрузку в зависимости от предыдущего опыта личности. Из этого следует вывод, что весь предшествующий опыт оказывает влияние на воззрения и доминантен по сравнению с потоковой информацией, получаемой единомоментно. Этот опыт и направляет сознание. При обобщении мы видим структуру правосознания, идентичную структуре сознания, оно двустороннее – ценностно-эмоциональная часть и познавательная. Ценностно-эмоциональная часть ближе к правовой психологии, это чувственно

эмоциональное отражение правовой сферы общественной жизни, в том числе и права. Сюда же можно отнести и правовые установки личности. «Правовая установка – это определенное психологическое состояние субъекта, сформированное условиями его жизни, воспитанием, в том числе правовым, основанное на принятии ценностей, закрепленных правом. Правовая установка – это predisposition личности, ее психологическая готовность к соблюдению норм права» [10, с. 333]. В свою очередь познавательная сторона правосознания отражает процесс и результаты осознания правовой действительности. «Речь идет о том, как люди понимают и воспринимают право, как его осознают, каким хотели бы видеть право в идеале» [4, с. 50]. Сотрудники полиции в свою очередь находятся по уровню правопонимания между «лицами, не имеющими специальных юридических знаний, но в силу разных причин сталкивающиеся с правовой действительностью» [4, с. 18], рядовыми гражданами и учеными-правоведами, занимающимися изучением права на научном уровне. Сотрудники полиции обладают профессиональным практическим правопониманием, именно оно и специфика ежедневного применения правовых норм и процедур обуславливают специализацию их правового сознания и переход его в профессиональное. Граждане, не сталкивающиеся с ежедневным правоприменением, склонны минимизировать роль профессионального правосознания в повседневной деятельности сотрудников полиции, для общества более важна моральная составляющая деятельности, так как в обыденном правосознании преобладает эмоциональность и основа на чувственном восприятии. Через профессиональное правосознание реализуется мировоззренческая функция. Она влияет на понимание окружающего мира через призму правовой действительности. Применение закона сотрудником полиции, четко осознающим себя в обществе как его часть, а не как карательная надстройка дает сформированное мировоззрение. А. Р. Ратников обратил внимание на регулирующую функцию правосознания. Правосознание – «сфера общественного, группового, индивидуального сознания, отражающего правовую деятельность в форме юридических знаний, оценочных отношений к праву и практике его применения, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих человеческое поведение в юридически значимых ситуациях» [1; 8].

Профессиональное правосознание соотносится с правосознанием как сознание с самосознанием. Процессы освоения и усвоения норм права различны, освоение как знание не является тождественным процессу усвоения, как выработке убеждений. Профессиональное правосознание испытывает на себе влияние разнообразных продуктов истории: государства, науки, политики, морали, традиций, культуры, национальных и даже ментальных особенностей. Оно выполняет помимо специальных функций, свойственных только ему, функции, присущие правосознанию как форме общественного сознания. Не стоит отрицать идеологического влияния на профессиональное правосознание. Остроумов Г. С. утверждал, что правосознание «непосредственно входит в состав политических взглядов» [7, с. 60–63, 65]. Отметим, что правосознание «служит только средством, обеспечивающим выполнение задач, сформулированных политическим сознанием» [5, с. 16]. Абсолютно согласиться с вышеуказанными точками зрения нельзя, так как существует взаимосвязь правового политического и мо-

рально сознания, которые, в свою очередь, в совокупности и на основании взаимного влияния и формируют профессиональное правосознание. Один вид сознания не сформирует полноценного правосознания без перекосов и девиаций, опасных для общества, но идеологическая составляющая является одной из ключевых.

Также отметим, что зачастую для сотрудника полиции как правоприменителя последствия применения норм закона не имеют кардинального значения. А большинства граждан именно последствия применения к ним закона и являются основными в формировании правосознания. Учитывая это, сотрудник полиции не должен быть оторван в профессиональном правосознании от общества, интересы которого он представляет, общества, которое выбрало его для осуществления правоохранительной функции. При этом сотрудник полиции в процессе деятельности всегда соотносит себя и свой опыт с внешними по отношению к нему институциями. Сотрудник ежедневно сталкивается с необходимостью нравственного выбора, следовать своему представлению о праве или безапелляционно принять то толкование, которое предлагает ему государство.

В веке новых информационных технологий, общества потребления, свободных рыночных отношений моральная основа профессионального правосознания сотрудников полиции, его полнота и сформированность имеют кардинальное значение. Без моральных основ в деятельности полиции может возникнуть отчуждение между народом и властью, обществом и государством. Из всех ценностей право, как наиболее совершенная, развитая и почти конкретно осязаемая форма, играет самую важную роль [9].

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
2. Гончаров С. З. Логико-категорическое мышление : в 3 ч. Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2011.
3. Гуссерль Э. Феноменология // Логос. – 1991. – №1. – С. 12–16.
4. Лукич Р. Методология права / пер. с серб.; и вст. ст. Д. А. Керимова. М. : Прогресс, 1981.
5. Марксистско-ленинская философия: Духовная жизнь общества. Формы общественного сознания. Минск, 1989.
6. Налимов В. Спонтанность сознания. М. : Академический проект, 2011.
7. Остроумов Г. С. Правовое сознание действительности. М., 2001.
8. Ратинов А. Р. Правосознание и преступное поведение // Вопросы изучения преступности и борьбы с нею : сбор. материалов III Всесоюз. научн. семинара по проблемам криминологии. М., 1975.
9. Спиркин А. Г. Философия права. М. : Гардарики, 2005.
10. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник. М., 2001.

Жеребцова Е. Н.¹,

адъюнкт факультета подготовки

научно-педагогических кадров Академии ФСИИ России

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА

Любая наука в современном обществе имеет свой предмет исследования. Исторический материализм является важнейшей составляющей в общих парадигмах и законах прогрессирующего развития и становления общества в целом. Он рассматривает общество с точки зрения отдельных сторон общественной жизни, определенных видов общественных отношений, ставя перед собой задачу – исследование общих законов исторического процесса.

Важность исторического материализма заключается в том, на мой взгляд, что он позволяет всеобъемлюще взглянуть на самые важные вопросы общественной науки, найти пути создания истории как единого закономерного явления.

Однако исторический материализм – это просто сводка принципов, это, прежде всего, метод познания жизни общества, как процесса движущегося, изменяющегося с учетом реалий того или иного времени.

Исторический материализм есть распространение положений диалектики на изучение общественной жизни, применение ее положений к явлениям жизни общества.

Для всесторонней реализации воспитательной функции права в системе развития общества нужно действительно понимать и анализировать потребности общества, ценности, идеалы. Исследование воспитательной функции права, как и исторического материализма, является средством понимания развития общества, его связи с процессами и анализом уровня преобразования общественных отношений из года в год, из поколения в поколение.

Однако воспитательная функция права признана регулировать общественные отношения, а исторический материализм изучает и анализирует развитие самого общества, историю стран и народов. Без этого анализа, обобщения закономерностей развития общественных отношений функция права не могла бы реализоваться в плане мощного стимулирующего правового воздействия на граждан. Ведь чтобы воздействовать на что-то, нужно понимать механизм воздействия. В этом случае нормы права сопоставляются с интересами людей, ведь эффективное стимулирование правовой активности граждан зависит от того, насколько правильно сформированы и поняты жизненно важные потребности граждан.

Внутренняя структура воспитательной функции права находит свое отражение в методах воспитательного воздействия права на поведение и сознание людей, в конечном счете – на общественные отношения. И. Е. Фарбер писал, что содержанием данной функции права будет ответ на вопрос, кто воспитывает право и как оно это делает, т. е. определение механизма воспитательного воздействия.

¹ © Жеребцова Е. Н., 2020.

Основные социальные знания, ценности и нормы формировались в обществе в процессе эволюции исторических событий, в процессе развития политических, экономических, духовных отношений. С учетом исторического материализма можно утверждать, что механизмы воспитательного воздействия непосредственно связаны с сущностью самого воспитания, как мотивационно-потребностной сферы человека. Воспитательная функция права в системе общих ценностей права действует как идеологический аспект, направленный на повышение правовой культуры. Исторический материализм доказывает, что безразличное отношение общества к праву приводит к пробелам в нравственных аспектах жизнедеятельности социума, стагнации, упадку правового нигилизма, сбою во всех отраслях общественного знания. В пестрых и сложных развитиях и сменах исторических событиях прослеживается внутренняя закономерность и связь, где право обеспечивает баланс и равновесие нарушенных правоотношений. Воздействуя на волю людей, воспитательная функция организует общество, побуждает его поступать тем или иным образом, прививая нравственность и понимание значимости правосознания, усиливая свой авторитет в системе правоотношений. Воспитательная сила права состоит в четкой и логичной согласованности его норм, так как существование противоречий в праве затрудняет его применение, приводит к ошибкам, ослабляет его значимость. А. А. Кваша отмечает: «Правовое воспитание состоит в передаче, накоплении и усвоении знаний, принципов и норм права, а также в формировании отношения к праву и практике его реализации, умении использовать свои права, соблюдать запреты и исполнять обязанности». В процессе переосмысления, а также в процессе поиска методологических подходов к изучению исторических процессов всегда требовались и находились новые решения проблем реализации методов воспитания. Ведущими становятся методы, которые актуализируют личный опыт, обеспечивают процесс самоопределения на основе осознанного присвоения духовных достижений человечества в прошлом.

Человечество прошло сложный и длительный путь исторического развития, движущие силы этого поступательного движения находят свое отражение в историческом материализме, который объясняет переход от одного общественного строя к другому. К тому же, исторический материализм – это, безусловно, научный метод изучения отдельных сторон общественной жизни, которых призвано защищать право. Воспитательная функция права ставит перед собой задачу формирования стимулов правомерного поведения у граждан, что в связи с прогрессирующей историей развития общественных отношений является неотъемлемым, так как данное явление оказывает влияние на состояние правовых общественных процессов. Роль этой функции не отражается напрямую в законотворческом процессе, но имеет сильное влияние на правоприменительную практику, ведь в большинстве функций права можно найти косвенное отражение именно воспитательной функции, что подтверждает ее исключительность в общей системе правоотношений.

Важное, на мой взгляд, значение имеет эволюция духовного мира человека, осмысление и принятие исторического материализма с учетом реалий и противоречий современного уклада жизни, создание правотворческой стабильности, что может быть обеспечено воспитательной функцией права.

Школа О. В.¹,

*соискатель кафедры теории государства и права,
старший инспектор отдела кадров управления
по работе с личным составом Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя*

СУБЪЕКТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕГРАТИВНОГО ПРАВОПОРЯДКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Представляя собой устойчивую систему общественных отношений, правопорядок как часть общественного порядка складывается «на основе права и в результате его действия» [4, с. 105], а его формирование непосредственно представляет собой общий результат функционирования всего комплекса элементов механизма правового воздействия, выступающего важнейшей частью системы социального регулирования, что наряду с иными (фиксирование в нормах права, создание идеальной модели «на основе функционирования всего механизма действия права (в совокупности его статических и динамических элементов)» [3, с. 380], определение практической модели рамками правомерного поведения правовых лиц, обеспечение государственной властью, устойчивостью, взаимосвязью с уровнем правовой культуры и результатом реализуемой законности) определяет особенности правового порядка.

Современные общественные отношения характеризуются распространением идей интеграции, а следовательно – активизацией интеграционных процессов с их последующей интенсификацией и углублением, начиная от формирования в различных регионах зон свободной торговли и таможенных союзов и заканчивая созданием единых (внутренних) рынков и их аналогов с последующим стремлением сформировать экономические (валютные) и политические союзы.

В рамках интегрирования государств и размывания в указанной связи национальных границ встает проблема соотношения правопорядков и иерархии международных и национальных норм, обусловленная современным развитием правовых систем, является на сегодняшний день одной из наиболее обсуждаемых, не получившей, как отмечается, достойного разрешения [7; 8], требует теоретического наполнения, соответствующего современному уровню развития правоотношений, характеризуемый усложнением «правового ландшафта» [5] интегрирующихся государств, дополняемым новыми аспектами взаимодействия правовых систем различного уровня. В числе таких аспектов могут быть выделены: значение права наднациональных институтов для правовых систем государств-участников интеграционных образований, соотношение права наднационального и национального уровней. Указанные вопросы вызывают необходимость формирования правовой методологии их взаимодействия.

Учитывая основное назначение права, выражающееся в активном установлении и поддержании определенного порядка, обеспечивающего нормаль-

¹ © Школа О. В., 2020.

ное функционирование в его условиях всех компонентов общества и государства и реализацию юридически закрепленных прав граждан и исполнение публичной властью функциональных обязанностей, наряду с категориями права и его действия, механизма правового воздействия представляется целесообразным рассмотреть субъектную характеристику правопорядка, составляющую его содержание.

Таким образом, в рамках представленной статьи субъектная характеристика правопорядка введена как авторская категория, раскрывающая два блока: общий и специфический. В рамках первого предполагается подробное рассмотрение субъектов права и их взаимосвязей, в рамках второго – обеспечительные функции государства. В контексте интегративности и интеграционных объединений возможно к специфической группе субъектной характеристики добавить группы государств, интеграционные объединения как юридические лица.

Данная характеристика в некоторой части коррелирует с особенностями правового порядка и включает в себя, во-первых, правомерное поведение субъектов права (общая субъектная характеристика правопорядка), во-вторых, особую роль государства и его органов (специфическая характеристика обеспечения правопорядка).

Субъекты права (правоотношения), определяющие общую субъектную характеристику правопорядка, представлены юридическими и физическими лицами, которые наделены правосубъектностью, т. е. правами с момента официального признания (регистрации в качестве юридического лица) и рождения независимо от волеизъявления (правоспособность) и фактической способностью своими осознанными действиями реализовывать субъективные права и юридические обязанности, а также нести ответственность за совершенные правонарушения (дееспособность).

Правосубъектность же, по мнению С. С. Алексеева, выражается в способности «лиц (граждан, коллективов граждан, государства и его органов) быть субъектами права, т. е. участниками правоотношений, носителями субъективных прав и обязанностей» [1, с. 145], не только обладающих правами и обязанностями, но и способными их самостоятельно осуществлять. Таким образом, основываясь на представленном определении субъектного состава правопорядка, возможно говорить о схожести свойств общих и специфических субъектов правопорядка.

Специфическая характеристика субъектного состава правопорядка при этом определяется его особенностью обеспечения «государственной властью, обладающей полнотой возможностей воздействия на членов общества, включая легальное принуждение» [3].

Наличие указанных субъектных характеристик правопорядка дает основание говорить о содержании правоотношений (юридическом и фактическом), субъективном праве и юридической обязанности, позволяющих судить о правоотношениях как центральной категории права, многообразие которых «обусловлено множеством видов общественных отношений и способов правового воздействия на них» [4, с. 87]. Таким образом, наблюдается непосредственная взаимосвязь между субъектной характеристикой правопорядка и механизмом правового регулирования, направленным на согласование потребностей и инте-

ресов субъектов, упорядочения общественных отношений и обладающим в условиях интеграции как определенными особенностями, так и общими свойствами:

- воздействие механизма направлено на реализацию определенных целей;
- основной целью реализации механизма выступает упорядочение общественных отношений;
- состоит из системы юридических средств правового воздействия на общественные отношения, зафиксированных в нормах права;
- каждое юридическое средство имеет определенную роль и место в процессе правового регулирования;
- механизм имеет определенный элементный состав, который выделяет нормы права, юридические факты, правовые отношения, акты реализации прав и обязанностей, акты применения норм права, для каждой из указанных групп элементов характерна соответствующая стадия механизма правового регулирования;
- предмет и способ правового регулирования определяют метод правового воздействия и его тип в зависимости от разграничения сфер частного и публичного права;
- становление правопорядка неразрывно связано с «функционированием законности как принципа и становлением законности как режима» [2; 4, с. 105], требуемого соблюдения и исполнения норм права каждым из его субъектов, соответственно рассматриваемых, с одной стороны, как руководящая идея нормативного характера строгого и неукоснительного соблюдения юридических предписаний, а с другой – как состояние реального претворения данных предписаний в общественные отношения. Понятие законности как пути формирования правового порядка подчинено принципам ее всеобщности, единства, верховенства закона, недопустимости противоправных действий, неотвратимости ответственности за правонарушения и реальной связи законности и правовой культуры. При этом при рассмотрении интегративного правопорядка необходимо учитывать особенности правовых культур интегрирующихся обществ, а также их особенности и возможности консолидации.

При этом помимо юридической правомерности общественных отношений в своем формировании правопорядок охватывает также согласованность, организованность, системность и их фактическую упорядоченность, также подчиняющиеся определенным принципам.

Возвращаясь к субъектной характеристике интегративного порядка, необходимо отметить его состав и его отличия от правопорядка в его классическом понимании.

Так, если к особенностям правопорядка относится особая роль государства как субъекта в регулировании общественных отношений, то в контексте интегративности его роль становится более двойственной и приобретает наряду с указанными черты общих субъектов права, чья деятельность подвержена правовому регулированию сверху. Роль регулятора в данном случае приобретают наднациональные настройки, возникающие в результате принятия решения государств-членов интеграционного образования об их создании и передаче части национального суверенитета на наднациональный уровень в добровольном

порядке. Новообразованные субъекты регулирования правового порядка интеграционных сообществ действуют в пределах своих компетенций и осуществляют правовые функции соответственно достигнутым уровням интеграции сообществ.

Таким образом, в условиях современных общественных отношений наблюдается формирование категории интегративного правопорядка [6, с. 189–195], представляющего собой часть общественного порядка – устойчивую систему интеграционных общественных отношений, складывающуюся в результате действия права на территории нескольких государств и их образований на основе добровольного объединения государств для достижения определенных целей экономического, правового, политического развития, а также формирования отдельных элементов и институционального механизма правового регулирования такого развития.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
2. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
3. Общая теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / В. В. Оксамытный и др. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
4. Теория государства и права. Базовый курс : учеб. пособие для обучающихся по юридическим специальностям / [А. Ю. Гарашко и др.]; под ред. А. Г. Мамонтова, С. А. Иванова. М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2017.
5. Филатова М. А. Соотношение правопорядков и иерархия международных и национальных норм: новые вопросы и подходы к их решению в практике Конституционного Суда России // Международное правосудие. – 2016. – № 3. – С. 88–100.
6. Школа О. В. Исторические условия формирования интегративного правопорядка // Идеи конституционализма в юридической науке: история и современность (секция молодых исследователей) : сборник материалов III международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. М. Курицына. М., 2019.
7. Bonnet V. Repenser les rapports entre les ordres juridiques. Paris: Lextenso editions, 2013.
8. Ost F., Van de Kerchove M. De la pyramide au reseau? Pour une theorie dialectique du droit. Bruxelles: Publications des Facultes universitaires Saint-Louis, 2002.

Костиков К. Н.¹,

*преподаватель кафедры физической подготовки
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;*

Феоктистова А. А.²,

*курсант 4 курса Института психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Современный мир характеризуется интенсивным развитием информационных технологий. Виртуальная реальность стала доступной каждому. Для современного человека посещение Интернета превратилось в жизненную необходимость. Там он удовлетворяет свои потребности в общении, признании, развлечениях и много другом. Однако в связи с этим возрастает и количество преступлений, совершенных на просторах интернет-среды. Такие преступления будут называться «киберпреступления».

На сайте Интерпола говорится о том, что единого понятия «киберпреступности» не существует, однако под этим термином нужно иметь такие виды интернет-преступлений, как:

«**advanced cybercrime** – высокотехнологичная преступность, представляющая собой изощренные атаки на аппаратные средства компьютера и программное обеспечение,

cyber-enabled crime – преступность, использующая виртуальное пространство для совершения многих «традиционных преступлений», таких как преступления против детей, финансовые преступления, кражи, мошенничество, незаконные азартные игры, продажа поддельных лекарств и даже терроризм» (<https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime>).

Данная статья обращена ко второму типу преступлений, в частности против несовершеннолетних.

Действующим российским законодательством установлена уголовная ответственность за киберпреступления в гл. 28 УК РФ и административная ответственность в некоторых статьях гл. 13.

Интернет-пространство позволяет совершать различные преступления над детьми. Безусловно, этот факт обратил на себя внимание и Организации Объединенных Наций (далее ООН), в связи с этим ООН в 2014 г. было инициировано мероприятие «Цифровые медиа и права детей», где обсуждались вопросы насилия, эксплуатации, жестоко обращения с детьми в Интернете, а также способы защиты от преступных посягательств, также от доступа к сексуальной и насильственной информации.

Мировая общественность призвала все страны объединиться против преступлений подобного характера. Российская Федерация также провела ряд ме-

¹ © Костиков К. Н., 2020.

² © Феоктистова А. А., 2020.

роприятий на законодательном уровне для обеспечения условий нормального воспитания детей в стране.

В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», информация порнографического характера запрещена для распространения среди детей.

Однако отечественные специалисты утверждают, что за последние 10 лет в 25 раз выросло количество порнографического материала с участием детей и в 30 раз возросло количество случаев насилия над детьми в Интернете.

И хотя Российская Федерация не подписала Европейскую конвенцию о киберпреступности, где дано определение понятию порнографии с участием детей в киберпространстве, однако ответственность за это регулирует уголовное законодательство Российской Федерации, а именно: «запрет изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (242.1 УК РФ) и использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (242.2 УК РФ) с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)». Российская Федерация проводит различные мероприятия по противодействию распространению порнографии среди несовершеннолетних, сексуального и насильственного контента, запрещает размещение на общедоступных сайтах подобного рода информации, следит за тем, чтобы несовершеннолетние не хотели заниматься сексуальными и иными противоправными и аморальными действиями в Интернете.

Таким образом, в России, как и в большинстве стран, киберпреступность является настоящим преступлением, в частности, использование, распространение и производство детской порнографии. Это объясняется как минимум двумя причинами: во-первых, порнография среди несовершеннолетних, их сексуальное рабство – распространенное во многих странах явление, имеющее высокую латентность, и являющееся особо опасным преступлением во всех сферах жизни общества; во-вторых, как правило, люди, просматривающие порнографические материалы с участием детей, не останавливаются на одном только просмотре, такие люди имеют психические отклонения и в реальной жизни зачастую становятся педофилами, что представляет собой опасное социальное явление.

Исходя из этого, необходимо совершенствовать законодательство в области киберпреступности в отношении несовершеннолетних, поскольку многие негативные действия в сети «Интернет» не несут ответственности. Например, кибербуллинг детей – это травля, террор несовершеннолетнего в Интернете. По последним данным, в России за период с января по сентябрь 2019 г. увеличилось количество случаев травли в Интернете, что составляет 423 эпизода кибербуллинга, которые получили широкую огласку в интернет-среде. Этот показатель увеличился в четыре раза по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. Этот факт говорит нам о том, что проблема остается актуальной на сегодняшний день и даже прогрессирует, что является негативным социальным показателем.

В связи с этими обстоятельствами заместитель председателя молодежного парламента при Государственной Думе Дмитрий Шатунов предлагает ввести административную ответственность за травлю в Интернете, которая войдет в

статью 5.61 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации об оскорблении.

Однако четкой позиции по регулированию такого вида правонарушений пока не имеется.

Подводя итог, можно сказать, что киберпреступления против несовершеннолетних – это явление крайне опасное и разрушительное как для законодательства страны, так и для личности ребенка, многих социальных институтов. Поэтому следует обратить внимание на совершенствование настоящего законодательства, провести полное исследование киберпреступлений против несовершеннолетних для объективной и содержательной оценки данного вида деяния, а также ужесточить ответственность за противоправные действия в сети «Интернет» против несовершеннолетних.

Максимлюк А. А.¹,

*курсант 4 курса международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Гарашко А. Ю.,

доцент кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Реалии современного постбиполярного мира определенным образом маргинализировали ортодоксальное марксистское учение. Не имея политической поддержки, марксизм мог бы найти свое пристанище в уже привычной для себя академической среде, однако парадигмальные изменения в гуманитарных науках, а именно развитие постструктуралистских и постмодернистских теорий, также поставили под сомнение уместность основных принципов исторического материализма, даже несмотря на целый ряд попыток их совершенствования в течение XX в. Одной из основательных и наиболее решительных попыток преодоления недостатков социального учения Э. Лаклау и Ш. Муфф стала «Гегемония и социалистическая стратегия», которая является основополагающим трудом, именно она дала толчок к развитию постмарксизма. Фактически все будущее развитие постмарксистского учения связано с попытками осмысления этой работы по ее критике марксизма. Среди важных работ в центре своего внимания ставят рассмотрение постмарксизма как определенного философского направления можно назвать работы С. Сима, С. Торми и Дж. Таушенда, Ю. Барбарук и др. [1; 5; 7; 8].

Данная статья посвящена рассмотрению основных упреков историческому материализму со стороны постмарксизма как основы его теоретической платформы. С целью освещения данной проблематики рассмотрим постмарксизм как направление в социальной философии и его основные черты, а также проследим трансформацию марксистских категорий и ее последствия в теории дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф.

Постмарксизм не является четко очерченной философской школой. В литературе можно найти достаточно разнообразные его определения, а сама правомерность выделения его в отдельное направление оспаривается.

Широкое понимание постмарксизма, представленное, например, С. Симумом, связывает его со всем многообразием течений западного неортодоксального марксизма, возникает как реакция на Октябрьскую революцию в России. Таким образом, в лагере постмарксизма оказываются такие мыслители, как Д. Лукач, А. Грамши и представители Франкфуртской школы.

¹ © Максимлюк А. А., 2020.

В рамках данной статьи мы в основном ограничимся узким пониманием постмарксизма, акцентируя внимание на переосмыслении исторического материализма Э. Лаклау и Ш. Муфф.

Э. Лаклау и Ш. Муфф отвергают возможность существования объективных законов, которые разделяют общество на классы. Принадлежность к группе определяется в политических, дискурсивных процессах. Это не значит, что теоретики меняют модель базиса и надстройки таким образом, что надстройка начинает обуславливать базис, дискурсы детерминируют экономику. Э. Лаклау и Ш. Муфф объединяют обе эти категории в понятии дискурса.

Их дискурс охватывает не только язык, но и все социальные явления. На сформулированной ими теории дискурса, как фундамента их социально-философских взглядов, следует остановиться подробнее.

Теория дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф построена на перекрестке марксистской и структуралистской традиции. Соединив их в единой постструктуралистской теории, они рассматривают всю область социального как сеть, в которой создаются значения.

Ключевыми терминами теории Э. Лаклау и Ш. Муфф являются артикуляция, дискурс, моменты и элементы. В «Гегемонии и социалистической стратегии» о них говорится так: «Мы будем называть артикуляцией любую практику установления отношений между элементами, при которой меняется идентичность элемента как следствие артикуляционной практики. Общественность, структурированную в результате артикуляционной практики, мы будем называть стилем [2; 3]. Разрозненные позиции артикулируются в дискурсе, мы назовем моментами. Вместо этого мы будем называть элементами любые различия, которые не являются дискурсивно артикулированными».

Таким образом, дискурс понимается как совокупность фиксированных значений в определенной специфической области. Все моменты в дискурсе закрепляются за счет своего отличия от других, так называемой «дифференциальной позиции». Переход из состояния элемента в состояние момента происходит благодаря отвержению возможных способов, которыми элементы могли бы быть связаны между собой. Все возможные значения, отбрасываются в дискурсе, Э. Лаклау и Ш. Муфф называют областью дискурсивности. Область дискурсивности является своеобразным резервом значений, возникающих в артикуляционной практике, но исключены для достижения единства значений.

Ключевая мысль теории дискурса – невозможность окончательной фиксации значений, т. е. невозможность окончательной закрытости. В области дискурсивности содержатся значения, которые могут быть использованы в артикуляционной практике для формирования новых дискурсов. Различные дискурсы вступают в борьбу за установление значения элементов. Хотя артикуляции и основываются на более ранних фиксациях значений, они практически никогда не является дословным повторением этой фиксации, а выступают активным средством нового закрепления значений. Таким образом, в центре внимания Э. Лаклау и Ш. Муфф находится не столько дискурсивный способ закрепления значений, сколько процесс его изменения.

Если в историческом материализме базис детерминирует надстройку, то для Э. Лаклау и Ш. Муфф приоритетными становятся именно политические процессы, которые традиционно рассматривались составляющей надстройки.

Политические артикуляции, формируя дискурс, и определяют общество. Это не значит, что все факторы социальной жизни являются языковыми, наоборот, для постмарксизма характерно рассмотрение дискурсов как материальных. Но все объекты социального и физического мира всегда возникают опосредованными системой значений в структуре дискурса. Воспроизведение и производство значений являются политическим актом. В теории дискурса политическое рассматривается в широком смысле как некий способ конструирования социальной реальности, исключая все другие способы конструирования.

Дискурсы столь прочно укоренились у Э. Лаклау и Ш. Муффа, что получили название «объективных», или «социальных». Объективность является историческим следствием политического конструирования, и граница между объективностью и политическим является изменчивой. Кстати, что в определенный исторический момент рассматриваются как естественные, могут в иной момент быть объектом политической борьбы и наоборот. Объективность является идеологической, поскольку в ней скрывается возможность альтернативных устройств. Все дискурсы одинаково являются условными, однако объективность маскирует это.

Между понятиями объективности и политической располагается заимствовано у А. Грамши понятие гегемонии. За счет гегемонии происходит переход от политической борьбы к объективности путем устранения всех альтернативных вариантов рассмотрения реальности, насаживается одна единственная точка зрения.

Тесно связывается с политикой и объективностью понятие власти, марксистское понимание которой Э. Лаклау и Ш. Муфф подвергают сомнению. Если «Манифест коммунистической партии» утверждает, что «Политическая власть в собственном смысле слова есть организованная сила одного класса для подавления другого», то постмарксисты вообще отказываются от ее субъекто-объектной направленности. Для Э. Лаклау и Ш. Муффа власть является способом производства социального. Именно власть создает значение, обуславливает наше знание, создает индивидуальные и групповые идентичности. Однако ни один социальный строй не является единственно возможным, поэтому власти опять же вытесняет все возможные альтернативы. Вместе с тем, любой новый социальный строй тоже будет следствием власти.

М. Йоргенсен и Л. Филлипс считают, что концепты власти и политики в теории Э. Лаклау и Ш. Муффа следует рассматривать как две стороны одной медали. Власть означает производство таких объектов, как «общество» и «идентичность», в то время как «политика» отражает условность этих объектов. Но социальное всегда структурировано определенным образом, и наши оценки исходят из этих структур [4].

Социальное структурирование Э. Лаклау и Ш. Муффа распространяют и на классовую структуру общества. Для них общество не является объективно данным образованием, в котором все имеют свои четкие позиции. Общество всегда структурировано только частично и временно. Так, классовая идентичность вызвана тем, что в этих исторических условиях дискурсы национальной, половой, возрастной или любой другой идентичности устраняются.

Как антитезу традиционной марксистской точки зрения, Э. Лаклау и Ш. Муфф предлагают собственную теорию социальных групп, основанную на

дискурсивном понимании идентичности. Дискурсы обуславливают ту позицию, которую человек занимает как субъект. Фактически человек выступает как «субъектная позиция» внутри дискурсивной структуры. Идентичность – это самоидентификация человека с определенной субъектной позиции за счет отбрасывания остальных альтернативных позиций [6].

Группы создаются благодаря предоставлению определенным вариантам идентификации преимущества над другими. Другие, несоответствующие к групповой идентичности, исключаются из ее состава, в то время как внутренние различия и другие варианты формирования групп игнорируются.

Внимание к политическому компоненту социальной системы в дискурсивном понимании идентичности выводит на передний план идею представительства. Традиционно представительство предусматривало предоставление определенному члену группы право говорить от имени и в интересах всей объективно существующей группы. Для Э. Лаклау и Ш. Муфф группа и ее представитель формируются одновременно. Только в артикуляции представителя группа оформляется, только противопоставление представителем группы другим группам может ее создать. В этом противопоставлении представитель оказывается вынужденным выстроить свое понимание социума, свое представление о его структуре.

Получается, постмарксизм, несмотря на всю условность определения его как направления, является одновременно и реакцией на современные политические обстоятельства, которые поставили под сомнение возможность и целесообразность предварительного радикального проекта, так и сугубо теоретическими упреками марксизма со стороны социального конструктивизма. Хотя постмарксизм и не ограничивается только отстраненным теоретизированием, его политическая практика составляет отдельный предмет исследования и заслуживает дальнейшего детального рассмотрения.

Список литературы:

1. Барбарук Ю. В. Социальная теория и политические стратегии постмарксизма. М. : Книжный дом «Либроком», 2012.
2. Гарашко А. Ю. Особенности системных свойств источников права : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2013.
3. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
4. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дискурс–анализ, теория и метод / пер. А. А. Киселева. М. : Гуманитарный центр, 2008.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии / в ред. Д. Рабиновича // Карл Маркс, ЦК КП(б)У, 1936.
6. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy: towards a radical democratic politics / Ernesto Laclau, Chantal Mouffe. London : Verso, 2001.
7. Sim S. Post–marxism: an intellectual history / Stuart Sim. London : Routledge, 2000.
8. Tormey S., Townshend J. Key Thinkers: From Critical Theory to Postmarxism / Simon Tormey and Jules Townshend. London : SAGE Publications Ltd, 2006.

Алексаночкина И. О.¹,

*курсант 4 курса международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя;*

Научный руководитель:

Гарашко А. Ю.,

доцент кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНИЗМА ФЕНОМЕНА ПРАВА

Право – продукт социально-духовной деятельности людей, оно появилось и существует только благодаря человечеству. Право – тот самый инструмент, основным назначением которого является недопущение хаоса в отношениях между людьми, координация жизнедеятельности общества, создание правового поля, в рамках которого могут быть решены все вопросы без причинения вреда или с его минимизацией.

Право и человек связаны прочной нитью, они непосредственно влияют друг на друга: право формирует у человека мировоззрение, которое отражается на дальнейшем поведении индивида в обществе, а общество, в свою очередь, развиваясь и сталкиваясь с новыми проблемами, ищет способы их разрешения, тем самым генерирует новые правовые нормы или целые правовые институты. Данное явление ученые, изучающие социологию права, называют «социальной обусловленностью права», представляющей собой влияние социальных условий на жизненный цикл норм права, начиная от правотворчества (рождения норм права) и заканчивая устареванием первичной правовой клетки и ее исчезновением или трансформацией.

При изучении обусловленности права ученые придерживаются двух позиций: юридического позитивизма и юснатурализма. Первые считают, что право – некая автономная система, которая посредством саморегуляции способна решать возникающие вопросы, все внешние условия она ретранслирует на свой язык норм и тем самым оказывает опережающее воздействие на действительность. Этот взгляд не исключает того, что первоначально право было социально обусловлено и легитимировано, однако впоследствии, пройдя с человечеством не такой уж и длительный, но продуктивный путь развития, оно в состоянии самостоятельно решить все новые проблемы. Позитивистские теории базируются в первую очередь на правовых принципах и догматике, в которых, по их мнению, заключен незыблемый «социальный код права».

Представители юснатурализма рассматривают право через призму неправовых явлений прошлого и настоящего, через объективно изменяющуюся реальность. Берется за основу рецепция социального знания неправовой природы, а также результаты анализа истории права, продукты правовой деятельности и в результате складываются условия для полноценного развития учения о социальной обусловленности права. Юснатурализм выстраивает свои представления на незыблемости и априорности права, например, право на жизнь представляет

¹ © Алексаночкина И. О., 2020.

собой неотъемлемую часть правосубъектности личности, его не дарует государство, однако, оно его обеспечивает. Данное явление обусловлено тем, что государство в попытке защитить личность ограничивает свою собственную возможность распоряжаться его жизнью. В противовес можно привести смертную казнь за особо тяжкие преступления, однако на данный вид наказания в данный момент в России введен мораторий, но в некоторых странах такая практика является нормальной.

Ранее было отмечено, что правовая жизнь – часть социально-духовной сферы человека, но не стоит забывать, что человек, прежде чем стать таким, каким мы его видим сейчас, прошел тысячи лет эволюционного развития: от дриопитека до человека разумного. Как это связано с темой данной статьи? Ответ дают на это археологические исследования, в результате которых было выяснено, что древние люди жили по нормам некоего архаичного квазиправа, например, они делили добычу согласно определенной иерархии, т. е. мы можем говорить о неких обычаях (которые в современном представлении считаются одним из источников права), формировавших тысячи лет назад человеческое представление о должном поведении в группе [1; 2]. Человек – биологический вид, достигший высокого уровня интеллектуального развития. Весь период своего существования люди решают вопросы удовлетворения своих естественных потребностей. Таким образом, право находится в прямой зависимости от объективных природных факторов, от биологической природы самого человека, в том числе от коллективного характера деятельности человека, его сознания, памяти, языка. Данная мысль ярко просматривается в работах европейских мыслителей XVIII–XIX вв., когда общество стали понимать как часть природы, тем самым давая подпитку для развития юснатурализма в виде обусловленности естественного права законами природы, включая природу человека, и последние становились эталоном уже для позитивного права.

Когда речь заходит о правовой системе какого-либо государства, о факторах и причинах, ее сформировавшей, то не последнюю роль в этом занимают климатические условия. Природа – некий сосуд, вобравший в себя и общество, и то, что находится за его пределами, в том числе космос, геологические образования, флору, фауну, и просто все, что логично и «естественно».

В сочинении Ш. Л. Монтескье «О духе законов» как раз рассматривается значимость климатического фактора для права. В действительности в ней выделяются многие природные и социальные факторы правообразования [5]. Монтескье пишет, что из подобных обусловленностей образуется некий общий дух народа или менталитет, в соответствии с которым должно выстраиваться позитивное право. Не случайно, к примеру, народы Европы борются за каждый фут земли, а жители России с легкостью покидают участки в сотни гектар в восточных частях страны. А в работах Л. В. Милова доказывается прямое влияние климата на появление в России крепостного права [3; 4].

С развитием логики и юриспруденции подобная тематика предмета исследования отходит на дальний план, это связано непосредственно с тем, что право – социальное явление, поэтому оно находится в тесной взаимосвязи с другими общественными феноменами, этим в свою очередь и объясняется изменчивость права в различных обществах. Поэтому социальные факторы права объявляются основными, в пределе – к ним сводится вся система факторов пра-

вообразования, а исследование исключительно естественно-природного детерминизма права в основном выходит за рамки интересов и возможностей и социологии, и юриспруденции.

Если природа (с точки зрения естественных наук) – внешняя оболочка сферы, то общество – само содержание сферы. Мы рассматриваем социальную обусловленность права через признание зависимости между правом и общественными отношениями, индивидуальными и действиями и сознанием.

С одной стороны, социальные факторы следуют последовательно друг за другом и связаны причинно-следственными связями. Однако если мы посмотрим на процессы с точки зрения теории вероятностей, то увидим, что социальная обусловленность может зависеть от игры случайностей, этим объясняется различие форм государства по своему содержанию, ибо не существует ни одного государства, которое бы в точности смогло воспроизвести установки другого и функционировать аналогично. Невозможно найти на планете как минимум одни и те же климатические условия, территории, народы с идентичной ментальностью, общественные связи внутри общества и сотни других факторов. Каждый человек на планете уникален, похожая ситуация и с существующими на планете государствами, так как каждое событие может иметь сотни вариативных исходов, так и каждое общество может выбрать один из десятков сотен путей развития.

Таким образом, на развитие и существование права влияют общество, социальные системы, отношения, связи, ценности и институты внутри них, а также природа и даже технические достижения человечества, ставшие неотъемлемой частью современного мира. Они все оказывают свое, но только вероятностное воздействие на право. Это приводит к выводу о том, что наука не в состоянии однозначно предсказывать направление развития права. На данном этапе мы не всегда даже можем спрогнозировать, как поведет себя в обществе та или иная отдельная норма права, будут ли ее сущность и содержание соответствовать друг другу и как она претворится в жизнь, сможет ли она вообще имплементироваться в общественные отношения? В связи с этим существует огромный пласт нерешенных вопросов, связанных с прогнозированием хода развития права. Современным и будущим ученым предстоит огромная работа в области социологии и политики права, политико-правового анализа и теории государства и права в целом, дабы избавиться от ограниченности науки в области предсказания конкретного права.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю. Особенности системных свойств источников права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2013.
2. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.
3. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2006.
4. Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. – 1992. – № 4–5. – С. 37–56.
5. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999.

Чевдарь А. Р.¹,

*курсант 4 курса международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Гарашко А. Ю.,

*доцент кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЕТОДА ПОЗНАНИЯ

Правовое принуждения – это государственное принуждение, которое осуществляется в рамках действующего позитивного права. Оно выступает продуктом такого права и является некой реакцией уполномоченных органов и должностных лиц на девиантное поведение субъектов правовой жизни и применяется с использованием предусмотренных этими нормами правовых средств. При этом правовое принуждение должно быть правовым не только по форме, но и по существу, поскольку предусматривающие его законы сами должны быть правовыми.

Правовое принуждение имеет ряд разновидностей, которые могут быть выделены, во-первых, по отраслевым и, во-вторых, по функциональным признакам.

Таким образом, характер государственного принуждения заключается в том, что он нормативно определен общими принципами права, и реализуется в особых процессуальных формах. Данное направление действует с легализующей функцией, в которой используются правовые инструменты для придания политической власти законной силы. Данное осуществление легитимного принуждения при отсутствии должного противодействия может перейти в насилие, а также репрессивную функцию. Сама функция насилия непосредственно связана с восприятием нарушения права в условиях, правилах и его нормах со стороны реализации юридического института ответственности. Сущность принуждения проявляется в имманентно-принудительном характере, который реализуется в правомерном притязании на исполнение правовых обязанностей. Право как таковое является не реальностью, а теоретической конструкцией, поэтому оно предстает в виде имманентных функций, которые «перекрывают» направления действия. В итоге можно говорить о такой функции, как принудительной. Принудительная функция имманентна, она выражает природу права, следовательно, право должно рассматриваться как одна из форм принуждения.

Принуждение – это некий способ контролирования различных правовых состояний, в которые входят порядок, статус, обязанности и активизация нормативно-регулятивной системы права. Право имеет две стороны: одна сторона выражает обеспечение действий людей, которых возможно побудить конструктивной деятельности без принуждения, а другая ее сторона выражается в импе-

¹ © Чевдарь А. Р., 2020.

ративе формирования основных обязанностей и понуждения к реализации осуществленной функции для предотвращения негативных антиправовых явлений [5, с. 186–188]. Принуждение осуществляется за счет легализации (узаконение монополии на определенном основании и применение средств принуждения), формирующей (создание определенных условий, структур и связей взаимодействия субъектов права), репрессивной (радикальное устранение источника неблагоприятной ситуации уполномоченными органами), правоустанавливающей (обретение субъектом права правового положения, статуса и наделение его соответствующими правами и неразрывно связанными с ними обязанностями) функций. Данное направление действия права является зависимым от типа общества и форм права. Так, в государственном праве преобладает принуждение как действие права. Функции, которые выполняет данное право, направлены на реализацию таких вопросов, как укрепление и дисциплина государственной, трудовой и общественной жизни в целом как сложного правового феномена, а также решение задач экономического и политического характера, выявление причинных связей детерминант и результатов антиобщественных проступков как проявлений негативизма и нигилизма по отношению к действующему порядку и законодательству как силе, управляющей обществом и общественным восприятием действительности. Под юридическим правом можно подразумевать организованное принуждение, которое и понимается как политическая воля власти (в марксизме – воля господствующего класса), которая возведена в закон, а также поддерживается государством и обществом как направляющая и волевая единица правового измерения [1, с. 18–21; 2; 3, с. 15–28; 4]. Имея такую неразрывную связь с государством, понимаем, что закон выступает в роли источника и разрешительного начала принуждения, отображая его в правовой жизни как легализованное и неотъемлемое явление [5, с. 188–196]. Исходя из сказанного, можно приблизиться к реальности, если поставить вопрос о функциях права, которые системно образуются в каждой из их основных форм права. Если рассматривать государственное право, то оно предназначено для субординации общественных отношений и выражает весь свой смысл в нормотворческой, организующей, легализующей и правоопределяющей функциях. Все эти функции имеют сбалансированную связь между собой, что позволяет государственному праву оптимально обеспечивать своими средствами общественную жизнь. Если акцентировать внимание на принуждении в групповом и юридическом праве, функция, которую носит в себе юридическое право, противоположна и формализуется через репрессии, выступает как легализованная форма, ограничивая всевозможные попытки субъектов обойти право и закон. Действие права и его механизм выступают как абстракция, некая связь с его масштабными результатами. Механизм – это некий скелет, структурное деление правового «организма» на определяющие его деятельность функциональные элементы, способ перевода права в действительность, совокупное содержание права с широким спектром норм, коллизий и предусмотренных в противовес им явлений противоправного характера. Что касается результатов, то это и есть материализация действия, внедрение содержания в действительность и та цель, которая достигнута в виде формы этой реализованной функции права.

Говоря о принуждении, мы приходим к выводу, что это сила, но не удовлетворение потребностей и обещаний. Принуждение представляет собой некий властный процесс, в котором происходят различные изменения на фоне внешнего импульса.

У принуждения есть две стороны, обе из них являются динамическими, если сравнивать первичность нормирования, то в ней выступает связь реального и должного, у принуждения – властная волевая связь.

Отличие, которое имеет принуждение, – активность субъекта, который является носителем нормативного массива. Механизм принуждения является совокупностью средств контролирования и способов приведения в действие правовых состояний в нормативно-регулятивной системе права, обеспечивая то поведение, которое способно мотивировать для получения желаемого результата. Результатами принуждения могут быть наказания, санкции и ограничения.

Система контролируемого поведения механизма принуждения имеет место быть:

- в рамках государственного права – санкционированный механизм, в который входят обеспечение превентивной системы и создание системы обязываний и правомочий;

- в рамках группового права – механизм договора, который создает условия возможностей взаимных прав и обязательств для субъектов правовых отношений, проистекающих из их потребностей, притязаний и обязательств, взятых на себя каждым из них;

- в рамках международного права – механизм ограничения, который обеспечивает создание воздействия на внешний суверенитет государства;

- в рамках индивидуального права – механизм стимулирования и мотивирования, образующий устойчивую связь необходимой и индивидуальной целесообразности и ценности необходимого поведения.

Основные функции регулирования:

- Механизм репрессии – это способ необратимого решения возникшего конфликта, который разрешается за счет одной стороны правоотношений.

- Механизм легализации – это конкретизация и обеспечение связи правовых установлений с волей при помощи различных совокупностей средств и способов.

- Механизм правоустановления – это реализация устойчивого образования преимущества правоотношений одного из субъектов, который обеспечивается при помощи совокупности средств и способов обеспечиваемого обязанностями другого.

Исходя из вышесказанного, принуждение носит имманентно-обязательный и довлеющий характер. Принуждение играет контролирующую и надзорную роль за правовыми состояниями общества и отдельного индивида, приводит в действие нормативно-регулятивную систему права. В предельном воплощении оно ведет к устранению (или к несущественности) самостоятельного участия субъектов в правоотношениях и минимизации ответственности. Принуждение, с одной стороны, выражено в обеспечении таких действий людей, к которым невозможно их побудить каким-либо иным способом (т. е. не

принуждая), а, с другой стороны, оно выражено в формировании правовых императивов как основных обязанностей.

Во-первых, системообразующие функции образуют понятие глубокого смысла базовых имманентных функций, в данном случае принуждение, которое связывает с действием права. По своему отношению принуждение, а также другие базовые функции права оказываются разнообразными формами их реализации.

Во-вторых, системообразующие функции напрямую отражают природу права и характеризуют его в динамике, и отличие его от других форм организации общественной жизни.

В-третьих, системообразующие функции являются общеустановочными, у них есть один механизм – это механизм действия права, его абстрактное, но тем не менее выявляемое в каждом отдельном акте отношении действие.

Если говорить о механизме и его функции принуждения, то в рамках его реализации правосстановление и репрессия – его содержательность, которая действует как легализующая и формирующая модель упорядочения общественных отношений и процессов. Отличительность от всех других базовых направлений функций права – это акцентированность принуждения и особенности его надобности в конкретно-определенных обстановкой и временем ситуациях, в юридическом праве и групповом, индивидуальном они противоположны, в силу чего репрессивная функция в рамках юридического права формализуется (принуждению придается законная, легализованная форма).

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю. Некоторые аспекты противодействия экстремизму как одной из угроз криминальной безопасности России // Современные тенденции развития государства и права России : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Тамбов : Тамбовский филиал Московского университета МВД России, 2010.

2. Гарашко А. Ю. Особенности системных свойств источников права : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2013.

3. Гарашко А. Ю. Понятие и эволюция представлений об источниках происхождения права // В сб.: Юридическая теория и практика в истории и современной России. М., 2010.

4. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.

5. Теория государства и права / под ред. Р. А. Ромашова. СПб., 2005.

Кук Н. А.¹,

*курсант 4 курса международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Научный руководитель:

Гарашко А. Ю.,

*доцент кафедры теории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент*

ТЕОРИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И ИДЕАЛИЗМА

Правонарушение как элемент правовой жизни, по сути, характеризуется как деталь масштабного правового механизма. То есть, когда государством, должностными лицами устанавливаются нормы, правила, требования – ими всегда предполагается потенциальная опасность рефлексирования, возможность движения адресатов в противоположном направлении, так как идея нормы сама по себе, возлагаемая ею ответственность, границы должного и допустимого могут не соответствовать действительному уровню правосознания субъектов правовой жизни; их правовое мышление посредством анализа и синтеза опыта и получаемой информации будет отрицать регламентируемое и требуемое, потому станет создавать преграду на пути к реализации права, правоприменительной деятельности. Но без этого отрицания механизм права как органичная функциональная модель действительного не будет иметь смысла. Этот элемент – правовое нарушение, по сути, антагонистичен по отношению к праву, несовместим с ним, так как полностью противоположен исходному набору данных, но в то же время абсолютно имманентен последнему.

Право активно, когда видит препятствующие его воле силы, когда правовая жизнь наполняется не только идеалистическими представлениями об абсолюте права, но и негативистскими феноменами. На основании знания об активности и существовании этого элемента выясняются и упорядочиваются причинно-следственные связи между явлениями и событиями, проистекающими из правоотношений и общественных отношений в целом, уже за рамками юридического права, что расширяет область и сферы возможного возникновения нарушений с последующим переводом их на юридический язык правовой жизни.

Право по своей идее стремится к конвергенции – соотношению и соответствию того, что мы о нем говорим, с тем, что есть в действительности. Право в его созидательном, творческом контексте центростремительно и отталкивается от «истины договора» между субъектами, создающими его, и субъектами, воспринимающими и реагирующими на такое создание. Но мы понимаем, что совершенная гармоничная связь творцов и созидателей возможна лишь в пространстве идеализма.

Существующая действительность более сложна и вооружена противоречивостью, недовольством, непониманием, непринятием силы права вовсе. Как

¹ © Кук Н. А., 2020.

результат – нарушения права. Можно двигаться и от обратного, и говорить о том, что изначально с появлением человека и в дальнейшем права начал выстраиваться и механизм со всеми необходимыми элементами. И вновь в противовес требуемому возникает противоречивость, отрицание, из этого отрицания снова должное, но это должное вновь не идеально, не универсально, вероятно, малоэффективен либо вовсе не эффективно, как следствие – отрицание исходного отрицания и далее возникновение множественности вариативной сетки исходов действия права, в том числе и отрицательных.

Право зависимо от этого элемента – детали со знаком «минус» – старается обойти ее и избежать, искоренить, но в то же время бессмысленно без нее. Допущение отрицания – активизация механизма правореализации и правоинтерпретации. Нарушение права – действие механизма права на высоких уровнях, предназначенных для совершенствования правовой модели и системы в настоящем, упорядочения общественных отношений, ликвидации продуктов правонарушающей активности, но в то же время – открытие новых интенций для возникновения нарушающих нормы должного ситуаций. Отсюда – возникновение закономерностей в праве, далее – отражение их на правоотношениях посредством преобразования сложившегося момента действительности. Некое объяснение причины через причинность, концепция «для того, чтобы..., а не потому что...».

Видим в действии своеобразную модель великого круговорота, предполагающую подверженность цикличному возвращению к измененному и изменяемому с необходимостью новой корректировки. Такой подход к месту правонарушения в общем измерении права больше относим к античной идее, которая как раз и упоминает о едином связанном целом, в котором отдельное возникает и превращается из одного в другое. Право и вместе с ним правовая жизнь непрерывно движутся, все правовые явления и феномены взаимосвязаны, правонарушение не является исключением, циклично, не является конечной, замкнутой моделью.

Можно рассматривать правовое нарушение как результат, рефлекторную деятельность, реакционную силу, ответ на воздействие и влияние права в любой из его форм, ограничениям контроля не подвержена, действует с правом на равных в этом смысле. Отрицать, не соблюдать, активно, умышленно, пассивно, бессознательно предавать право нарушению может как отдельный индивид, так и группа лиц. Все зависит от внедрения права в правосознание и качественной характеристики соответствия созданного уже имеющемуся, результат деятельности правового мышления может выдать отрицающий эффект, если выдвигаемое не может быть включено индивидом в его картину правового мира, опять же, как целенаправленно и осознанно, так и бессознательно, по инерции.

Порой нарушение права – продукт правовой активности общественных отношений, правовая жизнь подвержена влиянию различных факторов, укрыться от которых лишь созданием правовых норм совершенно не в силах. Как общественные конфликты, противоречия в групповом сознании людей, так и индивидуально-психологический уровень осознания права с учетом внешних условий и возможности и способности восприятия и отражения потока правовой информации способны рушить предполагаемое правовое воздействие со

знаком «плюс» и заменять на хотя и предполагаемые, но в то же время стихийно складывающиеся и не имеющие центростремительности общественные отношения.

Правонарушение как противоречие выступает источником права, но не обыкновенным позитивным подходом, а посредством перенаправления траектории создаваемого, некий своеобразный обходной путь, который не устраивает нормальное функционирование механизма правовой жизни, который имеет своеобразное антиправовое мышление и нацелен на творение хаоса и переворот сущности правовой природы в данный исторический момент времени [1, с. 18–21; 3, с. 15–28].

Ни одна норма не возникает на пустом месте, она – результат, производный от конкретных общественных отношений, в которых могут участвовать как несколько индивидов, так и сам индивид отдельно. Реакционная составляющая заключается в создании правовой нормы, компенсирующей вред от совершенного деяния, предостережении от совершения подобных действий в будущем. Ни одна форма выражения права и нормы в ней не являются идеальными и универсальными, удавшимися сразу. Будут ошибки, пробельность, множество факторов, предполагающих различные варианты развития событий, помимо заявленного в норме. Снова противоречие – снова норма. Источником право выступает вступление в противоборство с идеализированной правовой культурой, устоявшейся в обществе, и не стоит забывать, что существует и правовая психология, которая субъективизирована, интересна личности человека больше, чем объективные нормы права, адресованные неограниченному кругу лиц и на деле не учитывают интересы конкретного человека [2].

Правонарушение – особый вид выражения права, особая сторона «правовой медали», позволяющая отделить правовое от антиправового. Противоречие, противостояние, противопоставление являет собой устоявшийся и эффективный источник права, он специфичен, но вполне справедливо и объективно отражает настоящее право в конкретном правовом времени и пространстве. Правоотношения, складывающиеся посредством совокупного единства всех явлений в праве и его феноменов, историко-культурных, экономических, политических, социальных, неюридических условий, служащих «атмосферой» возникновения этих правоотношений. Правонарушение – закономерный ответ на действительностную, функциональную характеристику права. Это некая структурная деталь механизма «снятия», о котором Г. В. Ф. Гегель рассуждал как о моменте эволюционирования, в котором интегрированы как отрицание, так и сохранение, утверждение, одобрение. Право в этой связи показывает себя с динамичной, активной стороны, потому как начинает реагировать на внутреннее отрицание его субъектами правоотношений, выразившееся в правовой реальности, тем самым искажив ее или же подвергнув стихийным изменениям – закономерный процесс негативации права, но и в то же время его сохранение. Получается, что можем рассматривать правонарушение и как реакцию на реакцию, встраивается что-то похожее на гегелевское «отрицание-отрицания».

Возникают правоотношения, право стремится их урегулировать и подчинить своей воле, подстроить под свою модель и идею жизнедеятельности и жизнеобеспечения, создает нормы, затем механизм действия права способству-

ет их введению в действительность и регулированию на различных уровнях и в различных формах. Но, как говорилось ранее, любая норма не идеальна, образует вновь и вновь новые пути ее обхода, интерпретации и применения, не всегда соответствуя предполагаемому и требуемому, но происходит это из-за разногласий этого требуемого и ожидаемого и необходимого лицам, должностным по отношению к волеобладающим субъектам права. Правонарушение-ошибка – результат внедрения права, порождает установление новых целей права, его идеологии, изменения в правовом сознании – результат противостояния права, он же – детерминанта возникновения новых правовых норм для образования новых правоотношений.

Представляется возможным рассмотреть правонарушение и как перво-причину, импульс, условие возникновения тех или иных правоотношений со всеми положительными и отрицательными последствиями. Правонарушение своеобразным методом подталкивает субъектов, наделенных силовым императивом к созданию, изменению либо же к прекращению осуществления определенных норм права. Правонарушение – категория достаточно широкая и позволяет увидеть ее проблематику и с точки зрения протиповопоставления ее не только праву в целом как масштабной теоретико-практической «Вселенной», но и правопорядку, законности, правомерному поведению как составляющих любую правовую систему и имманентных праву активных компонентов. Право упорядочено механизмом своего собственного устройства, само задает рамки необходимого, внедряя требования и правила в сознательно правовое понимание адресатов, но в то же время неотъемлемо связано с последним, потому как, по сути, проистекает из этих поведенческих и законопринимающих характеристик, закрепляя его в дальнейшем посредством юридических источников. Правонарушение здесь выступает в роли своеобразного индикатора контрправовой опасности, указывает на ошибочность и неоконченность многих моментов, находящихся под юрисдикцией права либо же еще совсем не затронутых им; показывает, в чем чаще всего выражается неудовлетворенность большинства, либо же открывает многовариативную картину восприятия права, его принципов и в первую очередь законности как основного обеспечительного элемента способности действия права, приводит вероятностную аналитическую систему нарушения требуемого в различной качественной степени. Ранее было упомянуто о правоотношениях как совокупности правового. Количественный показатель в процессе рефлексирования, а в особенности такого отрицающего, влечет перетекание его в показатель качественный, подводя итог очередному этапу правовой деятельности, в частности эффективности и перспективности правовой нормы [4].

Правонарушение может выступать и в роли стоп-сигнала от совершения противоправных деяний и действий другими субъектами права в будущем. Наглядно показывает и субъективизирует правовое нарушение, его итоги, вред, полученный и нанесенный, и позволяет окружающим проецировать данные элементы нарушения на самих себя, внедряться в их правовую психологию, влиять на модель поведения и в похожих ситуациях, и во впервые возникающих, но обладающих определенными предупредительными маркерами, кон-

струировать правовое поведение, повышающее уровень правовой культуры общества и государства.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю. Некоторые аспекты противодействия экстремизму как одной из угроз криминальной безопасности России // Современные тенденции развития государства и права России : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Тамбов : Тамбовский филиал Московского университета МВД России, 2010.

2. Гарашко А. Ю. Особенности системных свойств источников права : дис. ... канд. юрид. наук. М. : Московский университет МВД России, 2013.

3. Гарашко А. Ю. Понятие и эволюция представлений об источниках происхождения права // В сб.: Юридическая теория и практика в истории и современной России. М., 2010.

4. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.

Раков Д. А.¹,

студент 3 курса юридического института

Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

Научный руководитель:

Дихтяр А. И.,

доцент кафедры гражданского права,

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И ДИАЛЕКТИКИ В СИСТЕМЕ МЕТОДОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Рассматривая вопрос о потенциале исторического материализма и диалектики в системе методов гражданско-правовых исследований, стоит отметить, что само применение таких специфических для юридической теории методов не является как определенно неудачным, так и перспективным в рассмотрении. Такой вывод исходит из размышления о том, имеем ли мы возможность и желание менять ее характер и впоследствии подстраиваться уже под некий симбиоз научного и философского подходов к пониманию гражданско-правовых исследований [3, с. 54].

Прежде чем говорить о потенциале использования историко-материалистического и диалектического способов познания, стоит выяснить, имеют ли вообще такие способы право на существование в рамках исследования гражданско-правовых отношений, или все-таки такие методологические конструкции в силу, прежде всего, своей философской природы будут существовать лишь в форме очередной правовой фикции и не раскрывать реального положения дел в системе гражданско-правовых исследований.

Необходимо отметить, что потенциал исторического материализма откровенно превозносился в методологии общей теории права в советский период истории России. Марксистско-ленинская идеология, основанная в свою очередь на историческом материализме, как частном, и на диалектическом материализме, как целом, была главенствующей идеологией правящей коммунистической партии, тем самым проецируя свои основы и принципы понимания действительности на все сферы общественной жизни, в том числе и на гражданские правоотношения.

В настоящее время исторический материализм как некий устоявшийся догмат понимания общественной жизни сошел с главенствующих ролей, при этом имеется реальная возможность отнестись к такому подходу критически. Решая вопрос о потенциале исторического материализма в системе методов гражданско-правовых исследований, необходимо сказать о том, что применение такого метода познания гражданско-правовых отношений стоит осуществлять не всеобъемлюще, а выборочно и исключительно к отдельным видам правоотношений, поскольку действующие реалии демократического государства и

¹ © Раков Д. А., 2020.

рыночного типа экономических отношений не позволяют распространять подходы материализма на все виды гражданско-правовых отношений.

Говоря о потенциале диалектики как метода исследования гражданско-правовых отношений, первоначальным этапом является возможность ответа на вопрос, есть ли необходимость в создании новой общеправовой теории, которая будет включать в себя как научный подход к предмету гражданского права, как всей цивилистической науки, так и философский. Тем не менее, говорить о такой возможности и необходимости лишь в рамках научного сообщества не имеет никакого смысла, поскольку эта задача является не столько научно-познавательной, сколько политико-идеологической [3, с. 56].

Диалектика в цивилистической науке, на наш взгляд, обретает свое очертание, когда речь заходит о гражданском правопорядке [5, с. 100–104]. Формируемый на основе конвенционально принятых гражданско-правовых ценностей [2] правопорядок гражданского общества противопоставляет себя правопорядку государственному, но, вместе с тем, оба этих типа образуют синтетический правопорядок с помощью правовой коммуникации [1; 4, с. 69–72].

Однако диалектика как наука о наиболее общих законах развития общества, теории и мышления, опирающаяся на всесторонность исследования и изучения действительности, провозглашает принципы, на которых строится всякое познание как общей правовой теории, так и отдельных отраслевых наук. Ограничение применения диалектики в качестве некоего инструмента исследования гражданских правоотношений состоит в том, что рассматриваемые и изучаемые отношения могут быть исследованы лишь в положении движения, постоянного видоизменения и воздействия, а никак не в статике.

Таким образом, стоит сказать о том, что, говоря о потенциале исторического материализма и диалектики в системе методов гражданско-правовых исследований, первоначально стоит решить вопросы, связанные с готовностью видоизменения общей теории права с тем учетом, что необходимостью будет являться понимание не только через научный подход восприятия, но и через философский. Также стоит ответить на вопрос, существует ли возможность такого создания как с точки зрения науки, так и опираясь на политико-идеологические воззрения.

Список литературы:

1. Гарашко А. Ю., Давидов Д. С., Дубинина Е. Н. и др. Задачник по теории государства и права. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018.

2. Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М. : Норма, 2017.

3. Малахов В. П. Методологическое мышление в познании и понимании права. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018.

4. Попов В. И. Модель коммуникации федеральных, региональных и местных органов власти как фактор устойчивого развития региона // Регуляторная политика в России: проблемы теории и практики : сборник научных трудов / под ред. А. Б. Дидикина. М. : Проспект, 2019.

5. Раков К. А. К вопросу об отношении правосознания к действительному правопорядку // Актуальные проблемы юридической теории и практики. Вып. IV : сборник научных статей. М. : Граница, 2019.

Парадников П. А.¹,

курсант 1 курса 591 учебного взвода

международно-правового факультета

Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:

Клименко А. И.,

начальник кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

доктор юридических наук, доцент

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРАВУ КАК СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ

Право – это живой организм, постоянно меняющийся и обновляющийся. Право можно рассматривать как систему контроля, а также как систему ценностей. Право (как система контроля) служит регулятором межличностных отношений, оно выступает основанием разрешения споров, формирует критерии наказания нарушителей и оправдания невиновных. В наиболее общем инструментальном смысле право помогает обеспечить стране и ее народу максимально комфортный уровень жизни через обеспечение упорядоченности и предсказуемости общественных отношений.

Для успешного функционирования системы права необходимо участие граждан в его создании. Право, сформированное от имени и в интересах населения страны, обеспечивает наиболее полную реализацию потребностей и интересов граждан. Как правило, для людей свойственно стремление к удовлетворению своих потребностей. Именно исходя из потребностей человека, согласно материалистическому подходу, рождаются ценности.

Благодаря аксиологическому подходу к праву мы имеем возможность разобрать ценности наиболее углубленно. Концепт ценности является предметом оживленных дискуссий. Ценности – это вещи, обращенные к человеку. Это предметы, явления и их свойства, удовлетворяющие человеческие потребности.

Ценности, порождаемые интересами и потребностями, образуют действительное право. Если рассматривать право как систему ценностей, то его конечной целью будет само изменение социальных отношений сообразно этой действительности и достижение желанного обществом результата. Между существующим порядком вещей (реальностью) и действительностью (определяется системой действительных правовых ценностей) стоят правовые нормы. Они сближают сферы сущего и должного. Сама система права тесно переплетается со сферами сущего и ценностного – должного. В. А. Туманов справедливо пишет: «Было бы, разумеется, ошибкой отрицать или недоучитывать роль идей, идеалов, представлений в генезисе права в целом, и особенно в его развитых общественно-исторических типах» [2, с. 337]. То же можно сказать и о правовых ценностях.

¹ © Парадников П. А., 2020.

Кризис афинской демократии заставил Сократа впервые поставить вопрос, впоследствии ставший основным вопросом общей теории ценностей: «Что есть благо?». Сфера человеческих отношений – это та среда, где и рождаются ценности, рождаются посредством создания их человеком; природа, взятая сама по себе, автономно, без человека, лишена смысла и каких-либо оценок.

Человеческие потребности порождают общественные ценности, развивается право, которое, в свою очередь, создает все условия для их реализации в повседневной жизни граждан. Юридическое право государства может идти вразрез с правовыми ценностями. Такие юридические нормы, противоречащие ценностям, воспринимаются как неправовые. Если неправовые нормы начинают создавать дискомфорт и препятствуют реализации общественной воли, в государстве развивается правовой нигилизм, который способен в конечном счете вызвать политический кризис в государстве.

На практике очень трудно учесть все желания и удовлетворить общественные потребности, зачастую граждане не соглашаются с теми или иными решениями представителей государственной власти. Это порождает вероятность обесценивания юридического права, вызывает дестабилизацию привычной общественной жизни и политического устройства.

Государству необходимо учитывать в своей правовой политике право как систему ценностей, формируемых конвенционально в процессе правового дискурса на основании потребностей и интересов людей [1, с. 185]. Крайне существенно учитывать общественное мнение при издании законов, внесении корректировок в действующее законодательство.

Потребности и интересы людей формируются в рамках материальных условий их существования, и первичными (базовыми) выступают именно материальные потребности. Правовая ценность выступает функцией потребностей людей, сформированных в определенных материальных условиях, и определяющими выступают именно материальные потребности. Таков материалистический подход к правовым ценностям. Именно он дает ключ к пониманию роли права как системы ценностей в современном обществе.

Список литературы:

1. Клименко А. И. Правовые ценности современного российского общества // *Философия и психология права: современные проблемы* : сборник научных трудов / под общ. ред. В. И. Жукова; отв. ред. А. Б. Дидикин. М. : Институт государства и права РАН, 2010.

2. Туманов В. Я. *Буржуазная правовая идеология. К критике учений о праве*. М., 1971.

Климова К. А.¹,

курсант 871 учебного взвода

Института психологии служебной деятельности ОВД

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:

Кулакова Ю. Ю.,

заместитель начальника кафедры теории государства и права

Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,

кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ И ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД

Служба в органах внутренних дел имеет ряд особенностей, связанных не только со специфическими условиями работы, но и требованиями к ней. Также необходимо учитывать внутреннюю (психическую) организацию служащего. В данной статье описываются особенности правосознания и формы его деформации у сотрудников ОВД.

Внутреннее осознание сотрудником ОВД норм законодательства закладывает добросовестное отношение к исполнению обязанностей, несению службы, выполнению поставленных задач различной специфики. В данной тематике термин «правосознание» является ключевым. Правосознание сотрудника органов внутренних дел отражает правовую реальность сквозь призму должного, с позиций сложившихся в обществе принципов и норм права [3]. Правосознание – это одна из форм общественного сознания, содержание и развитие его предопределяются материальными условиями существования общества, соответственно отражает общественные отношения, которые регулируются нормами права. Исходя из специальной разносторонней подготовки сотрудников, следует выявить основные факторы, оказывающие влияние на формирование профессионального правосознания:

1. Теоретическая подготовка.

Этап подробного ознакомления и изучения сотрудниками нормативных правовых актов, регулирующих их деятельность в целом, формирование основополагающих понятий о ней.

2. Профильная правовая подготовка.

Углубленное изучение теоретических и прикладных аспектов профессии, например, оперативно-розыскная подготовка, подготовка следователей, экспертов-криминалистов, психологов служебной деятельности и так далее.

3. Служебно-прикладная физическая подготовка.

4. Огневая подготовка и тактико-специальное направление подготовки [3].

Формирование высокого уровня правосознания сотрудника полиции производится, в частности, в специализированных вузах при Министерстве внутренних дел за счет погружения поступающего «в систему», в дисциплину, через приобщение к культуре и истории Отечества, Родины, проведение патриотиче-

¹ © Климова К. А., 2020.

ских мероприятий (лекции, митинги, уроки мужества), демонстрации и формировании позитивного имиджа сотрудника полиции, формировании именно уважения к Закону своей страны и другие.

Уважение к закону – это такое отношение к правовым предписаниям, когда человек практически в своей деятельности и мотивации признает личностную ценность закона [1].

Правосознание сотрудника основывается на следующих установках:

- 1) убежден в необходимости обеспечивать права и свободы граждан;
- 2) осуждает противоправное поведение;
- 3) осознает объективную необходимость вести борьбу с правонарушениями и соблюдать правопорядок;
- 4) убежден в необходимости соблюдать законность при исполнении служебных обязанностей.

Все эти качества правосознания дают возможность сотруднику ОВД правильно ориентироваться в сложной ситуации и оперативно выбирать вариант действий. Но наравне с формированием высокого уровня правосознания существует и еще его деформация.

Авторы энциклопедии современной юридической психологии определяют деформацию правосознания, во-первых, как процесс неблагоприятного изменения правосознания индивидов, социальных групп, общества под воздействием обстоятельств оперативной служебной обстановки, экстремальных ситуаций различного рода и, во-вторых, как совокупность дефектов правосознания [5].

Дефекты правосознания выражаются в следующих формах:

1. Правовой инфантилизм предстает наиболее легкую форму деформации. Данный дефект возникает на базе недостаточно сформированных правовых установок и выражается в неточных и неполных знаниях основных нормативных актов, регламентирующих служебную деятельность.

2. Правовой идеализм – гипертрофированное представление о Законе, вера в него. Проявление такой деформации заключается в том, что сотрудник считает, что принятые законы решают все возможные проблемы общества. Сотрудник ОВД, имею эту деформацию, продемонстрирует свою неосведомленность и непонимание функций тех или иных законодательных актов или положений.

3. Правовой нигилизм представляет собой отрицание правовых норм как таковых. Отрицательное отношение к правовым постулатам, непризнание ценности права, социальной полезности права. Неспособность права защищать интересы людей в силу юридико-технических, смысловых недостатков и распространенной декларативности нормативных установлений зачастую вырабатывает отрицание, неверие в существующие правовые институты и их состоятельность даже у законопослушных граждан, для которых несовершенство правовой системы – осознанное игнорирование закона [2, с. 107].

4. Атрофия правовых чувств – это разрушение чувственно-эмоциональной сферы правосознания, когда при принятии юридически значимого решения сотрудник руководствуется не чувством законности, а прагматической

целесообразности, утрата чувства ответственности и служебного долга обуславливает пассивно-созерцательную позицию личности.

Как правило, деформированное правосознание сочетает в себе несколько различных деформаций, причем одна может стать причиной появления другой: правовой инфантилизм, некомпетентность в правовых вопросах могут повлечь за собой правовой нигилизм; правовой нигилизм может привести к перерождению правосознания в преступную форму. Поэтому подход к решению проблемы деформаций правосознания должен быть комплексным, воспитательное воздействие должно осуществляться в разных направлениях, от обычной ликвидации правовой безграмотности до формирования глубокого понимания и внутреннего согласия с ролью права в качестве важнейшего регулятора общественной жизни. Данные установки должны быть настолько прочными, чтобы возможные проблемы в правовом регулировании не смогли привести к появлению новых деформаций [4].

Список литературы:

1. Васильев В. Л. Юридическая психология : учебник. М., 1991.
2. Матевосова Е. К. Борьба с юридическим нигилизмом как условие построения правового государства // Правовая система России: современное состояние и актуальные проблемы : материалы I Всероссийской научно-практической (заочной) конференции. М., 2009.
3. Скакун О. Ф. Теория государства и права : учебник. Харьков : Консум; Ун-т внутр. дел, 2000.
4. Чернова Э. Р. Особенности деформации правосознания у сотрудников органов внутренних дел / Э. Р. Чернова // Правовое государство: теория и практика; Уфа : Изд-во Научно-исследовательского института проблем правового государства. – 2014. – № 4 (38). – С. 49–53.
5. Энциклопедия современной юридической психологии / под общ. ред. проф. А. М. Столяренко, 2002. [Электронная версия] URL: <http://determiner.ru/dictionary/993/word/deformacija-pravosoznaniija> (дата обращения 15.11.2019).